

Борис ЯКЕМЕНКО

ПЕПЕЛ над пропастью

Феномен Концентрационного мира
нацистской Германии

Война на уничтожение
ТРЕТИЙ РЕЙХ ПРОТИВ РОССИИ

Борис ЯКЕМЕНКО

ПЕПЕЛ

над пропастью

**Феномен Концентрационного
мира нацистской Германии**

Борис ЯКЕМЕНКО

ПЕПЕЛ над пропастью

**Феномен Концентрационного мира
нацистской Германии**

ЯУЗА
МОСКВА
2023

Рецензенты:

Арсланов Рафаэль Амирович. Доктор исторических наук.
Профессор Российского университета дружбы народов

Исаков Владимир Алексеевич. Доктор исторических наук. Профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Якеменко Борис Григорьевич

Я44 Пепел над пропастью. Феномен Концентрационного мира нацистской Германии и его отражение в социокультурном пространстве Европы середины — второй половины XX столетия / Борис Якеменко. — Москва : Яуза-каталог, 2023. — 512 с. (Война на уничтожение. Третий Рейх против России).

ISBN 978-5-00155-563-6

Эта книга — первое в отечественной историографии комплексное исследование феноменологии нацистских концентрационных лагерей (Концентрационного мира), как особой системы, глобально трансформировавшей всё, что оказывалось в орбите её влияния — от времени, истории и пространства до человеческой антропологии и психологии. Обнажение и одежда, пища и голод, насилие и боль, язык и молчание, страх и смерть — каждое из этих явлений занимало свое место в общей картине тотальных антропологических и психофизических деформаций человека, попавшего в пространство лагеря. Как трансформировались философия и теология «после Освенцима», почему освобождение из лагеря не давало свободы? Для всех, интересующихся историей Второй Мировой войны, социальной историей, социальной антропологией, общественной мыслью Европы середины — второй половины XX столетия.

УДК 94(4)»1939/1945»
ББК 63.3(0)62

Предисловие

В минувшем столетии европейская цивилизация пережила одну из самых страшных, если не самую страшную катастрофу в своей истории. Это была Вторая мировая война, открывшая принципиально новые стороны человеческого и бесчеловечного. Апофеозом, предельной точкой трагического опыта войны стали концентрационные лагеря нацистской Германии, превратившиеся в общеевропейскую травму, привыкание к которой не случится никогда. Сегодня этот травматический опыт требует рефлексии, осмысления, и любая попытка понять его приобретает не только научное, но и социальное, политическое, антропологическое значение.

Данная книга — это первая в отечественной историографии попытка всестороннего осмысления подобного опыта. Осмысления через быт, насилие, парадоксы лагерного бытия, наконец, через смерть, приобретающую в лагере невысказанный ранее масштаб. Главное достоинство данной работы в том, что исследование автором нацистского Концентрационного мира становится скрытым исследованием и современного социума, извлечением корней многих явлений, которые в той или иной форме продолжают существовать в социальном и культурном пространстве европейской цивилизации.

Борис Якеменко

Работа дает возможность понять, что Концентрационный мир нацистской Германии — это карта нацистского государства в размер местности, это территория чрезвычайного положения, становящегося нормой, где отменяются все законы и правила и становится возможным всё. Это территория создания «особого человека», вынесенного за пределы человеческого, способного как причинять нечеловеческие страдания, так и выдерживать их. Это место, где на противоположных полюсах сублимировалось все ужасное и все великое в человеке, место, где не было середины, где жизнь и смерть были перемешаны и теряли свои ключевые признаки, в результате чего человек мог подолгу пребывать в пространстве смерти, не умирая полностью, но и не будучи в состоянии жить.

Концентрационный мир нацистской Германии перестал существовать в 1945 году, но так и не был понят ни палачами, ни жертвами, ни тем более сторонними наблюдателями. Возможно ли вообще было понять, что произошло, кого можно считать настоящим свидетелем — автор задается и этими вопросами (проблеме и механизмам понимания произошедшего посвящена отдельная глава) и, не претендуя на исчерпывающий ответ, намечает пути возможного понимания трагического опыта лагерей и обрисовывает контуры фигуры подлинного свидетеля.

На мой взгляд, данная книга — несомненное событие в отечественной исторической науке. Ее безусловное достоинство (помимо многих уже указанных) в ее обращенности к рядовому читателю, а не к своему научному кругу, как нередко бывает сегодня. Не случайно первое издание этой работы полностью разошлось за два месяца. Любого человека эта книга заставит задуматься и о том, что происходит сегодня, и о том, что еще может произойти. Эта книга — предупреждение. Предупреждение всем, кому кажется, что всё случившееся в лагерях тогда невозможно в наши дни.

*Воронин Сергей Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Российского университета дружбы народов*

Введение

В данной работе речь пойдет о нацистских концентрационных лагерях как феномене и его отражении в социокультурном пространстве Европы середины — второй половины XX столетия. Масштаб влияния этого феномена на общественное сознание европейцев до сих пор до конца не осознан. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, в связи с чем забвение или даже оправдание худших страниц истории XX века становится инструментом влияния на социум, средством решения политических и экономических проблем, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Это делает каждую работу по данной теме особенно актуальной, тем более что интерес к нацистским концентрационным лагерям в европейской исторической науке и общественном пространстве возрастает прямо пропорционально удалению нацистских концентрационных лагерей в горизонт прошлого¹. Одним из репрезентативных показателей этого интереса является активное развитие в последние годы одного из направлений «археологии современной истории» — археологии лагерей (*Lagerarchäologie*), в рамках

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35.

которой исследуются территории бывших нацистских концентрационных лагерей¹, что дает не только новые артефакты, но нередко и существенно уточняет и даже поправляет детали и подробности воспоминаний узников.

Сегодня в европейском интеллектуальном пространстве активно идут споры по поводу исторической памяти и ее форм. В ходе этих дискуссий исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов². Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х годах, когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками.

Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти³. И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее. Если Герой вступал в конфликт с виновником случившейся трагедии, то Жертва ищет с ним компромисса, который осно-

¹ Bernbeck R., Pollock S. Archäologie der Nazi-Zeit: Diskussionen und Themen // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2; Colls S. Holocaust Archaeology: Archaeological Approaches to Landscapes of Nazi Genocide and Persecution. Journal of Conflict Archaeology 7(2), 71–105, 2012.

² Levy D., Szneider N. Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1). P. 87–106.

³ Как характерное отражение этого подхода в ноябре 2019 года начал работу сайт, представляющий собой базу жертв нацизма, содержащую более 10 млн человек. См.: <https://collections.arolsen-archives.org>.

ываается на взаимном признании истории «другого». На место зверств, которые пережили узники, после ухода всех непосредственных свидетелей трагедии приходят способность к рефлексии по поводу зверств и обмен воспоминаниями жертв и преступников. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулируют память об общем прошлом.

Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу. В этих условиях закономерно возникает несколько вопросов. В каких формах будет происходить осознание произошедшего, сохраняется ли у нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? В чем социальный и политический смысл новой культуры памяти? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности? В связи с этими и другими вопросами актуальность данной работы, в которой делаются попытки понять антропологические и ментальные деформации сознания миллионов узников Концентрационного мира, сознания, которое затем было вынесено выжившими за пределы этого мира и стало важным фактором формирования послевоенного социального сознания Европы, многократно возрастает.

Однако западноевропейская историографическая база тематики, связанной с нацистскими концентрационными лагерями, пополняется сегодня главным образом историческими и социологическими исследованиями. Они добавляют многое к уже существующей фактологической картине, но в меньшей степени затрагивают нацистские концентрационные лагеря как источник для изучения ранее не исследованных состояний человеческого сознания, государства и социума. Что касается отечественной историографии, то в ней не существует монографических исследований социальной, культурной и антро-

пологической феноменологии «Концентрационного мира»¹, и данная монография — это первая попытка подобного рода.

Концентрационный мир нацизма стал уникальным явлением, местом, где была установлена монополия на исторический процесс, носителем которого становилось тотальное государство, определявшее субъектный и устанавливавшее объектный статус тех, кто попадал в орбиту лагеря. В Концентрационном мире история уступала место мифологии, там воскрешались архаические, пралогические формы мышления и действия, упразднялись правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Их формы и разновидности становились главными маркерами категорий «населения» мира. Поэтому Концентрационный мир являлся основой, на которой строилось, в терминологии Карла Шмитта, «тотальное государство» Третьего рейха и тоталитарность как его неотъемлемая часть. Этот мир стал местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека, насильно интегрированного в это государство и способного растворяться в тоталитарности.

Идеология «обновления человека», которая владела Европой в первой четверти XX столетия и выливалась, в частности, в России в «новую биологию», «биокосмизм» и попытки вызвать «катаклизматическое» перерождение всего населения планеты, в нацистской Германии легла в основу создания Концентрационного мира — территории, где любая невозможность становилась возможностью, где рушились все прежние иерархии и строилась новая структура мира и государства. Именно

¹ Словосочетание «Концентрационный мир», вынесенное и в подзаголовки данной монографии, впервые в названии своей работы употребил в 1946 году Д. Руссе (*l'univers concentrationnaire*), и, на наш взгляд, это словосочетание наиболее точно и обобщенно передает суть рассматриваемого явления. Поэтому далее оно будет использоваться в тексте настоящей работы без кавычек.

Концентрационный мир создал несколько социальных и политических «формул», которые позволяют и сегодня понять логику действий человека и государства в условиях крушения общепринятых норм и правил. Не случайно в наши дни истории, политики, общественные деятели все чаще обращаются к истории Концентрационного мира, рассуждения о роли и месте освободителей лагерей используются как аргумент в современной политической риторике, обвинения в проповеди нацизма и реализации Холокоста звучат в адрес самых разных политических лидеров. Поэтому понимание многих процессов, происходивших в нацистских лагерях, исключительно важно для поиска ответов на вопросы, которые ставит современная политическая и социальная реальность.

Концентрационный мир стал территорией, где была сделана попытка отделить настоящее от прошлого, разрешить конфликт между прошлым, окрашенным памятью о Версале, и настоящим, пронизанным мечтами о «Тысячелетнем рейхе», в рамках не продолжения истории, а в порядке ее преодоления, то есть возбуждения в истории бессилия, отмены власти истории над жизнью и человеком. Концентрационные лагеря нацизма стали попыткой в целом перспективно выйти из кризиса западного мира, констатированного О. Шпенглером. Этот выход осуществлялся через радикальную отмену всех норм и правил, которые, как считалось, и привели к этому кризису, то есть оказались ложными. Массовое и тотальное уничтожение не только людей, но также памятников культуры и населенных пунктов (наиболее характерный пример — чешская деревня Лидице, где нацисты уничтожили все строения и вывезли их обломки, засыпали пруд, отвели реку в новое русло, разровняли дорогу, которая вела к деревне, и опустошили даже местное кладбище) создавало обширное пустое пространство на месте истории, куда предполагалось поместить мифологию.

Традиционная схема «Древний мир — Средние века — Новое время» должна была получить свое завершение в Концентрационном мире, в котором времени уже не существова-

ло, — многие узники отмечают, что у них возникало странное ощущение деформации времени, его отмены («Времени не было. Сколько времени мы простояли на ветру? Час? Один жалкий час? Шестьдесят минут?» — спрашивал Э. Визель¹), запуска механизма языческого (по Л. Альтюссеру — «невротического»²) круговращения реальности, где каждый узник, каждый эсэсовец, каждый барак при всей их внешней разности многократно воспроизводились в окружающей действительности как один и тот же «усредненный», наделенный признаками знака узник, эсэсовец и барак. Это состояние попытался воссоздать в своем девятичасовом фильме «Шоа» (1985) К. Ланцман, применив особый вид монтажа, с помощью которого свидетельства, пейзажи, персонажи все время возвращаются к некоей «точке бифуркации», которая остается неосознанной и неатрибутируемой в конкретных категориях, однако именно эта точка и формирует всю логику фильма.

Концентрационный мир был, в отличие от остального мира, характеризуемого принципиальной невозможностью завершенности, структурой завершенной, и эту завершенность закономерно утверждала смерть, занимающая основную часть метафизического и мифологического пространства концентрационного лагеря. Эта эсхатологическая завершенность легла в основу попытки переучреждения государства, фундаментом которого традиционно и ритуально становилась кровь жертв. Но, в отличие от традиционного языческого жертвоприношения, кровь не лучших, а, как считалось, худших. Кровь была самым очевидным показателем абсолютного предела борьбы, важнейшим условием, исключающим остановку или движение назад, условием, заставляющим идти только вперед, так как в противном случае осознание того, что огромные жертвы

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 74. Примечательно, что Э. Визель даже не смог вспомнить дату своего прибытия в Освенцим и считал, что оказался в лагере в апреле. Однако его лагерный номер указывает на то, что он прибыл 24 мая.

² Встреча: Мераб Мамардашвили — Луи Альтюссер. М., 2016. С. 138.

были принесены напрасно, стало бы главным стигматизатором системы и не позволило бы ей уцелеть. Кроме того, кровь являлась самым убедительным доказательством того, что развитие и утверждение системы не фикция, что поставленные задачи решаются ею на пределе собственных возможностей. Реальность крови становилась знаком реальности происходящего, только кровь имела значение, становилась безусловным фактором, в то время как все остальные факторы превращались в условности.

Выход «плохой» крови, замедление, а затем и полная остановка ее воспроизводства через массовое уничтожение людей должны были привести к очищению структуры существующей системы и стать залогом вечного существования нацистского государства. Это существование понималось не как приобретенное свойство системы, а как изначальное ее свойство, обеспечиваемое отсутствием внешних деструктивных факторов, могущих стать причиной ее гибели. То есть нацистское государство было как бы изначально явлено, существовало всегда (его проявления в своих прозрениях видели, по мнению нацистских лидеров, Ницше и Вагнер), но было погребено под спудом отживших традиций, отработанных идей, прежнего политического и экономического порядка, лишних, чужих людей.

В этих условиях главной задачей становилась тотальная «расчистка» этих наслоений, эффективность которой обуславливалась полным упразднением всех ранее существовавших моральных, идеологических, политических, антропологических границ. Второй, не менее важной задачей было не допустить любой внешней угрозы. Поэтому не имело значения, кого уничтожать: детей, стариков или солдат, — возраст и состояние жертв не принимались в расчет, речь шла не о терминах, не о категориях, а о свойствах и качествах. Еврейский или цыганский ребенок был прежде всего только евреем или только цыганом, а не ребенком. Уничтожали просто вообще евреев, цыган, русских, поляков, а не стариков и женщин; не уничтожали людей, а стирали темные пятна с безукоризненного обра-

за вечного, изначального Рейха. Такой подход, обеспеченный на практике точно выстроенным процессом дегуманизации жертв, сведенных к пронумерованным биологическим объектам, исключал упреки в жестокости и бесчеловечности, и именно поэтому нацистские преступники, такие как Адольф Эйхман, оказавшиеся на скамье подсудимых, искренне не понимали предъявляемых им обвинений.

Концентрационные лагеря обеспечили, помимо тоталитарности, абсолютную (тотальную) тотальность нацистского государства, именно в лагерях велась возгонка этой тотальности, которая пронизывала собой всё. Под тотальностью мы понимаем доведенные до предела прочности социальные и ментальные связи, обеспечивавшие изнутри (в отличие от тоталитарности, обеспечивавшей извне) слияние общества в массу. То есть масса — это следствие тотальности, это общество, сжатое до сверхвеличин, когда ментальное и даже физическое расстояние между социальными и антропологическими объектами становится сверхмалым, когда идея превращается в физиологию или даже биологию, и наоборот. И тотальность выступает главным инструментарием этой трансформации. Иллюстрацией к этому тезису являются фильмы Лени Рифеншталь и многочисленные свидетельства о физиологическом или даже сексуальном возбуждении толпы во время выступлений Гитлера.

От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы или даже под ее поверхностью¹. При этом тотальность закономерно была тем абсолютнее, чем больше людей попадало в лагеря и чем жестче было с ними обращение. Не случайно первый период истории Концентрационного мира (до 1940 года) — это лагеря для перевоспитания и исправле-

¹ *Buchenvald K.L.* Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation, 2006. P. 29.

ния (преимущественно трудовые), где заключенные сохраняли некоторые права и даже освобождались (в первые месяцы Великой Отечественной войны из лагерей освобождали даже военнопленных (белорусов, украинцев, прибалтов) — за три месяца войны освободили около 300 тысяч человек¹), и только с активным развитием событий Второй мировой войны, когда тотальность, по сути, сменяет государство, когда вместо государства возникает, в терминологии В. Страда, «метегосударство», начинается второй этап. Именно тогда создаются лагеря смерти. Концентрационные лагеря были главным и непременным условием существования этой тотальности, они были теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием этатистского самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Осью Концентрационного мира, на которой держалось все — от архитектурной формы лагерей до внутреннего распорядка, было абсолютизированное, отменяющее любую рефлексию насилие. В концентрационных лагерях насилие в ходе преодоления истории компенсаторно встало на ее место рядом с мифологией (мифология традиционно не просто сопровождается насилием — насилие есть одно из основных средств превращения истории в мифологию), став основной движущей силой государства, что подтверждает высказанный выше тезис о неотменимости лагерей в будущем. Насилие, использовавшееся нацистским государством в первый период своего существования как средство, в Концентрационном мире стало целью, сущностью нацистского государства, сменившей все формы ненасильственного принуждения, существовавшие ранее за пределами лагерей.

¹ Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017. С. 213.

Беспрецедентность насилия во многом объяснялась тем, что оно было постоянно ощущаемым следствием чрезвычайного давления государства на общество, через насилие государство предъявляло себя социуму. В результате этого давления должна была выкристаллизоваться упомянутая выше принципиально новая категория людей (как при чрезвычайном давлении графит превращается в алмаз), которая обеспечит необратимость времени. Не случайно строительство «нового человека», поиски новых физических возможностей человека, выливавшиеся в Концентрационном мире в изуверские эксперименты над людьми, пронизывают всю идеологию Третьего рейха.

При этом главным объектом этого давления были как раз не столько узники, сколько эсэсовцы, обслуга лагерей, оказавшиеся между молотом и наковальней — государством и заключенными. Именно эсэсовцы должны были стать теми самыми «новыми людьми». Государство оказывало на них административное, уставное, идеологическое давление сверху, и они в свою очередь становились «усилителями сигнала», трансформируя это давление в насилие по отношению к заключенным. Последние отвечали как активным (акты неподчинения, саботаж, обман), так и пассивным (крик, видимые мучения, проклятия) сопротивлением, то есть давили снизу. Это не делает эсэсовцев страдающей стороной, но объясняет место и роль насилия в Концентрационном мире.

В условиях, когда Третий рейх и его фюрер официальной пропагандой описывались в религиозных категориях как сбывающаяся мечта человечества о светлом, сияющем, совершенном мире¹, когда были очерчены контуры новой, квазиязыческой, парарелигиозной структуры, противопоставленной

¹ Подробный анализ религиозной риторики Третьего рейха см.: Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840; Булгаков С. Расизм и христианство // Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991; Шкаровский М. Холокост и Православная церковь. М., 2016.

не только иудаизму, но и христианству, которая должна была оформить будущее нацистское государство и создать путем отбора и воспитания человека нового типа, Концентрационный мир становился антимиром, знаком преисподней, поглощающей тех, кто выброшен из своей биографии и из бытия, краем света, за которым темнота. Это создавали и сами его организаторы. «Гауптшарфюрер Гило, гарнизонный врач, — вспоминал комендант Освенцима Рудольф Хёсс¹, — был прав сегодня, говоря, что мы здесь находимся при *apud mundi* (анальном отверстии мира)»². И если метафизической основой Третьего рейха становится квазиязычество, то концентрационные лагеря выполняют роль капищ или даже «городищ-святилищ», где день и ночь пылают жертвенные костры, на которых приносятся многотысячные жертвы идолам нового религиозного культа.

Насилие было необходимым условием формирования указанной структуры, так как оно в архаических практиках (воскрешение архаических, пралогических практик в нацистском государстве может стать темой отдельной работы) было источником священного. «Именно опыт насилия интерпретировался как нечто сверхъестественное, — говорит антрополог Р. Жирар, — потому что, когда люди спасаются через опыт коллективного насилия, они не могут думать, что они сами совершили насилие, — им приходится придумывать какую-то стоящую над ними силу. Это и есть начало религии»³. Именно в этих квазиязыческих категориях разнообразие форм насилия и убийства напрямую соотносилось с разнообразием статусов узников

¹ Здесь и далее в тексте используется написание Хёсс (нем. *Höss*) во избежание путаницы с фамилией рейхсминистра Рудольфа Гесса, однако в библиографических описаниях источников оставлен вариант написания, использовавшийся в момент их публикации. — *Примеч. авт.*

² Освенцим в глазах СС. Гесс. Брод. Кремер. Государственный музей в Освенциме, 1975. С. 202.

³ Покой убийством. Беседа Р. Жирара с А. Ритулсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017. С. 38.

и их поступков, определяло в системе место вождя и становилось структурообразующим метафизическим началом.

При этом насилие могло существовать и действовать только там, где «возможно все», то есть в пространстве невозможного, которым стал Концентрационный мир. Из этого «невозможного» вытекало кажущееся абсурдным положение, которое было точно зафиксировано Х. Арендт: «Поддерживать работу фабрик смерти было важнее, чем выиграть войну»¹. Если вспомнить, что в последние два года войны громадное количество эшелонов, вместо того чтобы использоваться для переброски войск на Восточный фронт, где ситуация была угрожающей, были задействованы для перевозки евреев в лагеря смерти, этот тезис находит убедительное подтверждение.

Экономическая целесообразность концентрационных лагерей постоянно приносилась в жертву политической необходимости и идеологическим фантомам. Ничем иным нельзя объяснить «уничтожение миллионов расовых врагов, вне зависимости от их потенциальной полезности для военной экономики Рейха»². Характерен разговор служащего конторы паровозостроительного завода Круппа в Эссене Зэлинга и представителя Германского трудового фронта (ДАФ) Приора. Зэлинг пытался убедить Приора, что узники лагерей, выделенные заводу в качестве рабочей силы, нуждаются в нормальном питании, так как иначе они будут не в состоянии работать. «Господин Приор заметил на это, что если не годится для этого один, то найдется другой, а большевики — это люди без души. Если их вымрет даже сто тысяч, то взамен мы получим другие сотни тысяч. На мое замечание, что при такой текучести мы не достигнем цели, а главное, не обеспечим локомотивами германские железные дороги, которые настаивают на сокращении сроков поставок, господин Приор ответил: поставки —

¹ Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 398.

² Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018. С. 665.

это дело второстепенное»¹. Экономика — это рациональность, объективность, имеющая понятные категории измерения, в то время как насилие направляется и подпитывается иррациональностью, оно есть порождение фантомов сознания, следствие субъективности, возведенной в абсолют, доведенной до пределов, даже если эта субъективность воплощена в рамках государственной идеологии.

Парадоксальность этого явления подтверждается, в частности, тем, что концентрационный мир как место сублимированного насилия и глобального упразднения всех гуманистических норм разросся до масштабов самостоятельного, структурированного явления с социальной и моральной стратиграфией, явления, стоящего над прежними формами культуры. По точному замечанию С. Лема, глобальность этого явления «требуется производственной базы, особых орудий производства, а значит, особых специалистов — рабочих и инженеров, сообщества профессионалов от смерти. Все это пришлось изобрести и построить на голом месте — никогда еще ничего подобного не делалось в подобных масштабах»². То есть речь идет о том, что впервые была создана многоуровневая, эшелонированная индустрия «производства смерти», где в смерть перерабатывалось все, что было накоплено человечеством, где смерти придавались самые различные формы и откуда смерть расходилась по всем явлениям человеческой жизни, обессиливая и бессмысливая их.

Именно благодаря масштабу и беспрецедентности этого явления в значительной степени был совершен поворот от прежних христианизированных форм европейской цивилизации, где смертью все завершалось, к новой секулярной цивилизационной форме, где все было направлено к бегству от смерти. Где смерть, имплицитно включаемая в жизнь в момент рождения,

¹ Цит. по: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 379.

² *Лем С.* Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.

стала постоянно ощущаться и ее преодоление требовало принципиально новых усилий и форм, что было по многим причинам уже невозможно. После короткого всплеска политической, культурной и социальной энергии 1950–1960-х годов наступил упадок, в котором стали отчетливо видны черты «цивилизации бессилия», ставшей питательной почвой для зарождения пост-модерна с его констатациями «смерти человека».

Вместе с этим Концентрационный мир стал местом, где произошел сброс традиции, что позволило допустить массовые убийства и радикально очистить структуру государства в преддверии остановки времени и полного исчерпания истории. То есть лагеря превратились в место утилизации протестных и вообще любых антисистемных настроений, знаком окончательного разделения общества на тех, кто достоин, и тех, кто обречен. Концентрационный мир стал ответом на соблазн совершить прямой скачок в будущее, проигнорировав период долгого строительства. Война и насилие в человеческой истории всегда были способом ускорения исторического времени, кардинального решения накопившихся серьезных проблем. Эти проблемы в мирное время (то есть в обычных обстоятельствах) нередко невозможно решить, но можно это сделать в чрезвычайных обстоятельствах, которые складываются в ходе войны, и они же оправдывают все военные издержки, прежде всего морального плана, согласно распространенной формуле «победителей не судят».

Именно поэтому Концентрационный мир решал сразу несколько глобальных задач. Двигал вперед некоторые отрасли экономики (причем это движение почти ничего не стоило — рабский труд был дешевле труда животных), создавал «нового человека» из эсэсовцев и тех заключенных, которые были кооптированы системой, и, наконец, «легально» уничтожал тех, кто не соответствовал новым требованиям. Таким образом, именно в концентрационных лагерях строилась новая социальная структура Рейха и деиерархизировался старый мир.

Концентрационный мир стал возможен как совокупность нескольких факторов, которые по отдельности не представляли

глобальной опасности, но сложились в систему, равной которой по степени бесчеловечности в истории не существовало. Среди этих факторов — бюрократия, техника, транспорт, средства связи. Каждый из этих факторов можно объяснить и принять, но их синхронное суммирование приводит не к пониманию явления, а наоборот: полученная сумма являет собой совершенно иррациональное явление. Связанные в единую систему, доведенную до пределов рациональности, все эти факторы привели главным образом к тому, что массовые убийства стали формальностью, совершение которой не причиняло моральных страданий исполнителям. Совпадение трех условий, по мнению Герберта С. Кельмана: насилие узаконивается, действия рутинизируются, жертвы насилия дегуманизируются¹ — имело закономерным финалом Концентрационный мир, который стал тестом на скрытые возможности современной цивилизации.

¹ Цит. по: Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 38.

Источники и историография

Историографическая и источниковедческая база темы нацистских концентрационных лагерей в целом очень обширна¹, но в задачи автора входит рассмотрение только тех ключевых работ, в которых Концентрационный мир исследуется как особое пространство «новой реальности», где анализируются причины и предпосылки генезиса феноменологии нацистских концентрационных лагерей в целом и в частности, а также развитие этих предпосылок в общем строе жизни лагерей, в питании, работе, быту, в страданиях и гибели узников.

Собственно научный интерес к концентрационным лагерям появился не сразу после Второй мировой войны. Масштаб произошедшего и степень катастрофичности случившегося были настолько ошеломляющими, что многим казалось, что эта тема вообще не может быть предметом исторической науки, тем более той науки, которая целиком находилась в рамках довоенной методологии. Поэтому первые работы на

¹ См. обзор историографии по данному вопросу: *Корнева Л.Н.* Зловещий лик нацистского Януса: историки ФРГ о системе нацистских лагерей // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 8; *Аристов С.В.* Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. 2013. Вып. 44.

эту тему были созданы бывшими узниками лагерей. Необходимо подчеркнуть, что эти нарративы были необходимы узникам не столько как исследователям, сколько как свидетелям, которые стремились к тому, чтобы их память о произошедшей трагедии обрела форму.

Впервые тема внутреннего мира узника концентрационного лагеря была затронута еще в годы войны. В 1943 году в США в *Journal of Abnormal and Social Psychology* выходят две статьи психологов, бывших заключенных нацистских концентрационных лагерей. Первая («Проблемы лагерей для интернированных» — именно так автор обозначил концентрационные лагеря¹) принадлежала авторству Курта Бонди, вторая («Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях»²) — Бруно Беттельгейма. К. Бонди, анализируя свой опыт заключения в Бухенвальде, считал главной причиной деформации внутреннего мира узников плохую еду, невыносимые условия жизни, изоляцию от внешнего мира, которым он противопоставляет (на примере группы из 20 молодых людей) способность держаться вместе и выживать за счет взаимной поддержки.

К. Бонди впервые задумался над дальнейшей участью тех, кто уже к тому времени сумел спастись из лагеря и еще будет освобожден, констатируя серьезные психические деформации выживших. Поэтому он предлагает ряд мер для психологической работы с теми, кто будет восстанавливаться после заключения, и предупреждает, что тем, кто будет заниматься восстановлением бывших узников, следует не только быть отзывчивым и терпеливым. Для достижения результата от них потребуются тщательное и всестороннее изучение последствий пребывания в лагере, которые в то время были совершенно новым явлением, а также знакомство с методами, которые

¹ *Bondy C. Problems of Internment Camps // The Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 38 (4). Oct 1943. P. 453–475.*

² *Bettelheim B. Individual and Mass Behavior in Extreme Situations // The Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 38 (4). Oct. 1943.*

применяла администрация лагерей для подавления психики заключенных.

Б. Беттельгейм, бывший заключенный концентрационных лагерей Дахау и Бухенвальд, в своей статье сделал попытку осмысления принципиально иной реальности, которую представлял собой лагерь. Одним из первых он рассмотрел человека в условиях экстремальной ситуации и выделить шаблоны поведения, возникающие в этих условиях. Именно этой работой Б. Беттельгейм указал, что Концентрационный мир может и должен рассматриваться не только как историческое событие, но как психологический феномен. Позднее данная статья станет частью базовой работы Б. Беттельгейма о концентрационных лагерях «Просвещенное сердце» (о ней далее).

В том же 1943 году увидела свет большая книга «Общество террора: внутри нацистских концентрационных лагерей Дахау и Бухенвальд»¹ Пола Нейрата, бывшего заключенного Дахау и Бухенвальда, как и Б. Беттельгейм. П. Нейрат сумел освободиться в 1939 году, бежал в Швецию и год спустя уехал в США, где начал осмыслять свой опыт заключения, что вылилось в указанную книгу, которая была защищена в качестве докторской диссертации в Колумбийском университете. Далее он становится преподавателем социологии и статистики в американских университетах и Вене и остается им вплоть до своей смерти, никогда более не возвращаясь к теме нацистских лагерей. Его книга дождалась внимания общества много десятков лет и была опубликована в полном объеме только в 2005 году благодаря усилиям К. Флека и Н. Штера, которые написали к книге предисловие.

В своей работе П. Нейрату, невзирая на все пережитое, удалось выдержать дистанцию между собой как узником и как исследователем, и это одно из главных достоинств его

¹ Neurath P. The Society of Terror: Inside the Dachau and Buchenwald Concentration Camps / Edited by Nico Stehr and Christian Fleck. Paradigm Publishers, 2005.

труда. Целью работы П. Нейрата стали изучение и анализ условий пребывания узника в лагере и попытка нащупать существование и иерархию внутренних социальных структур узников. Поскольку труд П. Нейрата стал одной из первых работ, в которых анализируется система и социум нацистского лагеря как системы, в ней отсутствует влияние поздних интерпретаций, источников и историографии, которых еще просто не существовало.

Работа П. Нейрата стала первым трудом по социологии нацистского концентрационного лагеря. Обращаясь к данной работе, необходимо учитывать одно существенное обстоятельство. Автор оказался заключенным Дахау и Бухенвальда еще до того, как они оформились в качестве лагерей уничтожения, поэтому в центре его внимания — повседневная жизнь лагеря и формы работы заключенных, а не формы уничтожения последних, как в работах, вышедших уже после окончания войны. П. Нейрат описывает процессы «дегуманизации» заключенных, начиная с момента прибытия в лагерь и заканчивая формами работы. Он внимательно рассматривает организацию и структуру повседневной работы лагеря, модели формирования групп заключенных и формы их взаимодействия. Наиболее стойкой группой, по мнению П. Нейрата, являлись «политики» (коммунисты и социалисты), у которых была внутренняя дисциплина и, поэтому они были способны к сплочению и организованным коллективным действиям в собственных интересах — разумеется, в тех рамках, в которых лагерная действительность допускала такие действия.

Автор отмечает и случаи «повседневного сопротивления» (everyday resistances) различных групп заключенных. Так, например, «политики» старались скрывать боль при получении «двадцати пяти» (двадцать пять ударов палками — рутинное наказание в Дахау и Бухенвальде), что раздражало экзекуторов. Интеллектуалы воскрешают в памяти прочитанное, обмениваются знаниями с такими же, как они, стараются обсуждать то, что удалось сохранить в памяти, то есть обеспечивают себе

«интеллектуальное выживание»¹. Задачей П. Нейрата было доказать, что распространенный уже в то время аргумент о всеобщей пассивности жертв лагерей не имеет права на существование — сопротивление системе существовало, хотя и не в тех формах, которые считаются привычными (этот вопрос также рассматривается в заключительной главе работы).

Работа П. Нейрата во многом предвосхитила дискуссии на тему о «банальности зла» в лагерях (об этом в данной работе речь пойдет в отдельной главе) и показала, что среди эсэсовцев были совершенно разные люди — от патологических личностей до совершенно безразличных, скучающих людей, которые были жестоки лишь потому, что им не хотелось отставать от своего окружения. Примечательно, что П. Нейрат не рассказывает об освобождении узников (то есть о своем освобождении), что, по мнению редакторов книги, означает, что «обсуждение концентрационных лагерей не может быть завершено»². Таким образом, уже в годы войны вышло несколько исследований, положивших начало изучению феномена Концентрационного мира. Однако для того, чтобы появились более масштабные работы, рассматривающие нацистские лагеря и их жизнь как целостное явление, война должна была закончиться.

Сразу по ее завершении вышла книга проведенного в Бухенвальде почти шесть лет философа Ойгена Когона «Государство СС», написанная в 1945 году и увидевшая свет год спустя³. В основу данного исследования легли не только личные переживания О. Когона, но также архивные документы Бухенвальда и других концентрационных лагерей. Ойген Когон, как ни парадоксально, в молодости сторонник Отмара Шпанна — идеолога фашистского австрийского ополчения «Хеймвер» и члена

¹ *Neurath P. The Society of Terror: Inside the Dachau and Buchenwald Concentration Camps / Edited by Nico Stehr and Christian Fleck. Paradigm Publishers, 2005. С. 132–133.*

² Там же. С. 301.

³ *Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1946.*

австрийской нацистской партии, сумел переосмыслить свои ранние симпатии и очень глубоко, серьезно, всесторонне проанализировать механизмы существования Концентрационного мира, его структуру, психологию узников и эсэсовцев, быт и повседневность лагерей.

В процессе работы над книгой, когда все ужасы этого мира еще были очень свежи в памяти, Когон не раз сомневался в целесообразности этой работы. «Текст находится на грани того, что дозволено нравственностью, — писал он, — поскольку с точки зрения содержания едва ли приносит какое-то благо. О бездне, по которой я скитался семь лет среди таких же, как я, немых и проклятых, лишенных даже тени человеческого достоинства, нельзя сказать ничего хорошего. Но... возможно, он сможет предостеречь Германию от повторения того же самого, а мир — от подобного. И если я хочу, чтобы данная книга достигла цели, я должен представить в ней голую правду, описать все так, как оно было, и никак иначе, без приукрашивания, выдумок *ad usum delphini* и умолчаний. Представить не частности, а всю систему... Ничто, кроме правды, не сможет нас освободить. Как христианин и политик, просто как человек я должен сделать то же, что делает врач, — он честно описывает больному его состояние, чтобы победить болезнь и предотвратить рецидив. Для меня, как для врача, не существует иных точек зрения, кроме той, которая показывает все, как есть. Но то, что есть, ужасно»¹. Для Когона, который оценивал национал-социализм с точки зрения верующего католика, Концентрационный мир был неизбежным следствием отказа Европы от христианских принципов, место которых занял всеобъемлющий нигилизм.

О. Когону важнее всего было понять, как существовала и функционировала структура СС — ядро Третьего рейха, она создавала и поддерживала существование системы концентрационных лагерей нацизма и в случае победы Гитлера стала бы

¹ *Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1946. С. 11.*

точкой сборки нового общеевропейского государства. Он подчеркивает парадоксальность и противоречивость этой структуры — безумные оргии сменялись массовыми расстрелами, люди, не имевшие даже основ общечеловеческой культуры, утопали в аристократической роскоши, часто принимавшей чрезмерный, на грани извращения, характер: так, жена руководителя одного из концентрационных лагерей принимала ванны только в шампанском. Именно эта парадоксальность и противоречивость привлекает внимание исследователя — Когон убежден, что только подробный и внимательный анализ «Государства СС» заставит немцев, которые не хотели поверить в существование Концентрационного мира, согласиться со своей долей вины в произошедшем — не случайно отдельная глава в книге («Немецкий народ и концлагеря») посвящена «взаимоотношениям» основной массы немцев и Концентрационного мира. Книга О. Когона на многие годы задала стандарт работы по генезису и общему бытованию Концентрационного мира, была переведена на несколько языков и в 1946–1947 годах продолжена публикациями Д. Руссе и Ж. Тийон, узника и узницы Бухенвальда и Равенсбрюка, которые анализировали феномен Концентрационного мира с позиций наблюдателя из Бухенвальда и Равенсбрюка¹.

Почти одновременно с работой О. Когона (в 1946 году) увидела свет работа «Психолог в концлагере»² психиатра Виктора Франкла, бывшего заключенного лагерей Освенцим, Кауфферинг III, Терезиенштадт и Тюркхайм (один из лагерей, входивших в комплекс Дахау). До войны Франкл специализировался на лечении депрессий и самоубийств в Венском университете, организовав в 1930 году специальную программу для студен-

¹ *Rousset D. The Other Kingdom. New York: Reynal and Hitchcock, 1947; Tillion G. A la recherche de la verite // Les Cahiers du Rhone. Neuchatel. 1946.* Последняя работа выдержала несколько изданий с авторскими дополнениями.

² *Frankl V. Ein Psycholog erlebt das KZ. Vienna, 1946.* Вторым изданием книга вышла в 1959 году под названием «Из лагеря смерти к экзистенциализму» (*Frankl V. From Death Camp to Existentialism: A Psychiatrist's Path to a New Therapy. Boston: Beacon Press, 1959*).

тов. Затем он открыл свою собственную практику, но после Аншлюса в 1938 году ему, как еврею, было запрещено лечить пациентов-неевреев. Он стал директором психиатрической клиники, где, рискуя жизнью, ставил ложные диагнозы, чтобы защитить пациентов от эвтаназии. В 1939 году он вместо эмиграции в США предпочел остаться в Австрии со своими родителями, и три года спустя Франкл, его родители и жена Тилли были отправлены в концлагерь Терезиенштадт. Отец Франкла умер в концлагере, мать погибла в газовой камере Освенцима, жена умерла в Берген-Бельзене незадолго до освобождения лагеря. В Тюркхайме Франкл начал тайно помогать заключенным, решившимся на самоубийство, — позднее он подчеркивал, что самым главным было научить отчаявшихся людей, что на самом деле не имеет значения, чего они ждут от жизни, — гораздо важнее то, что жизнь ожидает от них.

После освобождения Франкл вернулся в Вену, и на следующий год в течение девяти дней он надиктовал одну из самых известных своих книг. Если Б. Беттельгейм описывал свой лагерный опыт с точки зрения психолога, то В. Франкл — с точки зрения психиатра (в лагере он работал психиатром в больнице). В. Франкл в своей работе подчеркивает и описывает возможность сохранения и обретения смысла жизни даже в лагере. Данная работа стала фундаментом целого направления в психиатрии под названием «экзистенциальная терапия» и является сегодня одной из наиболее известных и читаемых работ о проблематике Концентрационного мира.

В 1947 году небольшим тиражом была издана книга бывшего заключенного Освенцима, итальянского поэта, эссеиста и прозаика Примо Леви «Человек ли это?»¹, ставшая одной из наиболее важных попыток осмысления феномена Концентрационного мира. В 1958 году работа П. Леви выдержала еще одно издание и была переведена на три европейских языка, среди которых был и немецкий. Значение этой работы в том,

¹ *Levi P. Se questo è un uomo.* Turin: De Silva, 1947.

что именно в ней в общественное сознание Европы была введена проблематика Холокоста и вместе с этим было поставлено несколько вопросов о самой возможности существования лагерей массового уничтожения, о природе и психологии тех, кто осуществлял убийства. Впервые именно у П. Леви была сделана попытка отразить все характерные детали лагерной жизни: прибытие, размещение, работу, прием пищи, голод, внутреннее сопротивление. Эта работа открыла целую серию текстов П. Леви (книг, статей, интервью), в которых в последующие годы он продолжал рассматривать отдельные аспекты бытия Концентрационного мира.

В том же 1947 году почти одновременно с книгой П. Леви увидела свет работа бывшего узника Бухенвальда, Гандерсхайма и Дахау Робера Антельма «Род человеческий»¹ (издана в Германии спустя два года). Место этой книги в интеллектуальном пространстве послевоенной Европы было очень значительно. «Одними она воспринимается как знак смерти литературы, — писал С. Фокин, — тогда как другие видят в ней симптом зарождения новой словесности»². Р. Антельм намного опередил Х. Арендт, З. Баумана и Д. Агамбена, когда утверждал, что концентрационный лагерь есть естественное продолжение существовавшего прежде порядка вещей, то есть эксплуатация человека человеком, на которой держится цивилизация, была всего лишь развита и усовершенствована в лагерях, но не является их исключительным изобретением. Лагерь есть всего лишь гипертрофированное, уродливое отражение повседневности.

Задача автора в этих условиях — противостоять забвению (здесь Р. Антельм был близок большинству тех узников, кто решил устно или на бумаге свидетельствовать о своем трагическом опыте). Пребывание в лагере привело Антельма, как и многих других, к аксиологическому кризису. «Когда мне ста-

¹ *Antelme R. L'Espèce humaine. Paris: Robert Marin, 1947.*

² *Фокин С. Варлам Шаламов и Робер Антельм: на скрещенье гуманизма // Понятие гуманизма: русский и французский опыт. М., 2006. С. 84.*

нут говорить «Бог», я буду отвечать «Дахау» — эта максима точно отражает его отношение к метафизической реальности после лагеря. В результате этого кризиса сакральное и профанное у Антельма меняются местами, то есть если для Бога нужно сохранить душу, то в Дахау нужно любой ценой сохранить тело, ускользнув от реальности лагеря. Поэтому, согласно Р. Антельму, эскапистскому мироощущению в лагере должно быть подчинено все, даже смерть. «Смерть сильнее, чем СС. СС не в силах преследовать человека после смерти... Были моменты, когда можно было покончить с собой, только чтобы продемонстрировать силу в отношении СС, представившись закрытым объектом, каким мы становимся после смерти, мертвым телом, повернувшись спиной, плюющим на их законы, уходящим к пределу»¹. Если бы Р. Антельм продолжил свидетельствовать, то его работы были бы не менее известны и имели бы не меньшее значение, чем книги П. Леви или С. Визенталя. Однако «Род человеческий» остался, как и у П. Нейрата, единственной книгой Р. Антельма.

На следующий год после выхода работ П. Леви и Р. Антельма увидела свет статья психолога, бывшего заключенного Бухенвальда Эрнста Федерна «Террор как система. Бухенвальд как он был»². Сын известного психолога П. Федерна, как он сам себя называл, «психолог от рождения», Э. Федерн, как и Б. Беттельгейм, с которым он встречался в заключении в Бухенвальде, обратил в своей статье внимание на то, как в условиях лагеря работают описанные до войны Сандором Ференци и Анной Фрейд механизмы защиты, выражающиеся в отождествлении жертвы и агрессора. Э. Федерн на основании собственных

¹ *Antelme R. L'Espèce humaine. Paris: Robert Marin, 1947. P. 45.*

² *Federn E. Terror as a System. Concentration Camp (Buchenwald as it was) // Psychiatric Quarterly Supplements. 1948. № 22. Позднее многие положения этой статьи были развиты в книге «Свидетельствующий психоанализ. Из Вены в Вену через Бухенвальд и США». См.: Federn E. Witnessing psychoanalysis. From Vienna back to Vienna via Buchenwald and the USA. London: Karnac Books, 1990.*

наблюдений подтвердил, что те защитные механизмы, которые считались ранее присущими главным образом только детям, оказались характерными и для взрослых людей, когда последние находятся в регрессивном состоянии психики. Как и Б. Беттельгейм, Э. Федерн нашел наглядное подтверждение двух важных психоаналитических гипотез: при сильном психическом напряжении человек регрессирует и развивает в себе инфантильные механизмы защиты.

В 1949 году была издана работа «Сильнейшие: свидетельство»¹ заключенного Дахау, Освенцима и Нойенгамме Г. Лангбейна. В Освенциме Лангбейн был помощником врача-эсэсовца в лазарете, регулярно встречался с Менгеле и видел то, что не было доступно обычным заключенным. После освобождения он с трудом издал указанную работу, написанную в 1947–1948 годах, после чего наступил значительный перерыв. «У моей работы был долгий подготовительный период, — пишет он, — первый набросок я сделал 30 января 1962 года, но все равно еще не был уверен в необходимости моего труда»². Подтолкнул Лангбейна к продолжению работы Франкфуртский процесс над функционерами Освенцима 1963–1965 годов, на котором он присутствовал, и после его завершения Лангбейн опубликовал двухтомный документальный отчет о процессе.

Это побудило его к написанию новой книги, и эта работа заняла почти десять лет. Лангбейн собирал источники, опрашивал выживших свидетелей, анализировал свой собственный опыт и свидетельские показания эсэсовцев на Франкфуртском процессе. Результатом стала работа «Люди в Аушвице»³, вышедшая в 1972 году. В беседе с австрийским политологом А. Пелинке он пояснил, что использование слова «люди» долж-

¹ *Langbein H. Die Stärkeren. Ein Bericht. Wien: Stern-Verlag, 1949.*

² *Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 7.*

³ *Langbein H. Menschen in Auschwitz. Wien: Europa Verlag, 1972.* Цитаты из этой книги в данной работе приводятся по английскому изданию: *Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005.*

но было показать, что он в своей работе стремится быть максимально объективным и не демонизировать даже эсэсовцев. «В своей работе, — пишет Лангбейн, — я руководствовался принципом, сформулированным Анджеем Виртом в его постскрипуме к рассказам Тадеуша Боровского об Освенциме: «Чтобы добраться до истины, говоря о массовых убийствах в XX веке, нельзя демонизировать убийц или сакрализировать жертвы. Главным предметом обвинения должна стать бесчеловечная ситуация, созданная фашистской системой»¹. Именно поэтому работа Лангбейна условно делится на две части: в первой он подробно рассматривает жизнь, быт и психологию заключенных, во второй делает попытку понять противоположную сторону — эсэсовцев и капо.

Одна из главных мыслей работы состоит в том, что настоящий Освенцим знают только его узники и больше никто, поэтому никто не сможет адекватно сопереживать выжившим, равно как и никто не сможет адекватно понять виновников произошедшего в Освенциме ужаса. Использование при описании концентрационных лагерей характерной инфернальной терминологии: «ад», «дьяволы» — свидетельствует именно о том, что происходившее в Освенциме и других лагерях находилось за пределами человеческого мира и не могло быть описано в привычных, «посюсторонних» терминах. Лангбейн одним из первых подметил абсолютную субъективность и противоречивость любого свидетельства о Концентрационном мире. «Каждый из нас хранит свои личные, крайне предвзятые воспоминания и пережил «свой» Освенцим. Жизнь человека, который всегда был голоден, заметно отличалась от жизни заключенного, имевшего работу; Освенцим 1942 года сильно отличался от Освенцима 1944 года. Каждый лагерь комплекса «Освенцим» был своим собственным миром, и именно поэтому многие выжившие в Освенциме, видя чужие свидетельства, го-

¹ *Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 8.*

воят: «Это выглядит совсем не так, как я это воспринимал» или «Это для меня новость»¹. Понимая это, Лангбейн стремился привлечь для своей работы максимальное количество свидетелей, то есть его работа имеет ценность и как собрание источников по данной теме. Таким образом, Лангбейну одному из первых удалось представить полную картину жизни и быта в лагере (причем с двух противоположных сторон), картину, претендующую на относительную объективность.

В 1954 году выходит еще одна работа, в которой делалась попытка понимания психологической природы узника в сочетании с его физическим состоянием. Она была создана бывшим заключенным Освенцима и еще нескольких лагерей Эли Ароном Козном. Книга в 1952 году была представлена в Утрехте в виде докторской диссертации, и в ее основе, как и в основе работ других узников, лежал личный пережитый опыт. Два года спустя диссертация была опубликована в виде монографии под названием «Человеческие привычки в концентрационном лагере»². В предисловии к книге Э. Козн писал: «Когда я работал над докторской диссертацией в 1952 году... все, что я пережил в концентрационных лагерях, было еще живо в моем сознании»³. Э. Козн признавал, что личный субъективизм, особенно субъективизм, вызванный условиями лагеря, может создать автору помехи, и поэтому подчеркивал, что намерен писать как можно более объективно, стараясь не делать личный опыт красной нитью исследования.

Э. Козн, находясь, очевидно, под влиянием О. Когона, также воспринимает, не дифференцируя, пространство Концентрационного мира, считая, что Освенцим отличался от других лагерей лишь тем, что в нем убийства носили массовый характер. Организм концентрационного лагеря рассматривается Э. Козном с нескольких позиций: общая ситуация, медицина (болезни

¹ Там же. *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. С. 14.

² *Kohen E.* Human Behavior in the Concentration Camp. London, 1954.

³ Там же. С. 8.

заключенных и медицинские эксперименты), психология узников и психология эсэсовцев. Говоря об общей ситуации, автор сравнивает три категории заключенных — тех, кто в лагере впервые, тех, кто уже был в лагерях, но других (трудовых, для военнопленных и т. д.), и тех, кто уже был в концентрационных лагерях. Он исследует систему иерархий, которая возникла в этих группах, и взаимовлияние этих иерархий, которые в совокупности составляли сложный мир лагеря. Опираясь на выводы О. Когона, автор рассматривает общую организацию лагерей и структуру их персонала и обсуждает формы уничтожения узников, основываясь на личных наблюдениях. В итоге автор приходит к выводу, что пропасть понимания, которая лежит между выжившими в лагерях и теми, кто никогда не был узником, невозможно преодолеть. Этот вывод станет одним из главных итогов попыток понимания Концентрационного мира не только Э. Коэном, но и многими другими непосредственными наблюдателями.

Второй раздел написан им с позиции свидетеля — лагерного врача. Подробно исследуя болезни заключенных и причины заболеваний (прежде всего хронический голод), он пришел к парадоксальному заключению, что в условиях лагеря некоторые заболевания, такие как астма, гипертония, различные невроты, переходили в стадию ремиссии. Таким образом, люди, которые, казалось бы, были обречены, наоборот, выживали. Что касается медицинских экспериментов, то здесь Э. Коэн, не будучи непосредственным их свидетелем, опирается на другие источники, в частности на материалы Нюрнбергского процесса.

Исследование психологии узников и эсэсовцев с точки зрения теории З. Фрейда приводит Э. Коэна к выводу, что эти две категории были абсолютными противоположностями. Прежде всего потому, что узники не имели авторитетных лидеров, с которыми они могли бы себя идентифицировать. В итоге потребность в самоидентификации уступает место потребности найти еду и прожить день, и возникает конфликт «эго» и «суперэго», в результате которого «суперэго» проигрывает.

У эсэсовцев, напротив, такой лидер был, благодаря чему их идентичность была сильной и суперэго доминировало над всеми другими чувствами. В итоге Э. Коэн приходит к выводу, что заключенные представляли собой толпу, почти не имевшую общественного сознания, в то время как эсэсовцы таким сознанием, причем четко выраженным, обладали. Все это являлось важнейшим фактором, лишавшим узников способности к сопротивлению. Состояние узника в лагере Э. Коэн описывает как острую деперсонализацию, которая проходила несколько этапов: от максимальной отстраненности от происходящего, восприятие происходящего как абсурда и до полной адаптации, которая выражалась в сведении своих потребностей до минимума и максимальном отдалении своего сознания от того, что творилось вокруг.

В начале 1950-х годов, несмотря на первоначальный всплеск интереса к нацистским концентрационным лагерям, их тема исчезла из европейского общественного сознания и, соответственно, историографии и вернулась только после 1960 года, когда процесс Эйхмана в Израиле вновь актуализировал сюжеты, связанные с Концентрационным миром. Поэтому закономерно следующей важной попыткой осмысления этого мира стала книга одного из самых ярких авторов, писавших о Концентрационном мире, писателя и философа Ганса Майера, известного под псевдонимом Жан Амери (анаграмма имени), — бывшего заключенного лагерей Буна-Моновиц, Бухенвальд и Берген-Бельзен. Он очень долго не хотел говорить о своем лагерном опыте. Только после процесса Эйхмана 1961 года, процесса по Освенциму в конце 1963 года и в целом в результате того, что к этому времени дискуссии о цене Второй мировой войны, вине немцев и моральных последствиях концлагерей вновь оказались в центре европейской интеллектуальной жизни, он впервые выступил с текстом о судьбах заключенных лагерей и рассказал о своем опыте. Таким образом был снят «обет молчания», и следствием этого было появление два года спустя главной работы Ж. Амери «За пределами вины

и искупления»¹, без которой сегодня не обходится ни одно исследование о Концентрационном мире и Холокосте. Помимо этой работы он стал автором еще нескольких трудов, среди которых — «Рождение современности. Формы и формирования западной цивилизации с конца войны»², «Непоучительные годы странствий»³ и др.

Все эти работы, а также тысячи статей, написанных им, подчеркивали нежелание Ж. Амери отказаться от трагического опыта своего прошлого даже в угоду современным интеллектуальным тенденциям и видеть в этом прошлом предостережение против многих тенденций в европейской мысли второй половины XX века. Последовательный противник постмодернистского тезиса о «смерти человека», Ж. Амери неоднократно подчеркивал, что в нынешних условиях, когда на смену человеку приходят знаки и коды, прошлое для него по-прежнему чрезвычайно важно. Он одним из первых послевоенных философов указал на то, что «расчеловечивание» человека в интеллектуальном пространстве Европы второй половины XX столетия ничуть не лучше нацистского *Entmenschung* и грозит теми же самыми последствиями.

Его пугала все более распространяющаяся в науке тенденция к сопоставлению в базовых позициях человека и животного, так как именно на этом сопоставлении во многом строилась нацистская машина уничтожения. Человек, указывал Ж. Амери, «в самом широком понимании этого слова — не вещь...» (восприятие человека как вещи также было характерно для лагеря), и он подчеркивал базовое различие человека и животного, которое состоит в том, что последнее существует в «окружающей среде»,

¹ *Amery J. Jenseits von Schuld und Sühne: Bewältigungsversuche eines Überwältigten.* München: Scczesny, 1966. На русском языке книга известна под названием «По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть». М., 2015.

² *Amery J. Geburt der Gegenwart. Gestalt und Gestaltungen der westlichen Zivilisation seit Kriegsende.* Walter Verlag, 1961.

³ *Amery J. Unmeisterliche Wanderjahre.* Ernst Klett Verlag, 1971.

а первый — «в мире». Животное находится «в некоторой ситуации», а человек противостоит ситуациям, и это противостояние в лагере было явлено с предельной очевидностью.

Ключевым инструментом нацизма, инструментом, который, будучи направлен против врагов, одновременно создавал и укреплял саму систему, Ж. Амери считает пытку. «Пытка не была изобретением немецкого национал-социализма, — пишет он, — но она была его апофеозом. Гитлеровец не достигал еще своей полной идентичности, если был только проворный, как белка, жесткий, как подошва, твердый, как крупновская сталь. Никакой золотой партийный значок не делал его полноценным представителем своего фюрера и его идеологии, никакой кровавый орден и никакой рыцарский крест. Он должен пытаться, уничтожать, чтобы «быть великим в безжалостности к страданиям других»¹.

Ж. Амери констатирует в своих работах тотальное одиночество заключенного, его полное бессилие. Дух «человека Просвещения», то есть европейского человека, истощается в нечеловеческих условиях лагеря и не может помочь справиться с теми испытаниями, которые переносит узник. Это бессилие духа приводит к спокойному наблюдению за страданиями других. Сопряженные с ним муки совести остаются с узником после его освобождения, статус, по точному выражению А. Ахутина, «истинного мученика неучастия», сознающего «неустранимость и незаместимость своего участия»², не дает возможности полноценно ощутить свободу. Одним из первых Ж. Амери сделал страшный для всех выживших вывод: если ты выжил, значит, за счет кого-то. Также в своих работах Ж. Амери восставал против многих упрощений и искажений, которыми грешило западноевропейское общественное мнение, когда обсуждало концентрационные лагеря.

¹ *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 78.

² *Ахутин А.* Анкета // Наше положение. Образ настоящего. М., 2000. С. 175.

В 1960 году была издана новая работа Б. Беттельгейма «Просвещенное сердце»¹. В предисловии автор признается, что начал интересоваться феноменом немецких концентрационных лагерей задолго до того, как сам оказался их узником. «Когда же это случилось, я стал интенсивно изучать лагерь изнутри»² и, как говорилось выше, стал одним из первых узников, кто проанализировал свой лагерный опыт. С самого первого дня пребывания в лагере Беттельгейм решил исследовать поведение людей в экстремальной ситуации, а поскольку ничего записывать было нельзя, он приучил себя заучивать впечатления и собственные мысли. Из совокупности впечатлений и их анализа и родилась книга. Исследуя лагерь, Б. Беттельгейм рассуждает в целом о поведении человека в нештатной ситуации, вскрывает механизмы реализации этой ситуации и рассматривает на примере лагеря взаимоотношения личности и государства в условиях тоталитаризма. Согласно автору, человек, способный сохраниться в чрезвычайно ситуации морально, способен сохраниться и физически, и наоборот. Б. Беттельгейм указывает, что для этого было необходимо. «Для выживания необходимо, невзирая ни на что, овладеть некоторой свободой действия и свободой мысли, пусть даже незначительной. Две свободы — действия и бездействия — наши самые глубокие духовные потребности, в то время как поглощение и выделение, умственная активность и отдых — наиболее глубокие физиологические потребности. Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать,

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2–6. Полностью книга на русском языке в печатной версии была издана только осенью 2021 года «Издательством редких книг» К. Потупчик. (См.: Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. Автономность человека в эпоху массовых обществ. М., 2021). Полный текст книги неизвестного переводчика также доступен в Сети. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108094&p=47>. Поскольку печатная версия книги была издана после того, как данная монография была завершена, в работе используются печатная версия из журнала и указанная электронная версия.

² Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 67.

но по своей воле (причем к духу и к телу это относится в одинаковой мере) позволяла выжить мне и таким, как я»¹.

Б. Беттельгейм подробно рассматривает все формы изменения человека в условиях лагеря: какие виды принимает самоопределение человека, как он приспосабливается к существующим условиям, как работают механизмы психологической защиты, эмоциональные связи, как выбираются «мишени для злости». Одним из первых Б. Беттельгейм на конкретных примерах рассмотрел связку «преследователь — жертва» и зафиксировал механизм взаимной демонизации в рамках этой связки. Проведя глубокий анализ генезиса и форм тоталитарного государства, Б. Беттельгейм продолжил дискуссию о тоталитаризме, начатую ученицей М. Хайдеггера, философом Ханной Арендт, заявив о «психологической притягательности тирании».

«Ясно, что чем менее мы парализованы страхом, — пишет Б. Беттельгейм, — тем больше уверены в самих себе, тем легче нам противостоять враждебному миру. И наоборот, чем меньше у нас сил и если они к тому же не подкрепляются более уважением нашей семьи, защитой и спокойствием, которые мы черпаем в собственном доме, тем менее мы способны встретить лицом к лицу опасности окружающего мира... Тирания государства подталкивает своих подданных к мысли: стань таким, каким хочет видеть тебя государство, — и ты избавишься от всех трудностей, восстановишь ощущение безопасности во внешней и внутренней жизни. Ты обретишь спокойствие и поддержку в своем доме и получишь возможность восполнять запасы эмоциональной энергии. Можно суммировать следующим образом: чем сильнее тирания, тем более деградирует ее подданный, тем притягательней для него возможность «обрести» силу через слияние с тиранией и через ее мощь восстановить свою внутреннюю целостность»².

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 74.

² Там же. С. 99.

Важной заслугой Б. Беттельгейма стала его попытка понять, как стали возможны массовые убийства и что представляет собой психология массового убийцы. Не менее важны и рассуждения автора о роли страха, производимого концлагерями и транслируемого на ту часть населения, что оставалась за пределами лагеря. Таким образом, Б. Беттельгейм на много лет невольно предвосхитил не только эксперименты А. Бомбара по выживанию в чрезвычайных условиях, но и исследования, посвященные природе страха, как, например, работу Р. Салецл¹.

В 1968 году увидела свет книга бывшего заключенного франкистского концентрационного лагеря, польского психолога, психиатра и философа Антона (Антония) Кемпинского «Освенцимские рефлексии»². В 1950-х годах он принял участие в работе по реабилитации выживших узников Освенцима — этот опыт лег в основу указанного труда, а позднее еще нескольких статей: «Anus mundi», «Кошмар», «К психопатологии сверхчеловека», «Рампа», «КЛ-синдром» и др. (все эти статьи вошли в сборник «Экзистенциальная психиатрия», вышедший на русском языке в 1998 году)³. Главной заслугой А. Кемпинского стало выявление особого состояния узника лагеря после освобождения. Это состояние исследователь назвал «КЛ-синдром (синдром концлагеря)», или «постлагерной болезнью». «Часто постлагерные последствия проявляются лишь много лет спустя после выхода из лагеря, — писал он. — Основным вопросом, однако, является вопрос о том, что среди этих разнородных болезненных последствий есть такое, что позволяет объединить их общим названием «синдром концлагеря» либо «постлагерная болезнь». Они разные и страдают разными болезнями, обусловленными пребыванием в лагере, и, однако, имеют что-то общее.

¹ Салецл Р. О страхе. М., 2015.

² Kępiński A. Refleksje oświęcimskie: rampa. Psychopatologia decyzji, «Przegląd Lekarski — Oświęcim». 1968. No. 1.

³ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998.

Именно этот факт, как представляется, явился мотивом введения первыми исследователями термина «КЛ-синдром». Этот синдром с годами становился еще более выраженным... Поэтому бывшие узники, в общем, очень чувствительны к аутентичности контактов с людьми; они лучше всего чувствуют себя среди своих, так как только с ними у них есть общий язык; к другим людям они питают определенное недоверие. Изменения личности, наблюдаемые у бывших узников, в определенной степени подобны изменениям, остающимся после психоза, особенно шизофренического типа. И те и другие после того, что пережили, как бы не могут снова вернуться на землю. Необычность их переживаний слишком велика, чтобы поместиться в диапазоне переживаний нормальной жизни¹. В своих работах А. Кемпинский касается очень широкого круга вопросов — как человек превращается в лагере в автомат, как работает структура по превращению людей в машины, особенностей психологии убийц, какие тенденции из Концентрационного мира угрожают возродиться в современности? То есть А. Кемпинский добавил очень многое к той картине общего состояния системы Концентрационного мира, психологического, ментального состояния узника, которая была создана Б. Беттельгеймом за несколько лет до этого.

В 1973 году была издана работа польской исследовательницы, социолога, бывшей узницы Освенцима Анны Павельчинской «Ценности и насилие в Аушвице»², посвященная базовым основам существования узников концентрационных лагерей. Автор работы рассматривает Освенцим как «социологическую проблему» и отмечает соблазн подойти к изучению «конкретного изолированного общества, состоящего из тех, кто подвергается насилию, и тех, кто его порождает». Но здесь возникает препятствие: «ограничившись этим, можно радикально уменьшить

¹ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 146.

² Pawełczyńska A. Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis / Trans. Catherine S. Leach. Berkeley: University of California Press, 1980.

потенциал понимания социального феномена концентрационного лагеря — феномена, которому противостоит современный западный ум, сформированный европейской гуманистической культурой, христианской этикой и идеями свободы, равенства и братства»¹. А. Павельчинская считает, что Концентрационный мир, невзирая на кажущуюся изолированность, оказал огромное влияние на Европу и ценности гуманизма.

Что касается «человеческого пространства» лагеря, то исследовательница подошла к нему с точки зрения угроз тем, кто там находился. Пребывая в условиях доминирования «агрессивного пространства», узники лишались возможности создать целостные группы, рамки которых защитили бы членов группы от внешней среды. А. Павельчинская отмечает, что отдельно взятый узник создавал важность отношений с другими заключенными, и особенно «уровень его социальных связей с другими заключенными, систему отношений, связывающих меньшие и большие группы заключенных»². Сообщества заключенных начинали создаваться по принципу самоорганизации сразу по прибытии, еще в карантине. «Пассажиры» из одного и того же транспорта образовывали небольшие стихийные группы, борющиеся за свою жизнь. На этом же этапе, когда у большинства заключенных все еще был относительный запас прочности, в группах возникали возможности самореализации для тех, кто был более активным и изобретательным. Такие члены группы могли получить лучшее спальное место (например, на досках, а не на кирпичах или земле), они могли «организовать» себе соломенную подстилку или даже одеяло, у них получалось так управлять ситуацией, чтобы им доставалась лишняя порция баланды.

Однако администрация лагерей хорошо видела и понимала эти процессы и не была заинтересована в их развитии. Поэтому конец карантина обычно совпадал с разгоном этих более или

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 130.

менее организованных групп — общую массу узников делили по баракам, рабочим бригадам, где все повторялось вновь: приходилось заново искать поддержки у новых товарищей, вновь добиваться места для сна, условий для еды и т. д. Такие ситуации повторялись регулярно (заключенных перемешивали, переводили из барака в барак, из лагеря в лагерь и т. д.) и тем самым лишали массу узников любой возможности для самоорганизации внутри себя и разрушали могущие возникнуть групповые связи. В итоге единственным «личным» пространством лагеря, по мнению исследовательницы, становились места работы заключенных (и то не все) и нары в бараках. Однако этих мест было недостаточно для формирования своей среды¹.

В указанных выше работах трудно разграничить исследователя и непосредственного наблюдателя, и в этом их безусловная ценность. То есть это источники и историография одновременно, при этом источниковая часть нередко подавляет историографическую. Необходимо констатировать, что приведенными работами в значительной степени ограничивается круг тех, кто попытался сделать пространство Концентрационного мира пространством личной, научной, философской рефлексии и, что самое главное, кому это удалось.

Отдельную группу источников и одновременно историографии (последней в меньшей степени, нежели в работах предыдущей группы авторов) составляют работы бывших узников, ставших после заключения писателями, поэтами, драматургами и создавших отдельный жанр осмысления опыта выживших в лагерях через литературу, или, по выражению В. Зебальда, занятых «процессом отыскания справедливости посредством писательства»². Говорить в целом о безусловной достоверности работ бывших узников едва ли возможно — трагический опыт всегда слишком субъективирован, у наблюдателя смещена оптика и затруднена

¹ Pawełczyńska A. Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis / Trans. Catherine S. Leach. Berkeley: University of California Press, 1980. С. 50–64.

² Зебальд В. Естественная история разрушения. М., 2015. С. 124.

способность адекватной передачи впечатлений о пережитом (к этому положению придется неоднократно возвращаться). Однако тезис о невозможности достоверности приобретает особую актуальность, когда приходится обращаться к воспоминаниям, заключенным в литературную форму.

Последняя часто становится важнее содержания, требуя соблюдения жанровых и стилистических особенностей. Поддерживая форму, автор нередко сознательно деформирует содержательность и фактологию и допускает возможность того, что в тексте появляются взаимоисключающие моменты. Последнее для литературного текста (в отличие от научного) не является проблемой. Лингвист А. Жолковский обращает внимание на наблюдение Гёте, касающееся текста «Макбета» Шекспира. Гёте подмечает противоречие в тексте: в одном месте леди Макбет бездетна, а в другом она говорит, что готова убить своих детей, лишь бы ее муж стал королем, — однако Гёте считает это не недостатком, а закономерностью. И эта закономерность объясняется им тем, что в каждом месте художественного текста должно быть самое сильное утверждение, вытекающее из логики событий¹.

В рамках концепции Лоренса Л. Лангера именно и только в рамках литературных жанров, их особенностей и стилистики свидетель может освободиться от общепринятого языка, действовать вне культурной цензуры, за границами воображения и правил изложения, отменять механизмы самооценки, зависящие от социальных и культурных стереотипов. В этой ситуации фрустрация автора возникает по умолчанию, так как он обязан предусмотреть то обстоятельство, что читатель не воспримет сказанного, но он обязан говорить, даже точно зная, что его не поймут или поймут превратно².

Таким образом, внутренняя логика отдельного сюжета нередко становится более важна, чем логика текста в целом, что

¹ Большие слова и маленькие вещи. Беседа А. Жолковского с У. Тирнсом // Rigas Laiks. Русское издание. Зима 2015/2016. С. 93.

² Langer L. L. Holocaust Testimonies: The Ruins of Memory. New Haven — London: Yale University Press, 1991.

хорошо видно по литературным произведениям, созданным бывшими узниками. Кроме того, тщательно выписанные диалоги заключенных, рассудочная, точно выверенная последовательность событий заставляют усомниться в достоверности нарратива, структура которого в целом вступает в противоречие с описанным в тексте измученным, болезненным или предсмертным состоянием автора или главных персонажей. Понимание этих особенностей жанра требует от исследователя перепроверки многих приведенных авторами фактов и тщательного их анализа, в процессе которых возможно в большей или меньшей степени освободить текст от «литературности», его автора — от образа главного персонажа или целого ряда персонажей и вычленив элементы достоверности.

Тем не менее литературные произведения бывших узников — важная и неотъемлемая часть нарратива феноменологии Концентрационного мира, нарратива, без которого многие моменты этого мира не могут быть поняты, так как нередко только литература, играющая значениями, жанрами, стилями, языком (порой на грани абсурда), является самым эффективным инструментарием, с помощью которого возможно ближе всего подойти к достоверности происходящего и ощутить сопричастность чужому травматическому опыту. Роман, повесть, рассказ становятся безусловной формой, обеспечивающей достоверность знания, то есть, минуя эти жанры, невозможно получить доступ к тому, что необходимо знать о произошедшем в лагерях.

Кроме того, литературные жанры хорошо защищают общество от стигматизации драматическим прошлым, снижают его кумулятивный эффект, позволяя отделить травматический сюжет от его носителя, преподнести указанную стигматизацию как опыт травмы вообще или как чей-то анонимный опыт, смягчая поражающий эффект, так как шокирующая правда всегда приходит не вовремя. Разумеется, не все авторы, передававшие в литературной форме лагерный опыт, стремились к рефлексии — значительная часть литературных текстов на данную

тему является беллетризованной фиксацией произошедшего. Поэтому в рамках рассматриваемой темы для нас представляют интерес только те авторы, которые сделали в своих произведениях попытку анализа и осмысления своего личного трагического опыта пребывания в концентрационном лагере.

Облеченные в литературную форму мемуары узников лагерей начинают появляться почти сразу после окончания войны. В 1945 году увидела свет книга литературных воспоминаний «Знаю палачей из Бельзена»¹ Софьи Посмыш, узницы Освенцима и Равенсбрюка, позднее филолога, писателя и драматурга. Автор в своей работе стремилась не только описать и осмыслить свой лагерный опыт как заключенной, но и поставить себя на место тех, кто охранял и истязал узников, — эсэсовцев, капо, «ауфзее-рок». Это была одна из первых попыток разобраться в психологии лагерных убийц и насильников, описать не столько физическое, биологическое, сколько ментальное противостояние двух миров лагеря: эсэсовцев и узников. В последующие годы эта тема была развита писательницей в имеющих мемуарный характер повести «Пассажирка»², вышедшей в 1962 году, и целом ряде рассказов («Каникулы на Адриатике» (1970), «Тот самый доктор М» (1981), «Христос из Освенцима» (2008) и др.).

В 1946 году в Мюнхене выходит сборник «Мы были в Освенциме»³, который стал одной из первых публикаций об этом лагере смерти. Книга была выпущена в Мюнхене издательством Анатолия Гирса, поляка, издателя с довоенным стажем, также бывшего узника Освенцима и Дахау. В книгу, которая родилась из дискуссий об опыте пребывания в кон-

¹ Posmysz Z. Znam katów z Belsen. Głos Ludu. 30.09.1945.

² Posmysz Z. Pasażerka. Czytelnik, 1962. На русском языке повесть была издана в 1964 году в «Роман-газете» (№ 18 (318)). В настоящей работе используется электронная версия повести. URL: https://royallib.com/read/posmish_zofya/passagirka.html#0.

³ Byliśmy w Oświęcimiu. 6643 Janusz Nel Siedlecki, 75817 Krysytn Olszewski, 119198 Tadeusz Borowski. (Girs Anatol) Verlag: Oficyna Warszawska na Obczyźnie. München, 1946.

центрационных лагерях, вошли 14 рассказов трех очевидцев, перед именами которых были приведены номера, под которыми они числились в Освенциме (6643 Януша Неля Седлецкого, 75817 Кристина Ольшевского и 119198 Тадеуша Боровского), хотя сами рассказы не подписаны именами авторов. Издатель книги, автор предисловия, также поставил под ним свой лагерный номер 191250. Книга стала библиографической редкостью, так как А. Гирс, не имея необходимых средств для хранения тиража, уничтожил большую его часть.

Из трех авторов книги только Т. Боровский, уже сложившийся поэт и писатель, продолжил литературную деятельность, принесшую ему широкую известность. Сборник включает четыре его рассказа: «День в Гармензе», «Пожалуйте в газовую камеру, дамы и господа», «Освенцим, наш дом» и «Люди, которые пошли дальше». Еще несколько рассказов сборника были им отредактированы. Задача авторов состояла в том, чтобы представить обществу достоверную картину произошедшего в Освенциме (отсюда лагерные номера под именами авторов и редактора), формулу жизни и смерти в нем, и она, судя по реакции читателей, была решена — сборник невозможно было достать. Не случайно рассказы Т. Боровского, вошедшие в этот сборник, впоследствии стали неотъемлемой частью нарратива, связанного с Концентрационным миром.

Спустя два года Т. Боровский выпустил две свои самые знаменитые книги «Прощание с Марией»¹ и «Каменный мир»², где в беллетристической форме отразился опыт пребывания автора в концентрационных лагерях. Автор, поставив вместо себя в центр повествования студента с тем же именем, что и он сам

¹ *Боровский Т.* Прощание с Марией; Рассказы / Пер. с пол. под ред. С. Тонконоговой; сост. С. Ларина; предисл. Т. Древновского; ил. Б. Линке. М., 1989.

² *Borowski T.* Krotka Przedmowa // *Utwory wybrane*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1991. На русском языке текст доступен в электронном варианте: *Боровский Т.* Прощание с Марией. Каменный мир. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/borovskij-tadeush/proschanie-s-mariej/13>.

(Тадек), попытался передать опыт лагеря «изнутри» максимально точно. Жесткий, насмешливый, иногда циничный язык повествования, который Т. Боровский выбрал сознательно, пытаясь нащупать новые формы языка, адекватного пережитому, нарочито беллетризованная форма рассказов нередко вызывали у читателей, привыкших видеть в воспоминаниях о нацистских лагерях трагизм и ужасы, реакцию отторжения и надолго закрепили за писателем прозвище «проклятого на земле». Многие читатели и критики, обвинявшие писателя в очернительстве, посчитали, что данными текстами Т. Боровский каялся за преступления, совершенные им за колючей проволокой Дахау и Освенцима.

Однако именно этот литературный прием позволял автору попытаться отстраниться от происходящего, оставить пространство для анализа и выводов, так как сам Т. Боровский, по воспоминаниям тех, кто его помнил в лагере, сохранял в заключении смелость, выдержку и достоинство, которые, в частности, выражались в том, что он продолжал писать стихи, — его «Песенку любви и тоски» пели в Освенциме на Рождество польские узники. Одной из своих задач Т. Боровский видел в необходимости показать сквозь трагедию нацистских концентрационных лагерей крушение всей системы западного мира. Не менее ценны в данных работах и попытки автора выяснить, что предшествовало пребыванию человека в лагере и что стало с узниками после их освобождения. То есть Т. Боровский впервые сделал попытку проанализировать психологическое состояние узника после выхода из лагеря.

В декабре 1945 года вышел в свет роман узницы Освенцима, польской писательницы Северины Шмаглевской «Дым над Биркенау»¹, который позднее выдержал множество переводов на иностранные языки. Благодаря этой книге С. Шмаглевская

¹ *Szmaglewska S. Dymy nad Birkenau. Warszawa: Czytelnik, 1945.* На русском языке книга Шмаглевской вышла единственный раз только в 1970 году (*Шмаглевская С. Дым над Биркенау / Предисл. С. Смирнова; пер. Э. Василевской. М., 1970*).

была приглашена в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс и стала единственной польской женщиной — свидетелем на этом процессе. Участие в нем позднее было отражено ею в книге «Невиновные в Нюрнберге»¹. В романе «Дым над Биркенау» С. Шмаглевская, проведенная в лагере почти три года (поэтому книга делится на три части), постаралась по личным впечатлениям и со слов свидетелей максимально подробно зафиксировать быт и бытие женщин — узниц Освенцима, а также детали пребывания в лагере узников-мужчин. Тщательная фиксация деталей делает роман С. Шмаглевской похожим на историческую хронику.

На страницах романа автор неоднократно признается, что нарисовать общую картину жизни и функционирования лагеря ей не под силу, но тем не менее данная книга стала одним из важнейших и достовернейших литературных свидетельств о Концентрационном мире. Основная интонация романа — недоумение. Недоумевают живущие в бараках: «— Скажите, — взволнованно шепчет кто-то, — почему мы не сходим с ума, глядя на все это? — А разве мы нормальные, если можем есть, спать, работать рядом с этим? Если можем говорить и даже улыбаться, когда кругом траур... Если не бросаемся на проволоку или на эсэсовцев, пусть даже с голыми руками... Может, это и есть безумие?» Недоумевает молодая еврейка из Лодзи, обреченная на гибель: «Она стоит между женщин и вся в крови, не спуская неподвижного взгляда со столба дыма. Неотвязная мысль сверлит ее мозг, и, не в силах понять происходящее, она с недоумением повторяет: — Ведь немцы — люди. И мы, евреи, тоже люди. Верно? Мы, евреи, люди, и немцы тоже люди». Недоумевает автор: «С каким странным чувством выходишь на поле, то самое поле, куда вывозят пепел. Ноги с опаской ступают по светло-серой поверхности, с которой вздымается ветром легкая пыль. Вот они люди, среди которых ты стоял на поверке

¹ *Szmaglewska S. Niewinni w Norymberdze. Warszawa: Książka i wiedza, 1972.* На русском языке книга вышла в 1988 году (*Шмаглевская С. Невинные в Нюрнберге* / Пер. Е. Гессен. М., 1988).

еще сколько месяцев тому назад, люди, которые хотели жить. Здесь, на поле, рассыпан пепел тысяч сожженных, и теперь к твоим ногам пристаёт человеческий прах»¹. С. Шмаглевской одной из первых удалось вслух произнести те вопросы, которые будут задавать сотни выживших и на которые до сих пор нет убедительного ответа.

Роман С. Шмаглевской имеет редкое для такого рода литературы достоинство — при всех драматических деталях он незмоционален и деполитизирован. С. Шмаглевской удалось избежать соблазна выразить свое личное (и не только) отвращение, презрение и ненависть к администрации лагеря и отдельным эсэсовцам. В нем нет и попыток назвать конкретно виновных в произошедшем или поразить читателя цифрами погибших и описаниями способов их умерщвления. То есть нет всего того, что обычно сильно влияет на степень достоверности и убедительности нарратива.

Роман «Невиновные в Нюрнберге» написан С. Шмаглевской уже совершенно иначе — эмоционально, местами даже зло, и количество вопросов в нем резко умножается, они становятся глобальными. Как могли обычные немцы не замечать страданий и гибели миллионов людей? Как теперь относиться к Германии? Возможно ли возмездие? Как существовать тем, кто сумел выжить? «Почему мы не стоим сегодня на бывших полях брани, вскинув кверху руки, протестуя против деспотизма безумцев? Почему мы не делаем ничего, абсолютно ничего, против буйно помешанных?» С. Шмаглевская сознает свою ответственность как свидетеля на процессе: «Мне предстоит давать показания перед Международным военным трибуналом, а за моими словами будет молчание миллионов людей, навсегда оставшихся в Освенциме»².

¹ Шмаглевская С. Дым над Биркенау / Предисл. С. Смирнова; пер. Э. Василевской. М., 1970. С. 87.

² Шмаглевская С. Невинные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988. С. 37.

В книге она возлагает большие надежды на Нюрнбергский процесс («Нюрнбергский процесс должен явиться плотиной. Чтобы больше никогда не было преступлений. Никогда. Понимаете? Никаких преступлений во всем земном шаре!»¹), но в описываемых ею разговорах с журналистами, подругой, случайными людьми чувствуется недоверие к тому, что этот процесс действительно явится финалом, что ей самой удастся что-то объяснить и доказать. «И я начинаю понимать всю бесплодность моих намерений, никто не в состоянии передать атмосферу, созданную немцами, отчаяние человека, стоящего перед постоянно разверстой могилой»². Не случайно С. Шмаглевскую разочаровало ее собственное выступление: «У меня ощущение полного провала. Я должна была предвидеть, что не справлюсь с этой задачей, это не под силу одному человеку, с этим никто не справится в одиночку»³.

Устами своей подруги она описывает, как задевают бывших узников чужие жалость и сострадание, как им хочется сделать все, чтобы печать Концентрационного мира не лежала ни на их лицах, ни на их жизни. «— В Брюсселе я встретила мужчину, который нравился мне до моего ареста... Я разыскала его в первый же день по возвращении из Освенцима. Он пришел ко мне и воскликнул: «Боже! Что они с тобой там сделали?!» Но даже если бы он ничего не сказал, я бы увидела сострадание и ужас на его лице. Этого нельзя скрыть. Он помог мне. Я ему многим обязана. Хорошее начало для старта. Но я больше не решилась встретиться с ним. Мне двадцать семь лет, и я не могла вынести чувства сострадания и жалости, которое вызываю у всех. Меня жалели все, кто меня знал... Я уехала из Брюсселя, я пошла в самый лучший косметический салон. Я решила, что никогда больше не буду бледной и изможденной. В Антверпене я познакомилась с интересными людьми, моими ровесника-

¹ Шмаглевская С. Невинные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988. С. 58.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 96.

ми. Ко мне вернулось хорошее настроение, мы даже ходили на танцы... Но во сне все это возвращалось, независимо от того, как я проводила день, как веселилась вечером. Во мне просыпался прежний ужас, ледяной страх душил меня по ночам. Но я убегу, я должна избавиться от этого кошмара»¹. Таким образом, С. Посмыш, Т. Боровский и С. Шмаглевская встали у истоков литературного осмысления феномена Концентрационного мира — позднее это осмысление было доведено до совершенства в прозе Имре Кертеса.

Венгерского писателя Имре Кертеса, бывшего узника Освенцима, единственного на сегодняшний день венгерского лауреата Нобелевской премии по литературе, называют, как он сам признавался, «писателем одной темы». «Я думаю об Освенциме всегда, о чем бы я ни думал на самом деле, — писал он, — и когда я говорю о чем угодно, я говорю в любом случае об Освенциме. Я — спирт, через которого обращается к людям дух Освенцима», — отмечал И. Кертес в «Галерном дневнике» (1992)². Самый известный роман И. Кертеса носит название «Без судьбы»³. Работать над ним И. Кертес начал только через пятнадцать лет после окончания войны, над романом он трудился десять лет, и еще пять ушло на то, чтобы добиться публикации. Однако даже после выхода роман остался практически неизвестным широкой аудитории.

Роман написан от имени альтер эго Кертеса — Дюри Кевеша, четырнадцатилетнего гимназиста, в 1944 году отправленного в Освенцим. Кертес устами Кевеша подробно описывает и анализирует происходящее в лагере. Британский литератур-

¹ Шмаглевская С. Невинные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988. С. 97.

² Kertesz I. Galley Boat-log (Galyanaplo): Excerpts // Imre Kertesz and Holocaust Literature / Eds Vasvari L. O. and Totosy de Zepetnek S. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2005. P. 67.

³ Кертес И. Без судьбы. М., 2004. В данной работе используется электронная версия книги: Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=25>.

ный критик Николас Лезард называл И. Кертеса лучшим писателем из тех, кто писал о Холокосте, и сравнивал его с Беккетом и Кафкой прежде всего потому, что проза Кертеса проникнута необычным юмором, — не случайно Н. Лезард называет его «интеллигентным Швейком»¹. Основной конфликт главного героя в книге И. Кертеса возникает между его долагерным опытом и тем, с чем ему пришлось столкнуться в лагере: «Четыре года назад в моей жизни случилось знаменательное событие: меня записали в гимназию. Мне хорошо запомнилось торжественное открытие учебного года. Запомнил я и слова директора... В завершение своей речи, помню, он привел слова какого-то античного мудреца: *Non scolae sed vitae discimus*, то есть «Не для школы учимся, а для жизни». Но раз так, размышляя, то нас должны были бы с начала и до конца учить Освенциму. Еще в гимназии нам должны были все объяснить, открыто, честно, доступно»².

В своем романе И. Кертес точно обозначил все основные черты быта лагеря, а также проблему понимания между выжившим узником и теми, кому он пытался рассказать о своем лагерном опыте. Название романа отсылает к главному конфликту между узником и реальностью лагеря: судьба, по мнению И. Кертеса, — это то, что человек выбирает для себя самостоятельно. Однако в лагере человек был вынужден жить навязанной извне жизнью, то есть в рамках чужой, коллективной судьбы, и его главной задачей становилось вернуть себе собственную судьбу.

Следующий роман И. Кертеса, «Фиаско»³ (1988), посвящен чрезвычайно важной теме — ассимиляции бывших узников в послевоенном мире. Примечательно, что главный герой кни-

¹ Fiasco by Imre Kertész — review. Nicholas Lezard enjoys a comedy of errors. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jun/02/fiasco-imre-kertesz-review>.

² Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=25>.

³ Kertesz I. Fiasco. Melville House, 2013.

ги, Старик, пытающийся написать книгу, никак не может начать ее писать, что довольно точно передает состояние узника, пытающегося создать нарратив о своем лагерном опыте. На это же указывает и античный образ Сизифа: пытаться рассказать о пережитом — это сизифов труд, дурная бесконечность, бег по кругу, подстегиваемый равнодушной или ничего не понимающей аудиторией. Темы лагеря и постлагерной жизни раскрываются писателем и в произведениях «Кадиш по нерожденному ребенку»¹ (1990), «Самоликвидация»² (2003). Если в первых двух романах И. Кертес проанализировал устройство двух тоталитарных систем, с которыми ему пришлось лично столкнуться, то в двух других он разбирается в своих отношениях с жизнью как таковой. «Кадиш по нерожденному ребенку» (1990) — развернутый ответ женщине, которая спрашивает у повествователя, не завести ли им ребенка. Отрицательный ответ, который она получает, кладет конец их браку, но открывает внутренний монолог, в котором повествователь сам себе объясняет, почему он не может взять на себя ответственность за новую жизнь в мире, где случился — и остался непонятым — Освенцим.

В середине 1950-х годов увидела свет работа опять же бывшего заключенного Освенцима, американского и французского писателя, журналиста, общественного деятеля, будущего лауреата Нобелевской премии мира Эли Визеля. В 1956 году в Аргентине на идише (Э. Визель писал на нескольких языках) вышла его первая книга «И мир молчал»³, которая больше известна в сокращенном варианте как «Ночь» (первое издание на французском языке было опубликовано в 1958 году)⁴. Книга

¹ Кертес И. Кадиш по нерожденному ребенку / Пер. Ю. Гусева. М., 2003.

² Кертес И. Самоликвидация / Пер. Ю. Гусева. М., 2005.

³ Wiesel E. Un di Velt Hot Geshvign. Buenos Aires, 1956.

⁴ Wiesel E. La Nuit. Paris: Les Editions De Minuit, 1958. На русском языке впервые книга вышла только в 1989 году в издательстве «Яир» имени Авраама Штерна. В данной работе используется издание: Визель Э. Ночь. М., 2017.

была переведена на 18 языков и стала началом трилогии — еще две книги носили названия «Рассвет» и «День»¹. Эти книги донесли до целого поколения читателей по всему миру образ катастрофы, которая произошла в Концентрационном мире. На сегодняшний день «Ночь» издана более чем на 30 языках, всего же Э. Визель — автор более сорока художественных книг.

В трилогии (и прежде всего в «Ночи») Э. Визель сделал попытку осмысления не только самого пребывания в лагере, но и всех тех обстоятельств, которые привели к нему. Одной из главных линий «Ночи» становится разочарование в Боге, который допустил концентрационные лагеря и мирится с тем, что там происходит. «Повесить подростка на глазах у тысяч зрителей было делом непростым. Комендант лагеря прочел приговор. Все взгляды были прикованы к ребенку... Трое приговоренных вместе встали на табуреты. На три шеи одновременно накинули петли. — Да здравствует свобода! — крикнули двое взрослых. А мальчик молчал. — Где же Бог, где Он? — спросил кто-то позади меня. По знаку коменданта опрокинулись три табурета. Во всем лагере наступила полная тишина... Потом мы опять шли мимо повешенных. Оба взрослых уже были мертвы. Их раздувшиеся синие языки вывалились наружу. Но третья веревка еще дергалась: мальчик, слишком легкий, был еще жив... Я услышал, как позади меня тот же человек спросил: — Да где же Бог? И голос внутри меня ответил: — Где Он? Да вот же Он — Его повесили на этой виселице...»²

В то же время, когда создавались данные работы, продолжал пополняться круг собственно источников по жизни и быту концентрационных лагерей. В 1950–1960-х годах начинает выходить ряд воспоминаний бывших узников нацистских концентрационных лагерей, и этот процесс продолжается до настоящего времени³, однако лишь немногие авторы мемуаров

¹ Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М., 1993.

² Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 106–107.

³ Сегодня объем этих источников уже огромен. Библиотека «Яд Вашем», крупнейшее в мире собрание опубликованных материалов о Холо-

делают попытки подробного осмысления произошедшего. Среди таких авторов — В. Гоби¹, К. Живульская², Людо ван Экхаут³, О. Ленгель⁴ и другие, их воспоминания легли в основу как некоторых указанных выше работ, так и последующих исследований темы. Все эти работы сыграли очень большое значение прежде всего для тех тысяч выживших узников, которые свидетельствовали о пережитом только устно и тем самым создавали неатрибутируемое в литературных или научных категориях пространство нарратива. Устным свидетельствам большинству слушателей трудно было поверить, и указанные выше работы фактом своего издания служили заверявшим устное свидетельство «официальным документом», на который всегда можно было сослаться.

В целом как таковая историографическая традиция, связанная с темой нацистских концентрационных лагерей, окончательно сформировалась на Западе лишь к 1980-м годам. Это было связано со сменой поколения свидетелей на поколение, условно говоря, их «наследников», которые могли усвоить прошлое не как собственный опыт, а только лишь как метафору пережитого другими трагического опыта. Это вызвало в Западной Германии волну так называемой литературы об отцах, когда «наследники» умерших и чаще всего молчавших свидетелей стремились запоздало вступить в диалог с ушедшими, чтобы прояснить то, что оставалось непроясненным при жиз-

косте, содержит 167 000 названий на 64 языках, и это собрание еще не завершено. URL: <http://db.yadvashem.org/library/search.html?language=ru>. Очевидно, если суммировать все опубликованные в настоящее время воспоминания о нацистских концентрационных лагерях, то их общий объем будет значительно больше.

¹ Гоби В. Детская комната. Харьков — Белгород, 2016.

² Живульская К. Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.

³ Экхаут Л. ван. Молчать нельзя. Это было в Дахау. М., 1976.

⁴ Lengyel O. Five Chimneys: A woman Survivor's True Story of Auschwitz. London, 1984. Первое издание вышло во Франции в 1946 году под названием «Souvenirs de l'au-delà» (Memoirs from the Beyond).

ни. Еще одной причиной стали рассеивание эмоционального фона вокруг данной темы, активно идущие дискуссии о Второй мировой войне и роли Германии в истории Европы, о типологии и формах исторической памяти.

Немалую роль в формировании указанной традиции также сыграл кинематограф, в частности имевший большую популярность и получивший ряд премий американский мини-сериал «Холокост» (1978, реж. М. Чомски), который посмотрело в ФРГ 20 миллионов человек. Под впечатлением, которое он произвел на общество, бундестаг в 1979 году принял решение утвердить закон о нераспространении срока давности на нацистские преступления. Именно в это время многие мемориальные комплексы, сложившиеся на месте бывших концентрационных лагерей (такие как, например, Заксенхаузен, Бухенвальд, Освенцим, Дахау), превращаются в научные центры, ведущие масштабную исследовательскую работу, выпускающие собственные исследования и даже периодические издания, как, например, ежегодный международный научный журнал¹. В свою очередь, «поколение свидетелей», к которому принадлежали указанные выше авторы, в это время уже уходит либо добавляет только незначительные детали к картине, написанной ранее, уступая место поколению исследователей, для которых Концентрационный мир был именно объектом науки, а не пространством рефлексии.

В 1990-х годах вышел один из наиболее важных трудов по социологии и философии концентрационных лагерей — «Порядок террора»², принадлежащий социологу Вольфгангу Софски. Автор описывает концентрационный лагерь как вершину того, что он называет «абсолютной властью». Для него абсолютная власть — это не тирания и не деспотизм, а совершенно новое состояние власти, когда она не ставит своей целью подчинение

¹ *Dachauer Hefte (DH)*. Studien und Dokumente zur Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager.

² *Sofsky W.* The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

социума или решение каких-то иных задач, а является самоцелью для самой себя. В этих условиях «абсолютная власть не отказывается от насилия, но освобождает его от всех запретов и препятствий, усиливая его своей организацией»¹. В. Софски подробно рассматривает структурные компоненты этого самоорганизующегося насилия (террора), которое неизбежно приводит к физическому вымиранию нации и экономической катастрофе.

В. Софски подробно разъясняет, каким образом неконтролируемый террор и обычное насилие уничтожили в нацистской Германии личную идентичность и социальную солидарность, превратив человеческий труд в непрекращающиеся пытки и дав толчок к массовым убийствам. В результате повседневная жизнь превратилась в перманентную борьбу за выживание. В этих условиях концентрационный лагерь оказался микрокосмом государства, его рельефной моделью. Заключенные лагерей воспринимали место своего пребывания как «охлажденную террором колонию на дальнем конце социального мира». Важной особенностью «порядка террора», по мнению В. Софски, является то, что организованный террор создает социальные ситуации, в которых самые разные люди сознательно и бессознательно, активно и пассивно вовлечены в него. Абсолютная власть непременно нацелена на создание таких социальных ситуаций, так как только в их рамках действующие механизмы власти способны сломить сопротивление, унижить людей, разрушить социальные связи или уничтожить человека. Такая власть создает тотальный контроль не с целью дисциплинирования социума, а для нагнетания подозрительности и усиления жестокости. Важным выводом В. Софски является положение, что одним из главных итогов организованного террора становится разрушение границы между преступным и необходимым действием².

¹ *Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1997. С. 17.*

² Там же. С. 14–17.

Что касается непосредственно системы нацистских концентрационных лагерей, то, по мнению В. Софски, лагерь находился не в системе линейной временной координаты с началом и концом, а двигался по кругу, когда все явления лагерной жизни постоянно повторялись. Лагеря были организованы таким образом, чтобы уничтожить индивидуальность и достоинство заключенных прежде всего тем, что значительная часть той деятельности, которой были заняты заключенные, не имела смысла¹. Социальная жизнь лагеря была подчинена абсолютному контролю, осуществляемому строго определенной иерархией охранников, служащих и функционеров. Для поддержания системы в рабочем состоянии и создания атмосферы постоянного страха и паники нацисты изобрели комплекс произвольных наказаний в отношении заключенных, которые применялись ко всем подряд без различия степени вины.

Именно эта система наказаний, которой невозможно было избежать по определению, по мнению В. Софски, легла в основу абсолютной власти в лагерях, которая в свою очередь побуждала систему наказаний к дальнейшему развитию. Состояние постоянной неопределенности, в котором находились узники, приводило к формированию легко подвергающейся манипуляциям массы заключенных, которые становились чрезвычайно уязвимы, — любое воздействие власти на массу заключенных или на того или иного узника в отдельности имело фатальные последствия. Таким образом, апофеоз власти выражался в лагерях в том, что этой власти были полностью подчинены не только души, но и тела подданных².

Подход В. Софски, который воспринимал систему лагерей как целостное явление, не разделяя его на этапы становления и отдельные локусы, связанные с теми или иными лагерями, особенно близок автору данной работы. В. Софски увел тему

¹ *Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1997. С. 167–174.*

² Там же. С. 129–222.

лагерей с чисто исторической дороги в область историко-философскую и историко-психологическую, что способствовало иному пониманию очень многих моментов в жизни концентрационного мира (работа, быт, селекции, уничтожение), которые раньше были формализованы или не затрагивались вообще.

Через несколько лет после выхода работы В. Софски, в 1995 году, в связи с полувековым юбилеем окончания Второй мировой войны, в Германии прошел масштабный международный симпозиум, материалы которого составили два тома¹. Авторы статей из многих стран Европы и за ее пределами рассмотрели Концентрационный мир с самых разных сторон, начиная от генезиса и развития системы, истории лагерей на Востоке, проблем «неполитических» узников, то есть заключенных определенной национальности, «маршей смерти» и заканчивая разнообразными формами функционала. Сборник материалов симпозиума стал показателем уровня современного состояния изучения темы концентрационных лагерей. Этот уровень В. Софски в заключительной статье оценил невысоко, считая, что пока что исследователи темы Концентрационного мира не смогли обобщить огромный имеющийся материал и продолжают оставаться в рамках изучения отдельных лагерей.

Понадобилось более двадцати лет для того, чтобы этот материал в общем и целом был обобщен в недавно переведенной на русский язык работе Николауса Дэниэла Вахсмана «КЛ. История нацистских концлагерей»². Эта масштабная, беспрецедентная по проработанному материалу книга подводит итог целому периоду в изучении нацистских концентрационных лагерей и, очевидно, еще долго не будет превзойдена. Однако это именно история лагерей, которая полезна для рассматри-

¹ Die nationalsozialistischen Konzentrationslager — Entwicklung und Struktur. 2. Bd. Göttingen: 1998, 1192 s. ; *Herbert U., Orth K., Dieckmann Ch.* Das nationalsozialistische Lager. Geschichte, Erinnerung, Forschung / Hrsg. Herbert U. u.a.

² *Вахман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017.*

ваемой здесь темы только как систематизированное собрание большого количества источников.

В отечественной историографии впервые тема нацистских концентрационных лагерей была поднята писателем и публицистом Василием Гроссманом в очерке «Треблинский ад» (автор очерка был в числе первых советских корреспондентов, вошедших на территорию освобожденных советскими войсками концентрационных лагерей Майданек и Треблинка), а также поэтом, писателем и военным корреспондентом Константином Симоновым. Описать увиденное в Майданеке было поручено последнему¹, а очерк В. Гроссмана вышел в 1944 году в ноябрьском номере журнала «Знамя»² и в следующем году был издан малоформатной, около 60 страниц, брошюрой³, которая использовалась на Нюрнбергском процессе в качестве обвинительного документа. До этого в СССР несколько лет (с 1942 года) тема нацистских концентрационных лагерей затрагивалась только в периодической печати⁴.

¹ Очерк К. Симонова «Лагерь уничтожения» был опубликован в трех номерах «Красной звезды» (№ 189–191, 10–12 августа 1944 г.). В том же году указанный очерк, как и в случае с очерком В. Гроссмана, вышел отдельной брошюрой (См.: *Симонов К.М. Лагерь уничтожения*. М., 1944).

² *Гроссман В. Треблинский ад // Знамя*. 1944. № 11.

³ *Гроссман В. Треблинский ад*. М., 1945. Одновременно эта брошюра была издана в Вене (См.: *Grossmann W. Die Hölle von Treblinka*. Verlag: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1945), а спустя два года вошла в сборник произведений Гроссмана «Годы войны». М., 1947.

⁴ Фашистский лагерь смерти в Бергене // *Красная звезда*. 05.08.1942; Пленники немецких концлагерей // *Красная звезда*. 13.12.1942. Но очень активно тема концентрационных лагерей в периодической печати стала освещаться начиная со второй половины 1944 года, когда началось освобождение западных районов СССР, а также сопредельных стран. См.: *Горбатов Б. Лагерь на Майданеке // Правда*. № 192. 11 августа 1944 г.; *Помни Майданек, воин Красной армии! // Красная звезда*. № 221. 16 сентября 1944 г.; *Мщение и смерть гитлеровским мерзавцам! // Красная звезда*. № 302. 23 декабря 1944 г.; *О чем говорит Люблинский лагерь уничтожения // Красная звезда*. № 191. 12 августа 1944 г.; *Чудовищные преступления германского правительства в Освенциме // Правда*. № 109. 7 мая 1945 г.; *Кровь 1.500.000 убитых на Майданеке вопиет о мщении! // Известия*. № 221. 16 сентября 1944 г.; *Возмездия кары немцам-душегубам! // Сталинский*

В своем очерке В. Гроссман впервые попытался передать психологическое самоощущение человека, обреченного на смерть, но пытающегося отогнать от себя мысль о невозможности спасения. Автор точно указывает этапы десоциализации узников на пути к гибели (раздевание, сдача имущества, ценностей, насилие), резкие, ошеломляющие контрасты: евреи и граждане различных европейских государств, сами приезжающие в Треблицку в спальнях вагонах по купленным билетам, великолепной архитектуры здание с газовыми камерами, внешний облик которого восхищал обреченных на смерть цыган, дети, утешающие перед смертью своих родителей. В. Гроссман впервые попытался понять психологию убийц, считая одной из ее фундаментальных основ любовь к порядку и регламенту, доведенную до пределов абсурда. Очерк «Треблинский ад» на долгое время стал едва ли не самым заметным произведением В. Гроссмана. Тогда же, в конце войны, вместе с писателем И. Эренбургом Гроссман стал составлять и редактировать «Черную книгу» о массовом истреблении советских евреев в нацистских концентрационных лагерях и других местах уничтожения. Была сделана верстка, но в 1948 году набор книги был рассыпан, и позднее по уцелевшей рукописи «Черная книга» была опубликована в Израиле, США и других странах¹. Брошюра В. Гроссмана стала толчком к формированию отечественной историографической базы феноменологии Концентрационного мира.

Очерк К. Симонова представлял собой описание внутреннего устройства Майданека, небольшое собрание свидетельств

удар. 22 апреля 1944 г.; Милецкий Я. Лагерь смерти // Красная звезда. № 134. 7 июня 1944 г.; Красильщик С., Александров Р. Фабрика смерти в Собибуре // Сокол Родины. Газета 6-й воздушной армии. 16, 19 августа 1944 г.; Халемский Н., Васильев П. Массовая «Душегубка» // Сталинский удар. 23 марта 1944 г.; Расследование немецких зверств в Освенциме // Красная звезда. № 81. 6 апреля 1945 г. и др.

¹ На русском языке «Черная книга» впервые вышла в Израиле в 1980 году. В России она была издана только в 2015-м. См.: Эренбург И.Г., Алигер (Зейлигер) М.И., Гроссман В.С. Черная книга. М., 2015.

очевидцев и несколько фотографий лагеря. Поскольку сразу после освобождения лагеря невозможно было проверить данные, которые оказались в распоряжении автора, в книгу К. Симонова попали яркие, но недостоверные детали, как, например, история одного из погибших узников лагеря, который представился премьер-министром Франции Леоном Блюмом и сообщил перед смертью, что сознательно выбрал арест и заключение в лагерь, чтобы «разделить судьбу своего народа». В действительности Леон Блюм находился в заключении не в Майданеке, а в Бухенвальде, где выжил, после чего вернулся во Францию, вошел во временное правительство де Голля, а затем на короткое время даже возглавил государство и правительство. Родной брат Леона, Рене Блюм, действительно погиб в концентрационном лагере, но опять же не в Майданеке, а в Освенциме. В целом же К. Симонов в своем очерке стремился не столько к пониманию, осмыслению произошедшего, сколько к описанию, фиксации случившегося, и в этом отношении работа К. Симонова существенно уступает очерку В. Гроссмана.

В декабре 1944 года из печати выходит небольшая, изданная политическим управлением Ленинградского фронта брошюра о концентрационном лагере Клога на территории Эстонии¹. Лагерь, в котором массово уничтожались заключенные, был освобожден советскими войсками настолько быстро, что эсэсовцы не успели уничтожить тела жертв. В брошюре были подробно зафиксированы состояние лагеря на момент освобождения и те следы геноцида, которые застали освободители.

В 1944 или начале 1945 года журналисты и писатели В. Каверин и П. Антокольский встретились с некоторыми участниками восстания в лагере смерти Собибор и руководителем этого восстания А. Печерским, который познакомил их со своей рукописью воспоминаний о восстании². В результате

¹ Клога. Чудовищные злодеяния гитлеровских захватчиков в концентрационном лагере у станции Клога Эстонской ССР. Л., 1944.

² Сванидзе Н., Васильев И. Собибор. Возвращение подвига Александра Печерского. М., 2018. С. 51.

в апрельском номере журнала «Знамя» за 1945 год вышел их очерк «Восстание в Собибуре»¹, вошедший позднее в «Черную книгу». Этот очерк стал одной из первых масштабных публикаций о Собиборе. Однако авторы очерка почти не касаются внутренней жизни заключенных лагеря и ее особенностей, почти целиком сосредоточиваясь только на подробностях восстания.

В январе 1945 года, буквально через несколько дней после освобождения Освенцима, в лагере побывал писатель Борис Полевой. Он побеседовал с узниками лагеря, сторонними свидетелями и впечатления от увиденного и услышанного изложил через несколько дней в четырехстраничной докладной записке начальнику политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Ф.В. Яшечкину², а в феврале 1945 года — в статье «Комбинат смерти в Освенциме»³ в газете «Правда». В апреле 1946 года (сразу после допроса Нюрнбергским трибуналом коменданта Освенцима Р. Хёсса — писатель присутствовал на процессе) Полевой написал статью «Дымы Освенцима», предназначенную для отдела печати Великобритании Совинформбюро⁴. В ней он соединил впечатления от лагеря и от допроса его коменданта. Он называл Освенцим «вершиной изуверской фашистской фантазии, описывал газовые камеры, места массовых расстрелов, псарни, вещевые склады и даже явился свидетелем последних минут бельгийского искусствоведа Ж. Пернаса — умирающий успел сказать перед смертью несколько слов, прося об отмщении. Б. Полевой отмечает «страшную обыденность» коменданта Освенцима Р. Хёсса

¹ Каверин В., Антокольский П. Восстание в Собибуре // Знамя. 1945. № 4.

² Докладная записка военного корреспондента газеты «Правда» подполковника Б. Полевого начальнику политуправления 1-го Украинского фронта о лагере Освенцим от 29 января 1945 года. URL: https://stat.mil.ru/winner_may/parad/his_docs/more.htm?id=20176@cmsPhotoGallery.

³ Полевой Б. Комбинат смерти в Освенциме // Правда. № 28. 2 февраля 1945 г.

⁴ Полевой Б. Я вспомнил дымы Освенцима. URL: <https://nuremberg.media/ochevidcy/20210415/153392/Ya-vspomnil-dymy-Osventsima.html>.

и точно подмечает отношение последнего к лагерю: «Страшные дымы Освенцима, по его мнению, были ничем не хуже, чем дым любой другой фабрики или завода, работавших на потребу фашистского рейха» (много лет спустя сходство промышленной фабрики и Освенцима подробно рассмотрит З. Бауман в одной из своих работ). К сожалению, данная статья по неизвестным причинам так и не увидела свет и была извлечена из архивов Министерства обороны РФ и опубликована только в 2015 году.

Судя по всему, такого рода материалы, как указанная статья, по каким-то существенным причинам с большим трудом находили дорогу к читателю. «Сейчас я записываю, — писал Б. Полевой, — все это (впечатления от войны в целом и Нюрнбергского процесса в частности. — *Б.Я.*) без особой надежды когда-либо опубликовать, ибо все попытки напечатать мои дневники в журналах или книгой до сих пор не удавались. Кроме нескольких клочков о Великолущкой операции, которые дал «Октябрь», все так и лежат дома до лучших времен, и я не знаю, настанут ли они когда-нибудь, эти «лучшие времена». Пусть все эти мои записи послужат хотя бы первичным сырьем для какого-нибудь будущего Льва Толстого, который в близком, а вернее всего в отдаленном будущем, когда утихнут бушующие страсти, будет восстанавливать полную картину Второй мировой войны»¹.

Б. Полевой имел в виду новую книгу, которую он начал писать сразу по итогам Нюрнбергского процесса в 1946–1947 годах, но по указанным причинам смог закончить ее только через два десятилетия, в 1967—1968 годах, а выпустить в свет — еще через год. Это книга «В конце концов. Нюрнбергские дневники», в подробностях, очень эмоционально описывавшая Нюрнбергский процесс, его фигурантов, а также два концентрационных лагеря — Дахау и Освенцим, — в которых побывал автор².

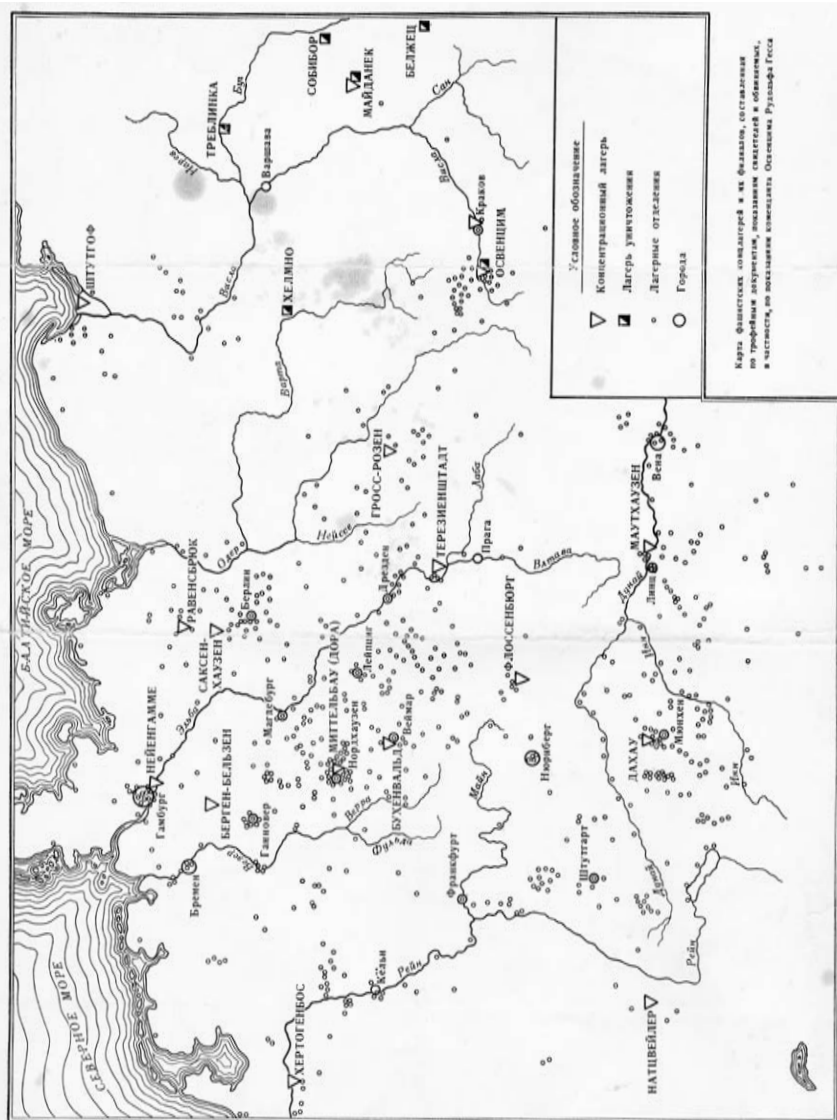
¹ Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/polevoy3/02.html>.

² Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. М., 1969.

Б. Полевой в этой книге делает попытку понять психологию массового убийцы, причины геноцида, состояние узников, формы существования последних и методы их уничтожения. Книга, невзирая на некоторые незначительные ошибки¹, ценна очень многим, в частности тем, что в ней есть документальные свидетельства производства в концентрационных лагерях изделий из человеческой кожи и мыла из человеческого жира — факт, многими ставящийся до сих пор под сомнение. Таким образом, эти очерки и статьи о лагерях Трешлинке, Майданеке, Собиборе и Освенциме, созданные не историками, а писателями, положили начало советской историографии Концентрационного мира.

В целом ключевой особенностью отечественной историографии данной темы прежде всего была ее чрезвычайная, по сравнению с историографией зарубежной, ограниченность по охвату проблемы и масштабу ее осмысления. Существенной причиной этого стала та политическая ситуация, которая определяла все стороны жизни общества во второй половине 1940-х — конце 1980-х годов. «О концлагерях скоро забыли. Помнить ни к чему: надо восстанавливать народное хозяйство... В газетах и журналах о концлагерях не упоминали, книги на эту тему не выходили. Кинематография тоже обходила сто-

¹ Б. Полевой так описывает процесс уничтожения людей в газовых камерах Дахау: «Вновь прибывшие входили в просторный зал — камера хранения. Тут принимали чемоданы, узлы, рюкзаки, взамен выдавали аккуратные стальные номерки. Дальше была раздевалка и снова такой же аккуратный номерок. И кусок мыла». После уничтожения людей «специальные люди собирают стальные номерки, куски мыла. Их сдают обратно для следующей партии» (Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/polevoy3/02.html>). На самом деле людям, предназначенным для уничтожения сразу после прибытия в лагерь смерти, не делали татуировок с номером и не давали никаких других «носителей» номера, так как учет таких людей не предполагался. Поэтому узники лагерей точно знали: если номер не присвоен, то, значит, человек обречен. У тех же, кому номер был присвоен и кого отправляли в газовые камеры уже из лагеря через какое-то время, перед отправкой номера на любых «носителях» изымались, а с одежды снимались. В газовые камеры люди входили совершенно обнаженными, без каких-либо вещей или предметов.

Карта концлагерей и их филиалов, составленная по трофейным документам и показаниям свидетелей

роной: война дала столько героического материала для сценариев — до концлагерей ли тут?»¹ — писал Д. Левинский.

Однако это не единственная причина. До середины 1950-х годов эта тема не могла существовать в пространстве советской науки еще и потому, что заключенные нацистских концлагерей (как погибшие, так и выжившие) считались изменниками Родины. После 1956 года, когда в результате XX съезда КПСС многие темы в науке и литературе стали открытыми, данная проблематика по-прежнему не привлекала внимания исследователей — не случайно вторым после очерка Гроссмана послевоенным произведением, посвященным судьбе узников нацистских концентрационных лагерей, стал не научный труд, а рассказ писателя М. Шолохова «Судьба человека», опубликованный в периодической печати в конце 1956 — начале 1957 года².

Прежде всего это происходило потому, что «сохранение памяти о Великой Отечественной войне было делом партии... делом государства, что ни в коей мере не исключало влияния инициативных групп, в частности союза ветеранов, хотя решающие шаги всегда предпринимались партийными и государственными инстанциями»³. Формируемая партией и идеологическими ориентирами историческая память требовала поставить в центр исследований не личные трагедии и индивидуальные судьбы участников войны и жертв нацизма, а общенациональный героизм и глобальную общенародную жертву, масштаб которой был таков, что рядом с ней оказывалась ничтожной личной история страдания. Кроме того, отсутствие интереса было связано с прежней инерцией, не говоря уже о том, что исследование данной проблемы неизбежно должно было за-

¹ *Левинский Д.* Мы из сорок первого. Воспоминания. URL: <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vozpominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-18.html>.

² *Шолохов М.* Судьба человека // Правда. 31 декабря 1956 — 1 января 1957 г.

³ *Хенинг Лангенхайм.* Поля смерти. Места уничтожения людей в войне против Советского Союза. Берлин-Карлсхорст, 1998. С. 24.

тронуть тему коллаборационизма¹, поставить под вопрос постулат о массовом мужестве и героизме советских людей даже в нацистских лагерях и неизбежно коснуться еще ряда тем, которые в советской науке не могли существовать.

Именно поэтому наиболее значительные работы по генезису системы Концентрационного мира и ее особенностям начали появляться только в наше время. Наиболее значительный вклад в данную тему сделал историк, доктор исторических наук С. Аристов, чьи работы посвящены формированию системы нацистских концентрационных лагерей, ее функционированию, отчасти повседневной жизни в лагерях². Ряд работ посвящен стратегиям выживания в женском концлагере Равенсбрюк³. В данных работах автор касается различных сторон жизни концентрационных лагерей, однако не углубляясь в феноменологию и анализ рассматриваемых явлений. Поэтому в контекс-

¹ Не случайно подавляющее большинство советских судебных процессов над пособниками фашистов (полицейскими, охранниками, доносчиками) проходило в закрытом режиме и почти не освещалось в печати — власть не хотела демонстрировать истинные масштабы коллаборационизма.

² *Аристов С.В.* Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.). М., 2022; *Аристов С.* Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017. Следует отметить, что автор в последней научно-популярной работе не всегда добросовестно относится к оформлению первоисточников: в книге встречаются почти дословные заимствования из работы Б. Беттельгейма «Просвещенное сердце» без кавычек и указания на первоисточник. В качестве одного из примеров подобной недобросовестности можно привести сюжет об утреннем застилании постелей в лагере. Ср.: *Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце // *Человек*. 1992. № 4. С. 52–53 и указанная работа С. Аристова. С. 142–143.

³ *Аристов С.* Жизнь вопреки. Стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939–1945). Исследование и свидетельства. М., 2018 (первое издание — 2012 г.); *Аристов С.В.* Равенсбрюк: специфика центрального женского концентрационного лагеря // *Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета*. Выпуск 2. Воронеж, 2007. С. 244–254; *Аристов С.В.* Женщина в концентрационном лагере Равенсбрюк: насилие и противостояние // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 31. 2010. С. 113–124.

те данной работы труды С. Аристова использовались автором прежде всего как собрание источников и указатель историографии, так как они написаны на основе масштабной источниковой базы, как отечественной, так и зарубежной. Работа, посвященная Равенсбрюку, особенно ценна тем, что ее вторая часть содержит интервью исследователя с выжившими узниками лагеря.

Возвращаясь к источникам, следует подчеркнуть, что основная масса источников по теме нацистских концентрационных лагерей находилась в архивах западноевропейских стран, куда исследователям выехать было затруднительно (избранная западная историография попадала в СССР, но все равно была труднодоступна). В советских архивах (прежде всего в архивах КГБ и ГАРФ) документов по концентрационным лагерям было намного меньше (поэтому даже отдельных фондов по Освенциму или другим нацистским концлагерям не существовало и не существует), не все архивные материалы по концлагерям были обработаны¹, кроме того, доступ к советским источникам по данной теме контролировался и ограничивался спецслужбами.

Помимо этого, идеологические установки того времени не допускали беспристрастного изучения данной проблематики. Любой исследователь неизбежно вставал перед необходимостью освещения антифашистской борьбы и сопротивления, даже если это противоречило первоначальным целям и задачам работы. Поэтому все немногочисленные труды по данной теме 1960–1980-х годов (М. Семиряга, П. Брицкий, Н. Лемещук, Е. Бродский, Г. Розанов, Д. Мельников, Л. Черная и др.)² пред-

¹ Освенцим: палачи и миллионы жертв. Интервью научного сотрудника Центрального архива ФСБ России Владимира Макарова. URL: <https://www.interfax.ru/russia/120350>.

² *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970; *Лемещук Н.М.* Антифашистское подполье в концентрационных лагерях в годы Второй мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1968; *Брицкий П.П.* Интернациональный характер антифашистского сопротивления в гитлеровских концентрационных лагерях (Бухенвальд, Маут-

ставляют собой в той или иной форме историю антифашистского подполья в лагерях, но не историю и тем более не феноменологию концентрационных лагерей. Закономерно большой интерес вызывало выбивающееся из общего ряда восстание в Собиборе, что отразилось в ряде публикаций в периодической печати¹.

Что касается осмысления произошедшего в нацистских концентрационных лагерях через литературу, то, в отличие от ситуации на Западе, в СССР за почти 40 лет появилось всего несколько наиболее заметных литературных произведений, где описывалось произошедшее в Концентрационном мире. Среди них — уже упоминавшийся рассказ М. Шолохова «Судьба человека»² (1956), повесть В. Томина и А. Синельникова «Возвращение нежелательно»³ (1964), романы М. Льва «Длинные тени»⁴ (1989) и С. Злобина⁵.

Из этих трех произведений только второе, третье и четвертое претендуют на документальность и косвенное осмысление того, что происходило в лагерях, так как представляют собой беллетризованное описание восстания в концентрационном лагере Собибор под руководством А. Печерского.

хаузен, Миттельбау-Дора). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1977; *Бродский Е.А.* Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии 1941–1945 гг. М., 1970; *Розанов Г.Л.* Конец «третьего рейха». М., 1985; *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии в 1933–1945 гг. М., 1987.

¹ *Агуренко Б.* Конец Собибура // Комсомолец. 18 сентября 1960 г.; *Друзенко Л., Томин В.* Конец Собибура // Комсомольская правда. 12 января 1962 г.; *Вятский А.* Через двадцать лет... // За Родину. Газета Приволжского военного округа. № 28, 30 августа 1963 г.; Восстание в лагере смерти // Знамя победы. Газета Северной группы войск. 3 февраля 1962 г.; *Печерский А.* Борьба в оковах // Знамя победы. Газета Северной группы войск. 12 января 1963 г.; *Андриевский С.* Страшная тень Собибура // Красная звезда. 13 апреля 1963 г.

² *Шолохов М.* Судьба человека // Правда. 31.12.1956, 01.01.1957.

³ *Томин В., Синельников А.* Возвращение нежелательно. М., 1964.

⁴ *Лев М.* Длинные тени. М., 1989.

⁵ *Злобин С.* Пропавшие без вести. М., 1962.

Следует отметить, что из всех авторов только двое были узниками нацистских концлагерей. С. Злобин был заключенным лагеря Цайтхайн, а М. Лев был узником Собибора, другом А. Печерского, и поэтому эти произведения при всех литературных деталях могут считаться наиболее достоверными источниками. Одной из важнейших причин, по которой осмысление через литературу трагедии узников Концентрационного мира так и не произошло, было то, что в 1961 году вышла в значительной степени автобиографическая повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»¹, повествующая об одном дне из жизни заключенного ГУЛАГа, «переключившая» внимание общества с судеб узников нацистских концентрационных лагерей на судьбы узников ГУЛАГа.

Что касается источников, то есть воспоминаний выживших узников, то одним из первых и очень важных источников следует считать сборник «Лагери смерти: Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии»², вышедший в Москве в 1944 году. Он содержит ряд документов, фиксирующих нацистские преступления на оккупированной территории Белоруссии, а также, что особенно важно, многочисленные воспоминания выживших узников концентрационных лагерей у местечка Озаричи, поселка Дерт, деревень Холм и Медведь.

Еще одним важным источником является брошюра воспоминаний А. Печерского «Восстание в Собибуровском лагере», изданная в Ростове-на Дону в 1945 году³. Как уже упоминалось, Александр Печерский был организатором и руководителем знаменитого восстания узников в Собиборе (единственного успешного восстания в истории Концентрационного мира) и написал воспоминания, основываясь на собственных днев-

¹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. М., 1961.

² Лагери смерти: Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. М., 1944

³ Печерский А. Восстание в Собибуровском лагере. Ростов-на-Дону, 1945.

никовых записях, тайно сделанных в лагере. Однако исследователь истории восстания и биограф А. Печерского Л. Симкин считает, что данная книга является в значительной степени литературной мистификацией. Хотя некоторые заключенные находили возможность делать записи в лагере, дневник А. Печерского никто никогда не видел и «у него вообще не было такой привычки — вести дневник», некоторые эпизоды, описанные автором, не подтверждены никем из тех, кто находился рядом с А. Печерским в лагере. Также есть сомнения по поводу того, писал ли сам А. Печерский эту книгу, или ее собрали из его отрывочных воспоминаний¹.

После этого издания наступил значительный перерыв и активно такого рода воспоминания продолжали издаваться (очевидно, проходя серьезную цензуру) только с конца 1950 — начала 1960-х годов (А. Никифорова, Ю. Пиляр, М. Придонов, С. Смирнов, М. Темкин, А. Лебедев, Н. Масленников, А. Мельник, С. Голубков, А. Пирогов, А. Иосилевич, В. Сахаров, К. Брендючков, Г. Поливин и др.²), однако эти источники, в силу указанных выше причин, тоже недостаточно репрезентативны. Авторы

¹ Симкин Л. Собибор. Послесловие. М., 2019. С. 74—76.

² Никифорова А. Повесть о борьбе и дружбе. Л., 1967; Никифорова А. Это не должно повториться. М. — СПб., 2017; Пиляр Ю. Люди остаются людьми. М., 1964; Придонов М. Я гражданин. Тула, 2007; Смирнов С. Последний бой смертников. URL: <https://history.wikireading.ru/114654>; Темкин М. Воспоминания узника нацистских концлагерей. http://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/text.html; Лебедев А. Солдаты малой войны. (Записки освенцимского узника). М., 1960; Масленников Н. Смерть победившие. Ставрополь, 1974; Мельник А. Мы не пропали без вести. Хабаровск, 1960; Голубков С. В фашистском концлагере. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958; Пирогов А. Этого забыть нельзя. Воспоминания бывшего военнопленного. Лит. запись А. Ключкина. Худ. оформление В. Логинова и С. Розанова — бывших узников Маутхаузена. Одесса, 1961; Иосилевич А. Победили смерть. Записки бывшего узника гитлеровского концлагеря. Харьков, 1964; Сахаров В. В застенках Маутхаузена. Симферополь, 1959; Брендючков К. Дважды рожденные. Об узниках Бухенвальда. Ярославль, 1958; Поливин Г. Это было в Бухенвальде. Томск, 1960; Логунов В. В застенках Бухенвальда. Рязань, 1961.

Генрих Гиммлер (в центре) и Рудольф Гесс (первый справа) изучают модель расширения концлагеря Дахау. 1936 г.

мемуаров сосредоточены главным образом на двух аспектах: зверствах эсэсовцев и внутреннем или открытом сопротивлении лагерному режиму (саботаж, создание подпольных групп и т. д.)¹. Во многом это было связано с тем, что форму и характер воспоминаний в СССР, в отличие от Запада, должен был определять основополагающий принцип советской культуры — социалистический реализм, имеющий четко очерченные жанровые особенности.

Однако вписать в концепцию социалистического реализма воспоминания узников концлагерей было чрезвычайно сложно в силу отсутствия (по понятным причинам) в советской литературе жанра воспоминаний о пребывании в местах заключения

¹ Тенденция описывать главным образом ужасы лагерей была характерна для всей мемуарной литературы подобного рода, которая выходила на территории стран социалистического лагеря. В Чехии такая мемуаристика даже получила название «литература концлагерных ужасов».

как советских, так и нацистских. В 1920—1930-х годах существовал жанр воспоминаний политкаторжан о дореволюционной каторге, тюрьмах и ссылках, но приемы и методы, выработанные для оформления этих воспоминаний (связь с актуальными для времени написания и времени издания проблемами истории революционного движения, обязательная критика немарксистских позиций и подходов авторов, ссылки на эпоху, идеологическое структурирование) не годились для мемуаров бывших узников концентрационных лагерей. Однако и те немногие воспоминания узников, которые могли быть изданы, уже во второй половине 1960-х годов появляются в печати все реже, в то время как за пределами СССР в это же время наблюдается резкое увеличение изданий источников по истории и быту нацистских концентрационных лагерей.

В целом ни в источниках, ни в историографии советского периода не делалось попыток глубокого осмысления произошедшего, масштабной рефлексии полученного опыта и знаний. Такие попытки были впервые сделаны совсем недавно и принадлежат историку Л. Макаровой, философу В. Подороге¹, а также автору настоящей работы².

Центром научных интересов доктора исторических наук, профессора Л. Макаровой является идеология национал-со-

¹ Подорога В. Время после. Освенцим и Гулаг. Мыслить абсолютное зло. М., 2013.

² Якеменко Б. «Концентрационный мир». Феномен Освенцима в истории послевоенной Европы // Россия завтра. 2016. № 2; *Его же* (в соавт. с С. Ворониным). Феномен «мусульманина» в пространстве нацистского концентрационного лагеря // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. № 3 (на английском языке); *Его же*. Освобождение без свободы: узники нацистских концентрационных лагерей в послевоенной Европе и проблема возмездия // Новая и Новейшая история. 2020. № 1; *Его же*. Концентрационный мир нацистской Германии: проблемы генезиса и особенности системы // Вопросы истории. 2020. № 3; *Его же*. Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2020. № 1; *Его же*. Насилие и боль в системе «Концентрационного мира» нацистской Германии // Вопросы истории. 2021. № 5.

циализма, рассматривая которую она уделяет значительное внимание концентрационным лагерям нацизма как одной из самых репрезентативных форм гитлеровского режима. В своих статьях¹, диссертационном исследовании², монографии³ она рассматривает лагеря как важнейшее условие существования нацистского государства, а узников — как ключевой объект воздействия идеологии нацизма, объект, в котором эта идеология приобретала законченное воплощение. Рассматривая различные аспекты внутреннего мира и быта лагерей (от одежды и питания до видов работы и смерти заключенных), Л. Макарова подробно анализирует формы психологической и социальной деформации личности человека в Концентрационном мире, детально останавливаясь на метафизической сущности этих аспектов и раскрывая их семиотическую стратиграфию, смысловое и онтологическое содержание.

В. Подорога рассматривает нацистские лагеря как апофеоз Абсолютного Зла, предсказанного Ф. Кафкой и отраженного С. Беккетом, Зла, оказавшего влияние на всю общественную мысль послевоенной Европы. Следом за Х. Арендт В. Подорога показывает, что проблема зла стала одним из главных вопросов послевоенной европейской интеллектуальной жизни. Однако в своей работе В. Подорога проводит параллели между системой ГУЛАГа и нацистскими лагерями, что, на наш взгляд, является ошибкой (подробнее об этом ниже). В статьях автора

¹ Макарова Л.М. Смерть в мировоззрении национал-социализма // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 142–151; Макарова Л.М. Человек за колючей проволокой (личность в условиях нацистских концлагерей) // Мир за колючей проволокой: лагерь как атрибут тоталитарного режима. Материалы российско-германского семинара. Воронеж, 2002. С. 5–58; Макарова Л.М. Концентрационный лагерь и идеология нацизма // Непобедимая сила слабых. Воронеж, 2008. С. 10–37; Макарова Л.М. Имидж нацистского концлагеря в художественном творчестве бывших заключенных. URL: <http://www.culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=368>.

² Макарова Л. М. Идеология германского национал-социализма: Социально-политический анализ. Дисс. на соискание степени д. и. н. Казань, 2005.

³ Макарова. Идеология нацизма. Сыктывкар, 2005.

настоящей работы намечены основные черты феноменологии смерти, насилия и некоторых бытовых подробностей существования Концентрационного мира, и эти статьи стали теми зернами, из которых выросла данная монография.

Отдельно необходимо сказать о работе М. Полищука «Взывая из бездны. De profundis clamat»¹, претендующей на философское осмысление феномена Концентрационного мира. Невзирая на то что ее автор — доктор философских наук, книга написана в жанре и стилистике бульварной газетной статьи, поэтому на ее страницах встречаются термины «расслабуха», «подфартило», «отсебятина», «эсэсовская братва» и т. д. Книга не содержит научного аппарата, а в качестве источников используются главным образом газетные материалы или давно кочующие по интернет-форумам сюжеты, первоисточник которых, как правило, невозможно установить. Книга изобилует опечатками и неуместными отступлениями от темы (например, на ее страницах встречаются к месту и не к месту отсылки к Новому Завету, мнениям античных и средневековых философов о молодежи, а завершается она сообщением о том, что «работа над рукописью книги завершена 20 января 2017 года в день инаугурации 45-го президента США Дональда Трампа»²) и представляет собой неглубокое, менторское толкование нескольких «лежащих на поверхности» мемуарных работ по теме концентрационных лагерей (Ж. Амери, Б. Беттельгейм, П. Леви, Р. Хёсс и т. д.).

Это толкование построено на эмоциональном пересказе общеизвестных трагических сюжетов из истории Концентрационного мира (гибель детей, селекции, казни, голод и болезни и пр.) и содержит сентенции, которые можно свести к банальному и бесспорному выводу, что «это не должно повториться». Работа, претендующая на философский анализ темы и, как сказано в аннотации, «продолжающая исследование пробле-

¹ Полищук М. Взывая из бездны. De profundis clamat. М., 2017.

² Там же. С. 391.

мы, которая находится в центре рассмотрения в предыдущих книгах автора»¹, тем не менее не содержит попыток не только философского, но в целом и сколько-нибудь серьезного осмысления феноменологии Концентрационного мира. Поэтому книгу М. Полищука невозможно считать вкладом в разработку темы. Таким образом, только Л. Макарова, В. Подорога и автор настоящей работы сделали первые попытки целостного осмысления феноменологии Концентрационного мира, что придает их работам особую актуальность.

Существующая источниковая и историографическая база, как зарубежная, так и отечественная, позволяет на первый взгляд отчасти претендовать на раскрытие феномена Концентрационного мира. Однако в этом процессе возникает сложная проблема возможностей и уровней понимания, поскольку, говоря о Концентрационном мире, приходится иметь дело с не просто чрезвычайно масштабным, эшелонированным по горизонтали и вертикали явлением. Перед исследователем возникает явление иррациональное, внеисторическое, метафизическая «черная дыра», деформирующая (иногда до неузнаваемости) все, что попадает в ее орбиту, — от человеческой личности до социальных и политических структур. В связи с этим сама возможность понимания становится предметом исследования, возникает многоступенчатая «проблема проблемы», каждый уровень которой необходимо учитывать при рассмотрении феноменологии Концентрационного мира.

¹ Полищук М. Взывая из бездны. De profundis clamat. М., 2017. Аннотация к работе.

Понимать и свидетельствовать

Одной из самых сложных проблем, с которой сталкивается исследователь феноменологии Концентрационного мира, становится проблема понимания указанного явления. Возможно ли понять эту феноменологию и если возможно, то в какой степени? Даже наличие значительной источниковой и историографической базы заставляет прийти к выводу, что исчерпывающее понимание этого феномена (если не ударяться в мистику и не редуцировать Концентрационный мир исключительно к формам выражения патологий человеческой личности) чрезвычайно затруднительно. Это подметил еще Ж. Лакан на одном из своих семинаров. «В современной истории остаётся нечто такое, — говорит он, — что для всех критических оценок лежит, по прежнему, за семью печатями. Я имею в виду породившую чудовищное, и оставшееся, якобы, в прошлом, явление Холокоста драму — драму нацизма. Никакая основанная на гегельяно-марксистских предпосылках историческая концепция не может, на мой взгляд, дать вулканическому этому выбросу объяснение. И это доказывает, что жертвоприношение тёмным богам остаётся чем-то таким, чьему чудовищному обаянию редкий субъект способен, и в наши дни, не поддаться»¹.

¹ Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанали-

Философ Э. Факенхайм так же считает, что уникальность произошедшего непостижима по определению. «Возможно, однажды мы сможем объяснить, как это произошло, — но сумеем ли когда-нибудь объяснить, почему это произошло? <...> Прежде всего, невозможно поверить, что такое уникальное событие произошло при нашей жизни... Если все же событие должно быть поверено разумом, тогда соответствующая категория... осознается достаточной для понимания события; однако разум, по врожденной привычке, неизбежно сопротивляется мысли о том, что в случае уникального характера события данные категории — именно потому, что они не более чем категории, — недостаточны для постижения события, а по существу, лишь являются средствами обойти событие. И наконец, существует общеизвестная философская проблема: может ли «уникальное» — уникальное любого рода — вообще поверяться мыслью?»¹ Таким образом, существующие методы понимания (прежде всего сравнительно-исторический анализ) Концентрационного мира, который ни с чем нельзя сравнить, неизбежно приведут к натяжкам и упрощениям.

Есть еще одна существенная проблема. Психолог В. Франкл, переживший концлагерь, писал, что при рассмотрении этого явления если «внешний наблюдатель находится на слишком большой дистанции и едва ли в состоянии прочувствовать ситуацию, то тот, кто был «внутри» ее и вжился в нее, находится на чересчур малой дистанции. Другими словами, принципиальная проблема заключалась в том, что приходилось вводить допущение»². То, что произошло в Концентрационном мире, находится за пределами любой рациональности, за границами любой науки. Можно объяснить пассивность и апатию, пользуясь

за. М., 2004. С. 291. (цитируется с полным сохранением орфографии и пунктуации. — Примеч. авт.).

¹ *Fackenheim E.* To Mend the World. Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought. New York, 1989. P. 10.

² *Франкл В.* Человек в поисках смысла. URL: <https://1001.ru/books/item/chelovek-v-poiskah-smysla-65/3981>.

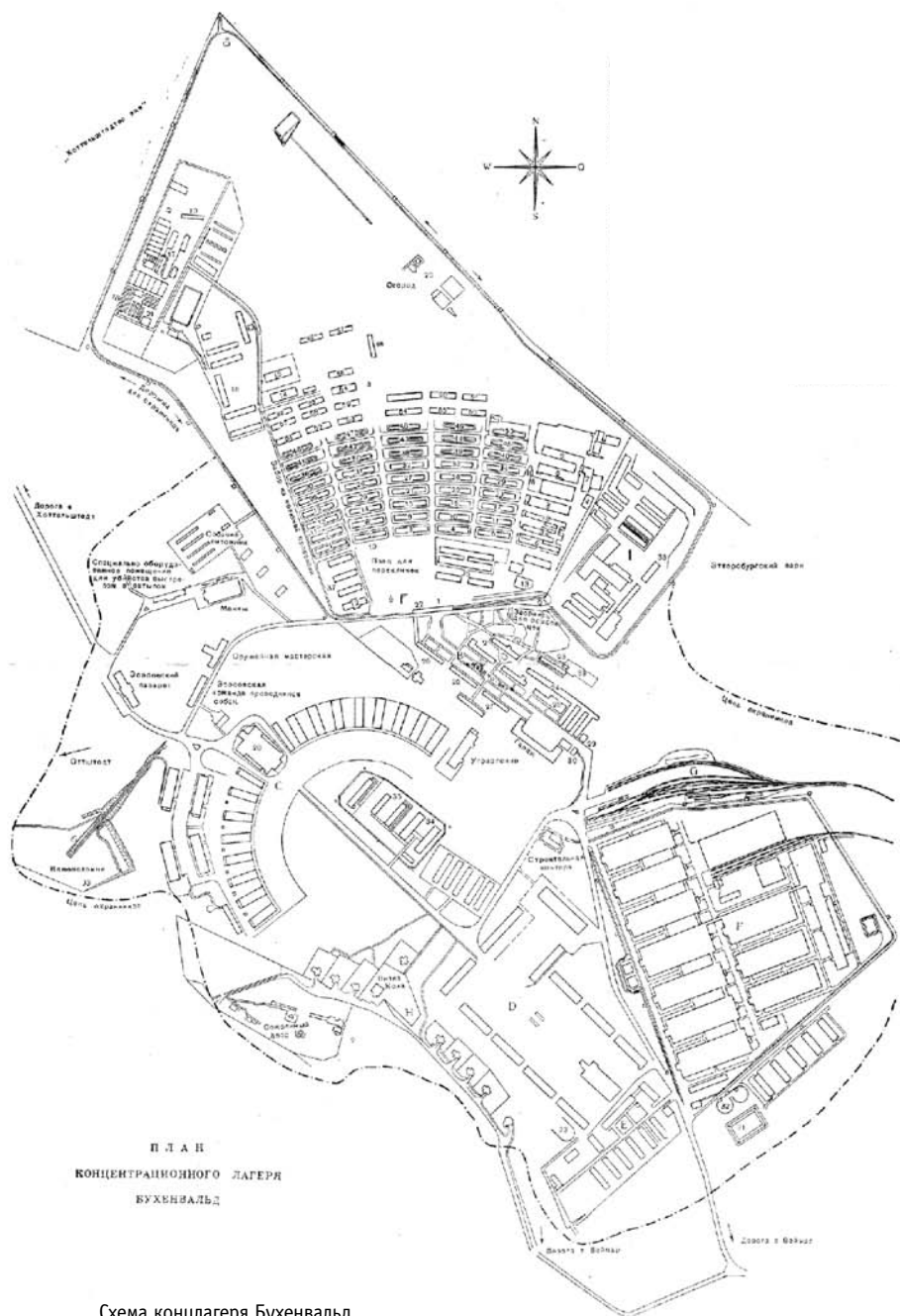

Схема концлагеря Бухенвальд

ПОЯСНЕНИЯ

- А Лагерь для заключенных
а „Малый лагерь“
В Помещения комендатуры
лагеря
С Эсэсовские казармы
D Военные гардины
Е Строительный двор
F „Густлоф-верке“
G Вокзал Букенвальд
H Виллы эсэсовских офицеров
I Завод „ДАВ“

- 1 Главные ворота с
помещениями для
денатурных офицеров
2 Политический отдел
3 Кухня и склад
4 Угольный бункер
5 Баня и прачечная
6 Вещевой склад
7 Дезинфекционная
8 „Дуб Гете“
9 „Козел“ для порки
10 „Патологоанатомическое птд“
11 Лагерь для советских военнопленных
12 Лавка для заключенных
13 Кроматорий
14 Нинно
15 Публичный дом
16 Лазарет
17 Санитарии
18 Нрельчатники

- 19 Птичник
20 Отстойники нечистот
21 Конюшня
22 Карцер
23 Оружейный склад
24 Лавка для эсэсовских солдат
25 Комендатура
26 Адъютантская
27 Штаб эсэсовской охраны
28 Нарина для эсэсовских офицеров
29 Гауптвахта
30 Почта
31 Пожарный водоем
32 Водонапорная башня
33 Стрельбища
34 Баран-изолятор
35 Лагерь „Шихтенхайн“
36 Слесарная и электротехническая
мастерские, пренде-особый ла-
герь для поляков
37 Оптические мастерские, пренде-
место, где находились баряки Ia
Va для заключенных евреев

- Забор из колючей проволоки, по
которой был пропущен электри-
ческий ток высокого напряжения
☐ Сторожевые вышки
 Виселица
 Деревянные блоки
 Наковальные блоки
Цель из 58 постов охраны.
Часть охранников была
вооружена пулеметами

психологическими категориями «выученной беспомощности»¹, а жестокость эсэсовцев — патологиями, алчностью, садизмом, необходимостью, но Концентрационный мир не делится без остатка на эти объяснения.

Масштаб трагедии концентрационных лагерей гораздо больше человеческих возможностей ее постижения, не говоря уже

¹ Выученная беспомощность, — это нарушение мотивации в результате пережитой субъектом неподконтрольности ситуации. У существа, приученного к тому, что оно не может, находясь в определенных обстоятельствах, избежать насилия, возникает чувство «выученной беспомощности», которое приводит к тому, что в дальнейшем данное существо проявляет пассивность и в тех ситуациях, когда вполне могло бы убежать, спастись. Например, люди, пребывающие в подавленном настроении или в депрессии, ощущают паралич воли, становятся пассивными, так как убеждены в беспомощности каких бы то ни было усилий. См.: *Ильин Е.П.* Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб., 2011.

о том, что вторичное погружение во все закоулки ужасов, там происходивших, было не по силам порой даже тем, кто это видел своими глазами и потом пытался осмыслить. Узница лагеря Штутгоф С. Анваер вспоминала: «Написав десяток страниц, бросила — слишком тяжело было не только писать, но и читать было невыносимо тяжело»¹. Узник Бухенвальда О. Когон несколько раз пытался сжечь рукопись своей книги «Государство СС», а узники Освенцима и Треблинки, такие как П. Леви, Ж. Амери, Р. Глацар, Т. Боровский, которые также попытались постичь феномен Концентрационного мира через нарратив, в итоге покончили с собой, не будучи в состоянии пережить все произошедшее еще раз. По точному замечанию И. Кертеса, «освобождение лагерей только отсрочило приговор, который избранные смерти позднее нередко приводили в исполнение сами»². Самому И. Кертесу удалось избежать самоубийства, очевидно, только благодаря созданию романа «Самоликвидация», где кончает с собой его альтер эго — писатель и переводчик Б., прошедший через лагерь. Примечательно, что глубокое проникновение в тему Концентрационного мира, попытки взглянуть на него изнутри приводили к подобному трагическому концу даже тех, кто сам не был узником. Это, например, американский психолог Терренс де Пре, автор одной из наиболее глубоких книг по психологии выживания в концентрационном лагере³, или американский писатель польско-еврейского происхождения Ежи Косински, практически все книги которого были посвящены Холокосту.

¹ *Анваер С.* Кровоточит моя память. (Из записок студентки-медики). М., 2005. С. 184.

² *Кертес И.* Холокост как культура. URL: <http://pergam-club.ru/book/6045>.

³ *Des Pres T.* The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps. New York, 1976. Еще одно подтверждение работы психологических механизмов «вторичного переживания», которое оказывается сильнее, чем первое, и доводит до финала уже сложившуюся внутреннюю обреченность, было получено недавно — бывший ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС покончил с собой после просмотра сериала «Чернобыль». См.: URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/16/suicide/>.

В целом именно позиция наблюдателя, который в процессе наблюдения во многом и становится тем самым «допущением» В. Франкла, является главным препятствием на пути к пониманию описываемого феномена, так как Концентрационный мир в том виде, в котором он предъявляет себя, существует только как объект, во многом формируемый процессом наблюдения. Последнее устанавливает связь, выстраивает отношения с объектом, который чувствует это отношение. Наблюдателю необходимо осознать, понимается объект или нет, способен ли он произвести понимание или нет. Отношение объекта к наблюдателю так же важно, как и наблюдателя к нему.

Проблема понимания феномена Концентрационного мира состоит еще и в психологической ошибке, которую неизбежно делает наблюдатель. Именно потому, что она психологическая, ее трудно заметить и еще труднее избежать. Понимание, которое наблюдатель демонстрирует по отношению к жизни и страданиям заключенного в лагере, во многом основано на том, что наблюдатель не представляет себе, как бы сам он на его месте жил и выносил подобные мучения, и поэтому приписывает заключенному свои собственные чувства и эмоции. В данной ситуации понимание неосознанно подменяется следствиями аберрации мысли, фантазиями, поскольку в описанной схеме наблюдатель представляет себе заключенного как обычного человека, то есть как себя, вынужденного переносить страдания заключенного. В этом кроется основная ошибка, так как заключенный представляет собой совсем иное, в корне измененное состояние человеческой природы, причем измененное не только духовно, ментально, но и телесно, он ощущает все по-своему, не только сознанием, но и телом, и, чтобы понять это, надо им стать.

Разнообразные страдания, которые составляют нерв и суть жизни заключенного, так подчиняют его себе, что между страданием и заключенным устанавливается система взаимоотношений, в которой огромную роль играют скрытые механизмы психики, неисследованные ресурсы тела, о которых ранее

заключенный не подозревал, а наблюдатель при всем желании не может принять это в расчет. Страдания в лагере имеют более или менее понятные пределы, дойдя до которых большинство умирает. Те же узники, кому удастся сохранить жизнь, переходят в фантомное состояние, которое, как мы увидим, является непознанным феноменом, областью предположений и описаний, которые имеют относительный характер и оттого не могут считаться объективными, так как, по точному замечанию А. Неера, «Освенцим нельзя сравнить ни с чем»¹. То есть Концентрационный мир можно описать как тотальный кризис репрезентаций. Кроме того, эти состояния могут быть опять же описаны и познаны только изнутри Концентрационного мира, с исчезновением которого навсегда исчезла и возможность достоверного описания. Те же самые механизмы не дают возможности понять палачей — поставить себя на их место даже на минуту намного сложнее, нежели на место узников.

Не меньшую проблему представляют свидетельства бывших узников. Говоря о непосредственных свидетелях произошедшего, неизбежно приходится сталкиваться с рядом противоречий, которые можно обозначить как «проблема свидетеля», ибо свидетель из Концентрационного мира — это не свидетель дорожной автомобильной катастрофы. Последний — явление случайное, спонтанное, неотрефлексированное. Напротив, во многих воспоминаниях выживших узников можно видеть тезис о том, что желание стать свидетелем часто являлось единственной рефлексией происходящего и становилось реальной и последней возможностью выжить.

Однако возможно ли стать свидетелем того, что происходило в концентрационных лагерях? И кого можно считать настоящим свидетелем? При определении «статуса свидетеля» возникает ряд трудноразрешимых задач. Прежде всего, любой свидетель рассказывает только о том, что он непосредственно

¹ Неер А. Немота Освенцима. За пределами понимания. Богословы и философы о Холокосте. Киев, 2009. С. 50.

видел вокруг себя. Даже если таких свидетельств множество, ни одно из них не более доказательно и не менее субъективно, чем чье-то другое. Есть и еще одна сложность. Задача «традиционного» свидетеля — говорить правду. То есть действовать в юридическом смысле, помогать установить обстоятельства произошедшего и виновных в них. Однако задача свидетеля, говорящего о травме, нанесенной пребыванием в концлагере, состоит в ином — донести до слушающего состояние свидетеля, заставить его понять, каково это — быть носителем травмы. В этом случае становится допустимым и приемлемым искажение реальности, несоблюдение логической последовательности событий или их замена, любое ассерторическое суждение есть маркер потери внутреннего смысла. Вопрос «правда ли это?» становится в этой ситуации неприемлемым, когерентная концепция истины не может быть критерием оценки свидетельства.

В результате возникает ситуация, когда все слова в предложении понятны, но общий смысл предложения остается неясным и не только невозможно понять, есть ли вообще этот смысл, но нужно по умолчанию предполагать невозможность его обнаружения. То есть бытие в лагере существует только как сумма частей в событиях — или даже не в событиях, а в социальных и биологических происшествиях, что и фиксируют сохранившиеся свидетельства. Тем более что Концентрационный мир, если применять к нему архитектурную терминологию Р. Колхаса, был «неместом», попадая в которое человек оказывался «нигде». В этих условиях обрести почву под ногами, «особытить» бытие, оказаться «где-то», стать свидетелем можно было только предельным усилием структуры сознания, то есть путем интерпретаций.

В итоге Концентрационный мир неизбежно оказывался пространством постоянных интерпретаций, то есть любое свидетельство было максимально субъективировано. М. Мамардашвили и А. Пятигорский считали, что, когда связь между сознанием и интерпретацией оказывается неразделимой, воз-

Нашивка-винкель «политического»
заключенного

никает миф¹. Таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что Концентрационный мир — это мифологическое пространство, а не пространство истории, что подчеркивается закономерностью, отмеченной Р. Жираром: в пространстве мифа всегда существуют только боги и никогда — их жертвы². Однако это мифологическое пространство стало реальностью и фактом именно благодаря беспрецедентному

количеству жертв. Тем не менее свидетельство о мифе — это нечто совсем иное, нежели свидетельство о событии.

Любое глобальное явление, как правило, всегда больше, чем математическая сумма его составляющих, что более чем актуально для такого явления, как Концентрационный мир, где скрещиваются несколько уровней реальности, ее восприятия и оценок. Поэтому первая проблема заключается в необходимости перейти с уровня суммы свидетельств (фиксированных событий) на уровень понимания целостного явления (бытия).

Другая проблема свидетеля (внутреннего наблюдателя) заключается в том, что позиция наблюдателя превращает происходящее перед ним в зрелище, явление, историческое событие, восприятие которого напрямую зависит от визуального опыта наблюдающего. Иными словами, опытный театралный зритель или истинно верующий видит окружающее иначе, нежели человек, не имеющий подобного опыта. Один воспринимает окружающее как игру, другой — как конфликт видимой

¹ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. М., 2009. С. 70.

² Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М., 2019. С. 45.

и невидимой реальности и т. д. Однако Концентрационный мир — это не зрелище, не явление и не событие, а внеисторическое бытие в точке своего предела, и поэтому прежний опыт наблюдателя, как правило, выхватывает из этого бытия только то, что является привычным и доступным для понимания самого наблюдателя. То есть опять же целостная онтология Концентрационного мира ускользает от наблюдения и остается неотрефлексированной и незафиксированной.

Кроме того, когда все подробности, извлеченные из памяти свидетеля, становятся нарративом, возникает еще одна проблема: данный нарратив испытывает сильное влияние чисто человеческой субъективности (как уже говорилось выше, в пространстве интерпретаций субъективность достигает своего абсолюта), которая формируется не только самим свидетелем, но временем, прошедшим с момента заключения, позицией вопрошающего (если это интервью), целями и задачами воспоминаний, социальным опытом и отношением окружающего мира к проблеме лагерей («многофакторному» субъективизму свидетеля посвящена часть известной работы Л. Нитхаммера¹). В результате предъявленные свидетельства становятся пространством, которое осваивается только с помощью герменевтического опыта воспринимающего, той территорией, где опыт субъекта излагающего становится предметом рефлексии субъекта слушающего.

Можно выделить еще одну психологическую особенность свидетеля, особенно того, который получил тяжелейшую травму в лагере. Такая масштабная травма, ставшая псевдоморфозной, но неотъемлемой частью личного опыта и памяти свидетеля, исключает возможность ее передачи кому-либо, адресат становится не нужен. Любая попытка свидетельствовать об этой травме приводит к ликвидации адресата, так как описать и адекватно передать эту травму невозможно прежде всего

¹ Вопросы — ответы — вопросы. Методология устной истории. Практический опыт и теоретические размышления // *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012. С. 9–95.

потому, что достоверность боли — предельно личная категория, приводящая к обреченности высказанного. Поэтому эта попытка неизбежно заканчивается монологом, обращенным на самого свидетеля, феноменальность редуцируется в ноуменальность, говорящий и слушающий совпадают в одном лице, трагический опыт пережитого достигает пределов личного и максимума неотъемлемости.

Все это усиливает ощущение невозможности ни адекватно передать пережитую травму, ни достичь адекватного понимания без утраты достоверности, то есть истинности произошедшего. В попытках быть услышанным свидетель вынужден расчленять невозможный для понимания опыт травмы на доступные для передачи адресату и уровня его восприятия фрагменты, которые тем самым утрачивают обязательную достоверность и становятся только символами травмы. Символ воображаемого присутствия травмы дает возможность говорить о ней, но заранее исключает понимание, так как для адресата этот символ есть лишь средство обретения дополнительного эстетического опыта и информации о прошлом.

В связи с этим представляется важным исследование Ш. Фелман о скрытом или вытесненном свидетельстве, которое она искала в текстах, формально не содержащих переживания травмы. Она подчеркивает, что, поскольку адекватно передать травматический опыт невозможно, в любом прямом или косвенном свидетельстве, содержащем переживание трагического опыта, главное место занимают метафоры. Однако метафоричность нарратива не придает форму травме, а, наоборот, подчеркивает беспомощность, невозможность найти адекватное средство ее выражения. То есть возникает «событие, лишённое свидетеля». Поскольку адекватно воспроизвести травматический опыт невозможно, приходится включать воображение, задача которого парадоксальна — отобразить неотобразимое.

Выходом из этого положения Ш. Фелман видится замещение непредставимой и невозможной для описания реальности нарративом, суть которого — в максимальной несовместимости

с этой реальностью. В точке пограничного соприкосновения того и другого можно обнаружить след исчезнувшего травматического события. В этой ситуации, даже когда свидетель формально говорит о чем-то, напрямую не связанном с пережитой травмой, привычные слова «дым», «чума», «смерть», «труп» обретают референциальность, становятся особыми формами репрезентации пережитого. В итоге, по мнению Ш. Фелман, читатель, как «опоздавший свидетель», должен пережить в своем теле то, что случилось в теле другого¹.

Философ Д. Агамбен, рассматривая свидетеля в Концентрационном мире, ставит еще один очень важный вопрос — о статусе этого свидетеля. Кто может считаться настоящим свидетелем? Отвечая на этот вопрос, Д. Агамбен следом за П. Леви («Не мы, оставшиеся в живых, настоящие свидетели»²) делает парадоксальный вывод: настоящий свидетель — тот, кто не выжил. Выживший не является свидетелем в полной мере, так как «свидетель свидетельствует обычно во имя правды и справедливости, и они придают его словам прочность и полноту. Но здесь свидетельство, в сущности, равняется тому, что в нем отсутствует. Содержит в своей сердцевине несвидетельствуемое, которое лишает выживших авторитета. «Подлинные» свидетели — это те, кто не свидетельствовал и никогда бы не смог этого сделать. Это те, кто «достиг дна», «мусульмане», канувшие. Выжившие в качестве псевдосвидетелей говорят вместо них по доверенности: свидетельствуют об отсутствующем свидетельстве»³.

Профессор К. Карут в своей работе «Травма, время и история»⁴ переосмыслила агамбеновскую фигуру свидетеля, переозначив выжившего свидетеля как символически погребенного заживо и поэтому вынужденного после лагеря посто-

¹ *Felman S., Laub D. Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History. New York — London: Routledge, 1992.*

² *Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 68.*

³ *Агамбен Д. Homo Sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 35.*

⁴ *Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты. М., 2009.*

янно восстанавливать даже не свое право свидетеля, а право иметь право быть свидетелем. Для чего ему приходится все время возвращаться в свою историю, биографию, которых уже нет — ни лагерных, ни долагерных, — постоянно восстанавливая свою не подлежащую восстановлению идентичность. В результате именно к этому сводится свидетельство. В качестве примера К. Карут опирается на произведение О. Бальзака «Полковник Шабер», где главный герой по ошибке погребен заживо в братской могиле. Ему оттуда чудом удается выбраться, но выясняется, что свидетельство о его смерти имеет большее значение для общества, чем присутствие самого полковника как живого человека. Поэтому все притязания героя на свое имя, собственность и даже жену признаются неправомерными, в том числе и его близкими, которым его смерть выгодна. В результате свидетель вновь оказывается в ситуации, когда он может свидетельствовать только о своем личном опыте, но не о том глобальном, что был в лагере, а социум, не понимающий свидетеля, как бы всякий раз во время свидетельства хоронит его повторно в логике дурной бесконечности. В этих условиях даже живому свидетелю, для того чтобы сохранить этот статус, остается или молчать, или умереть.

В связи с этим необходимо определиться со статусом живого, но молчащего свидетеля. На сегодняшний день письменных или зафиксированных устных свидетельств о лагерях остались десятки тысяч, но в любом случае этих свидетельств гораздо меньше, чем выживших в лагерях узников. Но свидетель, не рассказавший о своем опыте, все равно не утрачивает статуса свидетеля. Он «удерживающий теперь» свидетельство до тех пор, пока не будет «взят от среды» (Фес. 2: 6–7), свидетель, сознательно лишаящий себя возможности изменить пространство памяти своим текстом. Невысказанное свидетельство, то есть память в чистом виде, трансцендентно относительно нарратива, но, заключающее в себе потенциальную возможность быть высказанным, оно имеет большую ценность и представляет больший интерес относительно свидетельства уже выска-

занного и зафиксированного. В совокупности и то и другое вновь составляет онтологию Концентрационного мира, которая ускользает от понимания.

Затрудняет понимание феноменологии Концентрационного мира и масштаб уничтожения узников лагерей. Смысл гибели миллионов заключенных становится главным вопросом, ответ на который должен одновременно дать понимание общей феноменологии рассматриваемого явления. Может показаться парадоксальным, но смерть узников — это не апофеоз, к которому все устремлено в Концентрационном мире, а одна из составляющих системы, феноменологически и семиотически находящаяся не «над», а «с», «рядом» с другими формами выражения системы. То есть голод, насилие, обнажение, труд в лагере как феномены не менее значимы и важны для понимания, нежели смерть, и сосредоточение исследователя на последней или вообще придание особой значимости любому из указанных элементов неизбежно ведет к утрате понимания ключевых черт других важнейших явлений бытия Концентрационного мира и не дает возможности сформировать целостную картину явления.

Еще одна проблема состоит в том, что невозможно полностью отделить те составляющие этого мира, которые возникли только благодаря работе административной машины (следствие выполнения приказов, распоряжений, реализации планов), от тех составляющих, которые возникли как следствие работы запущенных механизмов «коллективного бессознательного». Бывший министр внутренних дел нацистской Германии В. Фрик, отвечая в 1946 году на вопрос о том, как стали возможны массовые убийства евреев, говорил, что при разработке Нюрнбергских законов никто и не помышлял о массовых убийствах, «все вышло само собой»¹. «И правда странно, что ни бюджета, ни плана, ни

¹ Нойманн Ф.Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма. 1933–1944 гг. СПб., 2015. С. 13. Не существует (или до сих пор не обнаружен) конкретный письменный приказ Гитлера, который начал бы точку отсчета массового уничтожения евреев.

соответствующих распоряжений по реализации трудной и дорогостоящей операции обнаружить не удалось, а ведь немцы — народ аккуратный, и какие-либо документальные следы финансирования огромных масштабов предприятий в бухгалтерской отчетности должны были сохраниться»¹, — отмечает А. Туз. То есть с момента возникновения системы концентрационных лагерей роль указанного «коллективного бессознательного» и его место в лагерной действительности все время возрастали и с течением времени стали прямо или косвенно определять ход и формы работы административной машины.

Отсюда возникает еще одна проблема, препятствующая пониманию. Концентрационный мир благодаря указанной выше закрытости породил внутри «коллективного бессознательного» свой собственный язык, соответствующие ему психологические состояния и внутренние связи, которые исчезли вместе с ним. Поэтому аксиоматика действующих лиц в пределах этого мира и связи, которые возникали между этими лицами, были уже изначально совершенно непонятны за его пределами. Это подтверждает общая идея Ф. Соссюра, заключающаяся в том, что язык — это система, которую можно исследовать исключительно изнутри. Осложняет положение то обстоятельство, что эта аксиоматика, как указывалось выше, была не до конца понятна и тем, кто находился внутри. В воспоминаниях выживших постоянно встречается удивление и недоумение заключенных по поводу самих себя, совершенно неожиданной логики поступков, высвобождающейся самостоятельно, без усилий и желания субъекта. Это «двойное непонимание» невольно в той или иной степени превращает любую подобную работу в «археологию ментальности», позволяющую, по законам жанра, ретроспективно восстановить картину Концентрационного мира лишь отчасти, восполняя отсутствующие детали работой воображения и упомянутыми выше допущениями различного рода.

¹ Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018. С. 456.

Роба узницы концлагеря

Кроме того, Концентрационный мир существовал чуть больше десяти лет, и возникшие в его пределах принципиально новые состояния тела, духа, сознания человека обогнали существующие механизмы понимания и вербализации. А внезапное крушение этого мира не позволило выработать новые механизмы осмысления и трансляции произошедшего. Не случайно бывший заключенный Эли Визель писал: «Те, кто не узнал этого на себе, никогда не поймут; те, кто испытал, никогда не расскажут; все будет неверно, неполно. Прошлое принадлежит мертвым»¹.

¹ Wiesel E. For Some Measure of Humility // Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility. 1975. № 5. P. 314.

Казалось бы, перечисляя указанные выше факторы, автор настоящей работы сознательно становится узником платоновской пещеры, разоружает себя, сознавая в бесплодности любых попыток понимания феномена Концентрационного мира. Однако это не так. Невозможность окончательного понимания явления указывает на предел дееспособности механизмов понимания, но не девальвирует их ценности и не упраздняет их как таковые. Следует также иметь в виду, что не понятый до конца феномен не просто сохраняет, но усиливает свою актуальность (окончательно понимание уничтожает актуальность) и чем более он не понят, тем более он актуален, особенно если речь идет о Концентрационном мире. Поэтому, если этот мир кажется недоступным для понимания, это не отменяет необходимости стремления понять то, как он функционировал и что представлял собой. Эта недоступность для понимания является обязательным условием существования исторической науки и открывает перспективы ее дальнейшего развития.

Следует подчеркнуть, что стремление автора работы к пониманию не нацелено на историографическое преодоление трагического прошлого и оценки последнего, тем более что такое прошлое непреодолимо по определению, а в конечном итоге указанное стремление должно прежде всего дать знание того, как это прошлое может проявить и проявляет себя в настоящем. То есть данная работа является попыткой рассмотреть феноменологию Концентрационного мира, по точному выражению Б. Эйхенбаума, «не из прошлого... а из актуальности как таковой»¹. Кроме того, исследование данного явления дает возможность отделить в истории чрезвычайное от систематического, ибо чрезвычайное всегда уникально, систематическое схематично и доступно для тиражирования, а следовательно, воспроизводимо в любое

¹ Эйхенбаум Б. Нужна критика // Жизнь искусства. 1924. 22 января. С. 12.

время, в том числе и в наше. Таким образом, у исследователя появляется возможность вычленить элементы Концентрационного мира из существующей реальности и маркировать их как некие «тревожные зоны», «территории особого внимания». Удачный опыт такого рода вычленения нацистских элементов из современной культуры существует — достаточно указать как пример работу С. Сонтаг «Магический фашизм»¹, посвященную расшифровке внутренних нацистских смыслов послевоенного творчества Л. Рифеншталъ.

Следует также указать на еще одно важное обстоятельство. Процесс изучения и понимания тех или иных исторических явлений можно обозначить терминами «прецедентное изучение» и «прецедентное понимание», то есть прецедент — как точка внешнего и, что особенно важно, регулярного выражения и проявления истории — является необходимым условием приложения и в целом существования знания, а произошедшее событие становится объектом понимания, захватываемого мыслью. Учитывая закономерный процесс вытеснения одного события другим во времени, необходимо признать неизбежность забвения события, забвения, которое возникает в форме распада события, исчезновения его цельности. В связи с этим происходит непрерывный процесс запаздывания событийного изучения и понимания, включается «догоняющее изучение/понимание», не успевающее за регулярно меняющимися друг друга событиями. Не говоря уже о том, что указанный выше процесс изучения обязательно предусматривает сравнительно-аналитический метод, когда все события рассматриваются в детерминированной связи и именно эта связь создает кажущуюся прецедентность.

Однако, рассматривая Концентрационный мир, мы сталкиваемся с феноменом «беспрецедентного», с «уникальной уникальностью» (в терминологии П. Рикера), исключающей прецеденты и возможность сравнения, то есть традиционную почву

¹ Сонтаг С. Под знаком Сатурна. М., 2019. С. 62–89.

Прибытие эшелонов с заключенными в Биркенау

для знания и понимания. Вместе с этим закономерно исключается и забвение, то есть Концентрационный мир должен рассматриваться как внеисторическая данность, существовавшая не «когда-то», а существующая «отныне». В этих непростых условиях задачей историка становится введение уникальности в прецедентность, попытка совмещения этих двух форм действительности и отыскание проявлений взаимовлияния. Таким образом, уникальное становится важным инструментарием раскрытия дополнительного содержания прецедентности и создания условной структуры, задача которой — иначе, нежели ранее, описать то, что произошло.

В настоящей работе делается попытка создания в общем и целом такой структуры, с помощью которой возможно приблизиться не столько к пониманию, сколько к осознанию феномена Концентрационного мира. В рамках этой структуры беспрецедентность произошедшего должна быть воспринята адресатом как аксиоматическая данность, как фигура умолчания, дающая возможность домыслить происходящее самосто-

ательно в тех условиях, когда невыразимость становится не просто необходимым, но и важнейшим условием выраженного, неотъемлемой частью нарратива.

Помимо этого, автор стремится переосмыслить указанный феномен через анализ проблематики ключевых состояний и факторов, которые формировали природу и бытие этого мира. Среди этих состояний и факторов прежде всего необходимо выделить насилие, голод, боль, клеймение, гигиену и прием пищи, переодевание, абсурдистскую реальность лагеря, наконец, смерть и факторы, приводящие к ней, и в конце концов — освобождение узников, создающее «посттравматическую» реальность европейского социума после нацистских лагерей. Отношение европейского общественного сознания к проблематике Концентрационного мира рассматривается через анализ работ ключевых фигур «философии после Концентрационного мира» (К. Ясперс, Т. Адорно и Х. Арендт) и состояния религиозной мысли Европы второй половины прошлого столетия.

Истоки

Почва для возникновения Концентрационного мира как явления начала готовиться сразу после окончания Первой мировой войны. Победителей в этой войне не было, она была проиграна всеми. В особенно тяжелом положении была Германия, обманутая Версальским миром. Г. Бэйтсон точно описал его последствия: «Это было одним из величайших предательств в истории нашей цивилизации... Оно вело к тотальной деморализации германской политики. Если вы что-то обещаете своему сыну, а затем отказываетесь от своих слов, и при этом вся ситуация включена во фрейм высоких этических понятий, то вы, вероятно, обнаружите не только то, что он очень зол на вас, но также и то, что его моральные устои деградируют, пока его чувства оскорблены вашей нечестностью. Дело не только в том, что Вторая мировая война — естественный ответ нации, с которой обошлись подобным образом, гораздо важнее то, что после такого обращения деморализации нации следовало ожидать»¹.

Еще одним существенным фактором явилась «секуляризация» религиозной идеи войны в общественном сознании Гер-

¹ Бэйтсон Г. От Версаля до кибернетики. <https://murzim.ru/psihologija/nlp/jekologija-razuma/13501-krizis-v-ekologii-razuma-ot-versalya-do-kibernetiki.html>.

мании. У. Эко отмечал, что в первые два десятилетия XX века «Европа была одержима идеей войны как великого мистического опыта», опыт войны был «философским поворотом» для тысяч людей самых разных политических взглядов и убеждений¹. Связанные с войной ожидания и надежды эсхатологического в своей грандиозности масштаба, владевшие немецким обществом, сменились депрессией и глубоким упадком. Эта депрессия и упадок переживались особенно тяжело, так как имели религиозный, мистический характер и не могли быть преодолены с помощью простого улучшения социальных и экономических условий, то есть секулярным способом. Восполнить экзистенциальную пустоту в общественном сознании могла только глобальная идея, сопоставимая своим масштабом с грандиозностью утраты.

Таким образом, победа обернулась духовным опустошением, деморализацией и поражением, а поражение не празднуют. Никто не ликовал, тяжелейшая операция не вылечила больного, а лишь ухудшила его состояние, поставив под вопрос все ценности минувшего столетия и целесообразность наступившего. Это хорошо видно не только по работам О. Шпенглера, М. Вебера, Т. Манна, Э. Фромма, А. Камю, Э. Ремарка и десятков других писателей, историков и философов. Немецкий кинематограф конца 1910–1920-х годов (Р. Вине «Кабинет доктора Калигари», Ф. Ланг «Доктор Мабузе — игрок», П. Лени и Л. Берински «Кабинет восковых фигур», Ф. Мурнау «Носферату — симфония ужаса» и др.) пронизан темой бесплодности попыток найти смысл в жизни, ничтожности и слабости человека перед лицом обстоятельств и смерти². Все эти философы, ли-

¹ Подожди, подожди! Не могу. Не могу! Интервью У. Эко А. Ритупсу // Rigas Laiks. Русское издание. Лето 2016. С. 13.

² Примечательно, что многие режиссеры, носители этих настроений (Э. Ульмер, Б. Вильдер, М. Орхульс, Ф. Ланг и др.), бежав из нацистской Германии в Голливуд, создали там целое направление под названием Film Noir, которое условно можно перевести как «Фильм мрака», в рамках которого указанные настроения (учитывая знамение кинематографа в формировании общественного сознания США) передавались и становились частью

тераторы и режиссеры пытались понять, как стало возможно то, что произошло, каким образом, во имя чего «мудрецы и поэты, хранители тайны и веры» (В. Брюсов), визионеры, романтики и символисты убили миллионы людей? Не случайно, по мнению Х. Арендт, именно «смерть стала фундаментальной проблемой интеллектуальной жизни Европы после Первой мировой войны»¹.

Поскольку война не решила проблем, они неизбежно вернулись после ее окончания. Стремление к реваншу, в смеси с отчаянием и обидой, стало тем зерном, из которого начала расти новая война, ставшая неизбежной еще за тридцать лет до своего начала. «Первая и Вторая мировые войны слились в единую войну, которая по аналогии с Великой войной 1618–1648 годов вполне может называться новой Тридцатилетней войной»², — отмечал Г. Мюнклер. Все уже было готово к окончательной отмене морали, которая дискредитировала себя во время Версаля, и замене ее принципиально новыми отношениями Германии с окружающим миром и с собой. «Северная Европа перестала быть «кузницей человека», — писал Б. Беттельгейм, — как бы ни тяжело было это признать моему поколению, пока приход к власти Гитлера не сделал этот факт очевидным для всех»³. Следует уточнить: она перестала быть кузницей довоенного типа человека, став на путь производства человека «нового типа», настолько нового, что не только

мироощущения массовой аудитории сначала в Америке, а затем в Европе. (См.: *Кракауэр З.* От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино. М., 1977.) В рамках этого направления работали такие известные режиссеры, как Ф. Коппола, М. Скорсезе, О. Уэллс, К. Тарантино, и оно сыграло значительную роль в становлении американского и европейского кинематографа XX столетия в целом.

¹ *Арендт Х.* Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 253.

² *Мюнклер Г.* Осколки войны. Эволюция насилия в XX–XXI веках. М., 2018. С. 110.

³ *Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце. URL: http://www.k2x2.info/psihologija/prosveshhennoe_serdce/p8.php.

Б. Беттельгейм, но и многие другие не могли распознать в этом типе человеческие черты.

Именно с общим упадком духа и разложением моральных устоев послевоенной Европы был связан в это время расцвет психоанализа и колоссальный интерес к нему во всех слоях общества. Фрейдизм в Европе, объявлявший человека жертвой подсознательного, уверенно занял социальную и интеллектуальную нишу, которая в Советской России принадлежала марксизму, объявлявшему человека жертвой социальных процессов. Место идеологии в значительной степени было захвачено психологией, которая стала оказывать сильное влияние и на религиозную мысль. Примечательно, что один из самых известных протестантских богословов первой половины XX века, идеолог «христианства без религии» Д. Бонхеффер был сыном психиатра (позднее психология в сочетании с предельно тоталитарной, монументально-языческой идеологией нацистского государства даст невиданную гремучую смесь, которая взорвется прежде всего в концентрационных лагерях). Следует отметить, что СССР благодаря послереволюционной мобилизации, предельной идеологизации жизни, сверхзадачам новой власти и требующемуся для их решения максимальному напряжению сил сумел избежать общеевропейского духовного и аксиологического кризиса.

В результате общественное сознание Германии согласилось с необходимостью преодолеть горечь и унижение Версаля любой ценой. Состояние потрясения и поиск выхода очень точно описаны А. Гитлером в «Mein Kampf». Он вспоминает, как был ошеломлен, узнав об итогах войны («Заплакал впервые после смерти матери... все напрасно... мы жалкие презренные преступники...»), возмущен («Меня охватила ненависть к виновникам случившегося») и начал желать сделать все, чтобы исправить ошибки («Я должен заняться политикой»)¹. Очевидно, он был не единственным в Германии, кого охватили сходные

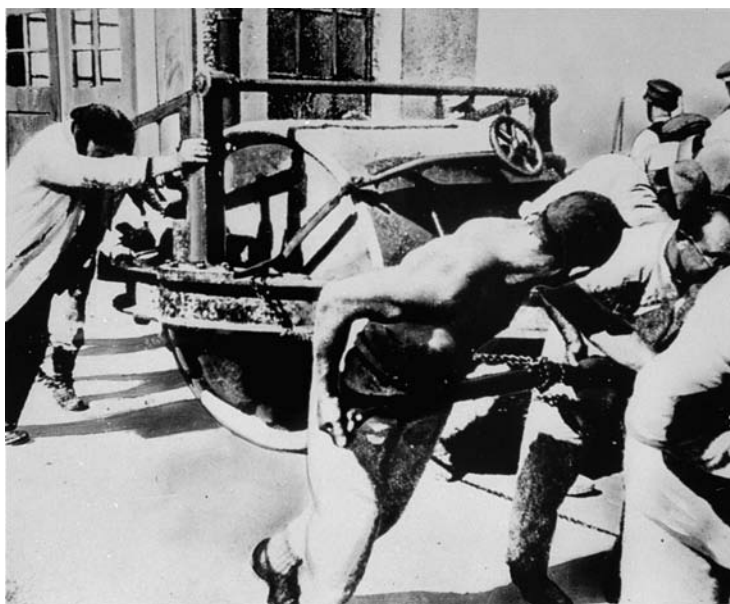
¹ Гитлер А. Mein Kampf. М., 2002. С. 170–171.

чувства. Озабоченные до войны только собственным будущим, немцы теперь в большинстве своем задумались о будущем государства. Ресентимент потребовал публичного, масштабного восстановления попорченного национального достоинства.

Необходимым условием выполнения этого требования стал поиск немецким обществом фигуры, которая могла бы воплотить в жизнь эти ожидания реванша, вернуть немцам чувство собственного достоинства и сделать их ведущей европейской силой. Этот поиск, направляемый нередко квазирелигиозными чувствами, замечали многие сторонние наблюдатели. Художница Е. Ланг, оказавшаяся в то время в Берлине, вспоминает, как на выставке абстрактной скульптуры, представлявшей подобие храма, посетители в каком-то религиозном экстазе стали опускаться на колени. «Да, они несомненно ищут, кому поклоняться, они ищут капища, — задумчиво сказал Муратов. — Только вот удалось бы им найти капище незловредное». Другое наблюдение было сделано ею на занятиях по живописи, когда учащиеся под крики учителя, так же исступленно крича, «изображали эмоции». «У меня мелькнула мысль: «А вот сейчас он станет призывать к убийству, к распятию, к жертве — ведь и пойдут убивать»... То, что в Берлине назревает страшное безумие, не было видно при свете фонарей, при мчащихся машинах»¹.

Именно это квазирелигиозное желание фигуры, которая осуществит реванш, закономерно привело к власти А. Гитлера в 1933 году. Нация, давшая миру Шиллера, Гёте, Канта, Гегеля, Бетховена, Вагнера, Дюрера, Бисмарка, пошла за неудавшимся художником, ефрейтором, совсем недавно ночевавшим в ночлежках и под мостами Вены. Неудивительно, что далее общественное сознание Германии согласилось с возникновением и существованием концлагерей. Согласилось по двум причинам — в силу описанного выше морального упадка нации, а также потому, что считало, что восстановление престижа

¹ Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах. М., 2018. С. 138–142.

Узники-евреи, впряженные в дорожный каток в Дахау. 1933 г.

страны, уничтоженного Версальским миром, восстановление, требующее огромных усилий, потребует и соответствующих жертв, — невозможно без больших затрат быстро вернуть стране величие.

«Нацистское государство развивалось по определенному плану: оно соединило в себе эффективность современных технологий, презрение к общечеловеческим ценностям, нигилистический национал-социализм, бесчеловечность и стремление к власти любой ценой, — писал Б. Беттельгейм. — Все эти черты взаимно усугублялись, что и привело к развязыванию тотальной войны. Это произошло в Германии и, самое странное, не встретило серьезного противодействия»¹. Таким образом,

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. URL: http://bookap.info/sociopsy/bettelgeym_prosveshchenoe_serdtsse/gl30.shtm.

Германия 1930-х годов превратилась в пространство ситуации, особенность которой состоит в том, что силы, действующие внутри нее, приводят к полному параличу возможностей выбора и рефлексии. Для того чтобы появилось пространство возможностей, из ситуации было необходимо выйти, и поиск этого выхода был самой главной задачей. Однако проблема была в том, что выйти из нее уже можно было только через Концентрационный мир.

Именно поэтому многие крупнейшие лагеря создаются еще до начала Второй мировой войны — Дахау (1933)¹, Заксенхаузен (1936), Бухенвальд (1937), Флоссенбург и Маутхаузен (1938), Равенсбрюк (сначала единственный женский лагерь, но позднее еще в 13 лагерях создаются женские зоны) (1939), и вскоре после начала войны возникает Освенцим (1940)². Общее количество нацистских концентрационных лагерей в Европе и их жертв являлись и являются одним из самых дискуссионных вопросов как западной, так и отечественной историографии. Советские исследователи Д. Мельников и Л. Черная дают цифру в 1100 лагерей только на территории Германии, через которые прошли 18 миллионов человек. Из них погибли от 8 до 12 миллионов человек³. По мнению авторов коллек-

¹ Именно в Дахау традиционный порядок пенитенциарного учреждения был трансформирован в систему нацистского лагеря, включающую в себя насилие и уничтожение заключенных. Из Дахау эта система была распространена на весь Концентрационный мир.

² В западноевропейской историографии утвердился немецкий вариант названия лагеря — Аушвиц. Поскольку Освенцим был громаден и состоял из трех основных территорий, нередко для указания конкретной территории применяются уточняющие названия: «Аушвиц-Биркенау» («Бжезинка»), «Моновиц». В данной работе будет употребляться «обобщающее» название «Освенцим», утвердившееся в отечественной историографии.

³ Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии в 1933–1945 гг. М., 1987. С. 257. Необходимо иметь в виду, что количество погибших — это один из самых дискуссионных вопросов темы концентрационных лагерей, но в задачи автора настоящей работы не входит выяснение и уточнение цифр, которыми располагает современная историческая наука.

тивной работы «Топография террора», Концентрационный мир к январю 1945 года состоял из 25 больших и 1200 малых лагерей с 7 миллионами только негерманских заключенных¹. Справочник М. Вейнмана «Система лагерей национал-социализма» содержит сведения о 10 тысячах концентрационных лагерей различных типов, через которые прошло около 12 миллионов человек². М. Семиряга насчитывает 14 033 лагеря, «включая лагеря для военнопленных»³. О. Дворниченко, автор работы о судьбах советских военнопленных, приводит цифру в 22 тысячи лагерей в десяти странах Европы⁴. Согласно последним изысканиям американских исследователей М. Дина и Д. Мегарджи, на территории Европы с 1933 по 1945 год было в совокупности около 42 тысяч мест принудительного содержания (тюрем, гетто и лагерей) военнопленных, политзаключенных, евреев, цыган и «восточных рабочих», через которые прошло от 15 до 20 миллионов человек⁵.

Если взглянуть даже не в детали, а только в цифры, указанные выше, неизбежно напрашивается вопрос: неужели никто не предвидел этого? Тем более что «Mein Kampf» Гитлера, самая яркая из теней, отброшенных вперед, была написана и опубликована еще в 1925–1926 годах, и это было не единственное «предсказание» трагического будущего. Предвидели многие. Предчувствие грядущей трагедии можно найти у публицистов, режиссеров, политиков, ученых. Так, в 1929 году

¹ Topography of terror. Gestapo, SS and Reich security main office on Wilhelm — and — Prinz-Albert-strasse. A documentation. Catalog of the exhibition. Berlin, 2010. P. 157.

² Weinmann M. Das nationalsozialistische Lagersystem (CCP) / Mit Beiträgen von Anne Kaiser und Ursula Krause-Schmitt. Frankfurt a. M., 1990.

³ Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. URL: <https://www.istmira.ru/istvtmir/tyuremnaya-imperiya-nacizma-i-ee-krah/page/46/>.

⁴ Дворниченко О. Чужие. Судьбы советских военнопленных. М., 2017. С. 369.

⁵ Вальтер К., Бушуев М. В «третьем рейхе» было намного больше лагерей, чем считалось до сих пор. URL: <https://www.dw.com/ru/в-третьем-рейхе-было-намного-больше-лагерей-чем-считалось-до-сих-пор/a-16659217>.

вышел роман «Партенау» авторства Макса Рене Хессе. В центре сюжета была дружба обер-лейтенанта Партенау и юнкера Кибольда. Партенау мечтает вернуть Германии величие, рассуждает о создании тайных организаций. Они настойчиво ищут вождя, который негерманские народы отправит в Сибирь, а те европейские территории, которые они теперь занимают, отдаст немецкому народу, ибо последний имеет на это право благодаря своему превосходству над другими народами. «Насколько в ней был предвосхищен язык и образ мыслей Третьей империи!.. — писал В. Клемперер. — Все произведение я воспринимал как порождение дикой фантазии психически неуравновешенного человека. Так, видно, все его и воспринимали, в противном случае непонятно, каким образом в период Веймарской республики могли допустить публикацию столь провокационной книги...»¹

Это было одно из наиболее точных, но не единственное «свидетельство о будущем». Еще в 1924 году Э. Фридрих выпустил фотоальбом «Война против войны», который представлял собой сборник фотографий, на которых были ужасы войны — разрушенные дома, газовые атаки, изуродованные раненые, трупы убитых, парады и многое другое. Альбом произвел потрясающее впечатление на германское общество, и в 1925 году Фридрих открыл в Берлине Антивоенный музей, доживший до 1933 года. В 1928 году был принят пакт Бриана — Келлога, которым пятнадцать передовых стран отказались от войны как от средства ведения политики. Три года спустя А. Эйнштейн и З. Фрейд обменялись широко известными письмами, получившими общее название «Для чего война?», где обсуждали причины войны, ненависти, истоки человеческих конфликтов и возможности преодоления этих все более осязаемых проблем. В 1933 году знаменитый берлинский фотограф Э. Блюменфельд создал на основе коллажа

¹ Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840.

Д. Херфилда ряд собственных фотоколлажей на тему «Гитлер, череп, кровь», где портреты Гитлера сливались с черепами, украшенными свастикой. В 1938 году известный режиссер А. Ганс снял фильм «Je accuse» («Я обвиняю»), представив искалеченных участников войны, и в том же году В. Вулф опубликовала свои знаменитые «Три гинеи» — размышления об истоках войн.

Наиболее ярко предчувствие грядущей катастрофы выразилось у Ф. Кафки, персонажи которого, по мнению В. Подороги, «современному читателю кажутся предвестниками того страшного опыта, который потом части европейского человечества пришлось пережить»¹. Роман «Процесс», в котором человека судят по законам, о которых он не знает, и в конце концов казнят непонятно за что, с поразительной точностью воспроизводит ключевые черты будущей системы, в которую войдет и Концентрационный мир. «Нет сомнения, — говорит главный герой, — что за всем судопроизводством, то есть в моем случае за этим арестом и за сегодняшним разбирательством, стоит огромная организация. Организация эта имеет в своем распоряжении не только продажных стражей, бестолковых инспекторов и следователей, проявляющих в лучшем случае похвальную скромность, но в нее входят также и судьи высокого и наивысшего ранга с бесчисленным, неизбежным в таких случаях штатом служителей, писцов, жандармов и других помощников, а может быть, даже и палачей — я этого слова не боюсь. А в чем смысл этой огромной организации, господа? В том, чтобы арестовывать невинных людей и затевать против них бессмысленный и по большей части — как, например, в моем случае — безрезультатный процесс». Он нанимает адвоката, который говорит ему, что единственно верный путь — это приспособиться к существующим условиям и не выступать против них. Тюремный капеллан предлагает «осознать необхо-

¹ Подорога В. Время после. Освенцим и Гулаг. Мыслить абсолютное зло. М., 2013. С. 82.

димось всего», а выводом является то, что «ложь возводится в систему»¹.

Указанные выше ужасы кафкианских миров, которые в то время казались абсурдом, а сегодня превратились почти что в общее место, а также многие другие опережающие время свидетельства стали характерным проявлением известного «феномена массового предвидения», который нередко наблюдается на грани катастроф и заключается в том, что если народ, страну, регион впереди ждут по-настоящему серьезные испытания, войны, потрясения, то их энергия словно доходит из будущего, вызывая творческий подъем и озарения у людей настоящего. Так, у Петрония и Апулея в их сплетениях разных «басен на милетский манер» и анекдотах, в их вульгарной жажде жизни, *saagre diem* и демонстративном наслаждении всеми ее благами можно видеть прозрения отдаленной гибели Римской империи. У Ф. Бэкона в «Новой Атлантиде» видны зарницы английской буржуазной революции, у Д. Казановы и Сен-Симона — предчувствия Французской революции, а у В. Маяковского и многих его современников — переворота 1917 года. В приведенных свидетельствах, текстах, фотографиях (и не только этих) можно отчетливо видеть грядущие Освенцим и Бухенвальд. Этих «свидетелей будущего» безусловно слушали и слышали, однако помешать катастрофе им не удалось. Заработал механизм неукоснительного приближения конца, который должен был наступить вопреки всем усилиям предотвратить его. Итогом стал Концентрационный мир — фатальный диагноз для европейской цивилизации.

¹ *Кафка Ф.* Процесс. М., 1998.

Система

Концентрационный мир после краткого периода становления превратился в государство, обладающее территорией, городами, инфраструктурой, экономикой, культурой. Прежде всего это государство (или даже «вселенная») было огромных размеров. Его основой были масштабные «мегаполисы», среди которых один только лагерь Освенцим (Аушвиц) насчитывал в длину 12 километров, в ширину 8 километров и занимал площадь 175 гектаров¹, напоминая античный «город-государство». За ним шли десятки городов-лагерей поменьше (Дахау, например, занимал всего шесть гектаров). Меньше всего по размерам были лагеря смерти, так как в них не было необходимости строить здания для постоянного пребывания и обслуживания охраны и узников, — все прибывающие туда почти сразу уничтожались. Лагеря делились по функционалу — для простых военнопленных (Stammlager), пересыльные (Durchgangslager), для военнопленных командного состава (Officierlager), трудовые (Arbeitslager), лагеря смерти (Vernichtungslager) и т. д.

¹ Дневник И. Кремера // Освенцим в глазах СС. Издательство государственного музея в Освенциме, 1975. С. 207–208. «Лагерь был огромен, безмерен — невозможно было охватить взглядом все его пространство. Казалось, сквозь него можно было идти и идти бесконечно» (*Биргер Т.* Завтра не наступит никогда (на завтрашнем пожарище). СПб., 2001. С. 16). П. Леви называет его «необъятным городом» (*Леви П.* Передышка. М., 2011. С. 21).

Существовали даже лагеря, где концентрировались деятели искусства, театра, кинематографа, как, например, Вестерборк (в нем ставились пьесы Шекспира, были прекрасные музыкальные ансамбли и хор) или Терезиенштадт — в последнем процветала (пусть и недолго) музыкальная и театральная жизнь, «настолько разнообразная и насыщенная, что ей мог бы позавидовать какой-нибудь небольшой европейский город»¹.

В этих «лагерях-городах» были четко стратифицированные районы (для администрации, охраны, места работы и отдыха, места уничтожения), улицы и проспекты (Hauptstraße), площади (Appelplatz), своя инфраструктура: отопление, освещение, железные и автомобильные дороги, предприятия, столовые, магазины и т. д. Характерными чертами Концентрационного мира были массовые «миграции» по лагерям, почти полное отсутствие внешней информации, своя система правил и законов, своя медицина, своя культура и досуг (кинотеатры, бордели, бассейны, футбольные поля, зоопарки, в Терезиенштадте работало великолепное кабаре «Карусель» под управлением знаменитого артиста варьете и режиссера К. Герона и была огромная библиотека в 180 тысяч томов (ее посещал В. Франкл). Высокопрофессиональный вокальный дуэт и прекрасное кабаре было в Вестерборке, в Бухенвальде был джаз-бэнд, отлично исполнявший Дюка Эллингтона и Гленна Миллера, своя атмосфера — гибельная для узников и очень комфортная для эсэсовцев. «Главный лагерь Освенцима был как маленький город, — вспоминает служивший в Освенциме ротенфюрер СС О. Гренинг. — Там были свои сплетни, был магазин, где ты мог купить овощи и кости на суп. Была столовая, кинотеатр, театр, где регулярно проводили представления. Был спортивный клуб, который я посещал. Были танцы. Было весело и приятно»². Наконец, была своя экономика и финансовая система (лагер-

¹ Рудницкий Е. Музыка и музыканты Третьего рейха. М., 2016. С. 524.

² Рис Л. Жизнь охранника Освенцима. URL: <https://inosmi.ru/world/20150715/229103836.html>.

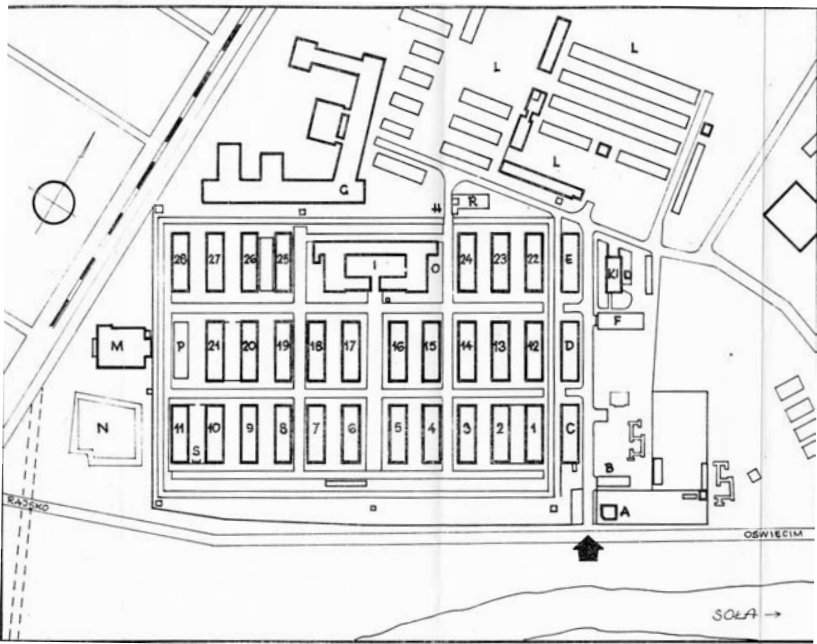

Схема концлагеря Аушвиц I:

А — дом коменданта лагеря, В — главная караульная, С — комендатура лагеря, D — администрация лагеря, Е — госпиталь СС, F — политический отдел (лагерное гестапо), G — помещение для приема в лагерь (ауфнамегабойде), Н — входные ворота, I — кухня, KI — газовая камера и крематорий № I, L — хозяйственные помещения и мастерские, M — склад с вещами убитых, N — карьер — место казней, O — место, где размещался лагерный оркестр P — прачечная СС, R — караульная блокных, S — стена казней, 1–28 — жилые бараки для узников

ные деньги (Lagergeld) и премиальные чеки (Pramienschein), как официальная, так и теневая, — последняя часто по своим объемам почти равнялась официальной¹. Концентрационный мир обслуживали десятки тысяч людей самых разных специальностей: в 1939 году количество сотрудников концентрационных лагерей составило 22 033 человека, а в начале 1945 года

¹ Бойко В.Я. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojkovadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.

численность сотрудников достигала 40 тысяч человек. Это не считая айнзацгрупп, помогавших им полицейских батальонов и других военизированных соединений, вместе с которыми общая численность «обслуживавших» Концентрационный мир достигает почти 100 человек¹.

Д. Руссе отмечал, что лагеря сильно различались между собой, создавая связи на различных уровнях и в разнообразных формах — от форм городов до промышленных центров². В большинстве случаев лагеря размещались неподалеку от крупных городов или столиц, в частности вокруг Берлина, Дрездена, Штутгарта, Мюнстера, Мюнхена, Гамбурга, Ганновера, Касселя, Нюрнберга, Зальцбурга и др. и создавали с этими городами инфраструктурные связи. Таким образом, нацистский концентрационный лагерь становился естественным порождением и продолжением европейской городской культуры, занимавшей ведущее место в общей системе западноевропейской цивилизации. Примечательно, что в СССР, стране по преимуществу аграрной, лагеря располагались вдали от городов, в сельской местности, являясь продолжением сельского и деревенского, но не городского пространства, что существенно влияло на внутреннюю систему советских лагерей.

Освенцим был «столицей» этого мира, заселенного огромным количеством «граждан», разбитых на страты по горизонтали и по вертикали: политические, расово неполноценные, уголовники, антисоциальные элементы, элита и маргиналы и т. д.³ Как «столица», он стал сублимацией концентрационного лагеря в Третьем рейхе. Комендант Освенцима Хёсс на Варшавском процессе отмечал, что «Освенцим занял особое место среди всех концлагерей, мне не раз и не два приходилось реализовывать в нем вещи, которые в других лагерях были немы-

¹ Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 16.

² Rousset D. L'univers concentrationnaire. Paris: Hachette Littératures, 1946. P. 67.

³ Афонасенко И.М. Культура и реальность Третьего рейха (1936—1939). Социокультурные аспекты истории «Третьего Рейха». М., 2007. С. 36.

слимы», и пояснял, что для Гиммлера еженедельно готовился общий отчет о положении дел в лагерях и к нему отдельный отчет о ситуации в Освенциме¹. Примечательно, что большинство строений Освенцима, включая многие бараки для узников, были каменными, в то время как постройки остальных лагерей были преимущественно деревянными². То есть «столица» Концентрационного мира маркировалась материалом и надежностью строений. Именно так в европейском Средневековье столица первой обзаводилась каменными стенами, в то время как остальные города долгое время довольствовались деревянными. Вокруг столицы, словно города-спутники, функционировало еще около 40 лагерей. И это не единственный пример. Концлагерь Маутхаузен был региональной «столицей» Австрии, собравшей вокруг себя 49 лагерей. Равенсбрюк имел 70 лагерей-филиалов, а Бухенвальд — 138.

На то, что Концентрационный мир был принципиально новым явлением, обращает внимание версия В.Я. Бойко о том, что у Гиммлера было свое «толкование» названия столицы этого мира — Аушвица (Auschwitz). В основу термина Гиммлер помещал немецкие слова *ausschalten* («выключать») и *ausschliessen* («изолировать от общества»). «Посмотрев на карту Польши, Гиммлер обратил внимание на то, что названия многих населенных пунктов в районе Освенцима заканчиваются на «витц» — Катовиц, Свентаховиц, Мысловитц, Мановитц, Глейвитц... Тогда он объединил «аус» и «витц». Буква «ш» во-

¹ Цит. по: *Дезелерс Манфред, священник*. «И вас никогда не мучила совесть?» Биография Рудольфа Хёсса, коменданта Освенцима, и вопрос его ответственности перед Богом и людьми. М., 2022. С. 136.

² Заключенный Бухенвальда Е. Эминов вспоминает, что в Бухенвальде «в отличие от Освенцима... стояли капитальные каменные здания, которые с немецкой аккуратностью были расставлены правильными рядами» (см.: *Эминов Е.* Смерть не самое страшное. М., 2021. С. 134), но это очевидная ошибка, которых в воспоминаниях бывших заключенных встречается достаточно. Бараки в Бухенвальде были деревянными, а некоторые даже разборными. Два из них позднее были вывезены в СССР (вместе с оборудованием кухонь и прачечной) и переданы в один из лагерей МВД.

шла как соединяющая, для удобства произношения»¹. То есть, по версии Гимmlера, в названии столицы Концентрационного мира были обозначены две главные типологические черты последнего: изоляция от остального мира, мира живых, его обитателей, и их «выключение» из этого мира, то есть уничтожение.

Необходимо обратить внимание на еще одно существенное обстоятельство. Столица Концентрационного мира — Освенцим — была основана в 1940 году на территории Польши, то есть вынесена далеко на Восток за пределы нацистской «ойкумены». В мировой истории процессы создания новых империй нередко включали в себя устройство будущих столиц, опережающее непосредственно территориальные приобретения. Эти столицы, выносившиеся либо на границы государства, либо вообще за его пределы, на недавно присоединенные земли, становились символическим центром государства, которое должно было быть создано в будущем. Князь Святослав Игоревич (X век), пытавшийся построить империю, сделал попытку устройства ее столицы в Переяславце на Дунае, символически включив в будущую империю территории Балкан и части Византии. Иван Грозный после присоединения Поволжья и начала движения России за Урал начинает в 1560-х годах создавать новую столицу в Вологде, пытаясь выстроить центр равновесия государства, стремительно увеличивающегося на Восток. Петр I в 1703 году переносит новую столицу строящейся империи из Москвы на западную границу, обозначая будущие территориальные претензии на Скандинавский полуостров и в целом указав предполагаемый вектор расширения России на Запад.

Таким образом, с появлением Освенцима был утвержден центр «Восточного сектора» Германской империи, символический рубеж которой теперь проходил по границе Польши и Белоруссии. Можно обратить внимание, что после начала войны

¹ Бойко В.Я. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojko-vadim-yakovlevich/posle-kazni/5>. Автор ссылается на другие источники, подтверждающие эту версию, однако не называет их.

и захвата Белоруссии и Украины, восточнее Освенцима создается цепь лагерей, игравших роль «городов-спутников», условных «факторий» империи, являвшихся проводниками нового государственного и социального мироустройства и утверждавших захваты новых территорий¹. Это Майданек (1941), Белжец (как лагерь смерти начал создаваться с 1941 года), Треблинка (1942) и Собибор (1942). Примечательно, что три последних стоят или находятся в непосредственной близости от реки Буг, которая точно фиксировала символическую границу территории империи. Не подлежит сомнению, что если бы война не завершилась в 1945 году, то следующая линия «факторий» должна была пройти уже по территории Украины и Белоруссии. Все условия для этого уже были созданы: в 1941—1943 годах возникают концентрационные лагеря Озаричи, Малый Тростенец, Яновский, Дарница, Сырец (через этот лагерь осуществлялась отправка жертв в Бабий Яр) и др., которые нацисты просто не успели оформить инфраструктурно и зафиксировать топографически в системе Германской империи.

Следует обратить внимание на то, что и «столица» Освенцим, и указанные лагеря создавались именно как «лагеря уничтожения», «лагеря смерти», в то время как лагеря на территории Германии, в большинстве своем созданные ранее 1940 года, такие как Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Заксенхаузен и др., статуса «лагерей смерти» не имели, невзирая на то что в них массово уничтожались заключенные. То есть новая территория империи была маркирована как пространство, которое должно быть освобождено от населения как пространство смерти, в противовес «Западному сектору» — Германии, где в лагерях людей не уничтожали, а «исправляли трудом». Граница Третьего рейха отныне в буквальном смысле проходила по грани-

¹ Аналогии этому также есть в мировой культуре — в процессе экспансии ислама в первые века после его возникновения на новых границах, в которые были включены захваченные территории, ставили минареты, символически обозначавшие религиозный и политический статус территории.

це бытия и небытия, и пересекающие ее либо уничтожались, либо — «расчеловеченные», в ничтожно малом количестве — сохранялись для нужд империи.

В результате возникла дихотомия. Освенцим (восточная столица), при всех отличиях, стал по «изнаночному принципу» изоморфен западной столице, Берлину, с той разницей, что Освенцим был столицей без столичности, его население не имело статуса горожан и было причислено к сообществу неэффективных и лишних людей, в отличие от полезных и нужных жителей Берлина. Освенцим не был столицей ровно в той степени, в которой захваченные территории не были Германией, и точно фиксировал это положение вещей.

Амбивалентность двух столиц проявлялась и в том, что Берлин утверждал и гарантировал бытие «Тысячелетнего рейха» (то есть вечное бытие), Освенцим — тотальное и вечное небытие, но и там и там общей точкой схождения была вечность, отсутствие времени. Освенцим своими бараками, крематориями, рампами¹ точно так же отрицал красоту, эстетизм и мо-

¹ Разгрузочная рампа в концентрационном лагере (прежде всего в Освенциме) — железнодорожная платформа, где проводилась селекция вновь прибывших.

нументальность стиля жизни империи, как Берлин утверждал их в величественных архитектурных утопиях А. Шпеера. Но наличие и того и другого было необходимым условием государственного существования. Нацистская империя, в которой искали оправдание своей целесообразности и внутренней логики обе столицы, не могла существовать ни без Освенцима, ни без Берлина.

Небольшие в большинстве своем по размеру, лагеря концентрировали в себе мощную «энергию выживания» и «энергию смерти», которая неизбежно деформировала личности как заключенных, так и администрации. Лагеря становились местом абсолютной власти над географическим и людским пространством, местом поглощения пространства, когда, по словам Вольфганга Софски, «человек перестает быть осью собственного мира, а является лишь объектом в пространстве этого мира»¹. Основная задача лагерей заключалась в сокрушении тела и разума людей, которые сопротивлялись процессу огосударствления человека, и ликвидации тех, кто считался ненужным новому порядку².

Концентрационный мир стал экспериментальной площадкой по созданию принципиально нового вида глобальной цивилизации тотального порядка, и эта тотальность должна была лежать в основе биологической, психологической и ментальной структуры людей, населяющих эту цивилизацию. «Мы работаем под землей и на земле, под крышей и на дожде, у вагонеток, с лопатой, киркой и ломом. Мы таскаем мешки с цементом, кладем кирпич, укладываем рельсы, огораживаем участки, утаптываем землю... Мы закладываем основы какой-то новой, чудовищной цивилизации», — писал Т. Боровский, вспоминая свое заключение в Освенциме³.

¹ Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp / Translated by William Templer. Princeton University Press, 1997. P. 49.

² Buchenvald. Ostracism and violence. 1937 to 1945. Gottingen, 2017. С. 43.

³ Боровский Т. У нас в Аушвице. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=243421&p=7>.

Заклученные концлагеря Дахау изготавливают шипы
для колючей проволоки

Начиная рассмотрение феномена Концентрационного мира, необходимо указать на одно важное обстоятельство. Концентрационный лагерь — это не тюрьма, не просто место изоляции человека от общества и уж тем более не место исправления. Это создавала как сама администрация лагерей, так и заключенные. По свидетельству узника Дахау П. Нейрата, ближайший помощник коменданта лагеря Г. Барановски обратился к вновь прибывшим заключенным со словами: «Не ошибитесь. Это тюрьма, но это не тюрьма. Это концентрационный лагерь Дахау. Это имеет значение. Вы скоро увидите разницу»¹. К чему приводят попытки пользоваться «тюремными» шаблонами для понимания реальности нацистских концентрационных лагерей, хорошо показал узник Освенцима П. Леви на примере его встречи со школьниками: «Один бойкий мальчик... задал мне традиционный вопрос: «Почему вы не убежали?» Я коротко перечислил ему причины, о которых пишу в этой главе. Немного смутившись, он попросил меня нарисовать на доске план лагеря... я выполнил его просьбу. Он несколько секунд внимательно изучал мой рисунок, задал несколько уточняющих вопросов, после чего предложил мне следующий план побега: задушить ночью часового, переодеться в его форму, добежать до подстанции, отключить электричество — тогда и прожекторы погаснут, и проволока будет обесточена, — после чего спокойно уходить. И добавил без тени шутки: «Если с вами еще раз такое случится, действуйте, как я сказал, и вот увидите, у вас все получится».

«Мне кажется, — продолжает Леви, — этот эпизод наглядно подтверждает, как увеличивается год от года пропасть между тем, что было там на самом деле, и тем, как это представляется сегодня благодаря книгам и фильмам с их очень приблизительной правдой. Современное представление неудержимо сползает к упрощениям и стереотипам. Хотелось бы поставить

¹ Neurath P. *The Society of Terror: Inside the Dachau and Buchenwald Concentration Camps* / Edited by Nico Stehr and Christian Fleck. Paradigm Publishers, 2005. P. 34.

Баракы концлагеря Дахау. 1945 г.

преграду на пути этого сползания и в то же время пояснить, что я говорю не о каком-то случайном явлении из недалекого прошлого и не об исторической трагедии; проблема эта гораздо шире, она связана с нашим неумением или неспособностью воспринимать чужой опыт, о котором по мере его удаления из нашего времени и пространства мы судим со все большей легкостью. Мы стремимся приравнять тот опыт к сегодняшнему, представляя себе освенцимский голод как голод человека, пропустившего обед, а побег из Трешлинки как побег из римской тюрьмы Реджина Чели»¹.

Хотя высказанное выше положение не нуждается в специальных доказательствах, нужно указать на несколько важных отличий тюрьмы и нацистского концентрационного лагеря. Впервые разницу между нацистским концентрационным лагерем и тюрьмой отметил еще в 1947 году психолог Герберт А. Блох. На основании интервью с несколькими сотнями женщин, которые были заключенными лагеря Маутхаузен и тюрьмы Ордруф,

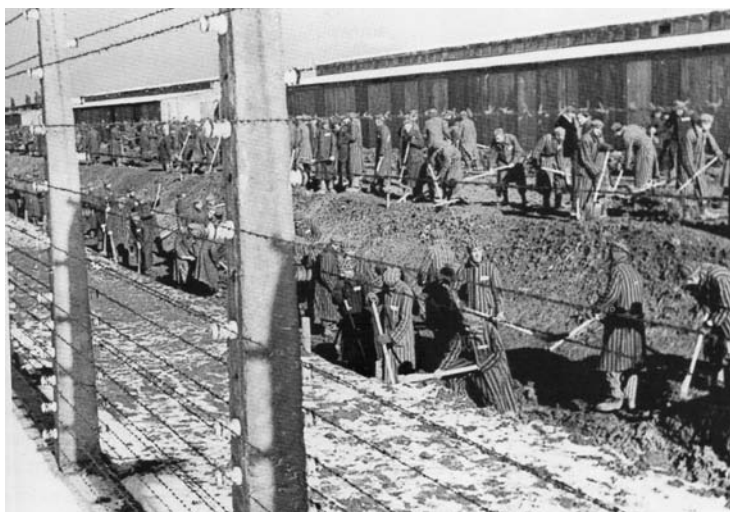
¹ Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 131–132.

он установил, что социальные процессы в тюрьме и лагере существенно различались. Если в тюрьмах доминировали центристские интеграционные силы, то в концентрационных лагерях преобладали центробежные. Иными словами, в тюрьмах социальные связи между заключенными являются правилом, а в лагерях исключением, так как в последних отсутствуют условия, которые могли бы обеспечить сплоченность узников и стабильность их связей. В тюрьмах жизнедеятельность узников не сводится только к выживанию, в концлагерях именно выживание является главной задачей, что препятствует возникновению сообществ заключенных и приводит к «первобытному состоянию человеческой общности»¹.

Кроме того, большинство заключенных отправлялись в нацистские лагеря по самому ничтожному поводу, который был именно поводом, но не виной, подлежащей искуплению, и там гибли. «Я и мои товарищи тысячу раз задавали себе вопрос, за что мы должны терпеть такую жизнь. Мы спрашивали об этом также других товарищей... «Преступление» одного из них заключалось в том, что он, работая в сельском хозяйстве, бил корову, а другого — в том, что он воровал вишни с дерева. Третий товарищ, работая на усадьбе, куда он был назначен, забыл дать лошади овес. Четвертый попал в лагерь за то, что он без отпускового билета поехал к своей сестре, проживавшей от него на расстоянии 50 километров», — вспоминали узники². Подавляющее большинство заключенных оказались в лагере вообще только из-за их национальной или расовой принадлежности, то есть в силу непреодолимой очевидности, которая не подлежит наказанию и не может служить причиной сегрегации и лишения свободы и жизни по определению. Кроме того, эти люди оказывались в лагере без судебной процедуры или приговора, а в самих лагерях они были полностью лишены любых прав

¹ Bloch, Herbert A. *Personality of Inmates of Concentration Camps* // *American Journal of Sociology*. 1947. 52 (4). P. 337–339.

² Бухенвальд. Документы и сообщения. М., 1962. С. 332.

Заключенные концлагеря Аушвиц выполняют работы по выравниванию и осушению местности на строительстве лагеря. 1940 г.

и отданы во власть лагерного начальства, начиная с самых низших должностей типа капо¹.

Важнейшей чертой лагеря, отделяющего его от тюрьмы, а также эффективным инструментом разрушения личности заключенных было помещение их в лагеря на неопределенное время, по сути навсегда. Приказ о концентрационных лагерях, изданный шефом гестапо (документ ПС-1531, США-248), требовал: «Ни при каких обстоятельствах не... разглашать продолжительность срока заключения, даже если таковой уже установлен рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции, либо начальником полиции безопасности и СД. Официально следует объявлять, что срок содержания в концентрационном лагере будет продолжаться «вплоть до дальнейшего

¹ *Капо* — обозначение «должности» привилегированного заключенного в Концентрационном мире. Обычно это староста барака или надзиратель.

уведомления»¹. Распоряжением РСХА от 27.08.1941 года предписывалось воздерживаться от любого рода освобождений из лагерей². А. Малофеев, попавший в Бухенвальд, вспоминал: «Ко вновь прибывшим подошел немец в гражданском, отвел от стены, построил по трое и объявил, что они находятся в концлагере Бухенвальд и будут здесь вечно»³. То есть срок заключения никак не был связан с качеством работы узников и их усилиями по соблюдению порядка, как в обычных тюрьмах.

Неопределенность срока заключения, по признанию даже коменданта Освенцима Р. Хёсса, была самым мучительным и разрушительным фактором личностей узников. «Я говорил об этом со многими трезвомыслящими, благоразумными политзаключенными. Все утверждали в один голос: можно было вынести все тяготы лагерной жизни — произвол эсэсовцев или лагерного актива, суровую дисциплину, многолетнее принудительное сожительство, однообразие будней, но только не неизвестность срока заключения. Это разрушало даже самую сильную волю. Неопределенность срока заключения, — а его продолжительность часто зависит от совершенно ничтожных чиновников, — это, по моим наблюдениям и выводам, фактор, который оказывает самое плохое, сильнейшее воздействие на души заключенных. Профессиональный преступник, приговоренный, например, к 15 годам тюрьмы, знает, что он выйдет на свободу не позднее этого срока, а еще вероятнее, значительно раньше. Политзаключенный в концлагере, водворенный туда зачастую на основании невнятного доноса или усилиями недоброжелателей, направляется в концлагерь на неопределенное время... Его протесты и жалобы не имели смысла. При благоприятных обстоятельствах иногда случались, в порядке

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 5. М., 1991. С. 515.

² Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978. С. 47.

³ Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллери-ста. М., 2010. С. 268.

исключения, «пересмотры», которые заканчивались внезапным освобождением. Но все это были исключения. Как правило же, продолжительность срока определялась произволом судьбы»¹.

Примечательно, что освобождение из лагеря нередко понималось нацистами не как выход за пределы Концентрационного мира (как в обычной тюрьме), а как перевод из одного лагеря в другой, что лишний раз подчеркивало непреодолимость системы в целом. Бывший узник Маутхаузена Н. Киреев свидетельствовал: «Первый лагерь был Гроссберен. Это штраф-лагерь, под Берлином. Там такая система: два месяца, потом энтлассен, как они говорили. Дескать, ты отсидел достойно, значит, идешь на свободу. А на самом деле это была игра... Некоторые действительно искренне думали, и я тоже думал — свобода. Оказывается, у них такие передвиги. Из лагеря везут обратно в гестапо, повторяется тур истязаний. Некоторое время находишься в гестапо. И затем в другой лагерь направляют»². Н. Киреевым отмечена важная деталь — переход из лагеря в лагерь осуществлялся не непосредственно, а непременно через гестапо, где заключенный каждый раз проходил череду истязаний, представлявших собой в этнографической терминологии «обряд перехода» из одного пространства в другое (подробно об этих обрядах и их значении в системе Концентрационного мира речь пойдет далее).

Выход из Концентрационного мира был в принципе невозможен — хотя бы потому, что лагерь без заключенных, системы насилия вокруг них, их смертей не мог существовать, он переставал быть ключевым проявлением нацистского государства. Освобождение «из жизни в жизнь» не было составной части природы Концентрационного мира, из лагеря выходили толь-

¹ Комендант Освенцима. Автобиографические записки Рудольфа Гесса. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1003046/9/Gess_Rudolf_-_Komendant_Osvencima._Avtobiograficheskie_zapiski_Rudolfa_Gessa.html.

² Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 217–218.

ко через смерть. В многочисленных мемуарах зафиксирован тезис, который эсэсовцы неоднократно озвучивали узникам: «Сюда входят в ворота, а отсюда выходят через трубу». Поэтому любое освобождение заключенного (это случалось до начала Второй мировой войны или в качестве исключения, причем освобождали даже евреев¹) создавало опасный прецедент, грозивший системе в целом, и такая практика была быстро прекращена. Не случайно администрация лагерей исключительно жестоко реагировала на побег и попытки побегов заключенных вне зависимости от количества бежавших или пытавшихся бежать. Поэтому единственное удачное восстание заключенных в лагере Собибор в 1943 году привело к тому, что лагерь был немедленно закрыт, полностью уничтожен, а на его месте посеяли картофель — в указанной выше логике лагерь, из которого возможен массовый побег (и побег в принципе), не может существовать.

Не менее опасна для понимания феномена Концентрационного мира не только связка «тюрьма — концлагерь», но и связка «концлагерь — концлагерь» (имеются в виду прежде всего советские лагеря), очень популярная в историографии². Она дает превратное представление о функционировании системы нацистских концентрационных лагерей, уводящее от сути. Это связано прежде всего с разницей систем, породивших то

¹ После «Хрустальной ночи» (с 9 на 10 ноября 1938 года) нацисты отправили в концентрационные лагеря до 40 тысяч евреев, но в течение полугода почти все они были отпущены. См.: Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 13.

² См. материалы берлинского симпозиума 2007 года «Лагерь как пограничный опыт. Памяти Варлама Шаламова». URL: <https://shalamov.ru/events/16/>; Heller A. Auschwitz és Gulág. Budapest, 2002; Подорога В. Время после. Освенцим и Гулаг: Мыслить абсолютное зло. М., 2013; Pitzer A. One long night. A Global History of Concentration Camps. N.Y. — Boston—London, 2017; Шнайдер Т. Холокост: игнорируемая реальность // Неприкосновенный запас. 2009. № 9 и т. д. Дискуссия на эту тему здесь: <https://www.quora.com/Why-is-Russian-gulag-so-rarely-mentioned-vs-German-labor-camps-despite-the-fact-that-a-lot-more-people-died-in-the-gulag-system> и др.

Политический 42730	Политический, арестованный повторно 36560	Политический, арестованный во время мас- совых арестов осенью 1939 г. 49216 	Политический еврей 57821
Эмигрант 	Сектант 	Асоциальный элемент 	Профессиональ- ный преступник
Политический из Советского Союза 	Политический француз 	Штрафная рота 	Пытался совершить побег

Нашивки-винкелы, которые носили заключенные концлагерей.

Заключенные-иностранцы носили на «треугольниках» буквы, обозначающие их национальность, например, итальянцы — I (Italien), голландцы — N (Niederlande), поляки — P (Polen), чехи — T (Tschechoslovarei), советские военнопленные — SU (Sowjetunion) без треугольника

и другое явление. С. Жижек в «Чуме фантазий» отмечает, что эта разница заключалась в том, что Советская Россия основывалась «на истинном событии», то есть Октябрьской революции, в то время как «фашизм был псевдособытием, ложью под видом аутентичности». Далее он со ссылкой на А. Бадью характеризует Советскую Россию времен Сталина как «бедствие», сохраняющее связь с «истинным событием», а нацистскую Германию — как «небытие», «имитирующее событие, как эстетическое зрелище, лишенное сердцевины Истины»¹. То есть в одном случае лагерь исправлял человека через жизнь (бытие), в другом через смерть (небытие), в советском лагере смерть не была главным итогом пребывания, она была следствием тех или иных условий и форм жизни, в ряде случаев «побочным эффектом» системы. В нацистском лагере смерть была целью, а ее достижение — основной задачей системы. Заключенные советского лагеря были нужны государству, узники нацистских концентрационных лагерей были не нужны даже самим себе, и поэтому такого рода явления, как указаны выше, там были невозможны по определению.

Необходимо указать так же и на то, что советский ГУЛАГ был естественным продолжением российской дореволюционной системы наказаний, включающей каторгу и ссылку. Каторжный и ссыльный опыт сотен и тысяч революционеров вошел в общественное сознание, в опыт политической борьбы и зачастую был необходимым условием социального признания статуса революционера. Внутренняя готовность пройти через лагерь и ссылки, пострадать была присуща менталитету первых поколений советских людей, что учитывала и власть. Поэтому в советской художественной и мемуарной литературе лагеря нередко описывались как важный фактор становления человека, как возможность самореализации (известные «шарашки»), как вынужденное место встреч культурных и образованных людей, где создавались новые и поддерживались старые связи.

¹ Жижек С. Чума фантазий. Харьков, 2017. С. 118.

«Странные все-таки вещи творились нашими тюремщиками, — писал Д.С. Лихачев, отбывавший срок на Соловках в конце 1920-х годов. — Арестовав нас за то, что мы собирались раз в неделю всего на несколько часов для обсуждения волновавших нас вопросов философии, искусства и религии, они объединили нас сперва в общей камере тюрьмы, а потом надолго в лагерях комбинировали наши встречи с другими такими же заинтересованными в решении мировоззренческих вопросов людьми нашего города, а в лагерях широко и щедро с людьми из Москвы, Ростова, Кавказа, Крыма, Сибири. Мы проходили гигантскую школу взаимообучения»¹. Как бы противоречиво это ни звучало, но лагерь был отражением естественного порядка вещей, картой существующего государства, на которую были нанесены места работы, культурно-воспитательные части, газеты и журналы, книги, театры и даже музеи, как в Соловецком лагере особого назначения, доступные всем социальным категориям, находящимся в лагере (а пресса и книги, издававшиеся в лагерях, были широко доступны всем желающим: на «Соловецкие острова» — главный журнал Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОИ) — подписка принималась во всех почтовых отделениях Советского Союза). Поэтому о лагерях значительная часть населения страны знала или как минимум отдавала себе отчет, что их не может не быть. И наконец, система ГУЛАГа не знала категории лагерей смерти, так как, по замечанию О. Пленкова, в системе советских лагерей «не было ни одной категории заключенных, для которых смерть была абсолютно гарантирована»², в отличие от категорий комиссаров, цыган или евреев в нацистских лагерях.

Концентрационный мир нацистского государства был принципиально новым явлением, у которого были прообразы, но не было аналогов, то есть это была карта несуществующего,

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1997. С. 190.

² Пленков О.Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб., 2019. С. 98.

будущего, но так и не состоявшегося государства. В нем были и театры, и развлечения, но пользоваться ими могла только администрация лагеря и эсэсовцы. Этот мир был создан в обществе, значительная часть которого была готова воевать и даже умирать за Германию, но не испытывать мучения за нее в лагерях. Внезапный «скачок» в систему лагерей долго не позволял рядовым немцам осознать их реальность, поэтому далеко не все жители окружавших лагерь населенных мест лукавили, когда утверждали, что ничего не знали о происходящем в Бухенвальде, Дахау или Равенсбрюке. Д. Агамбен отмечает, что лагерная система нацизма рождается «не из обычного права, а из чрезвычайного положения и законов военного времени. <...> Лагерь — это пространство, открывающееся тогда, когда чрезвычайное положение начинает становиться правилом»¹. То есть лагеря смерти были закономерностью в нацистской Германии. Советская система допускала со временем исчезновение лагерей, нацистская нет (об этом уже говорилось и еще пойдет речь). Поэтому попытки понять данный феномен путем аналогий с обычной пенитенциарной системой, с системой ГУЛАГа, заранее обречены на неудачу, хотя некоторые совпадения по форме, но не по сути возможны².

¹ Агамбен Д. Средства без цели. М., 2015. С. 44–45.

² Несколько отсылок в данной работе к лагерному опыту Д.С. Лихачева не направлены на поиск сравнений, а связаны с тем, что Лихачев очень точно описывал некоторые особенности психологического состояния узника в те или иные моменты. Некоторые западные исследователи также подчеркивают недопустимость указанных аналогий, как, например, Т. Лакер. См.: Лакер Т. Преданные террупу. URL: <http://gefeter.ru/archive/18862>.

Архитектурный образ

Архитектурное оформление, то есть внешний образ Концентрационного мира, в отечественной историографии никогда не становился предметом специального исследования, хотя данный образ не только точно отражал состояние этого мира, но и сам в значительной степени формировал ментальные и психологические состояния его обитателей. Важно понимать, что, соприкасаясь с архитектурой лагерей, мы сталкиваемся с явлением, в котором архитектура как таковая перестает иметь доминирующее значение, вытесняясь на периферию совершенно иных смыслов. П. Джекоб точно отмечает, что постройки концентрационных лагерей не есть «произведение архитектуры, как мы обычно думаем о нем, то есть нечто эстетическое и достойное анализа», так как это «маркер геноцида, а не архитектура». Здания концентрационных лагерей «были спроектированы эсэсовцами, построены принудительными рабочими и испытаны лагерными заключенными; каждая категория участников имела особое отношение к каждому зданию»¹. Таким образом, постройки лагерей воплощают в себе прежде всего систему нацистского планирования и формы существования узников, насилие над ними и акты выживания. То есть со-

¹ Paul B. Jackot. Architecture of the Holocaust. URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/20170502-Jaskot_OP.pdf.

держание архитектуры концентрационных лагерей настолько доминирует над формой, что делает последнюю несущественной и почти полностью поглощенной этой формой. Внешний вид лагерных построек перестает иметь какое-либо значение, они представляются наблюдателю овеществленными, статичными актами геноцида, способом удержания травматического опыта, который именно в архитектурном воплощении приобретает вечную незавершенность и актуальность.

Пространство концентрационных лагерей и их планировка были строго геометричны. В основе планировки и геометричности, без сомнения, лежали прежде всего «градообразующие» принципы воинской части и промышленного объекта — завода или фабрики, где все обычно подчинено функциональности и нацелено на максимально точное и эффективное выполнение поставленных задач, а также на обеспечение и реализацию удобства управления. В этом смысле, вероятно, правильнее было бы говорить об инженерии, а не об архитектуре лагерей, так как последнюю больше занимает эстетика, но мы все-таки воспользуемся термином «архитектура».

Характерная деталь: первые лагеря в первой половине 1930-х годов (и затем уже на оккупированной территории СССР) часто создавались в бывших промышленных зданиях и на территориях предприятий и воинских частей, что накладывало отпечаток на организацию лагерной жизни¹. Все лагеря имели прямоугольную форму, и только один из первых лагерей, Заксенхаузен, был спланирован в форме треугольника (есть мнение, что это было сделано для того, чтобы лучше простреливать

¹ Примечательно, что в СССР очень многие лагеря создавались в стенах бывших монастырей (в Даниловом, Ивановском и Новоспасском в Москве, в Спасо-Евфимиевом в Суздале, в Казанском в Рязани, Борисоглебском в Дмитрове, Александро-Невском в Борисоглебске Воронежской области, Екатерининской пустыни под Москвой и т. д.), самый известный из которых — Соловецкий монастырь — после организации на его территории лагеря стал символом ГУЛАГа. Монастырская обстановка, остатки быта, изуродованные, но сохраненные храмы — все это также служило фактором формирования особых черт менталитета узника.

Строительство концлагеря Аушвиц. Слева — начальник строительства
штурмбаннфюрер СС Карл Бишофф

территорию), которая, судя по всему, имела ряд уязвимых мест (прежде всего острые углы в планировке) и поэтому осталась единственным прецедентом в системе «градостроительного» планирования Концентрационного мира.

Концентрационные лагеря можно описать как воскрешение опыта средневековых и древних городов, которые, в отличие от современных городов, раскрытых в пространство, закрывались стенами от внешнего мира, обуславливая абсолютную автономность, герметичность существования и логически связывая воедино все события, происходящие в пределах стен. Лагерь имеет три важнейшие архитектурные составляющие средневекового города: ворота, сторожевые вышки (башни) и связывающие их стены. Все эти составляющие приобретают в лагере особый, гиперболизированный характер.

Вышки и их охрана предназначены не для отражения внешней угрозы, а для защиты от агрессии, идущей изнутри стен, которые имеют сходную с башнями функцию, — с той

лишь разницей, по сравнению с городскими стенами, что к ограде лагеря даже нельзя подойти. Ворота лагеря предназначены почти исключительно для входа (выход из лагеря предусмотрен через крематорий), и проход через ворота семантически и семиотически полностью меняет человека, превращая его в ходячего мертвеца, бессловесную пронумерованную статистическую единицу.

В общей архитектурной системе лагеря сторожевые вышки имели еще одно важное значение. По мысли Ю.М. Лотмана, семиотика пространства всегда имеет направленность и ее типологическим признаком является направление взгляда, точка зрения некоего идеального наблюдателя¹. Архитектурное пространство лагеря создавалось с учетом взгляда сверху, с вышек, и создавалось таким образом, чтобы со всех точек наблюдатель видел практически аутентичную картину, что было необходимо для моментального реагирования на любые непредвиденные ситуации. Поэтому направление взгляда совпадало с направлением выстрела, пространство должно было быть максимально простреливаемым. Не было смысла видеть то, во что невозможно было выстрелить, траектории выстрела определяли не только характер и формы архитектуры, но и систему внутренних взаимоотношений обитателей. В координате «экономики выстрела» оценивалась человеческая жизнь.

«Почти ежедневно, — вспоминал Б. Беттельгейм, — какой-нибудь охранник, играя своим пистолетом, говорил заключенному, что пристрелил бы его, если бы пуля не стоила три пфеннига и это не было бы для Германии столь разорительно»². В свою очередь, взгляд узника при передвижении по лагерю в перспективе всегда упирался в вышки или стену, что подчеркивало безысходную замкнутость пространства, а постройки лагеря со всех сторон были одинаковыми, пространство не

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 681.

² Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108094&p=47>.

Ворота концлагеря Бухенвальд с надписью «Каждому свое». Апрель 1945 г.

членилось, оставалось единообразным, нигде нельзя было найти точку, с которой пространство лагеря выглядело бы иным, хоть в чем-то отступающим от своей подавляющей, монологичной сущности.

Лагеря состояли из нескольких частей, среди которых (в рамках рассматриваемого сюжета необходимо это повторить) основными были бараки, аппельплацы (площади для построений), хозяйственные постройки (вещевые склады, лазарет, кухня, бараки-туалеты и т. д.) и крематорий, выстроенные по стандарту. Территория была обнесена каменной стеной (или стеной из колючей проволоки на бетонных столбах), и ее высотными доминантами были входные ворота (часто с башенкой, как в Бухенвальде, Освенциме, Дахау, Заксенхаузене), караульные вышки и трубы крематория(ев). За территорией лагеря (в «пригороде») располагались хозяйственные угодья, казармы СС и жилые дома администрации. Нередко лагеря включали в себя обширные территории для размещения землянок или палаток узников, когда последних оказывалось слишком много.

Архитектура лагеря прежде всего была тем основным языком, с помощью которого нацистское государство визуально общалось с людьми, выброшенными за семантические границы этого государства. Если за пределами лагеря архитектура воспринималась и понималась в коммуникативном и структурном контексте, по выражению А. Раппапорта, как «вторичная моделирующая система», где первичной моделирующей системой считался язык и речь, то есть язык слов¹, то в Концентрационном мире возможности языка и архитектуры как средства социокультурной коммуникации уравнивались, в то время как функция архитектуры как искусства эстетической организации пространства и моделирования универсума отступала на второй план. Архитектура лагеря становилась метафорой тотальности, точным отражением бытия узников, которое характеризовалось полным обобществлением как иму-

¹ Pannanoptm A. Архитектурная пропедевтика: язык архитектуры. URL: <http://papardes.blogspot.com/2015/09/3.html>.

щества, так и их самих, стандартизацией, шаблонностью действий заключенных и их нацеленностью на выполнение необходимых производственных задач. Эта архитектура отрицала эстетику, вытесняла ее, заменяя идеологией и бессодержательной, рефлексивной бесчеловечностью.

Взаимоотношения человека и среды всегда строятся по амбивалентной схеме: либо человек подчиняет себе окружающее пространство, осмысляет его и овладевает им, либо среда подчиняет себе человека, формируя у последнего определенный стиль мышления, черты характера и паттерны поведения. Бесспорно то, что во взаимоотношениях лагерной среды узник всегда оставался субъектом, а среда — объектом. Причем узник был субъектом без субъектности, а среда была объектом, доходящим до пределов объектности, или, в терминологии Т. Мертона, становилась гиперобъектом, то есть объектом настолько масштабным в своей онтологии, что привычные формы и инструментарий понимания этого объекта оказывались нерабочими. В этих условиях оказывались постижимы только внешние формы проявления гиперобъекта (одной из таких наиболее очевидных и наглядных форм и была архитектура), но не сам гиперобъект, что приводило к тотальному подчинению узника среде, поглощению ею любого субъекта, который оказывался в ее «силовом поле». Важно обратить внимание на то обстоятельство, что тотальное подчинение распространялось не только на узников, но и на эсэсовцев, которые переживали такие же существенные личностные деформации, как и заключенные. Отсюда парадоксальное единство в каких-то формах узников и эсэсовцев, проявление в тех и других невозможных ранее качеств: сверхжестокости или, наоборот (у эсэсовцев), стремления помочь узникам или даже спасти их.

Организация архитектурного пространства лагеря отличалась регулярностью, которая, по мысли Г. Ревзина, есть важнейший признак политического доминирования¹, статикой

¹ Ревзин Г. Как устроен город. М., 2019. С. 45.

(кардинальной перепланировки, замены архитектурных объектов местами, изменения их функционала и развития общего «ансамбля» не предусматривалось) и авторитаризмом стиля, создающими иллюзию отсутствия времени и создателя этого пространства. Людям в нем отводилось строго определенное место и точно зафиксированные направления движения, определяемые, как уже говорилось, траекторией выстрела.

В данном пространстве не существовало точки восприятия архитектурного пространства, с которой это пространство воспринималось бы целостно и гармонично. Именно поэтому узники описывают здания, в которых они работали и жили, фрагментарно (отдельные комнаты, детали зданий, например дымоходы) или просто как функциональные места: кухня, туалет, ворота. «Этот вид радикальной фрагментации, — пишет П. Джэкот, — говорит не только о травме памяти (всегда частичной), но и о сведении пространства и зданий к составным элементам. Эта неспособность видеть пространство в целостности является результатом того, что необходимость просто остаться в живых поглощает все остальные способности восприятия»¹. Природа зданий, их функционал доминировал и определял восприятие и его уровни. Данная организация пространства была пронизана идеей тотального воздействия на всех находящихся в орбите этого пространства и принудительного подчинения узников одной идее.

Главной реперной точкой архитектуры, основной постройкой Концентрационного мира, воплощающей всю суть системы, был барак лагеря (Blok. Haftlingsunterkufftbaracke). Преобладающим настроением в экстерьерах и интерьерах барака было подавление и насилие, с которым постоянно сталкивались все чувства узника. Избитому, изголодавшемуся, больному телу предназначались усиливающие страдания жесткие деревянные нары с соломенными матрацами и одним одеялом, под

¹ Paul B. Jackot. Architecture of the Holocaust. URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/20170502-Jaskot_OP.pdf.

которым в страшной тесноте лежало несколько человек. Зрением узник в бараке постоянно встречался с десятками таких же измученных лиц или видел трупы умерших за день или за ночь, к зловонию, царившему в бараках, обонянию необходимо было долго привыкать, ночью приходилось слушать стоны умирающих, бред больных и вскрики спящих, а днем — ругань узников и крики начальства.

Окна барака — важнейшая деталь, которая в значительной степени делает постройку местопребыванием человека, — если они были (в Освенциме ряд бараков был вместо окон оборудован только потолочными отверстиями), не столько впускали свет, сколько вводили в тело барака окружающее пространство лагеря, делали его стены проницаемыми, лишали их и без того незначительной защитной семантики. Таким образом, барак экстерьером и интерьером актуализировал, максимально обострял телесность узника, который, находясь в бараке, то есть формально укрывшись за его стенами от лагеря в целом, еще более ощущал давление и насилие окружающего пространства. По общей мысли А. Павельчинской, это была территория агрессии даже тогда, когда эта агрессия никем конкретно не выражалась¹.

Внешне бараки представляли собой длинные деревянные одноэтажные здания, которые предназначались почти исключительно для ночевки (в каждом бараке была и «комната отдыха» с печью и простой мебелью, и помещение для старшего по бараку, «блокового», и иногда некоторые другие подсобные помещения), поэтому основное пространство барака (*shlafraum*) было занято трехъярусными нарами, на которых можно было только лежать. Нары предназначались не только для сна, это было основное и единственное «жилое» пространство заключенного — на нарах он жил, хранил вещи, ел. А. Павельчинская описывала нары в бараке как одно из двух мест, где существовало «личное пространство узника» (другим было рабочее

¹ *Pawelczyńska A. Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis*, trans. Catherine S. Leach, Berkeley: University of California Press. 1980.

Главная караульная концлагеря Аушвиц

место), однако это место было настолько ограниченным, что не было способно создать даже минимальную личностную среду¹. То есть именно в бараке отсутствие свободы ощущалось узником особенно остро, даже в бараке он не мог стать самим собой хотя бы ненадолго. «Наш вечер в бараке после окончания долгого рабочего дня отнюдь не был отдыхом — это было очередное испытание», — пишет узница Биркенау П. Левинская². «На каждой кровати спало по два человека, — вспоминал узник лагеря в Кройцбурге В. Тутов. — Это был не сон, а сплошное мучение. Кровать 70 см шириной — как ни укладывайся, все равно тесно. Заснул один, другой перевернулся и разбудил соседа, и так всю ночь ругань, а то и драки»³.

¹ Pawełczyńska A. Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis, trans. Catherine S. Leach, Berkeley: University of California Press. 1980. С. 50–64.

² Цит. по: Hermann Langbein. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. Р. 98.

³ Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М., 2010. С. 72.

Баракы Биркенау вмещали по 60 трехъярусных секций (всего 180 спальных мест), каждое из которых было рассчитано на четырех заключенных, то есть барак вмещал до 700 человек. Лучшими местами считались нижние и средние — верхние обычно были уже под самым потолком. Но была и еще одна проблема: если человек слабел, то у него не хватало сил забраться на третий ярус и он вынужден был ночевать на полу или в ногах у тех, кто спал ниже. Стульев в бараках не было. «Изначально полы в бараках были земляными, позже они были застланы плоским кирпичом или цементными плитками. Зимой баракы не отапливались. Двух металлических буржеек, которые всё-таки установили, не хватало для прогрева всего помещения. Не было и санитарных удобств. Только в 1944 году раковины и туалеты были установлены по углам всех блоков. Электрического освещения вначале тоже не было. В кирпичных бараках заключенные спали на соломе, расстеленной на нарах; тонкие матрасы, набитые «деревянной шерстью», были подстелены на нары в деревянных бараках»¹. Баракы в Освенциме делились по функционалу: в одном размещались капо, в другом канцелярия, еще один был отведен под бордель.

В стандартном бараке для узников размещалось от 150 до 250 человек, поэтому отличительным признаком пространства барака была теснота. Узник Освенцима Е. Ковалев вспоминал: «Барак был забит — там человек семьсот было. Очень много»². «Проходы настолько узки, что два человека в них расходятся с трудом, — свидетельствовал П. Леви, — площадь пола так мала, что все обитатели блока не могут одновременно стоять, половина по крайней мере должна лежать на нарах. Отсюда запрет заходить в чужие блоки»³. Теснота, скученность, формируемая планировкой и архитектурой лагеря, решала важную

¹ Освенцим. Условия жизни. URL: <https://urokiistorii.ru/article/888>.

² Узник Освенцима № 148568: Болеть было нельзя — сразу отправляли в крематорий. URL: https://echo.msk.ru/blog/v_radionov/2047010-echo/.

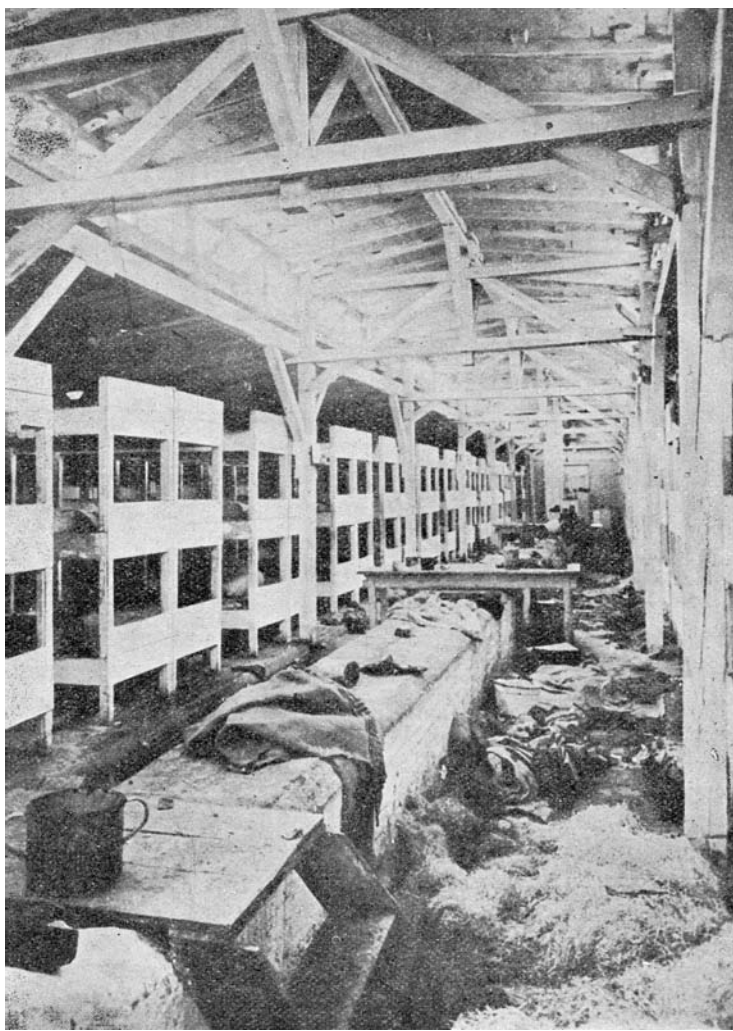
³ Леви П. Человек ли это? М., 2011. С. 55.

задачу — лишала узника пространства, подвижности, то есть физической свободы, становилась ретранслятором требований, предъявляемых узникам администрацией, заставляла придерживаться установленного порядка вне зависимости от желания узника. В результате вся жизнь и деятельность узников превращалась в поиск недостающего жизненного пространства, поиск, сковывавший все другие формы самовыражения. Таким образом, бараки, аккумулирующие в себе семантически всю нацистскую систему подавления личности (насилие, лишение свободы, скученность, страдания), были сублимацией лагеря.

Барак был, если применить к нему терминологию Р. Сеннета, «мертвым пространством», то есть пространством, образованным за счет стирания жилого (обжитого, личного) пространства, на месте которого возникает «место пребывания», территория, где не живут, а спят, переживают, терпят, прячутся. Такое пространство не может создать образ жизни, оно лишено индивидуальности, характерных черт, вернее, они перестают иметь какое-то значение, кроме утилитарного, как архитектура автобусных остановок, мостов или железнодорожных станций, где ждут транспорта или передвигаются.

Барак концентрационного лагеря стал образцом предельно обезличенного, стандартизированного здания, которое можно построить везде, первым опытом массовой типовой застройки, легко воспроизводимой и легко уничтожаемой, лишенной любой оригинальности и ценности, архитектурным маркером, которым осваивались новые захваченные пространства. Именно барак концентрационного лагеря как символ нацистского государства в своем предельном выражении был универсальным знаком объединения Европы под властью Гитлера: бараки лагерей стояли на всей территории Германской империи — от Южной Франции до Минска и Киева.

Поскольку основной массой населения лагерей были обезличенные люди (биологические объекты) под номерами, имевшие исключительно утилитарное значение, то есть эти объекты использовались для решения тех или иных задач (копали зем-

Внутренний вид жилого барака в мужском лагере Биркенау.
Сделано после освобождения лагеря

лю не узники, а узниками), в архитектурном решении лагерей не было объектов, которые были бы запроектированы конкретно под них и учитывали бы их потребности. Главной задачей предельно стандартизированной архитектуры лагерей в этих условиях было придать массе узников форму, структурировать и организовать ее, до предела усилить мобилизационные возможности человеческой или даже биологической массы. Таким образом, архитектура, которая не могла зафиксировать, включить в себя конкретный образ, сама становилась шаблонной, безобразной, это была архитектура дискриминированного, де-социализированного пространства.

Пространство архитектуры — это всегда пространство встречи мастера и человека, говорящего и слушающего, это послание, имеющее адресата. Архитектурные комплексы лагерей не предусматривали этого пространства встречи, метафизического диалога, они были монологичны, ригористичны, возводились без интеллектуальных усилий, а только «инстинктом и волей»¹, то есть без намерения создать что-то иное по сути. Таким образом, в архитектуре лагеря суть полностью совпадала с формой, а отсутствие скрытых смыслов, подтекстов не мешало никому прочесть основное послание, которое эта архитектура должна была донести до человека. А оно заключалось в том, что обитатели лагеря, сбитые в массу без различия принадлежности к социальным стратам, обязаны быть озабочены только порядком и эффективностью.

По замечанию архитектора Р. Колхаса, при проектировании здания одновременно создается его история². Постройки лагерей были зданиями без истории, так как история не создавалась, а поглощалась территорией лагеря. Не случайно после крушения Концентрационного мира и восстановления истории

¹ «Что сейчас необходимо, так это инстинкт и воля». Фраза из выступления А. Гитлера в Мюнхене 27.04.1923 года. Цит. по: Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2003. С. 43.

² Колхас Р. Дирижер мышления. Беседа с Улдисом Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Лето 2013. С. 47.

бараки — основа архитектурно-пространственной композиции лагеря — первыми исчезли с лица земли. Сегодня почти ни в одном бывшем концентрационном лагере не осталось барачков.

Грандиозные архитектурные проекты П. Трооста в Мюнхене и А. Шпеера в Берлине и Нюрнберге, часть которых была воплощена в жизнь, необходимо и неизбежно предусматривали архитектурный утилитаризм концентрационных лагерей (примечательно, что тот же А. Шпеер был создателем проекта типового концентрационного лагеря¹. Символично, что концентрационные лагеря Бухенвальд, Заксенхаузен, Флоссенбург и Маутхаузен поставляли строительные материалы для воплощения проектов А. Шпеера). Задачей первых было, по мысли Э. Канетти, «собирать и удерживать огромные массы людей»², и точно такую же задачу решали и концентрационные лагеря. И на Поле Цеппелина в Нюрнберге, и на аппельплацах Концентрационного мира тотальная власть встречалась с тотальной, предельно скученной и обезличенной людской массой лицом к лицу, это были территории, где происходила кристаллизация массы. Массу на Поле Цеппелина образовывали флаги, музыка, маршировка, выступления Гитлера, общее экстатическое напряжение. Массу на аппельплацах создавали насилие, казни, атрибутика и тоже напряжение, только иной природы.

На громадных площадях масса «оставалась незамкнутой»³, то есть у нее была возможность роста вширь и возобновления за счет притока новых членов. Масса на аппельплацах была замкнута, благодаря чему не росла, а самопоглощалась, подпитываясь за счет новых этапов узников. И та и другая массы видели себя в этих пространствах, были архитектурно оформлены и выстроены в одном случае рядами монументальных колонн и объемами зданий, в другом — рядами бетонных

¹ Дворниченко О. Чужие. Судьбы советских военнопленных. М., 2017. С. 384.

² Канетти Э. Гитлер по Шпееру. М., 2015. С. 7.

³ Там же. С. 8.

столбов ограды и бараков, размеренно членящих пространство несуществования заключенного. Строгий ритм колонн и ритм столбов одинаково оформлял бытие жителя Берлина и узника концентрационного лагеря и становился, по словам нацистского критика Х. Шраде, «сущностным выражением порядка, который они сохраняли в себе»¹. Именно поэтому можно констатировать семантическое сходство и даже совпадение Освенцима и Берлина, о чем уже подробно говорилось выше. При этом если Берлин стремился выйти за собственные пределы, был направлен вовне, делегировал пространство, мыслился как универсальная столица (столица столиц) мира, то Освенцим был направлен в себя, он втягивал людей вместе с окружающим пространством, поглощая не только его обитателей, но и архитектуру, превращая ее в типологию.

¹ Маркин Ю.П. Искусство Третьего рейха. М., 2008. С. 69.

Насилие и боль

Главным инструментом, с помощью которого человека трансформировали в заключенного и поддерживали в этом статусе, служило насилие, выражавшее, по замечанию О. Седаковой, «своего рода манихейский взгляд на мир, на человека, на природу как на нечто дурное, пустое, инертное, абсолютно объектное»¹. Концентрационный мир был территорией, где формировался «институт насилия» Третьего рейха, именно из лагерей уже институцированное насилие распространялось по Германии и странам, находящимся в орбите ее влияния. В системе Концентрационного мира насилие было важнейшим элементом «обряда перехода» из свободного мира в лагерь, «дьявольским крещением», как назвал его П. Леви², оформляя окончательный разрыв между этими двумя мирами.

Как осуществлялся этот переход? Согласно концепции антрополога Арнольда ван Геннепа, который описал «обряд перехода» и дал классификацию его составляющих, данный обряд символически оформлял и закреплял изменение статусов человека после попадания из одного социального пространства

¹ Седакова О. Вещество человечности. Интервью 1990–2018 гг. М., 2019. С. 15.

² Леви П. Передышка. М., 2011. С. 22.

в другое. Поскольку статус маркирует принадлежность к определенной группе и установившейся в ней системе межличностных отношений, «обряд перехода» создает условия для признания индивидуума в новой группе в новом статусе, отключая иммунную систему принимающего сообщества.

А. ван Геннеп выявил три основные стадии перехода: «отделение» (separation), «промежуточное состояние» (transition) и «включение» (incorporation). Первая и третья стадии являются фиксацией расставания со старым сообществом и принятия нового статуса, а особое значение приобретает вторая стадия, на которой участвующий в обряде субъект не обладает никаким статусом, находясь в промежуточном состоянии. В этом состоянии он не только подвергается опасностям извне, но и сам представляет собой опасность для социума. Поэтому наиболее важная часть этого обряда связана с «ограждением» (containing) этого субъекта от остальных и с обеспечением прохождения этой стадии с наименьшим риском прежде всего для окружающих¹.

Принятие человека в лагерь очень точно соответствовало приведенной выше схеме. Перемещение узников в лагерь в товарных вагонах, часто для скота («Мы увидели поезд для перевозки скота. Я сказала сестре: «Это какая-то ошибка. Они пригнали сюда поезд для скота, но ведь они не думают, что мы на нем поедим», — вспоминала одна из узниц²), летом, в жару, не давая возможности открыть окна или люки (при их наличии). Зимой транспортировка часто производилась специально на открытых платформах. Пища и вода в дороге, как правило, не выдавались, люди были вынуждены справлять естественную нужду прямо в вагонах, куда обычно заталкивали количество людей, значительно превышающее стандартную вместимость вагона, что приводило к массовой гибели людей

¹ Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 64–107.

² Цит. по: Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 307.

Июль 1941 г. Лагерный врач концлагеря Аушвиц доктор Тилё (справа в фуражке) проводит отбор венгерских евреев

уже в пути¹. Предельная скученность, издевательства, голод, зловоние, смерти в дороге наиболее слабых и неприспособленных были первыми маркерами перехода от общества, в котором человек был свободен, к обществу абсолютного отсутствия свободы, а также показателем смены статуса человека на статус животного. Искусственно создаваемая невыносимая теснота, которая неизбежно сопровождала узников в поезде, бараке, на построении, показывала и заключенным, и администрации лагерей, что нецелесообразных, неэффективных людей слишком много и государственная машина не просто оставляет за собой право проводить необходимые «селекции», но обязана это делать.

Прибытие в лагерь становилось демонстрацией тотальности, апофеозом тектонического сжатия громадных масс людей в единое целое, пределом коллективизма, сплоченности, кото-

¹ Подробнее об условиях транспортировки и ее последствиях см.: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 338–351.

рые достигают сверхвеличин, сминая в единую массу не только сознание людей, но и их тела, благодаря чему возникает явление, которое можно определить как «социальная метамасса», становящаяся тем центром, в орбите которого вращается вся политическая и общественная жизнь, в соотношении с которыми развиваются все процессы.

У человека, попавшего в сферу притяжения метамассы, остается два выхода. Или он поглощается ею, или же, при наличии сил и возможностей, он поднимается над ней — опять же только для того, чтобы ею управлять, то есть постоянно бороться с опасностью быть поглощенным метамассой. То есть в любом случае образ мышления и поступки человека становятся строго детерминированными и приемлемость действий, сколь бы незначительными и случайными они ни были, оценивается только в координате взаимоотношений с метамассой, которая контролирует все. В этих условиях не остается места даже для самой условной свободы (в этом смысле Концентрационный мир нацизма впервые в истории стал территорией, отрицающей свободу как таковую, любую, даже самую ничтожную, возможность свободы). И что особенно важно в рамках рассматриваемого сюжета, метамасса при всей своей монументальности и значительном биологическом «удельном весе» становится чрезвычайно уязвима для любого насилия и в целом для внешнего воздействия.

Прибытие в лагерь было построено на максимальном контрасте с прежней жизнью и даже дорогой в лагерь. После многих дней движения в темноте и духоте, без еды и воды, в невыносимой вони состав останавливался, двери открывались — и на людей, ослепленных светом прожекторов, обрушивался вал звуков: крики, ругательства, лай собак. «Los, Los, Los! Быстрее!» Эсэсовцы, орудуя прикладами винтовок, начинали выгонять из вагонов вновь прибывших. «Все происходило с такой быстротой, разительно отличавшейся от монотонной поездки, что казалось дезориентированным людям чем-то нереальным», — писал С. Аристов¹. Одной из задач такого «приема» было вызвать во вновь прибывших пре-

¹ Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017. С. 148.

дельный ужас, который парализует волю, обезличивает и лишает человека субъектности. Для того чтобы избежать этого паралича, нужно было колоссальное усилие сознания, максимальное владение собой, но на это никто не был способен по определению, так как все видимое в первые минуты в лагере и потом превосходило и отрицало весь предыдущий опыт.

Здесь же, на платформе прибытия, происходила селекция (separation): молодые отделялись от старых, трудоспособные от нетрудоспособных, военнопленные от гражданских, больные от здоровых, евреи от всех остальных, после чего одна категория отправлялась на уничтожение, а другая — в лагерь¹. Все это сопровождалось полным изъятием личных вещей и ценностей — одной из важнейших связей вновь прибывшего с внешним миром, а для оставленных в живых — также бритьем и дезинфекцией.

«Заключенным, входящим рядами в лагерные ворота, приказывают раздеться даже при двадцатиградусном морозе, — вспоминала одна из выживших узниц. — Затем, в соответствии с готовым поименным списком, вызываются заключенные отдельно, а комиссары — отдельно. Последних немедленно уводят в бункер и уничтожают. После них вызываются по именам евреи и солдаты вермахта. Эсэсовцы встречают их побоями и палочными ударами, забивая до крови. На этом этапе мы ус-

¹ Единственным визуальным документом, где запечатлен процесс прибытия людей в лагерь и их селекция, остается на сегодняшний день так называемый альбом Аушвица. Фотографии для него были сделаны в конце мая — начале июня 1944 года Эрнстом Хофманом либо Бернхардом Вальтером, эсэсовцами, в обязанности которых входило фотографировать узников на паспорта и брать отпечатки пальцев. Фотографии показывают прибытие венгерских евреев, депортированных из Закарпатья. Фотографии в альбоме иллюстрируют все, что происходило с евреями с момента прибытия транспорта в лагерь. Не зафиксирован только сам процесс уничтожения. Альбом был найден в казарме сбежавшей охраны выжившей узницей лагеря, 19-летней Лили Якоб. На фото в альбоме есть она, ее родители и младшие братья, погибшие в лагере. Цель создания альбома неясна, но очевидно, что он не предназначен ни для пропаганды, ни для личного использования. Лили хранила альбом у себя до 1980 года, когда передала его в Яд Вашем. В альбоме 56 страниц и 193 фотографии.

ваиваем, что в том месте, в котором мы оказались, цивилизация прекратила свое существование и началась эпоха беспощадного уничтожения. Мы понимаем теперь, что тюрьмы — это дома отдыха по сравнению с тем, что нас ожидает в этом доме смерти под названием Маутхаузен. После того как новые заключенные вошли в лагерь, их уводят в прачечную. Здесь у них отбирают одежду, обувь, деньги и все имеющиеся у них драгоценности. Затем наступает очередь душа, после чего с тела сбивают все волосы и проводят по нему щеткой с едкой дезинфицирующей жидкостью. Под конец бреют голову»¹.

Следует обратить внимание на одну важную деталь. В абсолютном большинстве случаев узники прибывали из цивилизованных мест и были чисты и опрятны. Так, эсэсовцев, по определению убежденных, что все евреи особо грязны, поражала чистота и порядочность еврейских женщин. «Он (эсэсовец. — Б.Я.) хотел осмотреть еврейских женщин и убедиться, действительно ли они девственницы. Еще он хотел узнать, чистые ли еврейские женщины. Осмотр удивил их, но в неприятном для них смысле. Они не могли поверить, что мы были такие чистые. Мало того, 90 процентов из нас были девственницами», — вспоминала одна из узниц². И это при том, что большинство евреев проживали в самых неприятных условиях, многие прибывали из гетто. Поэтому грубая, насильственная дезинфекция по прибытии имела, помимо необходимой санитарной составляющей, гораздо более важное значение психологического подавления, показывая узникам, что они грязны, как грязны низшие существа, и прибыли из отвратительного, нечистого, опасного места в мир чистоты и порядка. Таким образом, на месте узника начинал возникать фантом, созданный представлениями и фобиями лагерной администрации.

¹ Борьба женщин. URL: <http://jhist.org/shoa/massuah02.htm>.

² Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 157–158.

В чем состояла задача первого этапа (separation)? «Вступительный церемониал», — писал А. Кемпински, — был предназначен для быстрой ликвидации прежней модели жизни и быстрее переключения на лагерную модель. «Вступительный церемониал» не был специальным изобретением организаторов лагерной жизни. Он существует, разумеется не в столь сильнодействующей форме, в разных социальных институтах, особенно там, где необходимо быстро приучить новых членов данного института к обязательным в нем нормам. Для этой цели необходимо быстрое ослабление прежних моделей поведения, особенно тех, которые не соответствуют образцам, обязательным для данного института, при одновременном навязывании его собственных образцов»¹.

После этого наступала стадия transition — карантин, сопровождаемый переодеванием в лагерную одежду и присвоением номера (клеймением). На этой стадии общаться старым узникам с вновь прибывшими строго запрещалось (containing). На стадии incorporation происходило выделение места в бараке и включение в определенную группу с соответствующей маркировкой.

Все эти стадии были пронизаны насилием в самых разнообразных формах, которое окончательно закрепляло новое состояние узника. Важной особенностью этого насилия являлось то, что оно было немотивированным, изощренным и начиналось в первые минуты прибытия в лагерь, о чем свидетельствует большинство выживших. «Кто как стоял, так хватал что было ближе под рукой и полуодетый, оставляя части одежды и своих вещей... выскакивал на перрон, — вспоминал один из очевидцев. — Когда прыгал, то, прежде чем касался ногами земли, получал удар: кулаком, палкой, прикладом винтовки или сапогом. Многие сразу падали на землю, заваливая дорогу следующим, которые по необходимости опрокидывались на своих предшественников, создавая таким образом кучи выходящих

¹ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 135.

человеческих тел. Неистовые крики и проклятия, а также удары, наносимые с большим умением и знанием, не прекращались ни на минуту»¹.

«Нас встретили десятки заключенных, которые колотили дубинками кого попало, куда попало и без всякой причины»², — писал Э. Визель. В.Я. Бойко вспоминает, с чего началось его пребывание в Освенциме: «Как только закончилась процедура клеймения, эсэсовец, сидевший за столом, проставил вытатуированный на моей руке номер в мою сопроводительную карточку и в только что заведенную освенцимскую. Потом он встал и без единого слова начал избивать меня. Я упал, ударился головой о пол и потерял сознание. Очнулся, когда двое узников волокли меня, голого, в строй таких же голых людей. Дикая боль сковывала все тело, сверлила затылок, кружилась голова, и к горлу подкатывала тошнота. Очевидно, я получил сотрясение мозга. Так меня, штрафника, встретил Освенцим»³.

«Заключенные торопливо, глотая воздух, вышли, по привычке стали в ряд, — передавал свидетельство узника Сырецкого лагеря В. Давыдова писатель А. Кузнецов. — Вокруг были колючие ограждения, вышки, какие-то строения. Эсэсовцы и полиция. Подошел здоровый, ладно сложенный русский парень в папаше, галифе, до блеска начищенных сапогах... в руках у него была палка, и он с размаху ударил каждого по голове: — Это вам посвящение! Слушай команду. На зарядку шагом марш! Бегом!.. Стой!.. Кругом!.. Ложись!.. Встать!.. Гусиным шагом марш!.. Рыбьим шагом!.. Полицейские бросились на заключенных, посыпались удары палками, сапогами, крик и ругань. Оказалось, что «гусиным шагом» — это надо идти на корточках, вытянув руки вперед, а «рыбьим» — ползти на животе, извиваясь, заложив руки за спину. (Узнали также потом, что

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 31.

² Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 70.

³ Бойко В.Я. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojkovadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.

такая зарядка давалась всем новичкам, чтобы их ошарашить; били на совесть, палки ломались на спинах, охрана вырезала новые.) Доползли до огороженного пространства внутри лагеря, там опять выстроились, и сотник по фамилии Курибко прочитал следующую мораль: — Вот. Знайте, куда вы попали. Это — Бабий Яр»¹.

То есть это насилие «на входе» можно обозначить как иницирующее насилие, которое должно было четко обозначить переход в иной мир, кардинально отличный от того, из которого пришел узник. Итальянец Лиджери, прибывший в Маутхаузен, вспоминает: «Когда распахнулись входные ворота, нам показалось, что нас поглотила пасть огромного чудовища, как детей в сказке, потерявших ночью в лесу. <...> Не знаю, не знаю ничего, даже не знаю, страдаю я или нет, ясное у меня сознание или я сошел с ума, бодрствую я или во власти кошмарного сна, я еще на земле или во чреве адовом, не знаю, не знаю, не могу понять...»² Именно это кардинальное отличие лагерной реальности от всех привычных форм бытия, неготовность к переходу из одного мира в другой приводили к тому, что больше всего узников погибало в первые недели пребывания в лагере. От адекватного понимания происходящего в буквальном смысле зависела жизнь. Но, как отмечала психолог Х. Блум, если узнику удавалось выжить в первые недели, его возможности уцелеть и выбраться из лагеря возрастали многократно³.

Примечательно, что увеличивающаяся продолжительность пребывания в лагере была прямо пропорциональна девальвации ценности жизни для узника. Г. Лангбейн засвидетельство-

¹ Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. М., 2015. С. 334.

² Цит. по: *Адриано Рокуччи*. Христиане в концлагерях. Некоторые размышления о христианах в концлагерях: опыт коммунизма и нацизма. URL: http://pravmisl.ru/index.php?id=370&option=com_content&task=view.

³ *Bluhm H.* How did they survive? Mechanism of Defence in Nazi Concentrations Camps // *American Journal of Psychotherapy*. 1999. Vol. 53. № 1. P. 100. Исследование было проведено почти сразу после войны, в 1948 году. На основании свидетельств 12 выживших узников концентрационных лагерей.

вал характерную сцену: группу людей, недавно находившихся в лагере, отправили в газовую камеру, о чем они знали. Один из них, старик, упал, не будучи в силах идти дальше, после чего охранник закричал: «Если ты не встанешь, я тебя пристрелю!» Старик крикнул: «Нет, не убивай меня, я пойду», кое-как встал и вернулся в колонну обреченных, для того чтобы быть убитым через несколько минут¹. Для узника, прожившего в лагере год или два, даже если он не превращался в «мусульманина», жизнь утрачивала свою экзистенциальность. Возникла апория: для того чтобы выжить, нужно было как можно скорее истребить в себе всякое сознание ценности и уникальности жизни, то есть впустить смерть в пространство своей онтологии (об этом подробнее в главе «Финал»).

Возвращаясь к роли насилия, следует подчеркнуть, что с его помощью нацисты добивались того, что понятия «человек» и «заключенный» начинали совпадать. В повседневной жизни статус и самоощущение личности обычно шире или уже состояния человека, что приводит к стереоскопичности восприятия мира и внутреннему конфликту, являющемуся необходимым условием личностного роста.

Почему в концентрационных лагерях такое значение придавалось насилию, почему жизнь Концентрационного мира была пронизана насилием? Физическое насилие было главным средством актуализации для человека его собственного тела, то есть насильственной индивидуализации. После того как в результате присвоения номера, переодевания в казенные вещи, бесконечных унижений личность человека стиралась, нивелировалась, обобществлялась и больше не могла быть предметом рефлексии, единственным концептом человека, открытым для воздействия, оставалось его тело и, в более широком смысле, телесность — имплицитно включенное во все жизненные процессы (еда, сон, деятельность, досуг) неосознанное антропологическое ощущение себя.

¹ *Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 312.*

Убийство одним из эсэсовцев заключенного концлагеря Дахау
Абрахама Боренштайна. 15 мая 1941 г.

Насилие в этих условиях становилось невербальной формой общения Концентрационного мира с телом узника, средством подчинения тела лагерю, способом отнятия у тела «онтологического статуса воли»¹ (Э. Левинас). Указанные выше тело и телесность, антропологическая самоатрибуция вне лагеря постоянно заслонялись желаниями, эмоциями и действиями. Последние, ощущаемые явно и имеющие целеполагание, в обычной повседневности выходят на первый план, создавая видимость антропологической полноты бытия. В концентрационном лагере желания, эмоции и действия узника в силу целого ряда факторов отступали на второй или даже третий план, оставляя на первом плане тело и телесность в самом грубом, буквальном антропологическом и физиологическом выражении. В этих условиях насилие становилось сначала средством превращения человека только в тело, плоть, мясо, материю,

¹ Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека*. СПб., 1998. С. 230.

а затем — лишения человека собственности на тело, то есть на последнее, что у него оставалось. Говоря словами Ф. Ницше, «я» заключенного становилось «телом, только телом, и ничем больше; а душа есть только слово для чего-то в теле»¹.

Кроме того, тело, испытывавшее на себе насилие, принимало на себя функции памяти того, кому оно принадлежало. По мере того как человек, подвергавшийся насилию, утрачивал полноценную экзистенцию, способность помнить не только то, что было, но прежде всего себя, тело все больше становилось непроизвольной, не зависящей от сознательной воли человека «биологической памятью», которая «помнила болью» и внешними следами насилия только то, что должно было внушить страх. Особенностью этой памяти является то, что травматический опыт, создающий ее, превосходит любые возможности его познать и передать другому. Поэтому данная память приобретает максимально субъективный характер и направлена на самого человека. В этих условиях боль, основной стимулятор этой памяти, ощущалась максимально остро.

Насилие заставляло человека болью постоянно чувствовать свое тело, то есть ощущать себя противоестественно, находиться в состоянии несоизмеримости с собственной телесностью, ибо человек чувствует себя хорошо, когда не ощущает своего тела. Существенной особенностью боли и ее отличием от других чувств является то, что боль не направлена ни на один объект во внешнем мире, а только на того, кто ее испытывает. В то время как остальные чувства указывают на происходящее за пределами человека, боль указывает на то, что происходит в этих пределах. Телесных пределах. То есть боль актуализирует тело, приводит к его предельным ощущениям и заставляет полностью на них сосредоточиться. Чем сильнее боль, тем больше человек есть свое тело, и только тело. От обладания телом, присущим человеку за пределами лагеря, заключенный с помощью насилия переключался на «себя как тело», про-

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1997. С. 56.

исходило отчуждение себя в пользу тела. Это было важно не только как эффективное средство подавления заключенного, но и как надежная превентивная мера: человек, постоянно занятый собой, и не просто собой, а именно своим телом, не способен восстать против системы.

Боль заставляла заключенного, по точному выражению Д. Кампера, «телесно думать», жить внутри боли, оказываться в состоянии, когда реагирует на происходящее не сознание, а тело. Согласно наблюдению Т. Манна, чем сильнее страдает человеческое тело, тем больше оно является физическим. А если учесть, что страдания в Концентрационном мире были предельны, то, следовательно, и ощущение тела приближалось к своему физическому пределу. Под воздействием насилия тело человека было вынуждено вести, по выражению С. Сонтаг, «непрекращающуюся борьбу с силой тяжести, сражалось с желанием упасть, улечься, свернуться»¹. Таким образом насилие стало безупречным средством, заставляющим заключенного сосредоточиться только на себе, на своем теле. При этом тело, подвергающееся насилию, болезненное, разрушающееся, лишается исходной объектности, то есть перестает быть телом, так как только эта объектность и придает телу ценность, создает телесность.

Это обостренное «чувствование» разрушающегося, деформирующегося тела приводило рано или поздно к конфликту с ним, закономерно вызывало ощущение бремени и желание избавиться от него, так как тело оказывалось неспособным молчать, когда его бьют, отвечало болью, в то время как сам человек должен был научиться молчанию в ответ на моральное и физическое насилие. Боль говорила вместо слов, и это «болевыражение» было тоже опасно: если узник показывал, что ему больно во время истязаний, это часто могло закончиться смертью, поэтому боль надо было прятать. «Во время

¹ Сонтаг С. Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М., 2014. С. 227.

процедуры охранник пристально следил за мной, но я оказался в состоянии скрыть боль»¹, — вспоминает Б. Беттельгейм «операцию», проведенную в лагерном лазарете, подчеркивая, сколь многое зависело от выдержки узника.

Феномену боли в последние несколько десятилетий было посвящено множество работ, многие из которых проанализированы в монографии В. Лехциера², однако в этих работах отдельного внимания боли в Концентрационном мире не уделялось. Начиная говорить о боли за колючей проволокой концентрационного лагеря, стоит обратить внимание на замечание Д. Морриса, который писал, что «еврей в нацистском лагере смерти в 1943 г. живет с иным отношением к боли, чем пациент американского онкологического госпиталя в 1990-м»³. Следует подчеркнуть, что эта разница отмечается не только в координате хронологической вертикали, но и по горизонтали, на уровне социумов и этносов. Евреи традиционно рассматривали боль как абсолютное зло, и именно поэтому страдания переживались ими гораздо сильнее, нежели представителями других этносов⁴. Таким образом, говоря о боли в пространстве Концентрационного мира, необходимо помнить, что восприятие боли и отношение к ней является отражением культуры, социального контекста, мировосприятия окружения и т. д., что означает, что понять сегодня боль, которую почти восемьдесят лет назад испытывал узник Освенцима или Дахау, даже прибегая к аналогиям, можно будет лишь приблизительно.

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 4. С. 57.

² Лехциер В. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. М., 2018. С. 22—62. Необходимо также указать на работы Г.Р. Хайдаровой «Феномен боли в культуре», СПб., 2013 и монографию Е. Скэрри «Тело в боли. Создание и разрушение мира», Нью-Йорк, 1985 (*Scarry E. The Body in pain: The Making and Unmaking of the World. New York: Oxford University Press, 1985*), где феномен боли осмысливается с философских позиций.

³ Цит. по: Лехциер В. Указ. соч. С. 47.

⁴ Там же. С. 54.

Физическая боль была главным следствием насилия и выполняла важнейшую роль социального стигматизатора, определяла лагерное бытие как существование в пределах боли, или, как сказал бы М. Хайдеггер, «бытие-в-боли». Боль не сопровождала какие-то явления жизни в лагере — она находилась в центре этой жизни, она сама определяла значимость явлений, так как последние могли быть разными, но боль была во всех. Подъем, построение на «аппеле», еда, работа, даже сон семантически и физически сопровождались, пронизывались болью. У этой боли, как и у смерти, не было статуса, это была «боль вообще», которая была везде, но ее нигде нельзя было найти, чтобы «договориться» с ней, и не существовало адекватного инструментария для ее объективации.

Поскольку боль была неотъемлемой частью окружающего мира, с ней нельзя было бороться, не вступая в борьбу со всей системой воспроизводства боли, что было невозможно по определению. Следовательно, ей нужно было сдаться или ее нужно было терпеть. Для того чтобы терпения хватило, узнику необходимо было выдумать оправдание причиняющего боль насилия, найти его причину прежде всего в себе самом, согласно наблюдающемуся в таких ситуациях психологическому феномену, заключающемуся в том, что человек не может бесконечно выносить немотивированное насилие. Согласиться с тем, что он невиновен и постоянно находится в окружении садистов и зверей, объект насилия психологически не в состоянии без риска быстро погибнуть. В результате подвергающийся насилию узник сам придумывал себе вину (это подметил еще Ф. Кафка), то есть оправдывал насилие, что, по А. Камю, становилось апофеозом системы. «Когда понятие невинности истребляется даже в сознании невинной жертвы, над этим обреченным миром окончательно воцаряется культ силы»¹.

¹ Камю А. Бунтующий человек. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=132473&p=34>.

Однако на этом процесс не заканчивался. Если виновен узник, то противоположная сторона (эсэсовцы) должна быть автоматически хотя бы частично оправдана. Поэтому многие узники считали эсэсовцев внутренне порядочными и добрыми, но вынужденными маскировать эту доброту и порядочность насилием, чтобы себя не выдать. Не случайно старые заключенные лагерей постоянно конфликтовали с новичками из-за неспособности последних точно и быстро выполнять команды лагерной администрации. «Иногда кто-нибудь из эсэсовцев, повинуясь минутной прихоти, отдавал бессмысленный приказ, — вспоминал Б. Беттельгейм. — Обычно приказ быстро забывался, но всегда находились «старики», которые еще долго его соблюдали и принуждали к этому других. Однажды, например, эсэсовец, осматривая одежду узников, нашел, что какие-то ботинки внутри грязные. Он приказал мыть ботинки снаружи и внутри водой с мылом. После такой процедуры тяжелые ботинки становились твердыми, как камень. Приказ больше никогда не повторялся, и многие не выполнили его и в первый раз, потому что эсэсовец, как это часто случалось, отдав приказ и постояв немного, вскоре удалился. Тем не менее некоторые «старики» не только продолжали каждый день мыть изнутри свои ботинки, но и ругали всех, кто этого не делал, за нерадивость и грязь. Такие заключенные твердо верили, что все правила, устанавливаемые СС, являются стандартами поведения — по крайней мере, в лагере»¹.

Вместе с этим закономерно возникала необходимость хоть в какой-то мере оправдать лагерное бытие, частично перенести «подпорки» своего существования только с негативных сторон на условно позитивные. Таким образом устанавливалось нестабильное, зыбкое, но все же психологическое равновесие, позволяющее выжить, но для его поддержания заключенным приходилось соглашаться и оправдывать бесчеловечные порядки, усваивать многие привычки

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 79.

Погрузка людей, ставших жертвами очистки краковского гетто.
Они отправляются в лагерь смерти

и склонности насильников и убийц из охраны, давая последним карт-бланш на продолжение насилия. Главным следствием этого равновесия было то, что источником своей боли становился сам узник.

Возвращаясь к боли, следует отметить, что боль была важным фактором лишения заключенного чувства свободы, идеальным мерилем реальности, границей между человеком и системой, так как любое столкновение с последней причиняло боль, если не физическую, то моральную. Исчезновение боли при соприкосновении с системой означало, что она приняла заключенного, то есть что он стал частью последней. Физическую боль в значительной степени усиливал тот факт, что ее трудно было осмыслить и оправдать. Боль, осмысленная как следствие пути к цели, переносится иначе. Вся христианская культура построена на страдании, лишениях, боли, осмысляемых как необходимое условие для достижения спасения. Однако, как писал В. Франкл, «для большинства заключенных главным был вопрос — переживу я лагерь или

нет? Если нет, то все страдания не имеют смысла»¹. Теперь стоит вернуться к тому, о чем говорилось выше, — в лагере насилие, как и боль, чаще всего не были ничем обусловлены. Человек подвергался насилию и испытывал боль, не понимая причины, то есть как животное. Немотивированное насилие лишало заключенного человеческой сути, так как не давало ему пространства для рефлексии — единственного средства примириться с болью.

Боль узника напрямую формировала язык лагеря и являлась важным фактором для осознания собственного одиночества узника. Боль в целом отрицает язык, а абсолютная боль упраздняет язык, по точному определению исследовательницы феномена боли Э. Скэрри, «низводя речь до звуков, предшествовавших языку»², передать ее в рамках существующего опыта невозможно. Не случайно для того, чтобы описать свою боль, человек пользуется сравнительными категориями: «Это похоже на... Это как будто...» Боль является самым ярким выражением одиночества (не случайно тяжело страдающий человек часто хочет остаться один), лучше всего дает возможность убедиться в том, что никто не в состоянии помочь. Взять чужую боль на себя, как уже говорилось, невозможно, так как никто не может испытать боль за другого. При колоссальной скученности лагерей каждый узник переживал боль в одиночку, был одинок в своих страданиях. Можно утверждать, что «одиночество в толпе» достигло своего апогея благодаря насилию и боли именно в Концентрационном мире. То есть возникала еще одна связка между лагерем и узниками — боль, возникающая в месте связки. «Боль создает собственный мир, который не есть продукт собственной мысли, а вторжение иного мира в меня», — писал А. Ветлесен³.

¹ Франкл В. Сказать жизни «Да». Психолог в концлагере. М., 2015. С. 131.

² Scarry E. The Body in pain: The Making and Unmaking of the World. New York: Oxford University Press, 1985. P. 52.

³ Ветлесен А. Философия боли. М., 2010. С. 34.

Помимо этого, насилие служило самым главным фактором деиндивидуализации человека, сводя его личность к набору безотказных, предсказуемых в любой ситуации реакций. Перефразируя А. Арто, можно сказать, что насилие в лагере вытекало из стремления уменьшить неизвестное до известного, редуцировать приобретенную до лагеря полноценность до изначальной биологической неполноценности. Насилием человек выворачивался наизнанку, приходил в состояние, когда не только ему, но и всем остальным вокруг становилось видно в нем абсолютно всё. С помощью насилия человек именно уменьшался, так как из него исчезало то, что составляет его сущность и создает индивидуальность — невысказанное и тайное, — и оставалась только социальная оболочка, наполненная инстинктами и рефлексам, абсолютно схожая с сотнями таких же других оболочек.

Насилие было необходимым условием изъятия администрацией лагеря отдельного человека из общей массы, средством его проявления для Концентрационного мира, перевода его из состояния знака человека в состояние человека как единицы, в которой биологическое доведено до предела, единицы, отрицающей любое сознательное бытие. Знак (номер), который в лагере заменял узнику имя, не может реагировать на насилие и боль, в отличие от биологического человека. Парадоксально, но факт: человек в лагере «проявлялся» для лагерной администрации и охраны как субъект именно тогда, когда подвергался экзекуциям, проваливаясь после них в общую массу, лишенную имен, типологических и семантических признаков человека. Знаменитое изречение Декарта «Я мыслю, следовательно, существую» в пространстве лагеря должно было выглядеть как «Меня мучат, следовательно, я существую», и чем сильнее меня мучат, тем это неоспоримее.

Парадоксально, но факт: в Концентрационном мире насилие являлось необходимым условием обретения смысла, так как только оно способно было пробудить сознание и мышление в человеке. Посредством насилия окружающие узника объекты

попадали в орбиту его мировосприятия, то есть связь с ними давалась и воспринималась посредством насилия. Вступить в отношения с Другим (и в повседневном, и в онтологическом смысле) можно только посредством насилия, так как оно требовалось не только для общения с эсэсовцами и охраной, но и для поддержания связей с окружающими, стремящимися выжить за счет других. Выстроить социальные связи априорно означало включить в них насилие. Насилие трансформировало внешнее во внутреннее, привносило в человека извне смыслы и суть происходящего, становилось кровеносной системой Концентрационного мира, дающей этому миру связность и целостность.

Таким образом, лагерное насилие и связанная с ним боль, вторично изобретенные в Концентрационном мире, становились антропологическим пределом человеческого и приводили к принципиально новому понятию тела и представлению о нем, привносили телесность извне. Общепринятые представления о теле и понятия о нем, по замечанию Д. Кампера, связаны с христианским отношением к телу Христа, которое породило «теологию тела» и сделало мертвое тело (покойник, то есть «кто») притягательным, ввело его в границы человеческого бытия в виде гробниц в храмах, частиц мощей в иконах и реликвариях. А также с медициной, которая обозначило мертвое тело как труп («что») и сделала его предметом науки¹. В лагере с помощью насилия тело лишалось всех феноменологических признаков, дехристианизировалось, полностью исчезала его культурная составляющая, и оно, отброшенное в архаическое состояние, становилось только плотью, способной источать из себя только боль.

В заключение необходимо напомнить, что есть распространенное утверждение, согласно которому насилие раскрывает настоящего человека. На самом деле это не является очевидным — хотя бы из-за неопределенности категории «настоя-

¹ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб., 2010. С. 87.

щий», под которым обычно понимается нереализуемая в повседневности схема «целостный идеальный человек (то есть несущий в себе весь набор положительных качеств) в идеальных (то есть нейтральных) обстоятельствах». Кроме того, экстремальные методы воздействия на человека (насилие, унижения и т. д.) закономерно вызывают экстремальные реакции, которые чаще всего неотрефлексированы, и поэтому их едва ли можно называть органически присущими человеку. Особенно если речь идет о кратковременном насилии (пытке, избиении). Скорее всего, речь должна идти о мгновенных, инстинктивных реакциях на внешнюю агрессию сознания или плоти, обгоняющих способность их ментальной фиксации, осознания и распознавания. То есть реакциях, не являющихся выражением целостного человека. Кроме того, ссылка на насилие (в широком смысле — обстоятельства, не зависящие от человека) обычно используется для оправдания собственной логики действий теми, кто применяет насилие.

Таким образом, насилие, особенно в Концентрационном мире, нельзя считать необходимым фактором окончательного раскрытия человека, прежде всего для самого себя. Скорее речь должна идти о принципиально новых физических состояниях человека и его психики, раскрывающихся в условиях экстремально агрессивной внешней среды. Важнейшим фактором формирования и закрепления этих состояний становилось их постоянство, когда «чрезвычайная реакция», в обычных условиях возникающая ненадолго и не являющаяся нормальной, теперь становилась регулярной, обыденной, естественной, формируя принципиально новый психологический и ментальный образ человека.

Одежда и нагота

Одной из стратегий Концентрационного мира было сознательное и максимальное приближение человека к принципиально новому биологическому и психическому состоянию. В процессе этого приближения обнаруживались новые формы психофизической жизни, которые прежде не имели условий для раскрытия и реализации. Их проявлению способствовали постоянное насильственное обнажение человека (животное по определению нагое), качество пищи, формы и особенности ее приема, отправление естественных надобностей, род занятий и множество других, более мелких деталей. Данное состояние часто сравнивают с состоянием животного как непосредственные свидетели, так и исследователи («Для них мы не были людьми, — говорит один из свидетелей. — Мы были животными. Понимаете? Не люди. Просто безымянные номера, подопытные кролики»¹), однако редукция состояния узника лагеря до животного уводит исследователя в сторону чистой биологии или даже зоологии, которая легко многое объясняет. Узник в лагере точно так же не был животным, как и сам лагерь — тюрьмой, о чем говорилось выше, хотя элементы того и другого, безусловно, присутствовали.

¹ Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 250.

Насильственное обнажение человека в лагере было очень важным и исключительно действенным психологическим средством подавления личности. Один из узников свидетельствует: «Если транспорт прибывал в Освенцим пополудни, узники проводили всю ночь, независимо от времени года и погоды, обнаженные, под голым небом»¹. «На нас посыпались приказания: «Раздеться догола! Быстро! Los! В руках только ремни и обувь...» — писал Э. Визель. — Нужно было сбросить одежду в глубине барака. Там уже была целая куча. Старые и новые костюмы, рваные пальто, лохмотья... Мы обрели истинное равенство — равенство в наготе. И дрожали от холода»². «Мы несколько дней просидели без одежды, — вспоминал заключенный Освенцима Н. Васильев, — в чем мать родила»³. Однако и это не предел. Заключенные шталага под Штукенброком содержались полностью обнаженными с начала сентября до ноября — два с половиной месяца⁴. Т. Биргер обращает внимание на чувство, которое она испытала, когда ее заставили раздеться: «У меня не оставалось ничего своего, я превратилась в ноль, я была только голым телом — кожа да кости, — которое у меня тоже скоро отнимут»⁵. «Женщин заставили раздеться, — подтверждает другая узница. — В те времена люди были более стыдливymi, чем сейчас, и никогда не обнажались перед чужими. Для многих это было первым унижением. Потом их обыскали, проверив самые интимные места. Повели в душ, обрили — голову, подмышки, лобок»⁶. Необходимо подчеркнуть, что в то время у значитель-

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschwitz-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 33.

² Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 25.

³ Вахман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017. С. 273.

⁴ Ткачева Т. Студенты нашли архив немецкого концлагеря // Российская газета. 14.12.2011.

⁵ Биргер Т. Завтра не наступит никогда (на завтрашнем пожарище). СПб., 2001. С. 141.

⁶ Вивьерка А. Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим. СПб., 2001. С. 12–13. Примечательно, что после этой процедуры людей чистили: «После этого «парикмахеры» чистили нас щеткой. Эта процедура была

ного количества женщин (особенно из ортодоксальных иудейских семей) не было опыта даже частичного обнажения и демонстрации своего тела не только перед незнакомыми людьми, но даже и перед собственными мужьями. «Я подумала, что Эрик был бы первым человеком, который должен был увидеть меня обнаженной»¹, — вспоминала Э. Эгер.

Что касается бритья волос вновь прибывших, то следует обратить внимание на то, что этот акт имел не только гигиеническое значение. Стрижка волос, изменение прически — один из общепринятых маркеров кардинальной трансформации социального статуса и внутреннего состояния (субкультуры, пострижение в монашество и т. д.). Стрижка наголо в армии или в заключении всегда была важнейшим средством унификации субъектов, знаком их принудительного подчинения внешней структуре. «Лишиться волос, — писала узница Освенцима Зузана Ружичкова, — означало утратить чувство личности. Ведь все обритые казались похожими друг на друга»². «Волосы были коронами, неотъемлемой частью женственности, а когда пальцы касались лысого черепа, оставалось чувство незащитности и отчаяния», — вспоминала одна из узниц Освенцима³.

самой противной. «Парикмахеры» стояли около больших ведер с большой грубой щеткой в руках. Нам приказали по очереди снова встать на скамейку. Руки в стороны. Щетка исчезала в ведре, и «парикмахеры» «чистили» обритые места (Людо ван Экхаут). То есть их чистили как вещи или как, например, чистят скотину.

¹ Эгер Э.Е. Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М., 2020. С. 61.

² Ружичкова З., Холден В. Сто чудес. М., 2019. С. 173

³ Холден В. Дети лагерей смерти. Рожденные выжить. URL: <https://topreading.ru/bookread/25824-vendi-xolden-deti-lagerei-smerti-rozhdennye-vyzhit/page-43>. Полное бритье голов применялось не везде. В Бухенвальде, например, практиковалось сначала полное бритье головы, а затем, когда волосы начинали отрастать, выбривание машинкой через всю голову полосы, которую заключенные называли Hitlerstrasse («улица Гитлера»). Через некоторое время, когда волосы на выбритой части отрастали, обривали обе половины головы, и Hitlerstrasse теперь превращалась в вихорок. Эту процедуру повторяли постоянно.

В гражданской практике насильственное бритье головы се-
миотически приравнялось к гражданской казни (в Европе
гражданских лиц, заподозренных в сотрудничестве с врагом
(особенно женщин) нередко публично брили), в концентраци-
онном лагере бритье волос было знаком скорого наступления
физической смерти. «Они нас раздели догола, — вспоминает
Л.Н. Бекетова. — И у меня была коса, вот такая вот, хорошая.
Подошел, срезал косу, а я стою и думаю: «Ну, теперь, наверное,
уже убивать будут»¹. Поэтому не случайно в некоторых лагерях
для «отличившихся» в качестве меры поощрения существовало
разрешение отрастить волосы.

Но в лагере людей (прежде всего женщин, которые мучи-
тельно переживали публичное насильственное обнажение
даже перед отправкой в газовую камеру²) не просто лишали
одежды и сбрасывали все волосы, лишая последней условной
защиты, но также грубо обыскивали и интимные места, еще
раз гротескно, физически демонстрируя не только самому че-
ловеку, но и всем остальным его обнаженность и абсолютную
уязвимость, приводя узника в состояние, которое психолог Тер-
ренс де Пре обозначал как «радикальную наготу». Для женщин
насильственное публичное обнажение неизбежно связывалось
с инстинктивным ожиданием сексуального насилия, вызывая
паническое желание бежать, скрыться. «В этот момент многим
хочется бежать куда-нибудь изо всех сил. Неважно куда», —
вспоминал С. Вилленберг³.

Насильственное обнажение просто, но чрезвычайно эф-
фективно создавало у человека ощущение полной зависимо-
сти от внешней среды и незащищенности, поскольку одежда
психологически усиливала внутреннюю сопротивляемость.
Д. Лихачев, оказавшись в заключении, обратил внимание на

¹ Остарбайтеры. Эпизод второй. URL: <https://urokiistorii.ru/article/55315>.

² Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018. С. 78.

³ Цит. по: Рис Л. Холокост. Новая история. М., 2018. С. 331.

«Санитарная обработка» заключенных в концлагере Бухенвальд

то, как надежно одежда защищала не только тело, но и сознание, и тем надежнее, чем больше был одет человек. «Третьим толкнули в нашу «одиночку» профессионального вора. Когда меня вызвали ночью на допрос, он посоветовал мне надеть пальто (у меня с собой было отцовское теплое зимнее пальто на беличьем меху): «На допросах надо быть тепло одетым, будешь спокойнее» <...> Я сидел в пальто, как в броне»¹. «Та грязная одежда и грубые башмаки на деревянной подошве, которые выдавались заключенным, — писал П. Леви, — были хотя и слабой, но защитой, и без них нельзя было существовать. Человек, лишенный одежды и обуви, превращается в собственных глазах из человеческого существа в червя — голого, медлительного, поверженного на землю. Он сознает, что в любой миг может быть раздавлен»². То есть одежда в действительности серьезно помогала лучше выдержать унижительную и опасную процедуру допроса или физического насилия.

Однако гораздо важнее, нежели психологическая, была социальная и онтологическая функция одежды. Одежда является важнейшей защитой ее носителя от «физического стыда» — стыда, возникающего от обнажения. Кроме того, одежда семантически «удваивала» тело, подражала ему, создавая ментальное расширение физического тела человека. В мировой культуре одежда была и остается важнейшим показателем статуса человека, его возможностей и внутреннего содержания личности. Социальный статус человека прежде всего подчеркивается именно одеждой, причем этот статус с помощью деталей костюма предьявляется не только окружающим, но и самому владельцу костюма.

Одежда, функционирующая как социальная кожа, показывает единство лиц определенного статуса, принадлежность к сообществу и одновременно отличает члена последнего от всех остальных, находящихся за пределами сообщества. Та-

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 141.

² Леви П. Человек ли это? М., 2011. С. 71.

ким образом, снятие одежды с человека превращается в акт снятия социальности, лишает человека возможности выстроить отношения не только с окружающими, но и с самим собой. Прежде всего прежним. «У них ничего не осталось от прежней жизни — ни единой вещицы, ни фотографии, ни одежды»¹, — подчеркивает одна из узниц.

Еще одна важная внешняя функция одежды — нивелировать физические различия между людьми, так же как и физические недостатки. Эта особенность наиболее наглядно сохраняется сегодня в священных одеждах различных религий (ряса в христианстве, ихрам в исламе), которые имеют свободные, широкие, ниспадающие формы, не сковывающие движения и одновременно закрывающие человека от шеи до пят. У обнаженных людей, особенно в группе, возникают наглядные, семантические, анатомические различия тел, различия, которые до момента обнажения не значили ничего. Но теперь они — и только они — имеют значение. Обнаженный человек, таким образом, отбрасывается в архаический опыт, когда обнажение было естественным и маркировалось как значащий фактор. То есть в опыт, который давно утрачен, что приводило к растерянности и в итоге — к потере самого себя.

Здесь важно понимать, что если можно симитировать, изобразить свой социальный статус и положение даже без одежды, то имитация физического совершенства или несовершенства невозможна. Обнаженный человек *tale quale*, он самоочевиден себе и другим, что в условиях лагеря было или роковым, или счастливым обстоятельством. Это позволяло властям лагеря управлять человеком «в биологически чистом виде», без социальных и культурных посредников в виде статуса или одежды, что делало власть администрации лагеря абсолютной, а заключенного — тотально подчиненным. Подтверждает это положение тот факт, что, как пишет Г. Леви, «не-

¹ Вивьерка А. Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим. СПб., 2001. С. 13–14.

которые убийцы на суде говорили, что эти обнаженные тела было проще убивать»¹.

Стоит обратить внимание и на замечание С. Лема, который объясняет неперенную наготу узников (особенно перед казнью) не только чисто практическими соображениями, не только необходимостью «маскировки убийства». «Объяснение, будто немцы, бережливые по натуре, и в этом случае думали лишь об одежде, заведомо ложно, придумано задним числом. Речь шла вовсе не об одежде, которая, кстати сказать, сплошь и рядом истлевала на складах, сваленная там бесполезными грудями». В логике парадокса он обращает внимание на то, что «пленных в бою — например, повстанцев — не заставляли обнажаться перед расстрелом... Нагими умирали самые беззащитные — старики, женщины, дети, калеки. Какими явились на свет, такими и шли они в мокрую глину. Убийство было здесь суррогатом правосудия». С. Лем уподобляет палачей отцу перед детьми (существенной чертой маленького ребенка является обнажение, которого не стыдится ни сам ребенок, ни его родители), и этот отец «должен был покарать их заслуженной смертью, как отец по заслугам наказывает детей розгой». Далее он проводит аналогии с людьми, предстоящими перед Судией на Страшном суде, — отличительным признаком этих людей также становится нагота. Не случайно, по мнению С. Лема, «убийцу, оказавшегося единственным вершителем их судеб, переполняли одновременно палаческое вождение и ощущение божественного всемогущества»². То есть он обращает внимание на невольную мистериальность происходящего, которая в реальности оборачивалась чудовищным и трагическим фарсом, где все было выворочено наизнанку, подделано, изуродовано до неузнаваемости. Все, кроме смерти, которая была невыносимо реальна.

¹ Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 73.

² Лем С. Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.

Таким образом, в Концентрационном мире власть достигала своего апофеоза, выражавшегося в том, что ни одно ее действие против подчиненного не содержало в себе ничего аморального (а раздевание человека без его согласия есть одно из самых аморальных действий в европейской культуре) и являлось юридически и нравственно допустимым. Идеальный узник должен быть гол, то есть максимально унижен, нагота становится одной из важнейших его примет. Именно поэтому узников публично обнажали при любой возможности. Закономерным следствием, продолжением этого состояния, идеальным выражением наготы становилось молчание (о молчании речь пойдет в отдельной главе о языке лагеря). Обнаженный беседующий человек, если он не находится в пространстве, где обнажение допустимо (как, например, баня или кабинет врача), выглядит противоестественно, он неадекватен, выпадает из общей системы порядка и подлежит изоляции или, как в данном случае, даже уничтожению.

Наконец, лишение одежды в лагере становилось символическим убийством человека, так как, расставаясь с одеждой, знаком и носителем прежней жизни, заключенный не обретал новую жизнь, а вступал в пространство смерти, которая должна была сбыться в нем спустя какое-то время. «У нас не было мужества, не было смелости сказать им, нашим милым сестрам, чтобы они разделись догола, — писал один из членов зондеркоманды¹ З. Градовский, — ведь вещи, которые на них надеты, — это теперь их последняя оболочка, последняя защита в жизни. Когда они снимут одежду и останутся в чем мать родила, они потеряют последнее, что привязывает их к жизни. Поэтому мы не требуем, чтобы они разделись. Пусть они оста-

¹ Зондеркоманда («Sonderkommando» нем. «отряд особого назначения») — особое подразделение узников концентрационного лагеря, которое было предназначено для встречи тех, кто был определен на уничтожение, сопровождения их в газовую камеру и уничтожения тел погибших. Зондеркоманды существовали, помимо Освенцима, в Трешлинке, Белжеце, Хелмно, Майданеке и Собиборе.

нуты в своей «броню» еще мгновение: ведь это их последнее жизненное укрытие!»¹

Однако, пока человек еще физически существовал, в обнаженном состоянии он становился апофеозом незащитности и уязвимости. Обнажение лишало субъекта возможности защищаться даже психологически, так как у него, по выражению В. Франкла, «не оставалось ничего, кроме собственного тела... ничего, кроме нашего в самом прямом смысле голого существования»². Публичное обнажение и неизбежный страх беспомощности, а также стыд, связанные с этим актом, приводили человека в состояние конфликта с самим собой. «Если нагота заставляет нас испытывать стыд, — пишет Д. Агамбен, — то это происходит потому, что мы не можем спрятать то, что хотим уберечь от взгляда, и неудержимое стремление убежать от себя наталкивается на неоспоримую невозможность бегства»³.

Желание спрятаться и невозможность это сделать становятся экзистенциальной или даже онтологической «проблемой наоборот», кардинально противоречащей состоянию Христа на кресте, когда он мог сойти, но не хотел, так как без этого бы не было спасения. Данное состояние Христа стало архетипом становления и развития человека, выход из этого состояния не через избавление от страданий, а через преодоление их стал маркером личностного, духовного роста. При этом важно понимать, что данное состояние, как и спасение, является не происходящим во времени, а совершающимся постоянно, длящимся. Это именно состояние, а не действие, природа которого предусматривает хронологическую завершенность. В лагере описанная выше «проблема наоборот» («хочу, но не могу») об-

¹ Градовский З. В сердцевице ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2011. С. 126.

² Франкл В. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. М., 2015. С. 41.

³ Агамбен Д. Homo Sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 112.

ретала также форму длящегося состояния, сопровождающего заключенного все время пребывания в лагере и неизбежно приводившего его к уже упоминавшейся «выученной беспомощности» и превращению в ребенка, о чем еще пойдет речь.

Обнажение и стыд, связанный с ним, были первыми актами и ощущениями, которые приходилось совершать и испытывать человеку при транспортировке в лагерь и сразу после прибытия. То есть стыд вызывало столкновение с принципиально иной реальностью. Для понимания разницы этих реальностей важна мысль М. Хайдеггера о том, что стыд — это нечто большее, чем чувство, которое переживает человек. Скорее это эмоциональная тональность, которая пронизывает все его бытие. Стыд — это род онтологического маркера, который отмечает место, где максимально обостренно сходятся человек и бытие. Стыд также может быть описан как полутон бытия. То есть если до лагеря человек видит в жизни полутона, которые отлагаются от фундаментального основания бытия, придают ему полноту и их распознавание обусловлено «бытием бытия», то в лагере человек не видит ничего, кроме полутонов, в которых полностью растворяется бытие. Кроме того, стыд точно отражал состояние обнаженного человека, которое можно описать формулой «я ничего не могу». То есть в этой ситуации, по точному выражению Т. Горичевой, «стыд возникает от бессилия и сознания своих границ. Бессилие ведет к фатальному, неизбежному»¹.

Стыд, ужас, голод, боль, злость составляют сущность человека, подменяют его, он перестает существовать «на самом деле» и приходит к осознанию «небытия бытия». Таким образом нагота становится экстремальным признаком, заместителем бытия, признаком хоть и второстепенным, но который становится в условиях лагеря важнее главного. А поскольку нагота публична, то есть это новый опыт переживания наготы, она дает опыт первого ощущения себя иного, приводит к повтор-

¹ Горичева Т. О священном безумии. Христианство в современном мире. СПб., 2015. С. 359.

ному узнаванию себя через стыд. Характерно то, что, по воспоминаниям, чувство стыда у узников вызывало не обнажение запретных мест тела, а обнажение в целом, любой части тела, кроме традиционно открытых. «Из-за переполнявшего нас стыда, — вспоминала узница Освенцима Р. Вайсс, — мы даже не понимали, какие части тела нам закрывать руками»¹.

Это узнавание, как правило, несло в себе опыт разочарования и отвращения. Заключенных поражали перемены, происходившие с ними и отчетливо видимые при каждом обнажении, ужасала скорость, с которой менялось и становилось отвратительным, отталкивающим собственное тело. «Мои руки даже не узнавали моего тела, когда терли его», — свидетельствовал Х. Герман². «Я никогда бы, например, не подумал, что могу так скоро превратиться в дряхлого старика, — вспоминал И. Кертес. — Дома для этого требуется время — по крайней мере пятьдесят — шестьдесят лет; здесь же хватило трех месяцев, чтобы тело мое отказалось мне подчиняться. Нет ничего более мучительного, более удручающего, чем день за днем наблюдать, день за днем подводить грустный итог, какая часть тебя безвозвратно ушла в небытие. Дома хоть я и не слишком много внимания обращал на свой организм, в общем жил с ним в согласии, даже — если можно так выразиться — любил его... Я только поражался, наблюдая ту скорость, тот сумасшедший темп, с которыми, что ни день, уменьшалась, таяла, пропадала куда-то покрывавшая мои кости плоть с ее упругостью и надежностью. Каждый раз, когда мне приходило в голову взглянуть на себя, меня что-нибудь удивляло: какой-нибудь новый неприятный сюрприз, какое-нибудь новое безобразное явление на этом все более странном, все более чужом мне предмете, который когда-то был мне другом, был моим телом. Я уже

¹ Weiss R. Journey through hell. A woman's account of her experiences at the hands of the Nazis. Published by Vallentine Mitchell. London, 1961. P. 47.

² Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018. С. 503.

и смотреть на него не мог без некоего двойственного чувства, некоего тихого отвращения; со временем я еще и по этой причине перестал снимать одежду, чтобы помыться»¹.

Стоит напомнить, что идея бессмертия, которая владела общественным сознанием Европы в первой половине XX столетия, и идея смерти как рискованной игры (последняя зародилась в немецком романтизме) строились на эстетике красивого тела, на фоне которого смерть выглядит романтическим, прекрасным переживанием, которое не только не страшно, но воодушевляет и даже привлекает, что позволяло допустить возможность достижения бессмертия. Мортальные сюжеты европейского искусства того времени (особенно направления ар-нуво) постоянно сталкивают красивое обнаженное, чаще всего женское, тело и атрибуты смерти, которые лишь усиливают эстетические впечатления. Конфликт великолепных форм и бесформенной, бессильной смерти пронизывает литературу модерна²; тело, в итоге побежденное смертью, все равно остается бессмертным — прекрасным, завораживающим, подчеркивающим своими формами неспособность смерти победить красоту. Тело умирает, но заняв место души его эстетика остается жить, сохраняя способность привлекать к себе. Примечательно, что нацистской культурой позднее было заимствовано это взаимоотношение красивого, совершенного, утверждающего античные каноны тела и смерти.

Другое направление европейской культурной традиции, направление, особенно ярко выраженное в венском модернизме, оказавшем значительное влияние на довоенную европейскую культуру в целом, выражалось в форме нарочитого, гипертрофированного внимания многих художников, фотографов, акционистов к дефектам человеческого тела и в целом к ущербным, больным, асоциальным людям. В работах первых

¹ *Кертес И.* Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=25>.

² *Фриче В.* Поэзия кошмаров и ужаса. Несколько глав из истории литературы и искусства на Западе. М., 1912.

подчеркивалось, что внешняя физическая уродливость является непрямым отражением внутренней ущербности, маркером пороков и извращений последних. По словам Р. Брухер, «грубая плоть изувеченного тела оказывалась главным способом выразить внутреннее состояние изображаемого»¹.

Соответственно, в пространстве лагеря безобразное, уродливое, больное, состарившееся тело отталкивало, несло на себе печать распада, становилось символом, знаком не просто неизбежной, но окончательной и безобразной смерти, что вступало в противоречие с прежней системой культурных координат и духовных ценностей узника и внутренне разрушало его. Как писал Ж. Амери, «происходило тотальное крушение эстетического представления о смерти»². В лагере никакого конфликта тела и смерти не было — смерть и обветшавшее, избитое, исхудавшее тело сливались, становились неразличимыми. Еще живой человек приобретал тело трупа, что вызывало психологические ассоциации живого человека с мертвым. Кроме того, при взгляде на себя у узника деформировалось самовосприятие, вид распадающегося, изуродованной телесной формы убеждал в тотальном распаде внутреннего содержания и заслуженности страданий. Глядя на свое тело, человек, как один из чеховских героев, испытывал желание «сбросить его с себя», он становился чужим для себя самого и оттого боялся себя и своего тела как важнейшего и последнего личностного маркера, как вместилища порока (красивое тело символизирует, выражает Истину). Гностическое стремление к избавлению от тела парадоксальным образом становилось единственным, хотя и невыполнимым условием дальнейшей жизни.

Д. Агамбен отмечает, что испытывающий отвращение боится себя в объекте отвращения, боится быть им узанным. «Человек, испытывающий отвращение, узнает себя в непри-

¹ Брухер Р. Картинки из клиники. Искусство и безумие Эгона Шиле и Гюнтера Бруса // Искусство. Венский миф. 2019. № 1 (608). С. 62.

² Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одолеть. М., 2015. С. 42.

емлемом отличии, то есть субъективирует себя в абсолютной десубъективации»¹. Испытывая отвращение, человек находится во власти того, что нельзя принять, того, что уничтожает самотождественность. Но парадокс в том, что это неприемлемое составляет сущность физической природы человека (физиология). Первый опыт столкновения с лагерной действительностью становится опытом отвращения к себе, тем более что все вокруг убеждает, что совершенство, тем более физическое, в лагере невозможно. Эстетика тела стремительно исчезает, и последнее начинает вызывать прямо противоположные чувства.

Таким образом, в лагере были созданы и эффективно функционировали механизмы, с помощью которых происходило возведение безобразного в категорию эстетически положительного. Безобразие тела, так же как и одежды и всей жизни в лагере, стало возможным и приемлемым, так как эстетический момент был поглощен идеологией, согласно которой враг, преступник обязан быть безобразен не только для администрации лагеря, но прежде всего для самого себя. Здесь вновь приходится видеть вывернутую наизнанку схему европейского христианства, согласно которой плотская красота — от дьявола, а безобразное, уродливое тело является признаком высоких внутренних добродетелей (не случайно, например, в некоторых источниках первых веков христианства апостол Павел представлен уродливым, существовали древние предания о безобразии Христа, нарочито безобразны были древнерусские юродивые, многие блаженные уже Нового времени имели серьезные внешние дефекты). Однако в лагере безобразное тело было только безобразным телом, лишенным любого содержания. Сама реальность лагеря не давала наполнить это тело хоть каким-то содержанием, кроме одного: самое безобразное зрелище, вид распадающейся плоти, становилось апофеозом, знаком всего

¹ Агамбен Д. *Номо Сакер*. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 114.

трагического, что происходило в лагере, и именно этот знак был воспринят и опознан послевоенным европейским социумом в сохранившейся этической и эстетической системе координат.

Лагерь — это полностью деэстетизированное пространство, в котором невозможно восхищаться тем, что было предметом восхищения прежде (внешность, способности, ум, язык), и, наоборот, вызывает восхищение то, что отвергает эстетику в самой своей сущности. Например, в некоторых воспоминаниях охранников или персонала лагерей можно видеть восхищение прицельностью и ловкостью стрельбы по заключенным или тем, как слаженно и четко, например, работают зондеркоманды. Таким образом, отвращение к себе, приводящее к выворачиванию наизнанку всех привычных представлений, в том числе о безобразном и прекрасном, становится важнейшим фактором деформации прежней, долагерной личности и становления новой¹, условием почти безоговорочного принятия бытия Концентрационного мира, одним из корней формирования принципиально нового даже эстетически человека, если определение «человек» применимо к той социальной и биологической формации, которая вырабатывалась в лагере.

Кроме того, деформации тела в лагере были свидетельством конфликта пространства человека (в телесном выражении) с пространством лагеря, «неместа» лагеря с местом человека — тело давало человеку место в лагере. В ходе этого конфликта неизбежно деформировался не только человек, но и пространство лагеря, хотя масштабы деформаций были несопоставимы. Максимально агрессивное пространство лагеря было причиной тяжелых физических травм и увечий узника,

¹ Примечательно, что Петровские реформы, касающиеся одежды и внешности (переодевание аристократии в европейское платье, подчеркивающее телесные особенности, бритье бород, уравнивающее мужчин с женщинами), также были нацелены на вызывание отвращения к себе, что приводило к разрушению самоуважения, подавляло внутреннюю оппозицию и облегчало задачи управления элитами.

свидетельством процесса «притирки» двух пространств. Избежать этого процесса «притирки» и вызванных им телесных деформаций не мог никто, «нормальным» телом человека в лагере было больное, истощенное, израненное тело, пространство лагеря «осваивалось» травмами, болезнями и увечьями. Узника били в бараке, истязали на «аппеле», оскорбляли его и глумились над ним на работе — все эти места по-разному, но неизбежно «отпечатывались» на теле заключенного. Именно поэтому даже после освобождения узникам было очень сложно, а зачастую и невозможно освободиться от ощущения того, что Концентрационный мир остается рядом, переживается почти с той же остротой, что и в заключении, — следы травм, общее состояние здоровья были наглядным свидетельством его непреходящего бытия, пожизненного присутствия, вечной трагической актуальности.

Теперь вновь необходимо вернуться к одежде. Первое обнажение сразу после прибытия в лагерь предшествовало переодеванию в лагерную одежду — штаны, куртку (робу), обувь и шапку. «В пристройке после душевой мокрые должны быстро, не выбирая, схватить из разных кучек верхнюю одежду и обувь, — вспоминал А. Левин. — Чулки и нижнее белье не полагалось»¹. Эта процедура демонстрировала максимальный антиномизм Концентрационного и обычного мира. Одежда и обувь были грязны, их фактура была очень грубой. «На складе нам выдали ветхую полосатую форму, пропахшую плесенью и тленом, деревянные гольцшуги и шапку-мютце, представлявшую собой безобразно сшитый колпак из полосатой мешковины», — вспоминал В. Бойко. Следует подчеркнуть, что нередко бывали случаи, когда узников переодевали в чужую старую гражданскую одежду или даже форму уничтоженных военнопленных. «Вылезшие из ванны девушки бежали по снегу

¹ Левин А. Семья. URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer4/ArLevin1.php>. Следует отметить, что в первые несколько лет существования концентрационных лагерей нижнее белье выдавалось, но затем эта практика была прекращена.

Заклученные концлагеря Равенсбрюк

к последнему пункту — зданию, где их ожидали груды одежды, русской военной формы... На форме мертвых солдат кое-где сохранились знаки различия»¹.

Обувь (общее название «клумпы», немцы называли ее «pantinen») часто была деревянной (с брезентовым или картонным верхом), то есть максимально неподходящей для употребления. При отсутствии нужного размера ее невозможно было разносить, ступни в ней не сгибались, а необходимость носить ее без носка или портянки приводила к тяжелым ранениям ноги и превращала передвижение в ад. «Идут, тащатся оборванцы, в лучшем случае в деревянных башмаках (клумпах), многие босые, с распухшими лицами и ногами», — пишет А. Левин². То есть в данном предмете одежды функция обувать

¹ Хэзер Макадем. Их было 999 в первом поезде в Аушвиц. М., 2022. С. 138.

² Там же. URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer4/ArLevin1.php>.

ногу, защищать ее и помогать ходьбе была не главной. Гораздо главнее были другие функции — причинять боль и препятствовать побегу (колодки слетали с ног на бегу и даже при быстрой ходьбе, поэтому «в слякоть и дождь, в снег и жару колодки верно стерегли нас»¹). Данная обувь создавала характерную «шаркающую» походку заключенных, зрительно увеличивающую возраст и становящуюся важной чертой измученного, сгорбленного узника. Грохот клумпов, волочащихся по земле, являлся основным предупредительным знаком заключенных, еще одной чертой, отделявшей узников от эсэсовцев. Последние ходили бесшумно или четко печатая шаг.

Следует обратить внимание на важную деталь, отмеченную В. Бойко, — ветхая одежда пахнет плесенью. Таким образом, только что полученная одежда маркирует новый социальный статус узников в лагере — статус живых мертвецов. Прежних различий больше нет, как нет и прежней жизни, для которой они умерли символически, а скоро умрут и физически. На живых мертвецов надевают мертвую одежду — не случайно очевидцы называют ее «саваном». Статус живого мертвеца подчеркивается тем, что одежда была «вся продырявлена пулями. Не знаю, сколько человек надевали ее до меня и где их пепел...»². «Шерсть местами заскорузла от засохшей крови и кала и была вся в дырках от пуль»³. «То, что попадает в руки Милы и Терезы, пробито пулями, протерлось, было надето на трупах, — пишет В. Гоби. — Они весь день прощупывают эти саваны, которые вскоре станут формой, а потом, вполне возможно, опять саванами, к тому есть все предпосылки»⁴. Отсутствие нижнего белья было эквивалентно «скрытому обнажению» (достаточно

¹ Черон Ф.Я. Немецкий плен и советское освобождение; Лугин И.А. Полглотка свободы. Вып. 6. Париж, 1987. С. 52. (Серия «Наше недавнее»).

² Бойко В.Я. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojkovadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.

³ Хэзер Макадем. Их было 999 в первом поезде в Аушвиц. М., 2022. С. 138

⁴ Гоби В. Детская комната. Харьков — Белгород, 2016.

было распахнуть полы куртки или стянуть штаны, чтобы человек оказался голым), а если оно и выдавалось, то нередко становилось дополнительным фактором унижения. Особенно это касалось евреев, так как, например, в лагере Моновиц нижнее белье делалось из талитов — молитвенных облачений в иудаизме, обнаруженных в вещах погибших¹.

Одежда выдавалась без учета хотя бы примерного размера, что доставляло массу проблем, если не удавалось обменяться с кем-нибудь на подходящий размер. Э. Визель вспоминал: «Еще один барак — склад. Длинные столы. Горы арестантской одежды. Мы бежим мимо них, а нам кидают штаны, куртки, рубашки и носки. Через несколько секунд мы уже были не похожи на взрослых мужчин... Великану Меиру Кацу достались детские штанишки, а маленькому и худенькому Штерну — огромная куртка, в которой он утонул. Мы тут же принялись меняться»². Этим подчеркивалось, что одежда, ее вид, размер, состояние больше не имеют значения. Это просто знак превращения человека в узника, последний штрих, завершающий это превращение.

То есть одежда подчеркивала имманентную жестокость и беспощадность бытия в лагере, указывала на отсутствующую ценность человека, маркировала разницу систем двух миров — прежнего и нынешнего. Одинаковая одежда отменяла и упраздняла отдельного человека, становилась репрессивным инструментом. Только что надетая лагерная одежда, то есть насильственно присвоенное узнику культурное тело, вступала в конфликт с еще здоровым физическим телом заключенного, первое стремилось вытеснить последнее, подчинить его себе. Однако по мере пребывания в лагере этот конфликт нивелировался, обозначая взаимное приспособление этих двух тел и стадии включения узника в систему.

¹ *Levi P. Aushvitz testimonies. With Leonardo de Benedetti. 1945–1986. Polity press, 2018. P. 23.*

² *Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 34.*

Не менее важна еще одна деталь. В условиях лагеря возникла невозможная за его пределами зависимость жизни от предметов одежды. То, что ни при каких обстоятельствах вне лагеря не могло послужить причиной гибели (например, утрата шапки или обуви), в лагере могло оказаться роковым. «Ведь каждый ребенок знает, что обувь в лагере — это сама жизнь, — писал Н. Фрид. — На Зденека наступают, его пинают ногами, но он думает только о том, что он спас свою обувь»¹. «Кладовщик, выдававший форму, предупредил: в лагере голову можно потерять, но шапку — ни в коем случае; за потерю шапки убивают на месте»², — свидетельствовал В. Бойко. По манере носить шапку отличали опытного заключенного от новичка, человека с возможностями от обычного узника. Только что прибывшие носили шапку небрежно, старые узники — аккуратно и ровно, «чем больше было у заключенного пищи, тем более лихо носил он шапку»³. Лагерные «мусульмане» (о них далее) носили шапку, низко надвинув ее на уши и использовали ее вместо миски. Шапку снимали, приветствуя в обязательном порядке любое «начальство» — эсэсовца или капо (при этом начальство на приветствия не отвечало), во время присутствия на экзекуциях (команды «Mützen ab!» и «Mützen auf!» («Шапки долой!», «Шапки надеть!») тренировали часами) и за неснятую шапку следовало тяжелое наказание.

В условиях аннигиляции человека как такового в пространстве лагеря, замены его имени на номер, восприятия его как вещи детали одежды становилась важнее того, что под ней, важнее самого узника. Одежда являлась его знаком, то есть единственным сигналом, который считывался лагерной администрацией, — ни лица узников, ни рост, ни национальность больше не имели значения. Таким образом, одежда станови-

¹ Фрид Н. Карточка живых. URL: <http://militera.lib.ru/prose/foreign/frid/pre.html>.

² Бойко В.Я. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojkovadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.

³ Краус О, Кулка Э. Фабрика смерти. М., 1960. С. 47.

лась автономным носителем смысла, она, собственно, и была узником, заменяла и вытесняла его идентичность. Выполняя знаковые функции, одежда включала то, что считалось узником, в механизм, обеспечивавший существование лагеря. Поэтому после утраты знака (обуви, шапки) должен был закономерно исчезнуть и его носитель.

Необходимо обратить внимание на то, что механизмы тотального нивелирования человека, сведения его к предмету одежды, работали «в обе стороны». То есть эсэсовцы для узников также не имели лиц, характеров, любых личных качеств — их знаком становилась форма. Когда одну из узниц Освенцима, имевшую хорошее образование, попросили рассказать о своих впечатлениях от эсэсовцев, она отметила, что «они все были одинаковы. Если вы спросите меня, как они выглядели, я могу только сказать, что все они были в сапогах»¹. Характерна ассоциация эсэсовцев именно с сапогами — заключенный, одним из основных правил которого было «не сметь смотреть», то есть который не поднимал глаз, которого ударами постоянно сбивали с ног или он падал сам, хорошо, в подробностях видел главным образом сапоги тех, кто над ним стоял или издевался, обувь становилась знаком, последним образом лагеря перед гибелью. Поэтому закономерно, что только те узники, которые в силу профессии, должности или обстоятельств должны были более или менее тесно контактировать с эсэсовцами, смогли затем в деталях описать тех, с кем им приходилось иметь дело.

Изможденные, одетые в грязную, изношенную одежду заключенные становились ярким контрастом выхоленным, сытым, великолепно одетым эсэсовцам. Узник Освенцима Р. Исраил вспоминал, что первое, на что он обратил внимание, попав в лагерь, — это великолепный внешний вид офицеров СС. «Они были «идеальны»... высокие, стройные, в безупреч-

¹ Цит. по: *Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 434.*

ной форме»¹. Заключенный лагеря Понары Ю. Фарбер вспоминает, что один из главных эсэсовцев был «утонченный садист, ему было лет 30. Он был щегольски одет, на нем были белые замшевые перчатки до локтя. Сапоги блестели, как зеркало. От него очень сильно пахло духами»². Хакман, один из помощников коменданта лагеря Майданек, по воспоминаниям одного из узников, «был молодой человек лет 30, элегантный, часто носил белые перчатки»³. В целом в том, что именно СС обслуживали и формировали Концентрационный мир, была не только практическая, но и идеологическая и даже эстетическая составляющая. Как отмечает С. Сонтаг, «СС — идеальное воплощение открыто утверждавшегося фашистами права силы, права на безусловную власть над другими, права считать других заведомо низшими существами. Эсэсовцы проводили эту идею наиболее последовательно, поскольку орудовали самым brutальным и действенным образом, используя при этом театральные эффекты и руководствуясь определенными эстетическими принципами... СС была сформирована как элитная военная организация, которой полагалось воплощать не только беспредельное насилие, но и высшую степень красоты»⁴. То есть эсэсовцы демонстрировали вторжение эстетики в тотально деэстетизированное пространство, а лагерь становился пространством «тотальной эстетизации» (В. Беньямин), которая возможна только в условиях войны⁵.

Эсэсовцы в безупречно выполненной, плотно пригнанной форме, с небрежными, независимыми манерами невольно возбуждали у «заведомо низших существ», узников, чувство собственной неполноценности. Один из заключенных Майда-

¹ Бейер С. Как пережившие Освенцим видят сегодняшнюю политическую ситуацию. URL: <https://inosmi.ru/social/20200124/246693117.html>.

² Черная книга / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015. С. 547.

³ Цит. по: Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 33.

⁴ Сонтаг С. Под знаком Сатурна. М., 2019. С. 84–85.

⁵ Беньямин В. Девять работ. М., 2019. С. 191.

Комендант концлагеря Бухенвальд Карл Кох у своей виллы

нека вспоминал, как выглядели советские военнопленные перед упоминавшимся выше помощником коменданта Хакманом: «Они стояли в лохмотьях, русских шапках, длинных форменных пальто перед ним, таким элегантным. Этот контраст был ужасен»¹. Когда заключенный Т. Блатт, прибыв в лагерь, впервые увидел эсэсовцев, то почувствовал, что «они лучше». «А на другом конце спектра я увидел евреев и поляков — напуганных, спасающихся бегством или прячущихся»². «Я завидовала изящным и чистым юбкам и блузкам женщин СС», — вспоминала узница Освенцима З. Ружичкова³.

Примечательно, что передаваемый через воспоминания выживших безупречный, близкий к идеалу внешний вид эсэсовцев нередко был только работой воображения узников, и это было вызвано, очевидно, тем, что данный механизм запускала внутренняя подавленность и обреченность заключенных. Запускала для того, чтобы оправдать собственное бессилие и неспособность к сопротивлению. Подобная идеализация была первым признаком паралича свободы действовать по своей воле — узники, сохранявшие самостоятельное мышление, не видели в эсэсовцах тех идеализирующих черт, которыми их наделяли другие. Г. Лангбейн вспоминал, что очень многие узники описывали знаменитого «доктора» Менгеле «блондином», «красивым Зигфридом», в «белых перчатках, с моноклем», «безупречно элегантным», и заключал: «Я видел Менгеле почти каждый день в кабинете эсэсовского лазарета, где он выполнял рутинную бюрократическую работу, и он не показался мне ни особенно привлекательным, ни элегантным. Я никогда

¹ Цит. по: Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 33.

² *Рус Л.* Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 281. Такие же чувства в целом вызывала Германия у многих советских людей, кто оказался в нацистских лагерях или был вывезен из СССР в качестве остарбайтеров. См.: Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 127–130.

³ *Ружичкова З., Холден В.* Сто чудес. М., 2019. С. 181.

не видел, чтобы он носил монокль»¹. Можно добавить, что все фотографии Менгеле свидетельствуют, что блондином он никогда не был.

Несомненно, именно такие чувства и впечатления немцы и хотели вызвать у тех, кого хотели подавить, и инструментом этого подавления становилась эстетика, которая наглядно демонстрировала прибывающим постулат об их неполноценности, сталкивала «культуру» и «антикультуру» (именно на этом, прежде всего визуальном, противопоставлении строилась структура известной пропагандистской брошюры «Унтерменш», изданной в 1942 году для СС тиражом в несколько миллионов экземпляров)². Кроме того, идеальная форма эсэсовца создавала ощущение абсолютного порядка, который подчиняет хаос, а также указывала на определенное место ее обладателя в структуре символического пространства Концентрационного мира, давала ощущение силы и статусность.

Поэтому первым внешним признаком того, что узник поглощался системой, ассимилировался, невзирая на еще сохраняющееся формальное несогласие со всем, что он видел вокруг себя, становилось стремление заключенного подражать эсэсовцам в одежде. «Чем больше некоторые заключенные любили носить бриджи и сапоги (если они были в состоянии «организовать» такую одежду), — писал Г. Лангбейн, — тем больше они копировали команды СС и стремились стать «маленькими фюрерами». Я помню одного молодого еврея, который воспользовался возможностью раздобыть военного образца штаны и сапоги. Несмотря на то что он страстно ненавидел нацистов, он, тем не менее, явно гордился своей лихой военной внешностью. Люди этого типа также перенимали от своих хозяев презрение к любой слабости и начинали

¹ *Hermann Langbein. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 267.*

² На русском языке была издана под названием «Образ врага» в германской военной пропаганде». Новочеркасск, 2007.

Борис Якеменко

угнетать самых беззащитных»¹. Может показаться странным, но нередко за такую форму одежды не следовало никакого наказания — напротив, эсэсовцы, точно считывая данные сигналы, понемногу начинали выделять такого заключенного из общей массы, и он мог рассчитывать на «повышение» до капо или блокэльтесте². Итогом становилась еще бóльшая социальная стратификация заключенных и обострение внутренних взаимоотношений в их среде.

¹ *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 288.

² *Blockältester* (нем.) — старший по бараку.

Превращение в знак

Переходу в иное состояние узника способствовало, как уже говорилось, клеймение последнего, татуирование номера на левой руке от запястья к локтю (в Майданеке и Маутхаузене на запястье вешали на проволоке кусочек жести с номером, во многих других лагерях номер обычно наносился только на одежду), что означало, по словам А. Кемпински, «трактовку человека как номера»¹. Этот же номер наносился на «винкель» (Winkel — угол (нем.) — кусок ткани определенного цвета, часто треугольной формы (отсюда название, а сама форма была взята от предупреждающего дорожного знака), который нашивался на одежду и штаны. Цвет и форма куса ткани обозначали категорию узника: красный — политический, зеленый — уголовный, синий — эмигрант, черный — асоциальный элемент и т. д. На ткань также наносились буквы, обозначавшие в сокращении национальность узника. Этот номер лишал человека имени — важнейшего элемента самоидентификации, необходимого для окончательного завершения акта рождения, системы связи с метафизической действительностью², «высшего достояния личности»³ — и вы-

¹ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 39.

² Флоренский П. Имена. М., 2001.

³ Флоренский П. Священное переименование. Изменение имен, как внешний признак перемен в религиозном сознании. М., 2006. С. 235.

страивал прямую аналогию с рабом или со скотом («Всех обрили наголо и, как скот, заклеями. На руке Марии появился номер 65989»¹), предназначенным на убой. «Их называли по номеру, вытравленному навсегда»².

«Мы раздевались в самом уголке, — вспоминает А. Никифорова. — Немка в черной пелерине протянула нам номерки на тесемках — отныне все наше имущество. Это было так унижительно, что Верка, не сдержавшись, ругнулась и вырвала номерок из рук надзирательницы. Какой злобой вспыхнули глаза фашистки! Угрожающе бормоча что-то, она пыталась добраться до Верки, но мы тесно окружили нашу подругу, не подпустили фашистку к ней. Веркины глаза наполнились слезами. — Не могу с номерком, как собака»³. «Теперь, — говорит одна женщина, — я помечена, как мои коровы»⁴.

Еще точнее описывает свое состояние после получения номера К. Живульская: «Заключенная с очень малым номером и красной нашивкой без «П» (фольксдойчка) взяла мою руку и начала выкалывать очередной номер: 55908. Она колола меня не в руку, а в сердце — так я это ощущала. С этой минуты я перестала быть человеком. Перестала чувствовать, помнить. Умерла свобода, мама, друзья. Не было у меня ни фамилии, ни адреса. Я была заключенная номер 55908. С каждым уколом иглы отпадала какая-то часть моей жизни»⁵. «После клеймения я превращался в безликое существо, в раба, лишённого родины, свободы, имени — всего того, без чего немислимо человеческое существование», — вспоминал В. Бойко⁶.

¹ Сафина А. Узница Освенцима. URL: http://www.hrono.info/text/2005/safina05_05.html.

² Вивьерка А. Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим. СПб., 2001. С. 13.

³ Никифорова А. Это не должно повториться. М. — СПб., 2017. С. 13.

⁴ Гоби В. Детская комната. Харьков — Белгород., 2016.

⁵ Живульская К. Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.

⁶ Бойко В.Я. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojkovadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.

Помимо того что номер заменял имя, он служил паспортом, по которому можно было узнать о заключенном все, что необходимо: когда, откуда, каким транспортом прибыл узник, новичок он или бывалый заключенный, какова его национальность. Соответственно номеру строились и внутренние отношения. «К обладателям номеров от 30 000 до 80 000 все относились с уважением, — писал П. Леви, — из них, обитателей польских гетто, осталось в живых всего несколько сотен. Тем, кто намеревался вступить в коммерческие отношения с номерами от 116 000 до 117 000, нужно было держать ухо востро: человек сорок, оставшихся от тысячи греков из Салоник, могли надуть любого. Что касается самых высоких (или Больших) номеров, в них была заложена скорее комическая информация, и они вызывали примерно такую же насмешливую реакцию, какую в нормальной жизни вызывают слова «первокурсник» или «призывник». Типичный Большой номер отличается упитанностью, пугливостью и наивностью; он готов поверить, что тем, у кого стерты ноги, в санчасти выдают кожаную обувь, и оставить свой котелок с супом тому, кто предложит его «посторожить», пока он туда сбегает»¹.

По воспоминаниям многих узников, с каждой неделей пребывания в лагере им было все труднее вспомнить собственное имя, их внутренняя сущность «срасталась» с номером — не случайно многих заключенных не только эсэсовцы, но даже в своей среде вскоре начинали называть по номеру, как правило, по двум-трем последним цифрам, в то время как настоящее имя забывалось. «Я был во многих лагерях, — вспоминал узник лагеря Гаттинген А. Пилипенко, — много товарищей осталось в памяти. Я припоминаю их по лицам, закрыв глаза, знаю их номер, но не помню их имени. Так каждый день вызывали, отмечали, называли лишь номер... Мы знаем друг друга по номерам»².

¹ Леви П. Человек ли это? М., 2011. С. 42.

² Полян П. «Если только буду жив». 12 дневников военных лет. М., 2021. С. 731.

По одной из мыслей А. Лосева, человек, лишенный имени, перестает быть индивидуальным, он асоциален и может приравниваться к животному¹. Говоря о «человеке без имени», П. Флоренский отмечает, что этот человек «представляется непосредственному сознанию каким-то мистическим уродом или недоноском, обликом человека без подлинной сути, соответствующей своему внешнему виду... имя человека самое внутреннее, самое интимное в нем, чего он не может не знать, до такой степени оно слито с его самосознанием, то есть оно более связано с человеком, чем даже лицо его, его наружный облик»². Сведение человека к номеру эмблематически закрепляло лишение узника статуса человека, становилось высшей степенью имперсонализации, превращало заключенного из человека в типовой экземпляр со знаком человека, в терминологии Лакана — «децентрированный субъект», номер которого соотносился с символической аутентичностью объекта, в который был превращен узник, и закреплял ее. Данный цифровой код расшифровывался и изменялся насилием, а стирался с легкостью смертью. Легкость была обусловлена тем, что присвоение номера выводило все действия эсэсовцев относительно узников за пределы любых моральных и этических оценок, так как возможно причинять страдания Николаю, Берте, Станиславу или Марселю, но невозможно мучить и истязать номер.

Трагедия, мучения всегда субъектны, они возникают, если есть субъект, воплощающий трагедию, испытывающий страдания (трагедия, как и страдания, всегда чья-то, не существует трагедии «вообще», как и безличных страданий). В этом случае трагедия и муки могут привести к осознанию происходящего, к катарсису, который и есть апофеоз трагедии и кристаллизация мучений, именно в катарсисе происходит осознание трагедии как таковой, она обретает законченную форму и превра-

¹ Лосев А.Ф. *Вещь и имя*. М., 2008. С. 67–75.

² Флоренский П. *Священное переименование. Изменение имен как внешний признак перемен в религиозном сознании*. М., 2006. С. 66.

щается в средство преображения действительности, а катарсис становится семиотической границей между «до» и «после».

Если же субъекта не существует, то ни мучения, ни насилие, ни массовые убийства не являются трагедией, не осознаются как катастрофа, не меняют ни палачей, ни действительность, так как сострадать некому и некого жалеть. Отсутствие границы ведет к гомогенности пространства события, к его тотальной деаксиологизации. Поэтому присвоение номера, приводившее к десубъективации узника, автоматически вело к изощренному насилию и массовым казням, которые не воспринимались как трагедия и масштаб которых не ощущался, так как это не приводило к катарсису и, следовательно, не было в состоянии ничего изменить.

Человек без имени, человек-номер, лишенный сознания личной уникальности и собственного образа — необходимых условий самовосприятия как мыслящего, живого существа, сливался в массу таких же, как он, лишался возможности вступать в диалог с эзэсовцем, имеющим имя и звание, так как между номером и именем невозможна коммуникация, как она невозможна между человеком и предметом. Таким образом узник обрекался на молчание (о молчании в лагере речь пойдет в отдельной главе), превращался из видящего, то есть способного к диалогу, только в видимого, то есть в объект взаимодействия.

Лишение имени означало и лишение человека памяти, служило символическим окончанием прежней жизни, от которой не оставалось даже воспоминаний, и переход в состояние «до истории», возвращение к истокам бытия, когда люди не имели имен. Человек, получивший номер, лишался возможности осознания себя (так как для того, чтобы осознать себя, нужно себя назвать), а следовательно, и возможности самоосуществления, становления в новых условиях. Получив номер, узник концлагеря обрекался на анонимное существование, бытие без лица, которое вызывало такой же страх, как осознание почти неизбежной собственной гибели. То есть с присвоением номера жизнь становилась равна смерти.

Л. Бёрсум в своих воспоминаниях соединяет наготу и присвоение номера (которое было аналогом семиотического обозначения личности) и точно подмечает, как эти два явления лишают человека элементарных навыков, низводя его до состояния примитивного слабоумного биологического существа. «Когда мы вышли из бани, то почувствовали себя как бы голыми и беззащитными. Я не знаю, было ли это ощущение у остальных, но я чувствовала себя неуверенно, как будто снова стала школьницей, глупой, некрасивой и несчастной. Все надо мной смеялись и издевались, а я попадалась на удочку. Как будто вся уверенность, которой я добилась в течение всей жизни, вдруг исчезла, и я осталась стоять ненакрашенной и раздетой. Одежду у меня отобрали, надели униформу с нашитым номером. Куда-то пропали мои знания немецкого языка, и я не могла связать и двух слов. Когда меня спрашивали, я не могла дать ясный ответ... У меня будто крыша поехала, и я побила все рекорды, теряя самые важные вещи — зубную щетку, мыло, мочалку и полотенце. Впрочем, другие тоже на это жаловались»¹.

Присвоение номера, с одной стороны, означало, что узнику временно предоставляется жизнь и работа, — тех, кто по прибытии после селекции направлялся в газовую камеру, не клеймили. С другой стороны, эта процедура в значительной степени облегчала процесс уничтожения узников, так как после клеймения уничтожался не человек — выводилась из обихода, перекодировалась цифра, выбрасывалась типовая деталь огромного механизма Концентрационного мира. Нельзя не обратить внимание на то, что серийные детали машин также всегда имеют заводской номер. Бывший узник, польский священник Болеслав Шкиладз, вспоминал слова старшего по бараку, обращенные к вновь прибывшим: «Здесь, в лагере, вы не настоящие люди, вы даже не рабочая сила и не животные... Вы только знак, написанный у вас на груди, — вы только номер.

¹ Цит. по: *Кристи Н.* Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942—1943 гг. СПб., 2017. С. 27.

Образец размещения винкеля на форме заключенного

Номер не чувствует, не думает и имеет значение, только пока существует, в любой момент его можно стереть или изменить. У вас нет никакого права жить. В любой момент ваш номер — ваша жизнь — может быть поглощена горячей пастью Молоха крематория»¹.

Не случайно снятие номеров означало лишение последней связи с действительностью и показывало, что узник при-

¹ Рокуччи А. Христиане в концлагерях. Некоторые размышления о христианах в концлагерях: опыт коммунизма и нацизма. URL: http://pravmisl.ru/index.php?id=370&option=com_content&task=view.

говорен. «Я посмотрел на китель полковника, — вспоминал Ю. Цуркан, — не было ни номера, ни винкеля. Человек обречен на уничтожение. Действительно, на следующий день Галинского увели в двадцатый блок»¹. Л. Макарова точно отмечает, что «на этом фоне (на фоне деиндивидуализации. — Б.Я.) физическая смерть, сохраняя биологическое значение, играет второстепенную роль относительно социального небытия»². Клеймение фиксировало окончательное уничтожение рефлексии как формы самопроявления индивидуальности: цифра, номер не в состоянии рефлексировать, их задача — обозначать, фиксировать место в системе. Кроме того, несмыслимый номер символически обозначал, что выход из Концентрационного мира отныне невозможен. Хорошо известно, что у выживших узников номер до конца дней оставался важнейшим стимулятором ментального возвращения назад, в пространство лагеря. Не случайно многие узники после освобождения сводили номера.

Смена имени на номер для людей, имеющих религиозный опыт самоидентификации, имела особое, эсхатологическое значение, так как имя является важнейшим элементом самоатрибуции в рамках той или иной религии, связью с небесными покровителями, историей рода и этноса. После присвоения номера человек терял связь с родом, оказывался выброшен из собственной родовой памяти, своей истории и истории своего народа. Номером человек в лагере объявлялся несуществующим, то есть возвращался в онтологическое состояние «досуществования» без предоставления в перспективе возможности становления.

Особенно унизительна была татуировка для религиозных евреев, так как это являлось прямым нарушением одной из заповедей Торы: «И царапин по умершим не делайте на теле

¹ Цуркан Ю. Последний круг ада. М., 2017. С. 319.

² Макарова Л. Смерть в мировоззрении национал-социализма // Смерть как феномен культуры. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994. С. 146.

вашем, и наколотой надписи не делайте на себе. Я — Бог» (Левит. (Ваикра) 19: 28). Причем запрещались татуировки потому, что ими пользовались варвары и идолопоклонники и делать ее — значит уподобляться им. В связи с этим стоит заметить, что номера не наносились на тело германских подданных и лиц германского происхождения¹. То есть с помощью вытатуированного номера евреи переводились в иное состояние, на более низкую ступень цивилизации, возникала амбивалентность, которая постоянно вступала в конфликт с прежней религиозной сущностью, в значительной степени подавляя ее. Не случайно евреи-узники говорили: «В Освенциме нельзя умереть евреем»². В более широком смысле — в Концентрационном мире нельзя было умереть человеком и замена имени на номер подчеркивала это с исчерпывающей очевидностью.

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 46.

² Агамбен Д. Homo Sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 43. Необходимо помнить, что этот тезис усиливался тем фактом, что тела убитых и погибших в лагерях узников кремировались, что прямо противоречило погребальным правилам и канонам иудаизма. Прежде всего, как и в случае с татуировкой, кремация мертвых практиковалась во многих языческих культурах. Галаха прямо требует ингумации, мало того, кремированные останки не могут быть захоронены на еврейском кладбище, и многие традиционные законы траура не соблюдаются после смерти человека, чье тело было кремировано. Однако именно практика концентрационных лагерей в значительной степени внесла свои коррективы в иудейскую религиозную традицию, связанную с погребением. После Холокоста многие евреи собирали пепел из крематориев лагерей смерти и хоронили его на еврейских кладбищах.

Пища и ее прием

Пища (еда) в человеческом бытии есть один из главных антропогенных факторов, прием пищи — это важнейшее средство придания человеку контура социальности и одна из главных форм ее выражения. Акт буквального, телесного, физического принятия в себя чего-то, что кардинально меняет антропологию и метафизику человека, придает ему новые свойства и качества, — этот акт сопутствует человечеству на протяжении всей его истории и выражается в архаических культурах в теофагии, а в христианстве — в евхаристии. Закономерно в себя принимают «то, что лучше». То есть «вкусную пищу», способную преобразовать привычные физические состояния и ощущения человека (тело) или «полезную пищу», приводящую к изменениям внутреннего состояния (душа). В процессе еды проявляется сущность человека — пища может низвести человека до животного состояния, а может возвысить, человек в состоянии питаться как человек и в состоянии питаться как животное (жрать). На процесс принятия еды, на ее восприятие существенным образом влияет внутреннее состояние человека.

Таким образом, всякая пища имплицитно способствует преобразованию человека к лучшему, переход от доистории к истории был маркирован в том числе и изменением отношения к пище, которая становилась все более средством изменения человека и все менее питанием, призванным просто под-

держат жизнь в стабильном состоянии. Не случайно Христос говорил, что «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф. 15: 11). Акт принятия пищи есть наиболее тесный контакт с Другим (автору в данном случае близка позиция Э. Левинаса, который описывает Другого как «абсолютную Инаковость»), дающий ощущение максимальной объективации последнего. Не случайно многие ритуалы, связанные с принесением присяг, клятв, обещаний, подтверждаются и закрепляются поцелуем — символическим вкушением, обозначающим стремление физически вобрать в себя Другого/Другое, придать ему тождественность и добиться интересубъективности.

В процессе еды чужое превращается в свое (у-своение чужого), происходит диффузия иного в себя. При этом имеет большое значение способ потребления пищи и качество еды. Первый качественно меняет как человека, так и восприятие пищи (есть существенная и очевидная разница между принятием пищи за столом или сидя на земле с тарелкой на коленях, с помощью приборов или руками и т. д.), второй важен как средство формирования самоощущения и чувства достоинства — некачественная пища десоциализирует употребляющего ее, ассоциирует с маргиналом или животным. В этом смысле уровень восприятия качества пищи напрямую зависит от уровня самооценки человека. Необходимо подчеркнуть: чем некачественнее пища, тем менее она является пищей как таковой, то есть ее качество, пригодность для человека есть ее необходимое метафизическое свойство и важнейший маркер цивилизованности.

Потребление пищи можно охарактеризовать как акт несвободы. Это не связано с тем, что человек испытывает постоянную физическую зависимость от еды, хотя отчасти и с этим тоже. Не случайно во всех религиозных практиках обретение внутренней свободы, духовное и ментальное раскрепощение напрямую связано с пищевыми ограничениями или изменением способов и характера принятия пищи. Прежде всего при-

ем пищи, в отличие от любых других действий, не может быть недетерминированным. Пища всегда «приходит» со стороны, откуда-то. Получая еду, человек ощущает себя непосредственным образом зависящим как от природы, дающей продукты питания, так и от тех, кто ее выдает/ доставляет/готовит.

Процессы добывания пищи и ее принятия в лагере тотально отрицали и превращали в противоположность все сказанное выше. Именно эти процессы становились важнейшим условием перевода человека из прежнего, долагерного, в новое состояние — узника. Общеизвестный факт, что еды в лагерях выдавалось намного меньше, чем было необходимо для поддержания нормального функционирования человека. Поэтому очень быстро узник оказывался во власти голода. Феноменология голода в нацистских лагерях не становилась предметом серьезного изучения, и относительно удачной попыткой такого рода можно считать монографию Кристины Сталь «Тоска по хлебу. Пища и голод в системе концентрационного лагеря Маутхаузен»¹. В данной работе К. Сталь подробно рассматривает состав и формы питания заключенных лагеря Маутхаузен и прослеживает процесс превращения узника в существо, озабоченное только одним — поиском еды.

Соглашаясь с мнением З. Фрейда о том, что голод способен нивелировать различия самых разных людей и направлять их к одной цели, К. Сталь рассматривает процессы усиления внутренней деградации постоянно голодного человека, что со временем естественным образом выводит на первый план биологическую или даже зоологическую природу человека. Основные выводы работы вполне можно приложить не только к Маутхаузену, но и в целом к системе концентрационных лагерей. Однако, на наш взгляд, исследовательница не обратила внимания на ряд важных деталей, рассмотрение которых необходимо для понимания феноменологии голода в Концентра-

¹ *Stahl Ch. Sehnsucht Brot: Essen und Hungern im KZ-Lagersystem Mauthausen. Edition Mauthausen, 2010.*

ционном мире. Важно подчеркнуть, что голод, его восприятие и интерпретации, наряду с насилием, способами и формами умирания, играют важнейшую роль в дискуссиях о Концентрационном мире и формировании памяти о нем. Голод был значковым явлением для концентрационных лагерей, важнейшим фактором формирования не только внешнего вида, но также психического и ментального состояния заключенного.

Начать следует с того, что пища, виды которой могли различаться в разных лагерях, в целом обычно напоминала корм для скота или даже была одна и та же. «Кухня была рядом со свинарником. Вернее, эта кухня раньше была для свиней, а сейчас здесь варили суп и нам, и свиньям»¹, — вспоминал Ф. Черон. В лагере для военнопленных Цайтхайн основной составляющей пищи узников был специально разработанный «хлеб» (его часто называли «russenbrot» — «русский хлеб»), который состоял на 50 % из ржаных отрубей, также в нем было по 20 % измельченной сахарной свеклы и целлюлозной муки и 10 % соломенной муки или же листвы. Потребности пленных в мясе покрывались исключительно кониной или несортным мясом². В Бухенвальде в день на одного человека выдавалась пятая часть буханки хлеба, литр жидкой похлебки, тоненький ломтик колбасы или сыра³. В Освенциме заключенным давали ежедневно 200 граммов хлеба, $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ литра, в зависимости от обстоятельств, жидкой похлебки, а вечером — несколько граммов маргарина или кусочек колбасы⁴. В Равенсбрюке к 1944 году заключенные получали стакан суррогата кофе утром, пол-литра похлебки из сгнивших овощей в обед и вече-

¹ Черон Ф.Я. Немецкий плен и советское освобождение; Лугин И.А. Полглотка свободы // Серия «Наше недавнее». Вып. 6. Париж, 1987. С. 54.

² Цайтхайн. Книга памяти советских военнопленных. Лагерь военнопленных Цайтхайн — от «лагеря русских» к мемориалу. Минск — Дрезден, 2006. С. 53.

³ Бухенвальд. Документы и сообщения. М., 1962 С. 261.

⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 5. М., 1991. С. 529.

ром и 200 граммов хлеба¹. В рационе, как можно видеть, были и овощи. Главным образом — картошка и брюква, которые чаще всего были подпорчены или испорчены совершенно.

Неудивительно, что заключенные пытались утолить свой голод, поедая все подряд, даже то, что нельзя было представить как пищу: траву, корни, насекомых, кухонные отходы и т. д. Узник Бухенвальда И. Асташкин вспоминал, что в лагерном лазарете, где он работал, «один раз санитары приготовили жаркое из забредшей на территорию седьмого барака кошки»². «Я, кажется, способна была тогда проглотить густую жижу из нечистот, проглотить мгновенно, не моргнув и глазом. Помню, однажды нам выдали жидкую похлебку белесоватого оттенка. Я могла бы поклясться, что она замешена на гипсе. И действительно, у похлебки был вкус гипса. И я ее съела. И съела бы еще больше, если бы мне только дали»³, — вспоминала одна из узниц. Этим еще более усиливалось сходство между узниками и животными — не случайно процесс кормления описывался эсэсовскими офицерами выражением «дать в пасть»⁴. Причем осознание себя как животного через некоторое время пребывания в лагере формировалось уже самим заключенным, без специального внешнего принуждения, с помощью простого приема: отбросы и помои вместо пищи заставляли узников поверить в то, что они скот.

Лейтенант Отто К. в октябре 1941 года записал в свой дневник следующие наблюдения: «Сегодня утром я с капитаном и с фельдфебелем осматривал лагерь для русских... Все, что под

¹ *Аристов С.* Жизнь вопреки. Стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939–1945). Исследования и свидетельства. М., 2018. С. 72.

² «Кровли барakov смазывали человеческим жиром». Бухенвальд как лагерь смерти. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/04/12/krovli-barakov-smazyvali-chelovecheskim-zhirom-buhenvald-kak-lager-smerti>.

³ *Экштейн А.* Маутхаузен. URL: http://gatesofzion.od.ua/news_48.html.

⁴ *Кермес И.* Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=19>.

рукой, они в себя впикивают — траву, ядовитые грибы и т. д. ... Некоторые подхватывают каждый грязный клочок бумаги из луж и запихивают себе в рыло. Одна колонна напала на мусорное ведро. Часовой ничего не смог сделать против этой животной орды»¹. «Я работал... в свинарнике Заксенхаузена, — вспоминал один из очевидцев. — СС тщательно заботились о животных. А у меня был такой голод, что я ел все, что человек мог употребить из этого свиного поила. На больших кучах мусора за кухней, состоявших из отбросов овощей, сгнивших картофельных очисток, разлагавшихся и плохо пахнущих костей ползали истощенные узники и вырывали из рук друг у друга вонявший ядовитый мусор, чтобы тут же поглотить его с дикой жадностью»².

Не менее важна была и форма приема пищи, которая нередко превращалась в унижительную и даже опасную для жизни процедуру. Так, в Дарницком лагере, по свидетельству В. Давыдова, зафиксированному писателем А. Кузнецовым, «каждому пленному полагался на день один черпак свекольной баланды. Ослабевших от голода пленных палками и криками заставляли становиться в очередь, и затем к котлу надо было ползти на локтях и коленках. Это было придумано, чтобы «контролировать подход к котлам»³. Л. Волинский, прошедший несколько лагерей для военнопленных, вспоминал процедуру кормления: «Вместе с порцией баланды каждый получал удар палкой по голове (на выдаче дежурили трое, один зачерпывал и наливал, другой кричал «шнеллер!», третий бил палкой)»⁴.

А. Никифорова вспоминает: «Мы получили суп из брюквы и стали хлебать прямо из мисок, ложек нам не дали...»⁵

¹ Цайтхайн. Книга памяти советских военнопленных. Лагерь военнопленных Цайтхайн — от «лагеря русских» к мемориалу. Минск — Дрезден, 2006. С. 54.

² Освенцим в глазах СС. С. 56.

³ Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. М., 2015. С. 207–208.

⁴ Волинский Л. Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1. С. 119.

⁵ Никифорова А. Это не должно повториться. М. — СПб., 2017. С. 19.

Бывшая узница О. Лисачук говорит: «И ни ложек, ничего. То выпьешь там баланду, а что руками съешь и все. Да хуже свиней»¹. Примечательно, что ложки после освобождения лагерей были обнаружены на складах в исчерпывающем количестве². То есть ложки не выдавались сознательно, чтобы заставить узников лакать еду или есть руками, — не случайно в Освенциме слово «есть» обозначалось словом «fressen», которое в литературном немецком употребляется исключительно по отношению к животным (применительно к людям употребляется глагол «essen»). Это была еще одна важная деталь механизма превращения человека в животное, включения в узнике самоощущения себя как бездушного примата.

Сближала животное и человека в лагере основная задача последнего — найти еду, которая становилась смыслом и целью жизни. Постоянный поиск еды является естественным именно для животного, но невозможен для человека. «Это были уже не люди, — писал комендант Освенцима Р. Хёсс. — Они стали животными, рыскающими в поисках корма»³. К. Живульская свидетельствует: «В ту минуту мы не задумывались над тем, что будет завтра. Мы сразу проглотили и хлеб, и суп. Я взглянула на подруг, на себя, и мне стало ясно, что за истекшие 24 часа нас успели превратить в животных. Неужели мы когда-то ели за столом, пользовались вилок?»⁴ Л. Собе-

¹ Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Аушвиц Лисачук О.К. // *Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев — возможности и пределы совместных воспоминаний: Материалы конференции, воспоминания и интервью*. Воронеж, 2010. С. 83.

² П. Леви пишет, что после освобождения Освенцима были обнаружены склады «с десятками тысяч алюминиевых, стальных и даже серебряных ложек», однако заключенным их не давали, что свидетельствовало о «хорошо продуманном способе унижения». См.: *Леви П.* Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 95.

³ Комендант Освенцима. Автобиографические записки Рудольфа Гесса. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1003046/11/Gess_Rudolf_-_Komendant_Osvencima_Avtobiograficheskie_zapiski_Rudolfa_Gessa.html.

⁴ *Живульская К.* Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.

раж вспоминает: «Куда бы я ни смотрел, я видел что-нибудь съедобное. Свинья не стала бы есть, а я жевал, пока не чувствовал песок на зубах»¹.

Голод, который испытывали узники лагерей, был не похож ни на какой другой голод, опыт которого у многих заключенных уже присутствовал. Не случайно базовые медицинские и социологические определения голода («голод есть ощущение потребности в еде», «голод — это отсутствие поступления питательных веществ в организм», «голод — это социальное бедствие, вызванное длительной нехваткой продовольствия» и т. д.) не способны объяснить природу голода в Концентрационном мире. В воспоминаниях выживших постоянно отмечается, что голод лагеря был особенный, не сравнимый ни с чем. Бывшая узница Л. Шкулева вспоминала: «Голод — это не тогда, когда хочется кушать. Голод — это когда постоянно нечего есть. Постоянно!.. За кусочек хлеба я могла отдать все»². По свидетельству Людо ван Экхаута, «описать, что такое голод, так же трудно, как трудно передать, что такое вши. Голод — это не ощущение, это состояние. Это болезнь, от которой умирали. Голод ощущался не только в желудке, вы чувствовали его во всем теле. И в мозгу, так как голод лишал человека способности здраво мыслить... Голод ощущался в ногах, которые спотыкались на каждом шагу, в цвете кожи, которая стала серой и подолгу не заживала, если на ней появлялась царапина»³.

Узница Равенсбрюка М. Морель вспоминала, что мечты о встрече с мужем и семьей сменились мечтами о буханках хлеба и ужасом от сознания того, что, когда она вернется домой, ей «не приготовят ничего поесть». «Было ужасно представить себе, как я возвращаюсь в свой дом, к моим дорогим, если у

¹ Цит. по: Агамбен Д. Номо Сасер. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 174.

² Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 159.

³ Экхаут Л. ван. Это было в Дахау. URL: https://e-reading.mobi/chapter.php/150936/9/Van_Ekhaut_-_Eto_bylo_v_Dahau.html.

них в кухне будет пусто. Еще позже я уже не представляла себе даже людей, которых любила, а только хлеб. И мне было вообще безразлично, кто мне его дает»¹. Даже во сне заключенные чаще всего видели обильно накрытые столы. Такой голод заставлял «видеть телом» окружающий мир, измученная плоть выбирала из всего, что было вокруг, лишь то, что могло ее питать. «Голодный желудок искал глазами то, что можно было съесть», — вспоминал Ф. Черон². В представлении узника мир начинал делиться на «съедобный» и «несъедобный» в несоизмеримом соотношении этих частей. Бывший узник, философ Э. Левинас, точно характеризовал голод в лагере как «огромный спазм бытия»³.

Попытка понять состояние человека, долгое время испытывающего сильный голод, была сделана в ходе «Миннесотского эксперимента» А. Киса в 1950 году. Условием эксперимента было длительное голодание нескольких добровольцев. Главным итогом продолжительного голода стали умственная апатия, выражавшаяся в почти полном утрате интереса ко всем темам, кроме еды, раздражительность и агрессивность, пониженная выносливость, самые обычные процессы: подъем по лестнице, переноска вещей и т. д. — нередко превращались в очень сложную задачу. Участники эксперимента постоянно страдали от холода даже в теплую погоду, их раздражало общество, они совершали абсурдные и необъяснимые даже для них самих поступки. Однако этот эксперимент дает лишь относительное представление о том, как голод влиял на состояние узников концентрационных лагерей, так как у участников эксперимента не было диареи и вообще проблем с желудком, они не подвергались воздействию холода, не трудились, имели одежду, и, самое главное, их психологическое состояние не

¹ Цит. по: *Гаккель Сергей, прот.* Мать Мария. М., 1993. С. 156–157.

² *Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение; *Лугин И.А.* Полглотка свободы. Серия «Наше недавнее». Вып. 6. Париж., 1987. С. 41.

³ Цит. по: *Ямпольская А.* Эмманюэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011. С. 183.

было деформировано постоянным страхом и унижениями. Как говорил один из участников, «в конце концов, мы всегда знали, что когда-то это все закончится»¹.

Голод, который за пределами Концентрационного мира выглядит как социальное явление, как конфликт с окружающей средой, в лагере, наряду с насилием, приобретал форму инициации узника, становился неотъемлемой частью существования, необходимой составляющей взаимодействия узника с окружающим миром, вызывая совершенно иные побуждения и импульсы. За пределами лагерной ограды, согласно П. Сорокину, «как только наступает голод, массы начинают волноваться, социальный мир начинает трещать, разражаются волнения, иногда незначительные, иногда грандиозные, выливающиеся в великие революции»². То есть голод в обычном мире становился стимулом для выхода «вовне», за пределы привычной среды личного и социального обитания. Напротив, в лагере голод уходил внутрь человека и сообщества узников, парализовал их волю, желания и способствовал коллапсу среды и ее обитателей. «Когда голод достигал крайней степени, все реакции организма, все желания сменялись глухой апатией», — вспоминал один из узников Майданека³.

Таким образом, можно видеть, что в концентрационном лагере «процесс принятия пищи» (хотя этот термин семиотически максимально не соответствует тому, что происходило в лагере, так как после каждого из приведенных трех слов можно поставить вопросительный знак) превращался в акт принятия лагеря внутрь себя. Метафизические категории «насилие», «отвращение», «ужас» обретали плоть в той «пище», которая предлагалась в качестве питания, усваивались непосредственно через еду, становились частью физической природы узника. Важно

¹ Keys A., Brozek J., Henschel A., Miskelsen O., Taylor H.L. The Biology of Human Starvation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1950.

² Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/07.php.

³ Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 185.

указать на то, что в значительной степени именно сама пища, а не ее отсутствие являлась причиной голода, стимулировала его, нечеловеческая пища порождала звериный голод.

Пища становилась самой достоверной и очевидной связью между человеком и лагерем как источником еды, формировала прямую и безусловную зависимость первого от второго. Можно было скрыться от капо, охранников, эсэсовцев, лагерной администрации (то есть обрести формальную, непродолжительную независимость), но скрыться от необходимости есть и, соответственно, от голода было невозможно. «Какой бы мучительной ни была жажда, она не была постоянной, так как можно было утолить ее во время дождя... — вспоминал О. Люстиг. — Избиение было страшным испытанием во всех концлагерях. Однако существовал предел, за которым узник терял сознание и больше не чувствовал ударов хлыстом или сапогами. Голод, однако, был постоянным. Ничто не могло успокоить его даже на секунду. Унижение... было почти невозможно вынести. Большинство из тех, кто покончил с собой, бросившись на колючую проволоку под током, были вынуждены сделать это из-за бесконечных унижений, которые они больше не могли вынести. Однако ночью, во время сна, мы забывали об унижении. Но не о голоде. Измученные, лишенные сил, мы падали на голый цемент и мгновенно засыпали. Во сне не было ни крематориев, ни эсэсовцев, ни раненых. Вместо этого был голод, который причинял такие страдания, что мы просыпались в слезах...»¹ Однообразная и некачественная еда изо дня в день и у всего лагеря была изоморфна присвоению номера, она обезличивала узника, тиражировала (то есть умножала) шаблонность, делала заключенного частью общей массы, то есть формировала еще более сильную зависимость от среды. И в итоге создавала в сочетании с другими факторами (номерами, одинаковой одеждой, работой, внешней взаимной похожестью) тоталитарную

¹ Lustig O. Concentration Camp Dictionary. URL: http://isurvived.org/Lustig_Oliver-CCDictionary/CCD-02_BC.html#B9.

социальность, которую со временем было уже почти невозможно взломать изнутри.

Процесс поиска еды, борьба за еду, ее качество и ее принятие в лагере приводили к деэстетизации еды, к истреблению традиций, связанных с приемом пищи, традиций, которые наиболее сильны и устойчивы в любом обществе. Это являлось серьезным испытанием для общей системы ценностей узника. Например, одна из самых устойчивых традиций — традиция делиться едой (за столом старшие оставляют лучшие куски младшим, в компании нельзя приносить и есть свое в одиночку, прежде чем самому взять еду, нужно предложить ее другому и т. д.) в концентрационном лагере была не только нежизнеспособна, но превращалась в свою противоположность: отнять еду, есть потихоньку, тайно от всех, зачастую значило выжить. Р. Матиас наблюдала в Освенциме, как «одна девочка била свою мать. Мать ничего не ела, всю свою пайку отдавала дочке, но при этом, если сама съедала хоть ложку баланды, дочка ее била»¹.

Кроме того, еда, лишенная эстетики и традиционного оформления (внешний неприглядный вид еды, ее скверный запах, несоответствующая температура, грубые, унижительные, насильственные формы ее подачи, посуда, которой часто служили головные уборы, консервные банки и случайные емкости, отсутствие ложек), переставала быть едой и превращалась в субстанцию, потребление которой находилось в координате между отвращением и мучительной необходимостью ее принятия.

¹ Цит. по: *Рис Л.* Холокост. Новая история. М., 2018. С. 409.

Гигиена и чистота

Отношение к гигиене, к чистоте — один из важнейших цивилизационных маркеров человека. Разделение на «чистых» и «нечистых» в традиционных культурах приравнивалось к разделению на «свой» — «чужой». Враги, как правило, считались грязными, телесная грязь была материальным символом греховности души, общей нечистоты человека. «Устойчивая связь между грязью и виной, — точно замечает К. Ашенберг, — равно как между чистотой и невинностью, укоренилась в нашем языке, если не в сознании»¹. Поэтому узников в лагерях сознательно маркировали нечистотой, лишая их возможности следить за собой, сопровождая мытье или естественные отправления процедурами (как в случае с едой), которые только усиливали ощущение узниками собственной нечистоты.

Так, отправление естественных надобностей уже в момент перемещения в лагерь было связано с различными унижениями. Людям разрешалось выходить из вагонов в туалет под скабрзные шутки и хохот охранников, естественные надобности справлялись у всех на виду как в пути (нередко прямо в вагонах), так и в лагере (часто прямо в бараках), что для абсолютного большинства людей является невыносимым. «Отталкивающее, пугающее впечатление производит на нас всех от-

¹ *Ashenburt K. Dirt on clean. An unsanitised history. New York, 2008. P. 18.*

правление физиологических потребностей в бараке — прямо напротив нар, — вспоминал один из узников. — Скоро и это нам придется научиться выносить. Как страшно, как ужасно. Мораль и этика здесь тоже умерли»¹. То есть происходило смешение жилого помещения и туалета, что характерно для многих видов животных и для ранних этапов развития человечества (на мезолитических стоянках возрастом 15–12 тысяч лет копролиты (окаменелые экскременты человека) обнаруживают в самых разных местах стоянки, то есть специального места для отправления естественных надобностей не было), но не для современного цивилизованного человека.

В лагере утром на посещение туалета отводилось время, за которое невозможно было облегчиться, а затем чаще всего в течение дня посещение туалета было запрещено. И это при том, что значительная часть заключенных страдала различными расстройствами пищеварения и дизентерией (число испражнений составляло в легких случаях от 5–10 в день, а в тяжелых случаях опорожнение кишечника происходило практически непрерывно)². По свидетельству очевидца, «в латринах (отхожих местах) собирались сотни заключенных. Очереди были длинные, и в этом обычно тихом месте поднимался шум от криков и вспыхивавших перебранок. Сильные толкались и прокладывали себе дорогу вперед, в то время как более слабые стояли, еле держась на ногах. На протяжении долгих часов больные сидели в ужасающем смраде по углам латрин в ожидании своей очереди. Поскольку в рабочие часы им не разрешалось ходить в уборную, то они запихивали в ректум бумагу или тряпье...»³

¹ Градовский З. В сердце вине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2011. С. 90.

² Кристи Н. Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. СПб., 2017. С. 21.

³ Экштейн. Майтхаузен. URL: <http://jhistory.nfurman.com/shoa/massuah04.htm>.

Помимо этого, капо нередко останавливали заключенных прямо перед уборной и начинали задавать вопросы или требовали, чтобы узники выполняли приседания, пока заключенные не испражнятся на себя¹. Постоянная диарея, вызывавшая чувство стыда из-за «неприличного» характера болезни, доставляла не только физические, предельно унижительные страдания, но и морально уничтожала заключенных, так как к постоянной мысли о еде примешивался еще один, неотвязный вопрос — как сходить в туалет? В подобии жизни, протекающей в координате между поиском еды и опорожнением организма (нередко на себя), не оставалось никакого места для чувства собственного достоинства и уж тем более не возникало мысли о сопротивлении.

Нередко для приема пищи и отправления надобностей использовалась одна и та же посуда, что делало почти неотличимыми эти прямо противоположные процессы. В материалах Нюрнбергского процесса есть следующее свидетельство очевидца: «Нам давали есть в больших красных котелках, которые прополаскивали только холодной водой. Так как все женщины были больны и не могли выйти ночью к... канаве, в которой могли отправить свои естественные потребности, они использовали эти котелки не по назначению. На следующий день котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму и днем их пускала в употребление следующая группа людей»². «Мы ели похлебку из ржавых котелков, которые никогда как следует не мылись, — вспоминала А. Никифорова. — А ночью больные желудком женщины пользовались этими котелками для испражнений, — они были так тяжело больны, что не сознавали, что делали. По утрам котелки выбрасывались на свалку, но там их снова подбирали дежурные, ополаскивали холодной водой и пускали опять в ход. В день приезда одна из моих

¹ *Des Pres T. The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps. New York, 1976. P. 57–58.*

² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 5. М., 1991. С. 527.

подруг, пробуя похлебку, спросила соседку: «Ты не находишь, что у этой похлебки странный запах?» Только впоследствии мы поняли, почему был такой запах»¹.

Психолог Терренс де Пре считает, что постоянное соприкосновение узника с нечистотами вызывало отвращение и ненависть к себе, то есть психологически вело к отторжению, отгораживанию человека от себя самого, что неизбежно заканчивалось смертью, и наоборот — поддержание себя хотя бы в относительной чистоте было важным актом внутреннего сопротивления, позволявшим выжить². Поэтому в общей системе страхов узников страх оказаться запачканным нечистотами, отвратительный запах собственного тела, запах разложения «приводил заключенных в большее смятение, чем голод или страх смерти»³. Сознывая это, многие узники, поставившие себе цель выжить, любой ценой стремились соблюдать правила гигиены — изобрести моющие средства, при первой возможности умываться, ходить в туалет в отведенных местах, чинить и стирать одежду. «Мысль о том, что я останусь жив и буду в Москве, меня никогда не покидала. Я заставлял себя умываться и даже бриться», — вспоминал узник лагеря Понары Ю. Фарбер⁴. Заключенный Майданека Д. Ленард, не имея возможности достать с утра воды, все равно умывался, используя напиток, который именовался «кофе»⁵. Узница Биркенау К. Видор вспоминала: «Группа женщин моется в лужах, потому что есть только один вид воды: та, что дарована небом»⁶.

Следует подчеркнуть, что быть чистым и опрятным было важно еще и потому, что, по свидетельству Г. Лангбейна, «за-

¹ Никифорова А. Это не должно повториться. М. — СПб., 2017. С. 96.

² *Des Pres T. The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps.* New York, 1976. P. 181.

³ Там же. С. 66.

⁴ Черная книга / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015. С. 544.

⁵ Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 97.

⁶ Цит. по: *Langbein H. People in Auschwitz.* The University of North Carolina Press, 2005. P. 239.

ключенные, носившие чистую, без заплат, одежду, начищенную обувь и всегда гладко выбритые, пользовались уважением даже у СС, по крайней мере до определенного момента»¹. То есть шансов выжить у опрятного заключенного было больше не только из-за внутренней самодисциплины, но и потому, что, если перед эсэсовцем стоял выбор — уничтожить опустившегося заключенного или следящего за собой, он непременно выбирал первого. Таким образом борьба за хотя бы относительную чистоту тела и одежды превращалась в акт сопротивления системе, важным фактором борьбы за жизнь и сохранение собственной личностной идентичности.

Что касается «официального» умывания, то оно для большинства заключенных почти не существовало — во-первых, по причине физической невозможности привести себя в порядок утром из-за очень малого времени, отводимого на гигиену (это время целиком уходило на посещение туалета). Во-вторых, так называемое умывание (или мытье в целом), как правило, превращалось эсэсовцами в еще одну форму издевательств над узниками. «Приказывали раздеться, — вспоминал узник Заксенхаузена М. Девятаев, — и приступить к «водным процедурам»: тщательно мыться ледяной водой до пояса (ни больше, ни меньше!). Затем следовала проверка, и, если у эсэсовца возникали подозрения, что «водные процедуры» были ненадлежащего качества, «задержанных снова загоняли в умывальную, приказывали раздеться догола и начинали их домывать: один изверг направлял мощную струю воды из шланга на несчастного, а другой чесал его колючей терновой метлой так, что кожу сдирали с человека. Многие не выдерживали такого «мытья» и тут же умирали»².

Таким образом, насильственное обнажение, публичное и унижительное отправление естественных надобностей, ис-

¹ Цит. по: *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. С. 457.

² *Девятаев М.* Побег из ада. На самолете врага из немецко-фашистского плена. М., 2018. С. 82–83.

«Селекция». Эсэсовский доктор осматривает вновь прибывших узников концлагеря Аушвиц — Биркенау, решая, кому жить, а кому умереть

пользование одной миски в качестве емкости для еды, ночного горшка, а часто и тазика для умывания, отсутствие ложек, постоянное публичное обнажение во время различных процедур, клеймение узников номерами — все это приводило заключенного в принципиально новое биолого-психологическое состояние, а также существенно сближало человека с животным.

Это сближение отмечено в документах, а также в воспоминаниях. «Управление лагерем признало барак типа 260/9 непригодным для помещения в нем коров, и при перестройке такого барака на скотный двор были в нем устроены вентиляционные приспособления и цементный пол. Такую же заботу о гигиене животных... проявило управление лагеря при постройке псарни... При планировании псарни обращались за профессиональным советом к лагерному ветеринару, и было сделано все, чтобы псарня во всех отношениях удовлетворяла всем санитарным требованиям... Сравнивая санитарные условия, господствовавшие в бараках для заключенных, с усло-

виями, созданными для коров и собак, а также с условиями, существующими в специальном родильном отделении для свиней, следует констатировать, что коровы и свиньи в Освенциме содержались в лучших помещениях, чем люди»¹. «Нехорошо так говорить, но они прямо как звери, — писал О. Нансен об узниках. — И привыкаешь так на них и смотреть. Иногда они ругаются из-за объедков или дерутся за них — как собаки. Они рычат, шипят и скалят зубы, и виляют всем телом, чтобы получить от нас еще что-нибудь — как животные»².

Бывший узник М. Темкин вспоминал, как его, полуеврея, и его соузника, комиссара, показывали в лагере эсэсовцам, как животных в зоопарке. «После того как в лагере стало известно, что среди русских военнопленных офицеров есть один комиссар и один «гальб юдэ», каждый день к нам приходили эсэсовцы — рядовые, офицеры и даже генералы, чтобы посмотреть на русского комиссара и полуеврея. На комиссара все глядели как на какое-то чудище. На нас ходили смотреть как на редких зверей в зоопарке. Меня ставили на табурет, приказывали смотреть прямо, повернуть голову направо, затем налево, расстегнуть одежду и показать грудь. Эсэсовцы внимательно меня рассматривали и между собой кивали утвердительно: «Я, я, дас ист гальб юдэ». — «Да, да, это полуеврей»³. Один из наиболее репрезентативных эпизодов содержится в воспоминаниях узника Саласпилса А. Малофеева. Во время работы он «попросился «до ветру». Сел под кустиком и видит, как сзади ему в штаны заглядывает юноша-солдат (немец-охранник. — Б.Я.). Надев штаны, Малофе-

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 54

² Цит. по: *Кристи Н.* Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. СПб., 2017. С. 41.

³ *Темкин М.В.* Воспоминания узника нацистских концлагерей. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/text.html.

ев спросил солдата, что тот разглядывал. Солдат ответил, что смотрел, есть ли у русского хвост»¹.

Однако необходимо помнить, что человек в целом не в состоянии стать животным, — он либо выше животного, либо проваливается ниже, на обозначенный выше принципиально иной уровень существования «неживотного животного», уровень, на который человечество до концлагерей еще не проникало. Это существование пугает прежде всего самого человека, так как он начинает жить в состоянии тотального неверия в возможность себя такого и в целом возможность себя. Сравнение себя с животным, которое лежит на поверхности, не объясняет ему его самого хотя бы потому, что животное не способно к саморефлексии. А неверие в возможность себя «на самом деле» требует понимания, и единственное объяснение, которое способно дать хотя бы какое-то понимание, — это наступление смерти, констатация которой на физическом, общепринятом уровне как прекращение физиологических процессов является лишь юридической формальностью, не объясняющей вообще ничего, а придающей картине недостающую завершенность.

¹ Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М., 2010. С. 240.

Здоровье и болезнь

Особого внимания заслуживает проблема здоровья и болезней узников, которые в условиях лагеря становились, как и многие другие формы бытия, явлением большим, чем просто здоровье или его утрата. Понятие «здоровье» чрезвычайно сложное и многофакторное, и поэтому в качестве основы этого понятия целесообразно обратить внимание на определение, содержащееся в преамбуле устава Всемирной организации здравоохранения: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов». К этому определению можно добавить широко распространенный тезис о связанности и взаимозависимости духовного и телесного здоровья.

Здоровье также можно определить как «пребывание человека на своем месте», то есть как репрезентацию порядка. Понятие «своего места» включает в себя социальный статус и социальный адрес, самообъективацию, дающую возможность полной самореализации, — все это в значительной степени обеспечивается состоянием здоровья. Здоровье всегда только свое, им нельзя поделиться и невозможно его заимствовать от другого, оно причина себя самого, самодостаточно и личностно. В этом отношении оно имеет онтологическое, сущностное, парадоксальное сходство со смертью, которая также всегда

только своя (подробнее об этом в главе, посвященной смерти в Концентрационном мире), и ее наступление доказывает, что личное может быть аннигилировано только личным.

Соответственно, болезнь — это смещение человека со «своего места», придание ему нового статуса «больного», ограничение его жизнедеятельности, нередко смена социального адреса (увольнение, больница, хоспис). То есть разрушение прежнего, логически и сознательно выстроенного порядка и создание из его «обломков» нового «энтропийного порядка» (назовем его так), который существует в вывернутой логике, не всегда поддающейся расшифровке сознанием. Важно помнить, что этот механизм работает и в обратной последовательности: насильственная смена статусов, вынужденное смещение со «своего места», лишение возможностей самореализации часто приводят человека к разрушению и болезни.

Болезнь является вторжением всеобщего в единичное, общественного в индивидуальное, так как почти всегда является следствием контакта с окружающим миром. В процессе этого вторжения («заражения») всеобщее и индивидуальное взаимно трансформируются, и поэтому не бывает двух одинаковых болезней — каждая болезнь индивидуума уникальна и переносится по-своему, иначе, нежели та же самая болезнь у другого человека, обладая при этом одновременно общими для всех болеющих признаками.

Как здоровье (особенно культивируемое), так и болезнь являются факторами объединения людей в сообщества, то есть они становятся формами коммуникации, при этом последняя — гораздо более сильная форма коммуникации, нежели первое (здоровье обсуждают гораздо реже, нежели болезни). Необходимо указать и на то, что здоровье синонимично свободе, — больной человек не может быть свободен, так как болезнь автоматически создает конфликт между возможностями и желанием.

В Концентрационном мире практически не существовало здоровых людей. Травмирующий переход из одного состояния

в другое, из одного мира в другой, прямо противоположный всему тому, что было естественно и привычно, потеря прежнего статуса, тяжелый труд, скученность, насилие, несовместимая с жизнью пища приводили к тому, что узник почти не имел шансов остаться здоровым. А если это удавалось, то в логике абсурдистской реальности лагеря (этой реальности в данной работе посвящен отдельный раздел) здоровье могло послужить причиной гибели быстрее, чем болезнь. Здоровых (хотя бы внешне) отбирали на самые тяжелые работы, а в Освенциме использовали для медицинских экспериментов. Здоровье становилось гарантией того, что страдания продлятся дольше, мучения будут изощреннее, а боль станет ощущаться острее. Поэтому здоровье в Концентрационном мире можно охарактеризовать как перманентный конфликт между бытием и узником в фиксированном, условно стабильном состоянии, как способность узника избегать смертельных болезней или травм или противостоять им.

То есть здоровье — это состояние, позволяющее не умереть прямо сейчас или в ближайшее время, состояние, неизбежно включающее в себя болезни и травмы самого разного характера. В отличие от здоровья за пределами лагеря и характеризующегося указанным выше «пребыванием человека на своем месте», здоровье в Концентрационном мире обеспечивало пребывание только в настоящем времени, так как своего места в лагере не было ни у кого из узников. Обреченные на смерть, то есть находящиеся в режиме ожидания, не имеют необходимости в «своем месте», точно так же, как человек, стоящий в очереди, не может считать ее «своим местом», — место в очереди невозможно и незачем присваивать. Лишение узника здоровья в привычном смысле являлось наглядным следствием тотального лишения свободы даже над своим телом и его состояниями, которые отныне находились во власти лагерной системы, ею определялись и формировались. Соответственно, то, что условно называлось в лагере здоровьем, столь же условно можно было отнести к средст-

вам коммуникации: в координате здоровья субъект и объект коммуникации в Концентрационном мире можно было признать практически несуществующими.

Болезнь (в обобщенном виде) в Концентрационном мире возникала прежде всего от нечеловеческих условий труда и жизни, насилия, травм, низкокачественной пищи. Болезнь была эквивалентом постоянно вытесняемого из сознания страха (в психологии хорошо известен феномен различных расстройств здоровья как реакции на сдерживание, «приручение» страха), а также следствием разрушения привычного образа жизни и деконструкции всех прежних статусов, то есть тотального уничтожения порядка и замены его управляемым абсурдом. В координате приведенной выше схемы болезнь в лагере становилась самым ярким свидетельством проникновения лагеря в узника, подавляющего, парализующего преобладания места над человеком. Именно лагерь придавал физической болезни онтологический статус, недуг приобретал выпуклые очертания, становился отчетливо видимым, что делало человека еще более уязвимым. При этом, в отличие от описанных выше закономерностей, указанное преобладание было столь всеобъемлющим и подавляющим, что болезнь отдельного узника не была уникальна, она переставала иметь отдельные индивидуальные, субъектные признаки, а становилась «просто болезнью», когда не имело значения, чем человек болен, так как он все равно не имел шансов вновь стать здоровым.

В этих условиях болезнь, казалось бы, должна была стать важнейшим средством коммуникации, однако на деле осуществить эту коммуникацию было практически невозможно. Всеобщность недугов, выливающаяся в пространстве лагеря в один большой недуг, тотальное нездоровье лагерного социума отменяли коммуникацию, так как все испытывали пусть различающееся по форме, но одинаково угнетенное состояние, трансляция которого усиливала болезнетворность, приводила к удвоению указанной угнетенности у адресата и повышала шансы погибнуть.

Узники лагерей страдали от кожных заболеваний, чесотки, авитаминоза, тяжелых простуд, отеков, обморожений, туберкулеза, флегмоны, фурункулеза. Это не считая таких заболеваний, как тиф, возникавший из-за поголовного педикулеза. Эпидемии тифа по несколько раз посетили почти все лагеря. Одним из наиболее распространенных заболеваний был так называемый алиментарный понос — болезнь, «совершенно не встречающаяся в нормальных условиях», симптомами которой были «отмирание пищеварительных функций, крайнее истощение организма и резкая потеря в весе»¹. Тяжелым испытанием были насекомые: узники страдали не только от вшей, но и от клопов и блох. Людо ван Экхаут вспоминал: «У меня нет слов, чтобы передать чувства, которые испытывает человек, истерзанный насекомыми. Среди нас были разные люди: священники, адвокаты, офицеры. И всех изводили блохи и вши. Зуд был невыносимый. Все тело в укусах. Постоянное ощущение, что ты весь в грязи. И даже после бани оставалось такое чувство, что ты такой же грязный, как и до мытья. Испытывая мучительный зуд, мы постоянно чесались, и от этого на теле появлялись ранки и царапины — нечто вроде парши. Когда я вернулся домой, на моем теле не нашлось сантиметра чистой кожи: я весь был в укусах, тифозной сыпи и расчесах»². Для больных и умирающих нередко выделяли отдельные бараки (помимо существующих лазаретов (ревиrow), «условия содержания в которых шокировали видавших виды ветеранов концлагерей, избегавших даже проходить рядом с ними. Пустые бараки с одними лишь кроватями или мешками с соломой были переполнены живыми скелетами, в долгие дни и ночи которых иногда врывались вспышки ярости капо»³.

¹ Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978. С. 95–96.

² Экхаут Л. ван. Это было в Дахау. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=129679&p=21>.

³ Вахсман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017. С. 209.

В этих условиях лазареты (ревиры) выполняли функции, часто не связанные с поддержанием здоровья, а, наоборот, способствующие объективации и усилению болезней из-за нечеловеческих условий пребывания больных. «Ревир в Маутхаузене были бараками без пола, окон, туалетов и выглядели как заброшенная конюшня, — вспоминал О. Люстиг. — В Кауферинге и Ландсберге в ревирах не было даже кроватей... Барак № 7 (в Освенциме. — Б.Я.) был кирпичным зданием без пола, с маленькими окнами, которые никогда не открывались, отчего внутри стояла невыносимая вонь. По стенам и в середине барака были поставлены «кровати», полные вшей. Матрасы были пропитаны экскрементами. На тюфяках было так много больных, что только с большим трудом они могли переворачиваться с одной стороны на другую. У соседа могла быть заразная болезнь, но это никого не волновало. Больные лежали рядом с умирающими или мертвыми заключенными... Медицинской помощи не было. Не было ни лекарств, ни туалетов, ни воды, ни мыла, ни полотенец... Выздоровление было невозможно, потому что лекарства, кроме того что они были общего типа, были очень редки... Восстановление было невозможно, поскольку продовольственные пайки «неработающих» составляли менее половины того, что считалось «жизненным минимумом»¹.

«Больные узники, — пишет Н. Вахсман, — считались еще более опасными врагами», так как подозревались в симуляции². Операции в ревирах чаще всего делались без наркоза. Именно ревиры нередко переводили обычную болезнь в «болезнь к смерти», так как больных, если они не умирали сами, часто просто уничтожали. Так, смертность в ревире лагеря Штуттгоф доходила до 60 человек в день³. В Сырецком

¹ Lustig O. Concentration Camp Dictionary. URL: http://isurvived.org/Lustig_Oliver-CCDictionary/CCD-02_BC.html#B9.

² Там же. С. 169.

³ Арустов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017. С. 198.

лагере, по свидетельству А. Кузнецова, «когда в «больничной» землянке скоплялось много больных, их выгоняли, клали на землю и строчили из пулеметов»¹. В Майданеке эпидемия тифа была остановлена с помощью массовых расстрелов². Когда врач одного из лагерей пришел к коменданту с просьбой позаботиться о больных, комендант с улыбкой спросил его: «Вам нужен пулемет?»³ Е. Шлосс вспоминает, что в Освенциме целью врачей было «убивать пациентов-евреев, а не лечить. Часто тяжелобольные люди стонали на своих койках, лежа в собственных испражнениях, в то время как лагерные врачи совершали «обход», глядя в медицинские карты, но никогда на самих пациентов. Зачем им было беспокоиться? Их не волновало, страдали их пациенты или нет, ведь они не собирались помогать им выздороветь»⁴. В ревирах отбирали людей для экспериментов, нередко сознательно мучили, усиливая страдания. Именно поэтому выздоровление узника в ревире в целом противоречило общей логике и целеполаганию лагеря и чаще всего было итогом деятельности (часто тайной) отдельного сочувствующего врача⁵, а не следствием существования самой больничной системы.

¹ Кузнецов А. Бабий Яр. М., 2010. С. 342.

² Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 39.

³ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным // Исследования новейшей русской истории. Т. 11. Париж, 1994. С. 182.

⁴ Шлосс Е. После Аушвица. М., 2019. С. 125.

⁵ Девятаев М. Побег из ада. На самолете врага из немецко-фашистского плена. М., 2018. С. 60–62.

Массовый убийца — психология и мотивация

Один из самых сложных вопросов, который всегда встает перед исследователем феноменологии концентрационных лагерей, касается психологии и самосознания тех, кто осуществлял массовые убийства. Кем на самом деле были те люди, которые руководили лагерями, лично и опосредованно уничтожали узников? Традиционный ответ на этот вопрос, основанный на диспозиционном подходе, представляет их как патологическое явление, воплощенное в форме извергов и садистов. Однако с момента выхода работ Х. Арендт, в которых автор утверждает, что «организация Гимmlера опирается не на фанатиков, не на прирожденных убийц, не на садистов; она полностью полагается на нормальность работяг и отцов семейств»¹, постулат о том, что убивали обычные, аккуратные, ничем не примечательные люди, стал почти общим местом. «Не существовало уникального типа личности убийцы-нациста, — пишет Г. Леви. — Они представляли различные слои общества, обладали разными психологическими чертами и руководствовались целым рядом мотивов»².

¹ Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 246.

² Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 244.

Подтверждение этому, казалось бы, можно найти и в источниках. Заключение Освенцима К. Смолень, увидев Гимmlера, был удивлен тем, что «он совершенно не выглядел как военный. Носил очки в золотой оправе. Был слегка толстоват, с животиком. Он выглядел — прошу прощения, я не хочу никого обидеть — как провинциальный школьный учитель»¹. «Заурядные лица исполнителей»² отмечает Ж. Амери. Таким же заурядным, «нормальным» был оберштурмбаннфюрер СС, руководитель IV-B-4 отдела гестапо (отдел отвечал за «окончательное решение еврейского вопроса») Адольф Эйхман. «Полдюжины психиатров признали его «нормальным». «Во всяком случае, куда более нормальным, чем был я после того, как с ним побеседовал!» — воскликнул один из них, а другой нашел, что его психологический склад в целом, его отношение к жене и детям, матери и отцу, братьям, сестрам, друзьям «не просто нормально: хорошо бы все так к ним относились»³. С выводами Х. Арендт соглашается З. Бауман: «Концлагеря не проявление садизма — в соответствии с общепринятыми клиническими критериями не более 10 процентов офицеров и солдат СС можно признать «ненормальными». Остальные не всегда были приличными людьми, но их поведение, по меньшей мере, можно было понять»⁴.

В середине 1960-х годов это положение проверил на опыте психолог из Йельского университета С. Милгрэм, поставивший под влиянием процесса Эйхмана и выводов Х. Арендт свой знаменитый «эксперимент о повиновении» («Эксперимент Милгрэма»). Участникам эксперимента объяснили, что исследуется влияние боли на память. В опыте участвовало два человека: «учитель» и актер, игравший роль «ученика». «Ученик» должен

¹ Цит. по: *Рус Л.* Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 202.

² *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 56.

³ *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008. С. 56.

⁴ *Бауман З.* Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 36.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер пожимает руку коменданту Яновского лагеря
Фридриху Варцоку. 1942 г.

был заучивать слова из большого списка, а «учитель» — проверять его способности и наказывать за каждую ошибку электрическим разрядом, который усиливался от ошибки к ошибке. Начав с 45 вольт, «учитель» с каждой новой ошибкой должен был увеличивать напряжение на 15 вольт, пока оно не доходило до 450 вольт. Перед началом эксперимента «учитель» получал демонстрационный удар током напряжением 45 вольт — таким образом «учителю» демонстрировали, что эти удары не причинят здоровью «ученика» серьезного вреда. В процессе эксперимента «учитель» из отдельной комнаты давал «ученику» задачи и при каждой ошибке нажимал на кнопку, якобы дающую удар током (на самом деле актер-«ученик» делал вид, что испытывает на себе разряды). По мере того как напряжение тока возрастало, «учитель» мог начать сомневаться, прежде чем нажать кнопку, и тогда экспериментатор заверял его, что берет на себя полную ответственность за происходящее и уговаривал довести опыт до конца.

«Ученик» находится в изолированном помещении, откуда не было слышно криков, и только когда условная сила тока достигала 300 вольт, «ученик» начинал биться о стену, что было слышно. Затем «ученик» затихал и переставал отвечать на вопросы. До момента напряжения 300 вольт дошли все 40 испытуемых — никто из них не прекратил эксперимент раньше, — а до конца довели эксперимент больше половины — 26 человек. Эксперимент проводился в разных вариантах. Например, когда условная сила тока достигала 150 вольт, «ученик» начинал кричать, что слышал «учитель». После этого семь человек из сорока отказались идти дальше 150 вольт, но до конца эксперимента дошли опять 26 человек из 40.

Таким образом, Милгрэм наглядно показал, что готовность быть жестоким по отношению к жертве обратно пропорциональна близости к жертве. То есть трудно мучить и убить человека непосредственно — гораздо легче, если он находится на расстоянии, еще легче, когда его не видно, но только слышно, и вообще не вызывает трудностей, когда жертву не видно и не

слышно. «Хотя агрессивные устремления органически присущи человеческой природе, они не имеют практически ничего общего ни с поведением испытуемых в эксперименте, ни с повиновением солдат на войне, убивающих по приказу, или летчиков бомбардировщиков, за один вылет убивающих тысячи ни в чем не повинных людей, заливая напалмом, скажем, вьетнамскую деревню, — писал Милгрэм. — Солдат убивает, потому что перед ним ставят такую задачу, а сам он считает своим долгом выполнять полученные приказы. Что касается поведения испытуемых, тот факт, что они подвергают «учеников» болезненным наказаниям, обусловлен не кровожадными инстинктами испытуемых, а их включенностью в социальную структуру, от которой они не могут освободиться... Если бы испытуемые были привлечены к участию в эксперименте насильно, может быть, они тоже подчинились бы авторитету, однако в этом случае действовали бы психологические механизмы, в корне отличные от тех, которые мы наблюдали. Вообще говоря, общество всегда пытается, когда есть такая возможность, подключить людей к работе его институтов на добровольной основе»¹.

Следующий эксперимент подобного рода был проведен психологом Ф. Зимбардо (коллегой Милгрэма) в Стэнфорде в 1971 году и получил название «Стэнфордский эксперимент». Его результаты и выводы Зимбардо изложил в книге «Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев»². Однако цель эксперимента Зимбардо была шире, нежели цели предыдущих исследователей. Он поставил задачу доказать, что героические поступки совершаются точно так же, как и злодеяния, — под влиянием внешних обстоятельств и в определенных условиях. И точно так же, как убийцы в большинстве случаев не считают себя убийцами, — точно так же большинство

¹ *Milgram S. Obedience to Authority: an experimental view. London, 1974.*

² *Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2018.*

совершивших героические поступки не считают себя героями. Эксперимент Зимбардо «выровнял чашу весов», доказав, что люди вокруг нас и мы сами не только скрытые патологические личности, но и скрытые подвижники, ждущие своего часа. Последующие исследования и эксперименты (Д. Бергер, М. Харитос-Фатурос, Т. Макдермотт и др.) неуклонно подтверждали эти выводы¹.

В 1980-х годах исследователь К. Браунинг сделал попытку рассмотрения психологии массового убийцы на основе протоколов допросов 210 полицейских, участвовавших в массовых казнях евреев. На основе этой работы в 1992 году он выпустил книгу «Обыкновенные люди» («Ordinary Men»)², в которой описывает результаты анализа. Исследование биографий полицейских показало, что они были окончившими только школу выходцами из социально неподвижных низших слоев немецкого общества. Судя по возрасту, все они застали Германию до нацизма и поэтому были знакомы с иными, нежели нацистские, моральными нормами. Большинство из них были из Гамбурга — города, в котором из всех крупных городов Германии было меньше всего сторонников нацистов. То есть эти люди изначально никак не подходили на роль массовых убийц³.

Тогда К. Браунинг делает попытку найти причину вовне. Он считает, что постоянное участие в массовых убийствах формирует у исполнителей привычку, связанную с тем, что убийства начинают восприниматься как часть повседневности. Кроме того, человек в форме идентифицирует себя в первую очередь со своими товарищами и испытывает потребность не выделять-

¹ *Burger J.* Replicating Milgram: Would People Still Obey Today? *American Psychologist*, January, 2009; *McDermot T.* Perfect Soldiers: The 9/11 Hijackers: Who They Were, Why They Did It. New-York, 2005; *Haritos-Fatouros M.* Violence Workers: Police Torturers and Murderers Reconstruct Brazilian Atrocities. London, 2002.

² *Browning Ch.R.* Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York, 1992.

³ Там же. С. 70.

ся из группы: отказаться от задания — значит выделиться, показать себя трусом и слабаком и остаться без поддержки окружающих. Исследователем приведены абсурдные оправдания участников массовых расстрелов. Один из убийц оправдывал себя тем, что евреи и без него не избежали бы своей участи, другой старался расстреливать исключительно детей (его товарищ расстреливал матерей), так как «ребенок без матери все равно не выживет. В определенном смысле это успокаивало мою совесть — спасение детей, оставшихся без матери»¹.

И наконец, еще один важный фактор превращения обычного человека в убийцу — это война, создающая полярный мир, в котором враг исключается из человеческого сообщества, а убийства и насилие официально становятся частью политики. Дегуманизация врага (жертвы) создает психологическую дистанцию относительно его (ее) и делает возможным ее убийство без моральных угрызений. Именно эта дистанция, по мнению К. Браунинга, и есть ключ к пониманию действий полицейских².

Таким образом, самым пугающим результатом этих экспериментов и исследований становится вывод, что практически все окружающие способны мучить и убивать, если создать условия, снимающие ответственность и скрывающие жертву. Мало того, большинство участников экспериментов (и реальных массовых убийств) — обычные люди — не испытывали никаких моральных страданий, а, наоборот, признавались в том, что готовы помочь государству или науке. Таким образом, готовность мучить и убивать, согласно результатам экспериментов, оказывалась прямым следствием не личной жестокости исполнителей, а проистекала из внешних условий, которые обнаруживали и давали возможность реализоваться этой жестокости. Не случайно исследователь Г. Аскенази, суммировав указанные выше результаты исследований и вы-

¹ Там же. С. 106.

² Там же. С. 211.

воды, издал книгу с характерным названием «Мы все нацисты?», где утверждал, что все люди потенциально являются нацистами, готовыми убивать¹.

3. Бауман сделал попытку объяснить этот феномен включением в «отношения» между исполнителем и жертвой многочисленных «посредников», которые разрешали моральные вопросы. «Между намерением и реализацией огромная дистанция. Это пространство заполнено множеством пустяковых дел и исполнителями, не играющими никакой роли. Результатом становится множество действий, которые никто не стремится себе присвоить. Для человека, от лица которого эти действия производятся, они существуют лишь на вербальном уровне или в воображении. Он не назовет их своими собственными, поскольку не пережил их. С другой стороны, человек, который действительно совершает действия, всегда будет смотреть на них как на принадлежащие кому-то другому, а себя будет считать невинным орудием чужой воли. Возникает непреднамеренная жестокость добропорядочных людей... Увеличение физического или психологического расстояния между действием и последствиями аннулирует моральный смысл действия и ликвидирует конфликт между личным критерием моральной порядочности и аморальностью социальных последствий действия»². Таким образом, разделение труда, являющееся простым перенесением индустриальной схемы в пространство лагеря, оказывается исключительно действенной мерой по «деморализации» преступного действия, которое превращается в едва различимую формальность.

Еще одним действенным инструментом выведения морали из сферы убийств и насилия 3. Бауман считает предельную бюрократизацию и формализацию процессов. «Объекты бюрократизируются и сводятся к количественным критериям. Для

¹ Askenasy H. Are We All Nazis? Published by Stuart (Lyle) Inc., U.S., 1978.

² Цит. по: Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 42–43.

железнодорожников грузы не имеют качества¹. Для бюрократов важен финансовый результат действий. Человеческие объекты теряют личностные качества, они дегуманизированы, то есть описаны тем языком, который ограждает исполнителей от этических оценок. Этот язык не подходит для нормативно-моральной речи»². Очевидно, выводы З. Баумана, как и Х. Арендт, были во многом продиктованы материалами процесса над Эйхманом, в частности протоколами допросов, где красной нитью проходит мысль о том, что Эйхман «не имел отношения к убийству евреев... никогда не убил ни одного еврея...», поскольку всего лишь «содействовал эвакуации»³.

Очень важным для понимания глубинных механизмов психологии массового убийцы представляется утверждение уже упоминавшейся выше Э. Скрэри. Она обращает внимание на существенную деталь. Когда один субъект подвергает насилию другого субъекта, вызывая страдания и боль, и тот и другой оказываются во власти аутентичных психологических процессов. Человек, испытывающий боль, как уже говорилось, утрачивает языковой инструментарий описания переживаемого насилия и испытываемой боли — он или молчит, или кричит, являя невозможность передачи своих ощущений. Однако то же самое происходит и с тем, кто

¹ Действительно, перевозкой узников в лагеря смерти занималась обычная транспортная компания «Центральноевропейское трансгентство», которой оплачивалась перевозка обреченных по обычным «гражданским» тарифам: за детей моложе десяти лет платили половину стоимости билета, дети младше четырех лет перевозились бесплатно. Оплата взрослых «пассажиров» стоила четыре пфеннига за километр. Всем «пассажирам» покупали билет в один конец, и только охранникам оплачивали дорогу в обе стороны. Поскольку объем перевозок был огромен, узников перевозили по «льготному тарифу». Оплата перевозки узников осуществлялась средствами, изъятыми у них же. Кроме того, отдельно оплачивалась чистка вагонов. См. интервью с В. Штиром, начальником 33-й канцелярии Рейхсбана. В кн.: *Лангман Клод*. Шоа. М., 2016. С. 237–259.

² Там же. С. 65.

³ *Ланг Й. фон*. Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле. М., 2007.

причиняет насилие и боль, — он не находит в своем личном опыте адекватного описания происходящих с ним личностных деформаций, роль насильника и мучителя не передается в привычных языковых категориях и не вмещается в прежние рамки восприятия мира. В итоге образовавшуюся пустоту занимают готовые описательные модели переживаемого состояния, предлагаемые социумом, властью или религией. Таким образом достигаются сразу две цели: насильник и убийца занимают на стороне, у других, логику и оправдание своих действий, а власть получает утверждение в чужом травматическом опыте. В результате этого взаимообмена и та и другая сторона оказывается освобождена от личного переживания происходящего и моральной ответственности¹.

Логическим продолжением выявленной в ходе экспериментов психологической схемы был постулат о неразличимости жертвы и палача, неразличимости, возникающей в ходе взаимной ментальной репрезентации. Об этой неразличимости и механизмах репрезентации писал еще Б. Беттельгейм, утверждавший, что Концентрационный мир был выстроен так, что виновны были все². Это положение затем получило широкое распространение, было многократно доказано, схематизировано (одна из самых известных схем — «треугольник Карпмана») и в настоящее время также стало общим местом.

Тем не менее главную мысль этих работ о «банальности зла», результаты опытов, выводы и аргументы в защиту того и другого, указанные схемы в значительной степени невозможно принять. «Банальности зла» как таковой не существует, — писал бывший узник Ж. Амери, — Ханна Арендт, которая писала об этом в своей книге об Эйхмане, знала этого врага человечества только понаслышке, а видела через застеклен-

¹ Scarry E. The Body in pain: The Making and Unmaking of the World. New York: Oxford University Press, 1985.

² Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 6. С. 88–89.

ную клетку»¹. Философ Е. Факенхайм солидарен с Амери: «Ханна Арендт с легкостью заявила о банальности Эйхмана. Арендт была философом, и я проследил за развитием ее мысли в целом ряде ее работ. Однако она сама так и не довела свою мысль до логического конца — ведь, насколько мне известно, она никогда не заявляла, что и Гитлер банален. В результате мы опять приходим к тому же — только Гитлер вертел всеми, а все остальные банальны. Что касается Гитлера, то он сумасшедший. Как же сумасшедший мог вертеть миром? Мы оказываемся в замкнутом круге»².

Э. Факенхайм справедливо ставит вопрос о том, банальны ли организаторы, стремясь найти корень этой банальности. Продолжая его мысль, следует подчеркнуть, что в противном случае все вышеприведенные аргументы имеют неистребимый оттенок оправдания — именно так объясняло свои действия и подавляющее большинство исполнителей. Груз ответственности за произошедшее в этой схеме раскладывается на множество людей до тех пор, пока эта ответственность не исчезнет полностью или не уменьшится до пределов неловкости, вызванной нарушением общественных норм. В конечном итоге виновными становятся «обстоятельства», с которых вообще невозможно спросить, или безликий «тоталитарный нацистский режим» — этот аргумент тоже существовал, и против него выступал, со ссылкой на Ж. Амери, И. Кертес.

«Жан Амери, — говорит И. Кертес, — возражает против того, что палачом, как он пишет, был не Гитлер, а некое «ту-манное» понятие, «тоталитаризм». Никоим образом не желая придать своим рассуждениям даже видимость политического трактата, должен признать, что я глубоко понимаю, почему Амери проводит это различие. Человеку, прошедшему пытки, всей своей личностью принявшему на себя судьбу и вытека-

¹ *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 55.

² *Fackenheim E.* To Mend the World: Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought. New York: Schocken Books, 1982. P. 137.

ющие из нее последствия, понятное дело, не пристало вступать в торг с каким-то отвлеченным принципом. Как тогда ему быть с собственной свободой? Судьбой? Личностью? И с другой стороны, кому он тогда предъявит и на кого направит свой «ressentiment», если все так понятно, просто и обезличенно в отвлеченном понятии «тоталитаризм»? Ведь Амери противостояли люди, «враждебные люди» («Gegenmenschen»), и плетью его бил не тоталитаризм, и не тоталитаризм подвешивал его на дыбу со скованными за спиной руками, а говоривший на берлинском диалекте лейтенант Прауст»¹.

Кроме того, уязвимость позиции Х. Арендт состоит в том, что демонические поступки, воплощающие в себе апофеоз зла, совершает человек, в котором источник этого зла обнаружить невозможно, так как природа ничтожной, банальной личности и ее внутренние возможности кардинальным образом противоречат масштабу и поражающей силе поступков, которые она совершает. Если же это невозможно, то зло в этой ситуации просто становится автономной причиной самого себя, ликвидируя тем самым потенциальную возможность его осмысления, отчего любая попытка возмездия становится бессмысленной или даже абсурдной. Вся эта конструкция кардинальным образом противоречит тысячелетней традиции западной мысли, рассматривающей зло не как автономную метафизическую реальность, а как следствие греховности, порочности, моральной деформации конкретного человека. То есть как четко детерминированное явление.

Не соглашался с выводами Х. Арендт и культуролог, философ С. Жижек. В работе «Чума фантазий» он вводит категорию «наслаждения», для того чтобы отделить вынужденное действие от добровольного, или, в его терминологии, «избыточного послушания». «Непристойность» массовых убийств, по мнению Жижека, осознавалась нацистским аппаратом, и знаком этого

¹ Кертес И. Холокост как культура. URL: <http://pergam-club.ru/book/6045>.

является желание скрыть их. Что касается формального бюрократического подхода к убийствам, к которому апеллировал Эйхман, то, по мнению С. Жижека, «бюрократизация сама была источником дополнительного наслаждения». Далее он разъясняет, что это наслаждение проистекало из осознания того, что пытки, насилие и массовые убийства впервые в истории именно благодаря бюрократии удалось включить как составную часть в систему функционирования режима. Бюрократ не сделает ничего лишнего, ибо излишества в бюрократическом подходе так же вредны, как и небрежность, в то время как эсэсовцы издевались над узниками и тогда, когда это не было продиктовано никакой необходимостью¹.

Все указанные выше возражения были несколько лет назад документально подтверждены Б. Штангнет в книге «Эйхман до Иерусалима: неисследованная жизнь массового убийцы». В ней на основании мемуаров, записей и интервью, данных Эйхманом в Аргентине между 1950 и 1960 годами, исследовательница наглядно показала, насколько несостоятелен тезис о «банальности зла», а следовательно, не имеет опоры и целое направление в западной интеллектуальной мысли, развивающее данное положение Х. Арндт. Согласно Б. Штангнет, Эйхман отнюдь не был аккуратным и «заурядным исполнителем» приказов, которому было все равно, что, кого и куда отправлять. Он отдавал себе отчет в своих действиях и, по словам хорошо его знавшего Д. Вислицени, говорил, что «он прыгнет в могилу, смеясь, потому что ощущение того, что на его совести пять миллионов человек, будет для него необычайным источником удовлетворения». Эйхман оставлял за немцами право избавляться от врагов, особенно внутренних, любыми необходимыми средствами, поскольку совесть приравнивалась им к идеологии Германии, проникшей внутрь человека. «То, что полезно моему народу, есть священный приказ и священнейший закон для меня», — писал Эйхман сторонникам в Аргентине.

¹ Жижек Славой. Чума фантазий. Харьков, 2017. С. 111–118.

Поэтому в своих беседах он не раскаивался в истреблении миллионов людей, истреблении, которое считал исторически необходимым. Он неоднократно подтверждал как масштаб совершённого геноцида, так и свою решающую роль в нем. Не случайно массовую депортацию более 400 тысяч венгерских евреев — один из самых трагических эпизодов в истории Холокоста — Эйхман считал своим «новаторским» достижением: «Это было достижение, которому не было равных ни до, ни после». Б. Штангнет убеждена, что распространенный образ Эйхмана как безликого и послушного служаки сознательно и расчетливо создан самим Эйхманом и является следствием его способности адаптировать свои воспоминания к ожиданиям аудитории¹.

Возвращаясь к описанным выше экспериментам, следует подчеркнуть, что они также имеют несколько уязвимых мест. Прежде всего, они были призваны доказать уже существующую гипотезу, поэтому их выводы не были неожиданностью, что ставит под сомнение объективность эксперимента. Существенным моментом являлось и то, что участники экспериментов знали, что их действия не приведут к физическому ущербу тех, на ком эксперимент ставился, и в целом «исполнители» не испытывали к «жертвам» никаких негативных чувств и не находились во власти отвращения и ненависти, почему многие и не хотели выполнять поставленные задачи. Участвовать в эксперименте и участвовать в реальных расстрелах и казнях — это, мягко говоря, разные вещи.

Кроме того, авторы экспериментов находились под влиянием формирующейся постмодернистской картины мира, в которой человек мертв, то есть он лишь форма, являющаяся суммой слагаемых определенных внешних и внутренних сил, и именно от этого соотношения напрямую зависит сама форма. «Вопрос в том, чтобы узнать, с какими другими силами взаимодейству-

¹ *Stangneth B. Eichmann vor Jerusalem — Das unbehelligte Leben eines Massenmörders. Hamburg: Arce Verlag, 2011.*

ют силы в человеке в той или иной исторической формации и какая форма проистекает из этого соединения сил, — писал Ж. Делез. — Можно заранее предвидеть, что силы в человеке не обязательно входят в состав формы-Человек, но могут располагаться по-иному, входить в другое соединение, в другую форму: даже относительно краткого периода, Человек не всегда существовал и не будет существовать вечно. Для того чтобы появилась или проявилась форма-Человек, необходимо, чтобы силы в человеке вошли во взаимодействие с особыми силами извне¹.

Таким образом, насилие и убийства, равно как героизм и подвижничество, имеют в основе сочетание случайных факторов, в зависимости от которых «форма человека» легко меняет свою сущность. Примечательно, что в этой конструкции не остается места для свободы в значении недетерминированного действия от себя, что закономерно исключает любую ответственность за содеянное. Главным итогом становится оправдание виновных в массовых убийствах. Они становятся невиновными уже потому, что обычны, банальны, то есть на их месте мог бы оказаться кто угодно, включая тех, кто их судит.

За этим закономерно следует деформация доверительного отношения к людям, которые в этих убийствах не замешаны. То есть каждый становится недиагностированным убийцей или героем, неразличимым в общей массе до того момента, когда внешние обстоятельства, приложенные к конкретному человеку, не продемонстрируют отличия. В результате авторы и сторонники данных теорий в этой же логике оказываются в одном ряду с идеологами Концентрационного мира, и общее у тех и у других — расчеловечивание человека, превращение его в схему, материал, который легко выводится в пространство несуществования.

Кроме того, когда Х. Арендт пишет о «банальности зла» и заурядности Эйхмана, когда Милгрэм ставит свой эксперимент,

¹ Делез Ж. О смерти человека и сверхчеловеке. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/>.

речь идет об «убийце за письменным столом», совершающем «кабинетные преступления», или о человеке, который находится на том расстоянии от жертвы, которое не допускает визуального или слухового контакта. Здесь вполне возможны и объяснимы противоречия. Хорошо известно, что Эйхман не выносил вида крови и не мог даже смотреть на технические средства, придуманные нацистами для массовых убийств, а рейхсфюрер СС Гиммлер едва не упал в обморок, когда явился свидетелем массовых расстрелов в Минске. Даже комендант Освенцима Хёсс «боялся расстрелов» и пережил крайне неприятные ощущения, когда увидел открытые двери газовой камеры, наполненной погибшими. Однако, невзирая на все объяснения, приведенные выше, поведение и формы сознания тех, кто участвовал в убийствах непосредственно (а таких было также очень много), все равно остаются за пределами понимания.

Акт убийства невинного человека, человека слабее, чем убийца, акт, в котором необратимость произошедшего события не менее страшна, чем само событие, все равно метафизически оказывается сильнее любого оправдания. То есть исполнителю убийства необходимо отключить в себе важнейшие, антропогенные свойства человека, кардинально изменив, таким образом, собственную онтологию. Ментальный язык, с помощью которого переписывается реальность, должен исключать возвращение к прежнему понятийному аппарату и системе ценностей, так как в случае возвращения возникнет рецидив, преодолеть который будет чрезвычайно сложно.

Таким образом, можно утверждать, что исполнитель, «обычный человек», совершающий убийство, детерминированное социальными и психофизическими причинами, навсегда перестает быть «обычным человеком», так как вынужден длить свое состояние невовлеченности в произошедшее. Или он должен создать механизм, при котором совершаемые им убийства или пытки лишаются любого содержания и смысла, не содержат никакого послания, в результате чего превращаются в обычный дискомфорт, который надо просто преодолеть усилием

сознания или воли. И проблема не только в том, что это под силу очень немногим, а прежде всего в том, что такой механизм невозможно долго держать функционирующим.

То есть мы приходим к выводу, что, как бы там ни было, возврат в состояние «до убийства» исключен без тяжелых психических и ментальных деформаций. Это доказывает и опыт айнзацкоманд, осуществлявших массовые убийства в лагерях и за их пределами: психика исполнителей сильно страдала, в связи с чем в командах царило тотальное пьянство. Именно поэтому нацистское руководство в итоге перешло от массовых расстрелов к практике уничтожения людей в газовых камерах, которые, как считалось (помимо того что значительно ускоряли процесс массового уничтожения), помогали избежать исполнителям психологической катастрофы.

Подтверждением неизбежной сознательной и моральной вовлеченности исполнителя в акт убийства также являются солдатские записи и дневники, ссылаясь на которые Р. Салецл подчеркивает, что солдаты часто придумывали убийства врагов, которые не совершали. Это делалось потому, что «солдаты не хотели избавляться от вины за свои деяния. Как бы военные психологи ни пытались убедить их в том, что они не несут ответственности за убийства, солдаты продолжают настаивать на своей вине, причем до такой степени, что придумывают преступления, которых не совершали»¹. Кроме того, отказ хотя бы одного исполнителя совершить убийство означает многовариантность ситуации и указывает на то, что такого рода выбор был у всех.

Тем более что не существует никаких убедительных доказательств того, что отказ выполнять приказ о казни узника(ов) в концентрационном лагере влек за собой фатальные последствия. «Немецкие прокуроры признавались, что по результатам обобщения не удалось выявить ни одного сколько-нибудь значительного случая отказа выполнить приказ, в результате

¹ Салецл Р. О страхе. М., 2014. С. 68.

чего последовала бы более серьезная санкция, чем увольнение, понижение в чине или отправка на фронт», — пишет Л. Симкин¹. Еще один часто встречающийся аргумент можно сформулировать как «тогда нельзя было иначе» или «времени было такое». М. Мамардашвили точно замечает, что подобные аргументы «делают неопределенным любой момент времени. Ни один не отличается от другого — дурная бесконечность»². То есть времена в логике этой аргументации следом за человеком становятся крайне неопределенными, превращаются в самостоятельный и самодостаточный инструментарий управления социальными процессами и даже состояниями сознания.

Возвращаясь к «состоянию невовлеченности», следует подчеркнуть, что оно в той или иной форме формирует поведение и образ мысли исполнителя даже против его намерений и воли. Сравнительный анализ ментальных пространств довоенной и послевоенной Германии никогда не проводился, однако можно с большой долей вероятности утверждать следующее. Почти тотальное неприятие вины немцами в первые послевоенные десятилетия, переход в оппозицию к собственной стране и нации таких ключевых фигур из «довоенной Германии», как Т. Манн, Э. Глезер, Г. Гессе, К. Ясперс³, стремление вернуть Германию в довоенное время по экономическому пути, а не по пути восстановления интеллектуального и психологического уровня нации было в значительной степени следствием тех ментальных деформаций, о которых шла речь выше. Носителями этих деформаций были те самые «обычные люди», прямо или косвенно участвовавшие в массовых убийствах и геноциде и рассеявшиеся после войны среди всех остальных

¹ Симкин Л. Собибор. Послесловие. М., 2019. С. 201.

² Мамардашвили М. Сознание и бесконечность. СПб., 2018. С. 239.

³ Подробный очерк послевоенной ментальности Германии см.: Лесер Йонас. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933—1945. URL: http://www.xliby.ru/istorija/tretii_reih_simvolov_zlodeistva_istorija_nacizma_v_germanii_1933_1945/p19.php.

Сожжение в открытых ямах останков жертв, умерщвленных в газовых камерах концлагеря Аушвиц — Биркенау. Фото сделано одним из участников лагерного движения Сопротивления Давидом Шмулевским

ных. Поэтому послевоенное разделение Германии, помимо политических и экономических задач, отразило подсознательное стремление разделить немцев на тех, кто осознал вину, и не признающих ее. Не случайно советские СМИ затем долгие годы подчеркивали эту ментальную разницу — в ФРГ обеляли нацизм, освобождали военных преступников, чттили бывших эсэсовцев, а в ГДР восстанавливали справедливость, воздавая по

заслугам военным преступникам и сохраняя память о победителях нацизма и его жертвах.

Таким образом, мы приходим к выводу, что те, кто осуществлял в концентрационных лагерях насилие и убийства, были повинны в них, так как делали это сознательно, отдавая себе отчет в своих действиях. Характерно свидетельство узника Треблинки Я. Верника. Он работал на уничтожении тел погибших — их укладывали в штабель и сжигали. «Однажды при укладывании трупов... заметили руку, поднятую вверх. Все пальцы были согнуты, только указательный палец был поднят вверх и как бы вызывал угнетателей на суд Божий. Это был обычный случай, но все же все были поражены. Даже наши палачи побледнели и не отводили взгляда от этой ужасной сцены, как будто в этом всё и правда было проявление высших сил. Рука торчала долго, уже все сгорело, а рука все ещё была вытянута вверх и вызывала к справедливости. Этот незначительный случай испортил настроение всех палачей на несколько дней»¹.

Мотивация к убийствам, очевидно, была различной. Кто-то служил идее, кто-то компенсировал собственную внутреннюю несостоятельность, боролся с личными фобиями или даже, по точному выражению Э. Чорана, «испытывал физическую потребность в бесчестье», когда «хочется быть сыном палача»². Однако все они в равной степени были ответственны за свои действия и в подавляющем большинстве случаев сами осознавали эту ответственность. Иначе в конце войны администрация лагерей не осуществлялась бы масштабная программа, преследовавшая цели скрыть массовые убийства. В ходе реализации программы взрывались крематории, вскрывались захоронения и сжигались тела убитых (как в Освенциме, Сырецком лагере (Бабьем Яру), Клоге и др.), а подтверждающая массовую гибель людей документация уничтожалась.

¹ Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы. М., 2021. С. 196.

² Цит. по: *Сонтаг С.* Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М., 2014. С. 343.

Необходимо сказать и о месте палача в системе Концентрационного мира. Убийца и насильник (эсэсовец, капо и т. д.) становился посредником между порядком в лагере и порядком в обществе, осуществлял взаимосвязь между этими двумя категориями, взаимосвязь, которая поддерживалась смертью. Именно человек, «осуществляющий смерть», определял различие между нормальной и девиантной личностью, превращал посредством смерти девиантную личность в «нормальную». При этом различие между девиантностью и нормой было не в степени, когда и то и другое находится в пределах одной социальной, психологической, моральной и языковой территории. Различие было сущностное, то есть между тем и другим находилась разделявшая территории четко проведенная семиотическая граница (в данном случае внешне выраженная колючей проволокой и разделяющая миры), пропасть, преодолеть которую можно было только скачком, в ходе кардинального изменения состояния языка и форм. Но такое изменение могла дать только смерть.

Если до нацизма девиантные личности, их разновидности и численность считались ненормальным состоянием социального организма и свидетельствовали о нездоровье последнего, то в лагере именно эсэсовцы превращали эти личности в обитающий в здоровом организме пагубный вид. Разница заключается в том, что если в первом случае «пользоваться смертью» опасно — погибнут все, то во втором — данный вид мог и должен был быть уничтожен именно для того, чтобы социальный организм жил и был полностью здоровым. Неэффективные люди должны быть выведены из социума, чтобы все знали, где именно концентрируется неэффективность. В этой ситуации смерть в лагере приобретала статус социальной нормы, жертвы переставали быть заметны — ведь крыс травят не для того, чтобы непосредственно их уничтожать, а для того, чтобы был порядок. Смерть становилась важнейшим фактором поддержания социального порядка не только в лагере, но и за его пределами, фактором политики, а убийца — одним из ключе-

вых субъектов этого порядка и главным актором политической целесообразности. Характерно, что в Освенциме организацией, курирующей крематории, была не комендатура лагеря и не гигиеническая служба, а его политическое управление¹.

Помимо этого, массовые убийства превращали Концентрационный мир в экспериментальную площадку по выявлению в палачах и жертвах пределов человечности, раскрытию неведомых до этого inferнальных глубин. Важным фактором в этих условиях становился, в терминологии Р. Жирара, «миметический феномен», когда в возгонке насилия и убийств все подражают друг другу. Таким образом, процесс, усиливаясь, шел по кругу, и итогом этих усилий должно было стать создание «сверхчеловека» Рейха путем трансценденции к «*untermensch*». Эсэсовцев учили освобождаться от своих человеческих реакций и эмоций, изобретать бесконечные способы глумления над беззащитными людьми, новые формы причинения боли и страданий, определять предельный минимум жизненных потребностей в еде, гигиене, медицинской помощи, что и было различными формами указанной трансценденции. В результате исчезали правила, на которых держится любое общество и человек: от дорожных знаков до сводов законов, — правила, предназначенные прежде всего для того, чтобы общество, государство и каждый отдельный человек были предсказуемы, ибо непредсказуемое общество нежизнеспособно, главной движущей силой в нем является страх.

¹ Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018. С. 29.

Страх

Страх занимал очень серьезное место в Концентрационном мире, определяя систему взаимоотношений эсэсовцев и заключенных, являясь, по словам Д. Руссе, «навязчивой и вседушной идеей»¹. Основой этого страха было положение, в котором человек никогда прежде не оказывался. Страх возникал от отсутствия хотя бы примерного императива поведения в новой среде, так как весь старый запас поведенческих и коммуникативных паттернов, если он не отменялся, только ухудшал положение узника. Одновременно происходила социальная, эмоциональная, личностная депривация, что являлось громадной нагрузкой для только что прибывшего человека, нагрузкой, с которой практически никто не мог справиться. Поэтому человек, недавно ставший узником, сознательно и неосознанно продолжал цепляться за прежние стратегии поведения и самоатрибуции.

«Заключенные, особенно из тех, кто принадлежал ранее к среднему классу, — писал Б. Беттельгейм, — пытались произвести впечатление на охрану своим положением, которое они занимали до ареста, или вкладом в развитие страны. Но

¹ Rousset D. L'univers concentrationnaire. Paris: Hachette Littératures, 1946. P. 57.

любые попытки в этом направлении только провоцировали охрану на новые издевательства... например, герцога Гогенбергского, внучатого племянника австрийского императора, унижали и жестоко избивали, выражая свое отношение словами: «Я тебе покажу сейчас, что ты ничем не отличаешься от прочих заключенных!»¹ То есть возникал конфликт между человеком и средой, который порождал страх от абсолютного непонимания того, что будет дальше, от отмены горизонта планирования. Во многом это было связано и с тем, что среда лагеря, в которой оказывался только что прибывший узник, являлась принципиально новым явлением. То есть в ней отсутствовали практически все элементы прежней среды, реперные точки, которые в повседневности необходимы для успешной адаптации к новым условиям и развития, в терминологии А. Кемпинского, «дезинтеграционной толерантности», то есть адекватного восприятия нового и необычного.

Помимо этого «формообразующего страха» со временем к нему прибавлялся страх целого ряда вещей и явлений, с которыми узнику приходилось сталкиваться в лагере. «Узники боялись «блокэльтесте», свидетельствует Оливер Люстиг, — «лагерэльтесте»², капо, собак, похожих на волков, и СС. Они боялись хлыста для верховой езды, дубинки, «бока»³, «баум»⁴ и «бункера»⁵. Они боялись электрического тока, проводящего колючую проволоку, газовых камер и крематориев. Они боялись побоев, пыток, выстрела в затылок, повешения. Узники боялись «аппеля», команды «Blocksperr!»⁶, селекций, болезней, медицинских экспериментов над живыми людьми. Они боялись дневного света и темноты ночи, того, что должно произойти

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 3. С. 78–80.

² *Lageraltester* — дежурный по лагерю.

³ Козлы, на которых плетью пороли узников.

⁴ Столб, к которому привязывали узника, скрутив руки сзади.

⁵ Камера пыток.

⁶ Команда «Закрыть барак!» (нем.).

вне зависимости от того, знали они об этом или не знали»¹. То есть практически все явления жизни лагеря и даже многие предметы являлись источниками разнообразных страхов.

Заклученный и эсэсовец не знали, кто именно рядом с ним, что можно ожидать от того, кто находится вблизи. Поэтому узник, превращенный в грязное, безымянное, беспородное животное или просто биологический объект, был постоянным источником страха для эсэсовцев, которые боялись болезней, нападения, наконец, в терминологии А. Пятигорского, «страха страха» стать таким же. Эсэсовцы были источником страха для узников по понятным, неоднократно приведенным выше причинам. Таким образом, Концентрационный мир был пространством сознательного производства страха, где процессы шли по кругу. Чем больше агрессии проявляли эсэсовцы, тем больше теряли человеческий облик узники, соответственно, их начинали еще больше бояться, пока не возникал «мусульманин» (о нем далее) — фигура, которую в равной степени боялись как заключенные, так и охрана. Кроме того, обе группы в рамках известной психологической закономерности взаимно демонизировали друг друга, усиливая страх. Таким образом, эсэсовцы и заключенные воспринимали друг друга не буквально, а как фантомы определенных проявлений сознания.

Для преодоления этих фантомов существовало несколько путей. Для эсэсовцев — эскалация жестокости, возгонка форм и способов насилия и убийств. Для узников — «включение» амнезии и апатии или попытки отыскать в эсэсовцах человеческие черты, стремление понять этих людей любой ценой, даже если это выглядело абсурдом. «Заклученные утверждали, — писал Б. Беттельгейм, — что за грубостью эти офицеры (СС. — Б.Я.) скрывают справедливость и порядочность, что они искренне интересуются заключенными и даже стараются понемногу им помогать. Их помощь внешне не за-

¹ Lustig O. Concentration Camp Dictionary. URL: http://isurvived.org/Lustig_Oliver-CCDictionary/CCD-02_BC.html#B9.

метна, но это потому, что «хорошим» эсэсовцам приходится тщательно скрывать свои чувства, чтобы себя не выдать... Целая легенда могла быть сплетена вокруг случая, когда один из двух эсэсовцев, инспектировавших барак, вытер ноги, прежде чем войти»¹. То есть это была попытка воспринимать эсэсовцев как улучшенных самих себя. Именно поэтому у узника возникало стремление тянуться к лучшему, в результате чего начинался путь самоотожествления заключенного с эсэсовцем, идя по которому первый, начавший с поиска положительных черт у врага, в конце концов приходил к усвоению худших черт противника. Не случайно узники боялись имеющих власть заключенных (капо, блокэльтесте, штубендистов²) больше, чем эсэсовцев.

Этот путь часто приводил к предельному сближению обеих сторон в некоем пространстве, находящемся за пределами их человеческого существования, за границами возможностей воображения. Таким пространством, в частности, становились совместные акты насилия и убийств. П. Леви свидетельствует, что зондеркоманда Освенцима, отправлявшая людей в газовые камеры, жила гораздо лучше, чем остальные заключенные, так как им многое позволялось эсэсовцами, чувствовавшими в членах зондеркоманды «своих». У последних было в достатке любой еды, они жили в относительно сносных условиях, пользовались душем, то есть по уровню жизненного комфорта они находились ненамного ниже охраны и администрации лагеря. Временами указанная общность заходила так далеко, что однажды в Освенциме даже состоялся футбольный матч между членами зондеркоманды и эсэсовцами из охраны крематория. «Посмотреть игру пришло много эсэсовцев из других подразделений, а также не занятые в матче члены команды; все болели, кричали, хлопали, подбадривали игроков, как будто это была

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 79.

² Дежурный по комнате (штубе) в бараке.

обычная игра на какой-нибудь деревенской лужайке, а не перед входом в ад»¹.

Исследователь И. Клендиннен считала этот парадоксальный матч «удобным симбиозом», который был для противостоящих команд актом взаимного признания человечности². То есть подобное сближение также было средством избавления от страха; очеловечивание, гуманизация врага создавали психологические коммуникативные связи, осуществленная возможность коммуникации развоплощала страх. Таким образом, разнообразие, масштаб и всеохватность средств, направленных на преодоление страха, свидетельствуют о том, что страх в Концентрационном мире был не просто следствием неспособности осознать реальность, но и вполне самостоятельным явлением, автономной структурой сознания, вокруг которой строилась реальность, в значительной степени сочетающая настоящий и фантомный миры.

Еще одним действенным средством борьбы со страхом были фантазии, с помощью которых узники восполняли нехватку собственного мира, нехватку человеческого в человеке, создавали «дополненную реальность», ибо, по точному замечанию Р. Салецл, «страх появляется в месте нехватки»³. Эти фантазии в лагерях обретали форму обнадеживающих ретроспективных мечтаний или слухов. Заключенные, по свидетельству Б. Беттельгейма, «витали в мечтах почти беспрерывно, стараясь уйти от угнетающей действительности... В лагере постоянно возникали слухи об улучшении условий или скором освобождении. Их содержание во многом зависело от образа мыслей конкретного заключенного. Но несмотря на различия в деталях, почти все заключенные находили удовольствие в самом обсуждении слухов, часто принимавших

¹ *Леви П.* Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 44. Этот эпизод вызывает до сих пор ожесточенные споры.

² *Clendinnen I.* Reading the Holocaust. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

³ *Салецл Р.* О страхе. М., 2014. С. 51.

форму коллективных грез или помешательства на двоих, троих, четверых и т. д.

Доверчивость большинства заключенных простиралась далеко за пределы разумного, и ее можно объяснить только необходимостью поддерживать моральный дух. Благоприятным слухам верили наперекор здравому смыслу. Но и плохие слухи, подтверждающие чье-либо полное уныние в обычном для заключенного депрессивном состоянии, казалось, приносили временное облегчение... Некоторое время люди верили в эти фантазии и радовались хорошим слухам, но, убеждаясь в их ложности, чувствовали себя еще хуже. Слухи придумывались для облегчения жизни, но в действительности они снижали человеческую способность правильно оценивать ситуацию. В сущности, это было проявлением общей тенденции к отрицанию реальности лагерного мира¹. Таким образом, попытки уйти от страха с помощью слухов и фантазий разоружали заключенного перед подлинной, не фантомной реальностью лагеря.

Возвращаясь к мысли Р. Салецл о «месте нехватки» как источнике страха, следует обратить внимание на то, что это «место» служило источником страха не только для узников, но и для эсэсовцев. Большинство последних в начале своей службы в лагере в той или иной степени входили в конфликт с собой, когда им приходилось участвовать в убийствах и массовых акциях уничтожения. Страх выступить против этических норм или против системы (выбор «или–или», когда третьего варианта, куда можно спрятаться, не дано) заставлял вступить с собой в борьбу, результатом которой было преодоление страха путем выбора в пользу системы. Выбирая систему, эсэсовец неизбежно вставал перед необходимостью делегировать кому-либо значительную часть своей личности и личной власти, теряя их у себя. В данном случае это были государственная система и фюрер.

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 3. С. 82.

С момента делегирования личность эсэсовца становилась неотъемлемой частью системы, последняя кооптировала доблести и достоинства, аккумулировала военно-животную энергетику и направляла ее туда, куда считала нужным. Страх изживался подчинением и благоговением, и все личные достоинства, победы, а также недостатки и поражения отныне объяснялись эсэсовцем наличием системы и фюрера. В рамках борьбы со страхом все неосознанные реакции, рефлексии, импульсы в обязательном порядке проходили атрибуцию в системе и получали оценки приемлемости. В результате возникало чувство порядка и уверенности, а также рождались другие свойства и качества, которые эсэсовец сам в себе был не в состоянии выработать. То есть делегирование себя приводило к поглощению человека системой, страх исчезал только вместе со значительными составляющими личности, происходила замена внутренней структуры на внешнюю, а свободной воли — на энергию и силу системы.

В заключение можно обратить внимание, что в течение последнего тысячелетия почти для каждого столетия был характерен свой парадигматический страх. Можно указать на эсхатологические страхи рубежа X–XI веков в Западной Европе, конца XV века и середины XVII века в Восточной Европе, страх монголов в XIII веке, страхи чумы в XIV веке, «страхи с Востока» Нового и Новейшего времени. Сегодня источником страхов становятся общая экономическая неустойчивость систем, терроризм, вирусы, болезни, среди которых, как правило, выделяется одна, сублимирующая ключевые страхи времени (для XIX века это был туберкулез, для XX века — рак, в нынешнем столетии такой болезнью стал коронавирус (COVID-19)¹). Таким образом, страх в самом Концентрационном мире и страх Концентрационного мира за его пределами и в годы войны,

¹ О коронавирусе как маркере эпохи подробнее см.: Якеменко Б.Г. Коронавирус как религиозный феномен // Сборник статей к 50-летию создания кафедры истории России Российского университета дружбы народов. М., 2021.

Борис Якеменко

и после нее стал одним из ключевых социопсихологических маркеров прошлого столетия, во многом определившим послевоенные направления мировой политики и сформировавшим новые страхи Европы, среди которых, по мнению Л. Донскиса, ведущим стал «страх уничтожения»¹, захвативший ментальное пространство прежде всего Восточной Европы.

¹ Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. СПб., 2019. С. 31.

«Мусульманин» на рубеже миров

Апофеозом заключенного становилось состояние, описываемое в лагерном жаргоне термином «мусульманин» (muselmänn). «Я увидел странные существа, которые поначалу меня даже слегка озадачили, — вспоминал И. Кертес. — На расстоянии все они выглядели древними старцами: торчащий нос, голова втянута в плечи, грязная полосатая роба висит на острых плечах, как на вешалке; даже в самые знойные летние дни они напоминали озябших зимних ворон. В каждом их неуверенном, лунатическом шаге словно таился вопрос: а, собственно, стоит ли он, этот шаг, таких невероятных усилий? Эти ходячие вопросительные знаки — хоть на фигуру глянь, хоть на объем (толщины у них, можно сказать, совсем не было), по-другому я описать их не могу — назывались в лагере «мусульманами», как я скоро узнал»¹.

Внешне «мусульманин» был человеком, дошедшим до крайней степени истощения, вес которого был от 25 до 40 килограммов при любом росте, внешне похожим на скелет и передвигавшимся с трудом. У него были стерты половые и возрастные границы, и внутренне он находился в состоянии почти полного

¹ Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=21>.

замирания психики. «Нормальная заинтересованность в окружающем исчезала в нем все больше и больше, так что в конце концов гасла в нем заинтересованность и в собственной судьбе. В таком состоянии мусульманин незаметно умирал — он попросту засыпал и уже не просыпался»¹. «Мусульмане» как явление существовали во всех нацистских концентрационных лагерях. Термин «мусульманин», имевший наиболее широкое хождение в Освенциме, использовался непосредственно заключенными (существовали и синонимы этого термина, такие как «Läuser» (нем. «вши»), «Bettler» (нем. «нищие»), «Schmucki» (примерно переводится с немецкого как «безделушки») и т. д.), эсэсовцы же называли «мусульман» «Durch Kamin» (нем. «через трубу») или «Lunatik» (нем. «лунатик»). «Мусульманами» гораздо чаще становились мужчины, нежели женщины.

Нет единства во мнениях, откуда взялся термин «мусульманин». В задачу данной работы не входит подробное рассмотрение его этимологии, поэтому следует указать лишь на то, что, согласно одной из версий, немецкое слово «muselmänn» применительно к указанной категории заключенных представляет собой искажение слова «muschelmann» / «musselman», то есть «скрюченный человек» (женщин обозначали термином «Muselweib» (Weib — нем. уничижительно «баба»). Другая версия связывает происхождение термина с образом настоящих молящихся мусульман. «Они («мусульмане». — Б.Я.) стали безразличны ко всему, что происходило вокруг них. Они поставили самих себя вне каких-либо отношений с внешним миром. Если они еще могли передвигаться, они делали это медленно, не сгибая коленей. Они тряслись от холода... Глядя на них со стороны, создавалось впечатление, будто это молящиеся арабы»². Данную точку зрения о внешнем сходстве молящихся

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschwitz-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 64—65.

² Ryn Z., Kłodzinski S. An der Grenze zwischen Leben und Tod. Ein Studie über die Erscheinung des «Muselmann» in Konzentrationslager. In: Auschwitz-Hefte. Vol. 1. Weinheim & Basel: Beltz, 1987. P. 94.

последователей ислама и лагерных мусульман поддерживают В. Софски¹, Д. Агамбен² и Г. Лангбейн³. Однако Б. Беттельгейм⁴, О. Когон⁵ и Мари Симон⁶ истолковывают связь настоящих и лагерных мусульман иначе, связывая возникновение термина с якобы присущим последователям ислама фатализмом, что было характерной чертой лагерных мусульман. Необходимо оговориться, что мы будем использовать в работе данный термин далее без кавычек, поскольку он будет употребляться только в том значении, которое указано выше. То есть в значении крайнего состояния заключенного концентрационного лагеря.

Любопытно, что мусульманин как сублимация обитателя Концентрационного мира очень редко становился предметом специального исследования, хотя понятие феномен мусульманина в лагере значило бы, очевидно, в значительной степени приблизиться к пониманию этого мира в целом. Количество исследований, в которых рассматривается феномен мусульманина в концентрационном лагере, крайне незначительно. Это работы, принадлежащие З. Рину и С. Клодзинскому⁷ («На границе жизни и смерти. Изучение феномена мусульманина в концентрационном лагере»), Майклу Бекеру и Деннису Боку («Мусульмане» и другие узники. Дополнение к соци-

¹ *Sofsky W.* The Order of Terror: The Concentration Camp. Translated by W. Templer. Princeton University Press, 1997. P. 329.

² *Агамбен Д.* Наследие Аушвица: Свидетели и архивные документы. Translated by D. Heller-Roazen. New York: Zone Books, 1999. С. 45.

³ *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005.

⁴ *Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 77.

⁵ *Kogon E.* The Theory and Practice of Hell: The German Concentration Camps and the Systems Behind Them. Translated by H. Norden. New York: Octagon Books, 1979. P. 284.

⁶ *Simon M.* Das Wort Muselmann in der Sprache der deutschen Konzentrationslager // Schoeps J. H. (Hrsg.). Aus zweier Zeugen Mund. Gerlingen 1992. S. 202—211.

⁷ *Ryn Z., Klodzinski S.* An der Grenze zwischen Leben und Tod. Ein Studie über die Erscheinung des «Muselmann» in Konzentrationslager // Auschwitz-Hefte. Vol. 1. Weinheim & Basel: Beltz, 1987.

альной истории нацистских концентрационных лагерей»)¹, статьи К. Виттлера («Мусульманин». Примечания к истории термина)² и Моны Кёрте («Безмолвный Свидетель. «Мусульманин» в памяти и повествовании»)³. Этому феномену также посвящена часть работы Д. Агамбена⁴ (данная часть представляет собой культурно-историческую интерпретацию текстов П. Леви) и Н. Вармбольд⁵. Автором настоящей работы также была сделана попытка обозначить основные черты феноменологии этого явления⁶. Все остальное главным образом носит описательный, мемуарный характер с некоторыми попытками анализа.

Мусульмане в лагерной среде считались чрезвычайно опасными, от них дистанцировались как индивидуально, так и социально — очевидно, именно потому, что их состояние и они сами в целом были непонятны ни остальным узникам, ни охране, однако и те и другие чувствовали, что та «запределённость античеловеческого», которую представлял собой мусульманин, обладает влекущим эффектом, притягательной и одновремен-

¹ Becker M., Bock D. «Muselmänner» und Häftlingsgesellschaften. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager // Planert U., Süß D., Woyke M. (Hrsg.). Sterben, Töten, Gedenken. Zur Sozialgeschichte des Todes. Bonn: J. H. W. Dietz Nachf., 2015. S. 137–179.

² Wittler K. «Muselmann». Anmerkungen zur Geschichte einer Bezeichnung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 61. 2013. Nr. 12. S. 1045–1056.

³ Körte M. Stummer Zeuge. Der «Muselmann» in Erinnerung und Erzählung // Segler-Messer S. (Hrsg.). Vom Zeugnis zur Fiktion. Repräsentation von Lagerwirklichkeit und Shoah in der französischen Literatur nach 1945. Frankfurt am Main, 2006. S. 97–110.

⁴ Агамбен Д. Общее название Джорджио Агамбена : Наследие Аушвица: Свидетели и архивные документы. Translated by D. Heller-Roazen. New York: Zone Books, 1999.

⁵ Warmbold N. Lagersprache: zur Sprache der Opfer in den Konzentrationslagern Sachsenhausen, Dachau, Buchenwald. Bremen: Hempen, 2008.

⁶ Якеменко Б., Воронин С. Феномен «мусульманина» в пространстве нацистского концентрационного лагеря // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. № 3. (На английском языке).

но разрушительной силой. «Никто не сочувствовал мусульманам, и никто не испытывал к ним симпатии. Другие узники, которые постоянно боялись за свою жизнь, даже не считали их достойными своего взгляда... Все хотели бы уничтожить их, каждый по-своему»¹. «Банди Цитром сразу предостерег меня: держись от них подальше, — вспоминал И. Кертес. — «На такого посмотришь — и повеситься хочется», — сказал он, и в словах его была большая доля истины»². Б. Беттельгейм писал, что «любой контакт с «отмеченным» (мусульманином. — Б. Я.) мог привести только к саморазрушению» — и объяснял боязнь мусульман тем, что другие узники страшились стать такими же³.

Однако невозможно объяснить страх по отношению к мусульманам одним только чувством самосохранения — зачастую безмолвных, согбенных, шаркающих ногами мусульман заключенные боялись больше, чем кричащих и ругающихся эсэсовцев с оружием и капо с дубинками, больше даже, чем мертвых. «Мусульманин еще страшнее, чем штабеля мертвецов»⁴, — вспоминал Ю. Цуркан. Другой узник вспоминает: «Мы все боялись этого состояния абсолютной пустоты, и все мы надеялись, что смерть, если она случится, заберет нас прежде, чем нас постигнет та же участь»⁵.

Боязнь мусульман, очевидно, была связана с осознанием (ощущением) принципиально иной природы, иного состояния, «инакопребывания» мусульманина. Как выглядел генезис этого состояния? Все исследователи и непосредственные наблюда-

¹ Ryn Z., Klodzinski S. An der Grenze zwischen Leben und Tod. Ein Studie über die Erscheinung des «Muselmann» in Konzentrationslager // Auschwitz-Hefte. Vol. 1. Weinheim & Basel: Beltz, 1987. P. 127.

² Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=21>.

³ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 76–77.

⁴ Цуркан Ю. Последний круг ада. М., 2017. С. 211.

⁵ Цит. по: Doerr K. Words of Fear, Fear of Words: Language Memories of Holocaust Survivors. Explorations in Anthropology. Vol. 9. Nr 1. February 2009. P. 50.

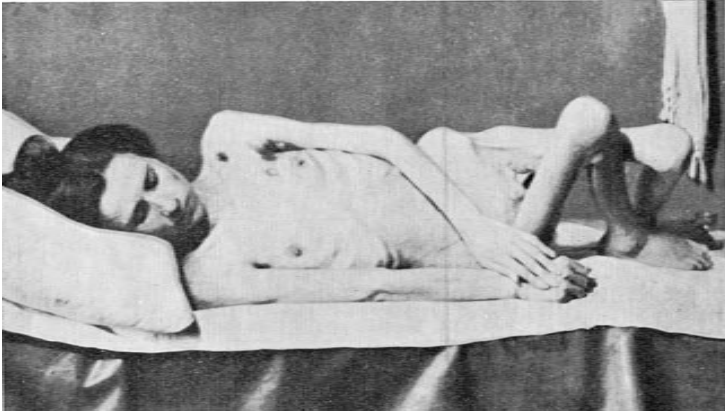
тели мусульман отмечают, что состояние, в котором находился мусульманин, формировал внутренний мир, в отличие от остальных заключенных, состояние которых в значительной степени зависело от внешней среды. В данном случае уместно сравнение с крайней степенью физической дистрофии или астеноанорексическим состоянием, когда организм человека потребляет сам себя, не нуждаясь во внешних источниках энергии, что приводит к гибели. Мусульманин — это человек, пришедший в состояние ментальной, психологической и душевной астеноанорексии, когда совокупность страданий, боли, мук голода, морального и психического истощения составляет его сущность, полностью заменяет личность, когда «нефизическая астеноанорексия» и есть человек, вернее, то, что им считается. Д. Агамбен отмечал, что «мусульманин — это подвижная граница, перейдя которую человек перестает быть человеком»¹. Тотальное отсутствие потребности не только в жизни, но и в любых ее проявлениях материализовалось в пустом, лишенном всего человеческого пространстве мусульманина.

Б. Беттельгейм считал, что мусульманин — это конечный итог обработки человека лагерной средой. Поэтому исследователь придавал большое значение подавлению собственной воли в человеке и считал, что первый шаг к состоянию мусульманина заключенный делал тогда, когда «переставал действовать по своей воле». Прекращение действий «от себя», то есть спонтанности, совпадало с возникновением характерной шаркающей походки, по которой мусульманина узнавали издали. Последнее, что исчезало у человека перед его окончательным превращением в мусульманина, — это способность смотреть по сторонам. После этого наступала физическая смерть².

Замечание об отказе способности смотреть по сторонам подтверждает высказанный выше тезис о превалировании внутреннего над внешним в природе мусульманина. «Закры-

¹ Агамбен Д. Homo Sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 49.

² Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 76.

Заключенная концлагеря Аушвиц после нескольких месяцев лечения. Возраст около 30 лет. Провела в лагере неполных два года. Перед заключением в лагерь весила около 75 кг, на момент снимка (май 1945 г.) — приблизительно 25 кг

тие» для внешних воздействий зрения означало, что сублимированное из описанных выше черт зло окончательно перешло из внешнего во внутренний мир мусульманина, достигнув своей предельной концентрации. То есть не оставалось такой боли, муки, испытания, формы насилия, которая могла бы добавить к этому воплощенному опыту зла хоть что-то¹. Как только жизнь в собственной оболочке становилась для мусульманина страшнее, чем жизнь в лагере, он проходил точку невозврата.

Таким образом, можно описать мусульманина как человека, в котором сбился Концентрационный мир. Мусульманин есть апофеоз и высшее достижение этого мира, результат предельного действия Абсолютного Зла в мире, воплощение этого зла, что объясняет боязнь мусульман, возникающую у остальных узников. При этом, если не понимать, что данное воплощенное, сублимированное зло за счет включенных механизмов

¹ А. Эткинд предлагает для описания этого состояния собственный (на наш взгляд, не очень удачный и точный) термин «мучимая жизнь» (*tortured life*), которая является «жизнью, лишенной смысла, речи и памяти под воздействием пытки». См.: Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М., 2016. С. 49.

«нефизической астеноанорексии» было направлено внутрь самого мусульманина, мы рискуем поставить рядом нацистских вождей, создателей Концентрационного мира, и мусульман. В первом случае это зло сознательно, с помощью сильной, как сказал бы Л.Н. Гумилев, «длинной воли» направлялось вовне, оно во многом формировалось и удерживалось силой этой воли.

В случае с мусульманином это зло было результатом именно полного, абсолютного отсутствия воли, замирания любых импульсов личностного начала, оно поглощало все человеческое в мусульманине, не выпуская ничего вовне, как черная дыра. При этом изношенная плоть мусульманина оказывалась достаточной преградой для выхода этого зла. Поэтому прав был П. Леви, который писал: «Если бы я смог заключить все зло нашего времени в один образ, я бы выбрал именно тот образ, что настолько хорошо мне знаком: опустошенный человек с упавшей головой и скрюченными плечами, на лице которого не видно ни единой мысли»¹.

Результатом этого процесса становилось то, что мусульманин оказывался в промежуточном, третьем, ранее неизвестном состоянии биологического и психофизического существа. Это состояние можно объяснить сквозь призму концепции исследователя теоретической биологии и биосемиотики С.В. Чебанова, который разводит существование организма и жизни. Организм, в его понимании, — «это тело, которое генерирует разного рода регулярности», а жизнь — «это нарушение регулярности». Таким образом, по мнению Чебанова, если совершать регулярные механические действия (а именно так действовали мусульмане), то «можно функционировать (то есть закономерно проходить некоторые состояния), будучи неживым» или «имитировать жизнь»². Это состояние наглядно изо-

¹ Levi P. *Survival in Auschwitz and the Reawakening: Two Memoirs*. New York: Summit Books, 1986. P. 90.

² Был вечер, и деревья качались. Беседа С. Чебанова с У. Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна. 2018. С. 35.

бразил П. Леви. «Где-то во мраке маршируют, точно роботы, наши товарищи. Души их мертвы, музыка гонит их, как ветер сухие листья, заменяя волю, потому что у них больше нет воли. Они подчиняются ритму: каждый удар барабана — шаг, рефлексорное сокращение выжатых мышц. Немцы добились, чего хотели, десять тысяч шагают в ногу без чувств, без мыслей, они безликая, четко отлаженная машина»¹. То есть мусульманин был особой формой существования человеческой материи за пределами жизни, формой существования, возможной только в рамках лагерных границ. В мусульманине был явлен предельный образ человека, в котором отменяются любые критерии и границы, то есть он стоит на рубеже человеческого и нечеловеческого. Его невозможно описать даже как человека живого, ибо признаки биологической жизни, выражающейся во внешних реакциях, в нем сведены до почти неразличимых величин.

Мусульманин не чувствует боли, не испытывает страданий при применении к нему насилия, не чувствует голода и жажды, все чувства (то есть признаки жизни) в нем приглушены. Мусульманин, по словам Д. Паттерсона, «существо слишком пустое, чтобы действительно страдать»². «Нужно повысить голос, чтобы такой человек тебя услышал, подойти вплотную, чтобы он тебя увидел»³. Однако его также нельзя описать как труп, ибо, по воспоминаниям очевидцев, мусульманин хуже трупа, на него смотреть было невозможно, в отличие от мертвеца. «Третье измерение» мусульманина является абсолютным шифром лагерной жизни, антропологическим «не-местом», в котором уничтожаются все дисциплинарные барьеры и затопляются все набережные»⁴. Уникальность и непостижимость мусульма-

¹ Леви П. Человек ли это? М., 2011. С. 82.

² Patterson D. Open wounds: The Crisis of Jewish Thoughts in the Aftermath of the Holocaust. Seattle: University of Washington Press, 2006. P. 149.

³ Цуркан Ю. В сердцевице ада. М., 2017. С. 211.

⁴ Агамбен Д. Наследие Аушвица: Свидетели и архивные документы. Translated by D. Heller-Roazen. New York: Zone Books, 1999. С. 48.

нина в том, что он ухитряется остаться на часы/дни/месяцы на неуловимой, необъясненной, тоньше времени, границе между жизнью и смертью, между живым телом и трупом, между человеческим и нечеловеческим, границе, на которой любой другой человек не сможет удержаться и нескольких секунд, чтобы не свалиться в одну или другую сторону. Не случайно у мусульманина не наступала смерть — она с ним случалась, причем без видимых причин, то есть никакой связи между смертью и формальным поводом для нее почти не было. «Я видел, — свидетельствует голландский врач Эдуард де Винд, — как мусульманина случайно пнули в ногу. У него развилось легкое воспаление, и через четыре дня он умер, не обнаружив никаких явных предпосылок к смерти. Это можно назвать формой самоубийства»¹.

Мусульмане были единственной категорией узников, которая погибла практически полностью еще до освобождения лагерей, так как состояние мусульманина исключало возможность возвращения к жизни. Немногие оставшиеся в живых все равно погибли, но уже после освобождения. «Восстановление их было невозможно, — писал узник Освенцима и Дахау О. Люстиг, — вопрос был только в том, долгой ли будет дорога к смерти. Я видел сотни, тысячи мусульман, застрявших между жизнью и смертью: друзья, сокамерники, знакомые, узники, прибывшие из всех стран Европы. Они умерли все. Даже те немногие, кто дожил до освобождения, все равно умерли, но позже. У них не было никаких шансов». Далее О. Люстиг приводит пример своего двоюродного брата, который в Освенциме стал мусульманином. «Он спал на голом цементном полу, так как коек не было. Днем он лежал в грязи у стены барака, чтобы не быть растоптанным сотнями узников, выходивших на аппельплац. Он ужасно кашлял, испытывал невыносимые боли и не мог ходить в туалет. Пыль и пот, превратившись в черную

¹ Цит. по: *Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 134.*

корку, покрывали его изможденное лицо и тело. Друзья бросили его, считая безнадежным, и даже не разговаривали с ним». Лагерный врач сумел помочь, брат поправился, дожил до освобождения, позднее «стал врачом, обзавелся семьей и производил впечатление счастливого человека. Никто не знал, какой след в его душе и на его теле оставили те ночи, когда голодный, покинутый и страдающий от лихорадки он лежал на голом цементном полу барака в Биркенау».

Внезапно брат заболел, стал подавленным и замкнутым, и его отправили в санаторий, из которого он сразу же захотел уйти. О. Люстиг сумел уговорить его остаться, брат обещал. «Через два дня он отправился якобы прогуляться по саду санатория, а сам перелез через забор, добрался до ближайшего жилого квартала, поднялся на одиннадцатый этаж первого попавшегося высотного дома и бросился вниз. Его пример с опозданием на несколько десятилетий еще раз доказал, что мусульманин не может вернуться к нормальной жизни»¹. Не случайно практически не существует фотографий и тем более видеозаписей, на которых были бы зафиксированы мусульманине, так как фото- и видеосъемки, которыми сегодня располагает наука, делались в подавляющем большинстве случаев после освобождения лагерей.

Непостижимость такого явления, как мусульманин, заставляла некоторых исследователей стараться проникнуть в их сущность в логике парадокса. Так, философ Э. Факенхайм утверждал, что мусульманин Концентрационного мира «является самым примечательным, если не единственным, вкладом Третьего рейха в мировую цивилизацию. Он стал подлинным нововведением Нового порядка». Уникальность мусульманина, как считает Э. Факенхайм, заставляет нас считать уникальными и тех, кто сумел превратить человека в мусульманина, и вызывает вопрос: «Мог бы Иисус из Назарета быть превращен

¹ *Lustig O.* Concentration Camp Dictionary. URL: http://isurvived.org/Lustig_Oliver-CCDictionary/CCD-02_BC.html#B9.

в мусульманина?»¹ Не стоит пытаться ответить на риторический вопрос, но следует обратить внимание на то, что Э. Факенхайм точно определил координату, в которой существовал Концентрационный мир — от эсэсовца до мусульманина, от античеловека до не-человека, координату, в которой человек лишь переходная ступень от одной точки к другой. Апофеоз насилия и апофеоз безволия, когда мусульманин и эсэсовец не могут существовать друг без друга, является в Концентрационном мире необходимым условием взаимной экзистенции. Нельзя не подчеркнуть, что внутренний мир условного эсэсовца так же непостижим до конца, как и мир мусульманина, и являет собой нерешаемую задачу со многими неизвестными.

Совпадение человеческого и не-человеческого в мусульманине, смешение их до полной неразличимости делало мусульманина апорией Концентрационного мира. Возникновение мусульманина стало знаком того, что в этом мире окончательно исчезли различия между бытием и небытием, допустимым и невозможным, то есть возникло инакобытие, которое невозможно определить в привычных категориях. «Лагеря уничтожения, — писал Д. Агамбен, — представляют попытку решить вопрос о различии человеческого и нечеловеческого, которая в конечном итоге уничтожила саму возможность такого различия»².

В заключение следует обратить внимание на то, что мусульмане, невзирая на отвращение к ним как остальных заключенных, так и администрации лагеря, при своей почти полной неспособности работать, то есть хоть как-то оправдывать свое пребывание в лагере и в жизни, тем не менее не истреблялись администрацией лагерей сознательно. На протяжении всех лет существования Концентрационного мира они оставались неотъемлемой частью лагерной системы. Это заставляет пред-

¹ *Fackenheim E.* To Mend the World: Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought. New York: Schocken Books, 1982. P. 215–273.

² *Агамбен Д.* Открытое. Человек и животное. М., 2012. С. 33.

Пепел над пропастью

положить, что они, их состояние, внешний вид были необходимым условием существования этого мира, условием, поддерживающим равновесие и относительную «гармонию» частей, каждая из которых была на своем месте. В противном случае мусульмане были бы отторгнуты или кооптированы системой. Тем не менее, как говорилось выше, практически никто из мусульман не дожил до освобождения, а выжившие умерли вскоре после него.

Язык

Язык концентрационных лагерей представлял собой интересное, многоуровневое явление, которое можно назвать лингвистическим оформлением Концентрационного мира, а также одним из главных инструментов приватизации реальности в пределах этого мира. Строй, состав и особенности этого языка уже неоднократно становилась предметом изучения. У истоков этого предмета стоял немецкий филолог В. Клемперер, который на основе дневниковых записей, сделанных в Германии в 1945–1946 годах, написал работу «ЛТИ. Язык Третьего рейха»¹, которая вышла в 1947 году. Клемперер не касался темы языка нацистских концлагерей, но он на основе филологического анализа и, главное, личных наблюдений и опыта показал, как рождается и функционирует «язык, который сочиняет и мыслит за тебя», как тоталитарная власть конструируется, растворяется в языке и подчиняет себе человека.

Следует отметить, что формально Клемперер не был первым, кто начал разработку проблемы языка нацистской Германии, — еще в 1933 году этой темой заинтересовалась Ингеборга Зей-

¹ Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840. Примечательно, что первое издание, 1947 года, вышло в ГДР, а следующее издание увидело свет в Берлине только в 1995 году.

дель-Слотти, которая сразу после победы нацистов стала составлять картотеку языка Третьего рейха и занималась этим до своего отъезда из Германии в 1938 году. Однако накопленный материал был ею систематизирован и издан в виде монографии под названием «Языковые изменения в Третьем рейхе: критическое исследование влияния фашизма» только в 1961 году¹, когда историографическая база данной темы успела пополниться еще несколькими работами.

Не менее важной попыткой анализа тоталитарного языка нацистской Германии была работа (часто сегодня остающаяся в тени исследования Клемперера) Дольфа Штернбергера, написанная в соавторстве с деятелем культуры Герхардом Шторцем и писателем Вильгельмом Э. Сюскиндом. Под названием «Словарь недочеловеков» она впервые вышла в 1945–1948 годах в журнале «Die Wandlung» и затем была напечатана отдельным изданием в 1957 году². Штернбергер считал, что язык сыграл очень важную роль в формировании социума, и особенно элиты нацистской Германии, и поэтому после войны должен приобрести статус обценного, недопустимого для употребления языка. В свой словарь Штернбергер собрал несколько десятков, казалось бы, обычных слов, наиболее часто употреблявшихся в нацистской Германии (как, например, «уход», «сектор», «представитель», «выполнять», «организовывать» и т. д.), но приобретших совершенно иное значение и, на взгляд Штернбергера, намертво связанных с прежней системой.

Поэтому он предлагал немецкому послевоенному обществу прекратить употребление этих слов в принципе. Например, использование слова «представитель» в словах «представители торговли / промышленности / церкви» казалось ему продолжением нацистских штампов, таких как «представители партии, государства и вермахта». Однако он остался непонятым.

¹ *Seidel-Sloty I.* Sprachwandel im Dritten Reich: Eine kritische Untersuchung faschistischer Einflüsse. Halle. Sprache und Literatur, 1961.

² *Sternberger D., Storz G., Süskind W.E.* Aus dem Wörterbuch des Unmenschen. Hamburg: Claassen, 1957.

«В течение долгого времени мы верили, — писал он, — что этот бесчеловечный язык, грамматика, весь его чудовищный словарный состав, которые были самым ярким выражением диктатуры, рухнули вместе с ней. Но поскольку ничего нового, положительного в языковом смысле не возникло, немецкий обыватель продолжает и сегодня свободно пользоваться этой лексикой. «Словарь недочеловека» продолжает быть словарем немецкого языка и в наши дни»¹.

В 1946 году в сборнике «Мы были в Освенциме»², куда вошли рассказы трех бывших узников этого лагеря (Н. Седлецкого, К. Ольшевского и Т. Боровского³), был опубликован глоссарий лагерного жаргона из 64 слов. Комментарии к глоссарию сделал Т. Боровский, и эти комментарии стали отдельным социолингвистическим исследованием, направленным на понимание феномена Концентрационного мира, и одной из первых попыток подобного анализа языка этого мира. Еще одна попытка создания словаря лагерного языка принадлежат узнику Эбензее Д. Барте, который, еще находясь в лагере, на отдельных клочках бумаги записывал термины и делал их расшифровку⁴.

Почти в одно время с этими работами выходит статья Б. Унбегауна «Славянские жаргоны концентрационных лагерей»⁵. Выдающийся лингвист, филолог Б. Унбегаун был выходцем из России, во время войны вступил во французское Сопротивление, был арестован в 1943 году и отправлен в Бухенвальд. Там

¹ Sternberger D., Storz G., Süskind W.E. Aus dem Wörterbuch des Unmenschen. Hamburg: Claassen, 1957. С. 9.

² Bylismy w Oswiecieniu. 6643 Janusz Nel Siedlecki, 75817 Krysytn Olszewski, 119198 Tadeusz Borowski. (Girs Anatol) Verlag: Oficyna Warszawska na Obczyźnie, Munich, 1946.

³ Подробнее об этом сборнике см. раздел «Источники и историография».

⁴ Freund F., Pawlowsky V. (eds.), Barta D. Tagebuch aus dem KZ Ebensee. Vienna, 2005.

⁵ Unbegaun B.O. Les argots slaves des camps de concentration // Mélanges, 1947. V, Etudes linguistiques (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, 108).

он сумел сохранить себя как ученого, собирая и отмечая специфически лагерные особенности славянской речи, которые и легли в основу его сугубо лингвистической работы.

Наиболее масштабная на сегодняшний день попытка создать систематический «толковый словарь» языка нацистской Германии принадлежит Корнелии Бернинг и Оливеру Люстигу. В предисловии к работе «От «Доказательства происхождения» до «Размножения», впервые изданной в 1964 году и выдержавшей несколько переизданий¹, Бернинг пишет: «Эта книга — попытка создания словаря национал-социализма, так как в языке точнее всего отражен воображаемый мир национал-социализма, через язык лучше всего можно понять природу и характер эпохи. С одной стороны, такой словарь дополнит и углубит исторический и интеллектуальный образ национал-социализма. С другой стороны, на примере этого словаря можно видеть, как можно «злоупотребить языком»². В своей работе на примере нескольких сотен лексических единиц Бернинг доказывает, что в истории языка «национал-социалистический язык» был одной из самых систематических, изоощренных и жестких попыток языкового контроля над реальностью. Автор рассматривает процесс «вхождения» слов в язык нацистской Германии из довоенного прошлого и прослеживает трансформацию их значений, показывает, как язык превращается в рабочий инструмент системы.

Еще одну попытку анализа языка сделала, не без ощутимого влияния Клемперера, Х. Арендт в работе «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»³. Она одной из первых обратила внимание на бюрократизацию языка нацистов в той области, которая описывала массовые убийства, результатом чего стала «эвфемистическая» терминология, самым известным образцом

¹ *Berning C. Vom «Abstammungsnachweis» zum «Zuchtwart». Vokabular des Nationalsozialismus . Mit einem Vorwort von Werner Betz. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1998.*

² Там же. С. 16.

³ *Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.*

которой было словосочетание «окончательное решение еврейского вопроса» вместо «массовое уничтожение». Она рассматривает такое изменение языковых норм как эффективный способ избавить исполнителей убийств от моральных мучений. «Смысл такой языковой системы заключался не в том, чтобы исполнители не понимали, чем им следует заниматься, а в том, чтобы отучить их сравнивать «языковые нормы» с их прежним, «нормальным» пониманием того, что есть убийство и что есть ложь»¹.

Отдельно следует поместить один из последних словарей концентрационных лагерей «Язык смерти» Оливера Люстига, бывшего заключенного Освенцима и Дахау. Автор нескольких книг, посвященных трагическому опыту пребывания в лагерях («Из тени крематория» (1960), «Жизнь в царстве смерти» (1969), «Затем... Там... В Освенциме» (1977), в 1982 году он выпустил указанный словарь, содержащий около 150 лексических единиц и переведенный позднее с румынского на венгерский, английский, немецкий, португальский, и итальянский языки². Название работы О. Люстига может ввести в заблуждение, поэтому необходимо пояснить, что он создал не словарь языка концентрационных лагерей, а зафиксировал таким нетрадиционным способом свой трагический опыт пережитого через собрание терминов и фамилий, связанных с Концентрационным миром. Поэтому работу О. Люстига следует отнести в большей степени к мемуарной литературе.

Таким образом, И. Зейдель-Слотти, В. Клемперер, Д. Штернбергер, Т. Боровский, Б. Унбегаун, К. Бернинг и Х. Арендт заложили фундамент, на котором строилась последующая историография языка конкретно нацистских концлагерей (Д. Весоловска, В. Ошлис, Ж. Лилеквист, Н. Вармбольд, Д. Ак-

¹ Там же. С. 138–139.

² *Lustig O. Dicționar de lagăr*. Published by Ed. Cartea Românească, 1982. Существует версия словаря в электронном виде. URL: http://isurvived.org/Survivors_Folder/Lustig_Oliver/Bio.html.

кадия, Д. Чиаппони и др.¹). В этой историографии были рассмотрены разные формы лагерного языка в различных национальных и территориальных средах (в отечественной историографии данного вопроса вскользь коснулся в своей работе, посвященной лагерю Маутхаузен, лишь А.В. Конопатченков²). Однако указанные работы были посвящены главным образом генезису и лексическому строю языка лагерей, то есть буквальному отражению в языке той реальности, которая окружала узника.

Нас же интересует вопрос отражения в языке тех принципиально новых состояний сознания и физического состояния, в которые в лагере оказывался «приведен» заключенный. Указанные выше авторы отмечают, что обобщенно «язык лагеря» был настолько странным, что его не сразу воспринимали те, кто попадал в лагерь из внешнего мира, так как он был уникальным производным породившей его фантасмагорической среды, в которой легко уживались абсолютно противоречащие друг другу вещи. Язык был важнейшим средством связи человека и пространства лагеря, именно он выступал эквивалентом системы кровообращения в социальном организме Концентрационного мира, связывая все части этого организма воедино и позволяя им существовать. Именно поэтому инструментализация языка со стороны реальности лагеря была доведена до абсолюта, так как от этого зависели очень многие процессы.

¹ *Wesołowska D.* Słowa z piekieł rodem. Kraków, 1996; *Oschlies W.* «Lagersprache»: Soziolinguistische Bemerkungen zu KZ-Sprachkonventionen // *Muttersprache: Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache.* 96 (1986); *Warmbold N.* Lagersprache: zur Sprache der Opfer in den Konzentrationslagern Sachsenhausen, Dachau, Buchenwald. Bremen: Hempen, 2008; *Liljeqvist J.* Es gebührt dir zu sterben. Untersuchungen zur mündlichen Kommunikation in den nationalsozialistischen Konzentrationslagern; *Accadia D.* La lingua nei campi nazisti della morte // *I sentieri della ricerca. Rivista di storia contemporanea.* 9–10, Edizioni centro studi «Piero Ginocci». Crodo, 2009; *Chiapponi D.* La lingua nei lager nazisti. Carocci editore, 2004.

² *Конопатченков А.В.* Концлагерь Маутхаузен. 1938–1945 гг. М., 2015. С. 54–55.

Указанная особенность касается не только лексического, но и внутреннего строя языка.

Язык лагеря складывался из четырех основных составляющих: молчания, собственно лексики, голоса и жеста. Начать следует с того, что Концентрационный мир был пространством молчания. Или даже не молчания, а немоты. Андре Неер отмечал, что «Освенцим — это прежде всего немота», а Ури Цви Гринберг называл узников лагерей «страдниками немоты»¹. Немота — это особое состояние, сублимация молчания. Для понимания природы такого молчания следует помнить, что оно не является безмолвием (отсутствием звука), за которым нет мыслей, требующих вербального выражения, а отсутствие именно слов, речи, и именно в тот самый момент, когда потребность говорить является абсолютной. То есть в лагере молчание становится специфической категорией языка.

В немоту узник заключен так же, как, собственно, в сам лагерь, а затем и в тело. Избавиться от последнего — значит умереть, то есть утратить связь с собой предыдущим; прервать молчание означает примерно то же, особенно если понимать заключенного как целокупность лагерного опыта. Даже не опыта, а «опытов», зачастую противоречащих друг другу и порождающих разные формы молчания. Агнеш Хеллер делает попытку выделить эти опыты и указывает на несколько видов молчания: молчание бессмысленности, немота ужаса, молчание стыда и молчание сознания собственной вины. Молчание сознания вины происходило оттого, что жертвы в лагере гибли, а мир не обращал внимания. Молчание стыда возникает из-за невозможности говорить о невыразимом, а немота ужаса — это молчание беспомощности. «Самое глубокое молчание — это молчание бессмысленности», — пишет она, — так как происходящее в лагере «абсолютная бессмыслица... которую невозможно ни объяснить, ни понять», и поэтому «даже

¹ Неер А. Немота Освенцима. За пределами понимания. Богословы и философы о Холокосте. Киев, 2009. С. 50.

в ретроспективе невозможно интегрировать в историю, даже в качестве самого ужасающего ее эпизода»¹.

Молчание в лагере было языком непрерывной боли, пронизывающей и определяющей лагерное бытие, о чем уже говорилось выше. Язык внезапной боли — крик; язык постоянной боли — молчание как фиаско речи. Выход за пределы такого молчания, порождающего замкнутое пространство, означает начало тотального непонимания самого себя и окружающих. То есть молчание становится единственным условием сохранения себя в целостности. Ибо чем больше человек говорит, тем отчетливее он убеждается, что слова не только не способны передать содержание и смысл пережитой травмы, но деформируют, разрушают его самого. Тотальный ужас, который в категориях Платона равен только самому себе, постигается, выражается и преодолевается только тотальным, онтологическим молчанием, которое также равно только себе.

Продолжая приводившуюся выше мысль Д. Агамбена, говорившего о том, что настоящий свидетель в лагере — это тот, кто погиб, следует отметить, что это же касается и молчания. Настоящий выживший (еще живой) свидетель молчит, ибо только в этом состоянии возможно истинное понимание того, что приходилось переживать в лагере, понимание, не предназначенное для передачи. Лагерный опыт не может быть высказан, он блокирует артикуляцию, поэтому этот опыт может быть только показан в реальности. Раны, лохмотья, грязь можно предъявить как стигматизаторы опыта, но нельзя описать. Как справедливо замечает Ж. Амери, «слово всегда почивает и умолкает там, где действительность предъявляет свои тотальные права»². Таким образом, молчание требует гораздо больших усилий, нежели речь.

¹ Хеллер А. Можно ли писать стихи после Холокоста? URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/3/he26.html>.

² Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одолеть. М., 2015. С. 48

В повседневной жизни молчание онтологически предваряет возможность языка, является необходимым условием последнего, придает словам их собственный вес. В молчании мысль обретает законченную форму перед вербализацией, молчание является, по словам М. Хайдеггера, «истокom речи». В немоте лагеря молчание, напротив, обозначает конечные пределы языка. В этом молчании человек, по точному определению Л. Витгенштейна, «наскакивает на границы языка»¹, слово немoty расширяется до боли, страдания, ужаса, переживания своей и чужой смерти, достигая в этом расширении предельной соотнесенности с понятием.

Здесь важно понимать, что даже то, что так или иначе говорится в лагере, все равно относится к области молчания: кричащий от боли, от ужаса неизбежного конца человек, грязно ругающиеся и отдающие приказы эсэсовцы и сами узники ничего этим не объясняют, не толкуют, не выражают, не жалуются, не осмысляют. Бессилие слов, эквивалентных молчанию, вызывает к жизни физическое действие, насилие. Палка, кнут, плеть в лагере начинают выполнять функции речи, поэтому кнут так и назывался — «der Dolmetscher» — «переводчик». «С тех пор (с момента получения номера. — Б.Я.) мы уже не знали ни имени, ни фамилии, мы не были люди, а скот, — вспоминала узница Освенцима А. Касьянова. — Никто к нам по-человечески не обращался. Все отношения и объяснения были не на языке, а на палке»².

Молчание в форме немoty, таким образом, становится особым пространством выражения того, что представляет собой физическое, телесное, ментальное пространство человека в лагере. Молчание, форма и содержание которого формируется предельными состояниями человека, становится наполненным глубоким смыслом молчанием, молчанием, обо-

¹ Цит. по: Бибухин В. Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005, С. 320.

² Касьянова А.С. Помни имя свое (воспоминания узницы концлагеря Освенцим). URL: <http://slavhistory.ru/article/read/pomni-imja-svoe--vospominanija-uznicy-konclagerja-osvencim.html>.

значающим границы пространства, в которое в значительной степени переходит личность человека. Ощущение особости этого пространства усиливается молчанием Бога, ощущением богооставленности, неспособности осознать то, что возможно сосуществование Бога и Освенцима. «Боже мой, Боже мой, для чего ты меня оставил» (Мк. 15: 34) — так мог бы воскликнуть любой узник лагеря. Только в пространстве этого молчания у узника лагеря становятся возможны связи между вещами и явлениями, ибо повседневная жизнь лагеря — это пространство тотальной невозможности — невозможности речи, мысли, рефлексии, осмысленного действия.

Молчание было самой содержательной формой языкового выражения лагеря, оно приобретало роль исходного пункта и фундаментального принципа остальных форм языка, служило главным языком, однако оно не создавало интерсубъективные связи. Поэтому их создавали или даже учреждали другие языки лагеря. Прежде всего язык жеста, который был отдельной формой коммуникации в пределах колючей проволоки. Лагерный язык в полноте его форм в целом был по преимуществу языком жеста, под которым следует понимать коммуникативный акт, осуществляемый при посредстве невербального знака, при этом роль последнего может играть любое телодвижение. Именно и только с помощью жеста можно было преодолеть противоречие между молчанием (немотствованием) и вынужденной необходимостью общения с окружающими узниками и эсэсовцами.

При этом тотальное, онтологическое молчание приводило к тому, что жест, поглотивший слова, встроивший их в движения тела, обретал глубокий смысл, превращался из просто сообщения в особый знак, складывающийся в семантическую языковую систему, в рамках которой слова также становились жестами. Не случайно после освобождения бывшие заключенные узнавали друг друга по особой манере есть, находиться за столом, по отношению к пище, по походке и пр. Именно жесты как язык являются мощным средством объединения узников

в сообщество, и только данная форма языка, подчеркивая молчание узника и зрелищно оформляя его самовыражение, делает из него трагическую фигуру. Именно жест как язык являлся эффективным средством отчуждения узника от общеупотребительного, в данном случае немецкого, языка. Важным достоинством жеста как языка является его консервативность и оттого универсальность — жест в большинстве случаев понятен любому собеседнику.

С жестом и его значением в роли языкового средства, инструмента для передачи смысла тесно связан и «телесный язык» узников, прежде всего характер позы. Свободная, легкая поза, «прямо стояние», всегда была показателем внутреннего преодоления себя, символом независимости и свободы, изменение же позы серьезно влияло на характер жестикуляции и было отражением тех внешних влияний, которые испытывает человек. Не случайно одним из ключевых показателей возраста и связанных с ним душевных качеств и физических состояний является стройность/выпрямленность — символ молодости, широты, стойкости, смелости (поэтому такое внимание в армии уделяют выправке) или согбенность/сутулость/скрюченность, выражающие упадок духа, подавленность, покорность неизбежному. Прямая поза отражает внутреннее равновесие человека, естественное стремление человека вверх. Внутреннее освобождение человека не случайно часто характеризуется термином «распрявление», обретение достоинства сопровождается физическим выпрямлением и наоборот.

Ключевыми особенностями позы узника концентрационного лагеря закономерно были сгорбленность, сжатость, ушедшая глубоко в плечи голова («спина не выпрямляется, всегда согнута»¹), что было резким контрастом с эсэсовцами, имевшими идеальную выправку и смотревшими прямо. Согнутое тело узника транслировало стремление спрятаться, демонстри-

¹ Фритц М. Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау. http://militera.lib.ru/memo/other/fritz_m/04.html.

ровало постоянное ожидание удара — не будучи в состоянии сопротивляться во время избиения, человек инстинктивно наклоняется и сжимается, защищая переднюю часть тела, которая более уязвима и болезненна, чем спина и плечи. Поза была сигналом для распознавания своих, степень согбенности отражала уровень поглощения человека лагерем (не случайно самыми сутулыми, скрюченными были лагерные мусульмане). В целом же согбенная поза узника отражала невозможность стоять прямо в пространстве лагеря.

Постоянно согнутое тело скрывало взгляд, направленный «в себя» и вниз, под ноги, так как установка, которую Б. Беттельгейм сформулировал формулой «не смей смотреть», была всеобщей в Концентрационном мире. Во время отбора узников для казни в Сырецком лагере, как свидетельствовал А. Кузнецов, «ни в коем случае не следовало смотреть ему (эсэсовцу. — Б.Я.) в глаза: он мог уставиться на кого-нибудь и выдернуть без счета просто за то, что ты ему не понравился»¹. Одна из узниц Биркенау писала: «Раб не имел права взглянуть на своего господина. Здесь я поняла, почему это происходит. Властелин боится глаз им униженного. Поэтому униженный должен приближаться к своему господину согбенным, дабы у того не возникло мысли, что перед ним тоже человек. В Биркенау заключенные не могут «смотреть». Глаза имеют свой тайный язык. «Чего он выпучил глаза, этот отвратительный тип?» И — бац! — удар по лицу»². «Ты можешь замечать только то, что мы хотим, чтобы ты видел, и ты умрешь, если будешь наблюдать происходящее, исходя из своих внутренних побуждений»³, — писал Б. Беттельгейм. Поэтому поза и формы ее изменения становились еще одним невербальным способом саморепрезентации, разновидностью «общения телом» — последнее в лагере доходило до высшей степени чувствительности.

¹ Кузнецов А. Бабий Яр. М., 2010. С. 340.

² Фритц М., Юрза Г. Да здравствует жизнь! URL: http://militera.lib.ru/memo/other/fritz_m/index.html.

³ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 76.

Что касается обычного языка лагеря (о нем уже говорилось выше), то это было явление тоже очень своеобразное, «лагерный эсперанто, невообразимая смесь разноразличных слов, мимики и жестов»¹, лексика которого была «рудиментарной, жестокой и лишенной всякой абстракции»². Он имел особое название — «*Lagerszpracha*» (нем. «лагерная речь»). Основой этого языка был, разумеется, немецкий, кодифицированный администрацией лагерей язык, азы которого должны были знать все узники, так как приказы отдавались на нем, а полное или частичное непонимание приказа грозило гибелью. Как отмечал один из узников Майданека, «немецкий язык должен был не только главенствовать, а исключать все языки»³. Немецкие слова и термины использовались для описания и переописания тех или иных реалий и для обозначения топографических деталей лагеря и должностей. Основная задача этого языка состояла во включении всех происходящих событий, субъектов и объектов лагеря в полностью контролируруемую систему тотального подчинения.

В воспоминаниях бывших узников за десятки лет после освобождения из лагерей эти термины так и не были заменены, так как аналогов им не было подобрано. Здесь необходимо вернуться к уже приводившемуся выше свидетельству узника Маутхаузена Н. Киреева: «Первый лагерь был Гроссберен. Это штрафлагерь под Берлином. Там такая система: два месяца, потом *энтлассен* (*Entlassen* (нем.) — «выпускать»), как они говорят. Дескать, ты отсидел достойно, значит, идешь на свободу»⁴. Очень точно описывает язык лагеря бывшая заключенная В. Габи: «Лексическое поле лагеря — это не немецкий язык,

¹ Цуркан Ю. Последний круг ада. М., 2017. С. 289.

² Interpreting in Nazi Concentration Camps. Edited by Michaela Wolf. With an essay by Primo Levi. Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2016. P. 43.

³ Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 157.

⁴ Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 217.

а смесь языков, здесь немецкий, русский, чешский, словацкий, венгерский, польский и французский языки. Этот язык дает названия, разбивает на квадраты непостижимую реальность вне себя самой, вне лагеря, проникает, как свет факела, в каждый закоулок. Это язык концлагеря, узнаваемый от Равенсбрюка до Освенцима, до Торгау, до Цвоты, до Рехлина и Кенигсберга... В эту ночь и во все последующие дни будут возникать образы без названий, как не было названия лагеря в тот вечер, когда они приехали, как нет у новорожденного названий тому, что он видит.

Возникнут также звуки без образов: «красный треугольник», «черный транспорт», «рожистое воспаление», «подзатыльники», «розовые карточки», «НН» (новорожденный), «штубова», «блокова», «штрафблок», «арбайтсаппель», «шмукштюк», «ферфюгбар», «шляге», «ревир», «командо», «югентлагер», «лагерплац», «швайнерайле», «вашраум», «ауфштеен», «шайсеколонне», «планирунг», «шрайбер отине», «кэлёр», «лоизо». Теперь нужно пройти обучение — связать звуки с образами. Придать смысл фонемам. В первое время это невозможно, даже если Мила понимает, что такое «гаус», поскольку она жила в оккупированной Франции, даже если по примеру других на крик (цуфюнт) она становится в колонну по пять на платформе в Фюрстенберге — всегда есть хоть одна женщина, которая знает немецкий и начинает движение»¹.

Самой сложной задачей было именно «связать звуки с образами», то есть сделать слова отражением реальности, или, по словам В. Бибихина, «сделать язык средой человеческого обитания»². Однако фантазмагорическая реальность Концентрационного мира не имела смысловых аналогов в языке, а сам лагерь не был средой человеческого обитания — он был территорией длящейся смерти (узница Освенцима Б. Сокольская точно называет свое движение по концентрационным лагерям

¹ Гоби В. Детская комната. Харьков — Белгород, 2016.

² Бибихин В. Мир. Язык философии. СПб., 2015. С. 159.

«путешествием по смерти»¹). Для того чтобы отразить в языке эту территорию, пришлось бы создать принципиально новый язык, эквивалентный внутренним явлениям, который просто не успел возникнуть, — родилось лишь нескольких совершенно новых терминов. Среди них, как говорилось выше, термин «Аушвиц» (вернее, истолкование его этимологии), обозначение крайнего состояния узника — «мусульманин», должности — «капо», вещевого склада — «канада». Этимология последних двух терминов неясна, но характерно то, что их источники ищут одновременно в нескольких языках.

В результате начинаются деформации существующих языков, немецкая лексика, бывшая основой языка лагерей, используется очень своеобразно. То есть привычные слова часто лишались первоначального содержания, сохраняя только фонетическую форму. Подавляющее большинство узников до прибытия в лагерь не были знакомы с немецким языком и теперь усваивали немецкие термины со слуха, как лексическое обозначение тех или иных процессов или состояний, не задаваясь вопросами об истинном значении указанных терминов и соотнося это звукосочетание лишь с теми ощущениями, причем зачастую физическими ощущениями, которые они переживали.

С целью приспособить этот язык к пониманию и сделать его адекватным отражением реалий, многонациональная масса узников существенно видоизменяла лексику и понятия, искажая внешние формы слов или наполняя старые слова новым, иным значением. Изменять (порой до неузнаваемости) первоначальную форму и значение немецких слов помогало их полное или частичное сочетание с другими языками. Так, немецкий термин «die Aufseherin» («надзирательница») с помощью суффикса превратился в «русско-немецкое» слово «ауфзеерка», которое можно найти во всех мемуарах выживших советских узниц. Словосочетание-обращение «Liebes Fräulein» (нем. «дорогая»)

¹ Шаховская А. Я прошла Освенцим. Иерусалим — М., 2015. С. 33.

превратилось в русском (и не только) варианте в «ляба» — этим термином также именовали надсмотрщиц в женской среде лагерей. Терминами «челя» (нем. schälen — «очищать») называли картофелечистку, «гума» («гумма») (нем. Gummi — «резина, резиновый») — шланг с рукоятью, наполненный дробью, который использовался для избия узников, и т. д.

При этом важно иметь в виду, что узники не всегда знали точный перевод оригинального термина с немецкого, что приводило к полному развоплощению понятия. Кроме того, искусственные деформации немецкой лексики были обусловлены (сознательно и бессознательно) нежеланием многих узников говорить на одном языке с эсэсовцами — убийцами и насильниками, ибо такой разговор был моральным мучением. Эли Визель писал, что заключенные вставали перед необходимостью «придумать другой язык», так как не знали, каким образом можно «реабилитировать и очеловечить преданную, испорченную, извращенную врагом речь»¹.

Немецкий язык в целом (под языком в данном случае подразумевается не только лексика, но и весь комплекс понятий и образов, связанных с ним) насаждал извне в лагерную среду понятия и представления, которые не успевали усваиваться этой средой и оставались чуждыми, понятыми превратно или не до конца. Администрации лагерей было выгодно, чтобы немецкий язык оставался непонятен, так как это избавляло эсэсовцев от двусмысленности и необходимости истолкования или уточнения сказанного. В результате немецкий язык проводил четкую границу между миром администрации и охраны лагеря (сфера понимания) и миром заключенных (сфера непонимания) и становился действенным средством управления узниками и установления порядка.

Попытки нащупать новый, адекватный переживаемым состояниям и наблюдаемой реальности язык видны и в имевшем широкое распространение своеобразном «черном юморе» ла-

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 9.

геря. О роли юмора (в том числе и «черного») в жизни узников концентрационных лагерей упоминает в своей работе «Сказать жизни «Да» В. Франкл¹, есть отдельные исследования на эту тему Х. Островер² и С. Липмана³. Однако две последние работы посвящены «защитной» функции юмора, на что, в частности, указывает само название работы Островер — «Это позволило нам выжить».

Но в контексте рассматриваемого сюжета речь должна идти о юморе, когда его источник неясен или в привычных категориях отсутствует, о смехе, когда не смешно, о смехе как инструменте, позволяющем создать новый описательный механизм и понятийный аппарат⁴ (похожим образом описывала реальность смеховая культура древнерусского юродства). Д. Лихачев вспоминал, как у него возник такого рода «смех без смеха» после прибытия на Соловки. «То угрожающе надвигаясь на нас, то отступая, принимавший этап Белоозеров ругался виртуозно. Я не мог поверить, что кошмар этот происходит наяву... Когда я рассмеялся (впрочем, вовсе не от того, что мне было весело), Белоозеров закричал на меня: «Смеяться потом будем», но не избил...»⁵ То есть юмор (смех) позволял вывернутую наизнанку реальность лагеря вывернуть в языковом смысле еще раз, обратно, сделав ее тем самым доступной для восприятия, ибо смеяться можно над тем, что цепляет сознание, возбуждает интерес к описываемым явлениям. Абсолютную иррациональность Концентрационного мира можно было вернуть к рационализму только через юмор. Таким образом, смех и юмор были языковым выражением одной

¹ Франкл В. Сказать жизни «Да». Психолог в концлагере. М., 2015. С. 86.

² Ostrower Ch. It kept us alive. Humor in the Holocaust. Jerusalem, 2014.

³ Lipman S. Laughter in Hell: Use of Humor During the Holocaust. Tel-Aviv, 1991.

⁴ С этой точки зрения реальность Концентрационного мира можно в категориях М. Бахтина обозначить как «контркарнавальную культуру».

⁵ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 145.

из форм жизни лагеря, выражением, проверявшим реакции человека и в целом самого человека на жизнеспособность. Способность смеяться и воспринимать юмор становилась важным «признаком жизни».

Говоря о смехе как об одной из форм языковой реальности лагеря, необходимо указать на то, что почти каждая ситуация в лагере провоцирует аудиторию к смеху (отдельно о таких ситуациях пойдет речь в главе об абсурдистской реальности лагеря), то есть к традиционному и привычному языковому взаимодействию. Эти ситуации по внешним признакам действительно смешны, часто своей гротескной нелепостью (например, на крышу крематория в Дахау кто-то из эсэсовцев установил скворечник), но смеяться в буквальном, общепринятом смысле над ними могли только те, кто не видел стоящей за происходящим трагедии или притерпелся к ней. Во всех остальных случаях смех становился внешней формой выражения своей противоположности, то есть плача, рыдания, которые были не в состоянии адекватно выразить наблюдаемое и переживаемое. Таким образом, смех, максимально неестественная реакция на травматический опыт в повседневной жизни, в лагере семантически совпадал с неестественной ситуацией и тем самым становился единственной адекватной реакцией на происходящее. То есть смех являл сохраненную возможность альтернативного, стереоскопического восприятия реальности.

Однако защитная, симптоматическая функция юмора (смеха) имела и свою оборотную сторону, на которую обращает внимание филолог Г. Гусейнов. Он считает, что смех был знаком отказа от рефлексии, попыткой «словесно разрушить ситуацию», сделать юмор «формой позитивной словесной агрессии». Однако как только ситуация становится переописанной в смеховых категориях, она оказывается в тупике, так как это переописание «закрывает путь к позитивистски-нормальному анализу этой ситуации. Ты уже все понял, тебе уже все стало ясно. Сделать ты все равно ничего не можешь, и ты ни за что не хочешь бороться». В итоге юмор, по мнению Г. Гусейнова,

приобретал просто функцию «сигнала к опознаванию тебе подобного»¹.

Особое внимание следует обратить на язык эвфемизмов, язык «для внешнего употребления» как инструмент «обезвреживания» реальности, придания ей нейтрального, формального характера бюрократической процедуры. Этой терминологией подменялись главным образом обычные слова и словосочетания, обозначающие уничтожение узников. Среди этих эвфемизмов — «сопровождение», «специальное лечение», «особый подход», «окончательное решение», «особое размещение», «особая обработка», «особое обхождение», «особые мероприятия», «действия по перемещению», «этот сектор» (так, например, Эйхман называл умерщвление в газовых камерах) и т. д. П. Полян обращает внимание на два характерных и труднопереводимых термина «Lebensentziehung» и «Entwesungskammer»². Первый, встречающийся в технической документации газовых камер и крематориев, можно перевести как «жизнелишение», «отрешение от жизни», «жизнеотъятие». Вторым термином обозначались газовые камеры, и перевод этого слова («камера для избавления от существования») чрезвычайно характерен в рамках рассматриваемого сюжета.

Данная терминология, ставшая целым пластом языка лагеря, по мнению одного из авторов коллективной монографии, посвященной роли переводчика в Концентрационном мире, «представляет собой весьма загадочный лингвистический регистр». Одной из задач этого регистра было выразить в языке процедуры массового уничтожения людей и технологии этого уничтожения, но выразить максимально нейтрально, так, чтобы это событие не выходило за нормативные пределы общепринятого событийного ряда или смысл его вообще не был понятен. В результате был создан внешне нейтральный,

¹ Гусейнов Г. Я вижу этого человека. Беседа с У. Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017. С. 24.

² Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018. С. 15.

обыденный язык, который использовался в официальных документах и в общении между администрациями лагерей, но его истинный смысл был понятен только «посвященным» в лагерях и «тем членам гитлеровского правительства, которые были причастны к массовому уничтожению людей»¹. С. Лем справедливо отмечает, что язык эвфемизмов «был попыткой согласовать несогласуемое. Немцы, благородные арии, истинные европейцы, герои-победители, оказывались убийцами беззащитных людей; первое — на словах, второе — на деле. Вот почему понадобился внушительный словарь переименований и фальсификаций, таких как «Arbeit macht frei», «Umsiedlung», «Endlosung» и прочие эвфемизмы кровопролития»².

Усиливало воздействие этого языка на сознание и то, что масштаб массовых убийств заставлял бесконечно повторять одни и те же языковые формулы, которые от постоянного использования становились клишированными, то есть общим местом, банальными по форме и тоталитарными по сути. В результате вновь возникал абсолютно инструментальный язык, вернее его регистр, который выполнял свою главную задачу — быть одной из главных движущих сил системы, а не отображать, фиксировать и оценивать действительность. Движение слов отражало и направляло движение масс, тоталитарная сущность языка отражала «абсолютную власть» (В. Софски). Поэтому вполне закономерно очень многие партийные функционеры, ответственные за «окончательное решение еврейского вопроса», а также технический персонал и сотни других, кто не занимался непосредственно уничтожением людей, долгое время не догадывались о происходящем или не ощущали масштаб, который в их представлении не выходил за пределы

¹ Interpreting in Nazi Concentration Camps. Edited by Michaela Wolf. With an essay by Primo Levi. Bloomsbury Academic. An imprint of Bloomsbury Publishing Inc., 2016. P. 66.

² Лем С. Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.

стандартных военных потерь, но тем не менее четко обслуживали систему уничтожения.

Следующая задача данного регистра заключалась в том, чтобы в данной терминологии совершить не просто подмену понятий, влекущих за собой изменение реальности (например, «рак = приговор» — «опухоль = надежда», «враг = борьба» — «инакомыслящий = дискуссия» и пр.). Цель была масштабнее — уже не скрыть, а переописать, подменить реальность в пределах Концентрационного мира опять же с помощью новых, именно особых категорий (слово «особый», как мы видели выше, встречается наиболее часто), стереть ужас и возмущение, то есть внутреннее сопротивление, возникающее в сознании при осмыслении факта массовых убийств, причем стереть тотально, так, чтобы исключить их возвращение в обиход.

Таким образом — с помощью языка и в языке — убийства сотен тысяч людей в лагерях (из которых многие к моменту гибели уже утратили все признаки человека, то есть просто существовали как биологические объекты) переставали быть чрезвычайным происшествием и катастрофой, а становились именно «особым подходом», «особым мероприятием» и «особым размещением», а биологические объекты всего лишь «избавляли от существования», существования весьма мучительного, избавление от которого было благом. Все это выглядит особенно рельефно, если учесть, что нигде и никогда нацистским руководством не заявлялось, когда время массовых убийств должно быть завершено¹, так как в описанной выше языковой системе никаких убийств не было. Таким

¹ Однако вопрос об участии убийц и палачей из лагерей после окончательной победы нацизма ставился. По некоторым замыслам в случае победы они должны были стать своеобразными «элитными изгоями». Предусматривалась их изоляция путем создания особого замкнутого ордена за пределами Германии, в Бургундии, где они должны были стать элитой для поработанных народов. См.: *Макарова Л.М.* Смерть в мировоззрении национал-социализма // *Смерть как феномен культуры*. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994. С. 145.

образом, новый язык оформлял не временное, а постоянное явление, именно в Концентрационном мире создавался новый язык «Тысячелетнего рейха», который в случае победы последнего должен был стать повседневным языком государства.

Таким образом, подобные языковые приемы были необходимы, чтобы нацистская система расчеловечивания и истребления работала безупречно. Эти приемы, согласно общей идее В. фон Гумбольдта, который в своей философии языка отождествлял язык с энергией, то есть созидательной силой, а не объективированной природой, собственно, и создавали реальность существования этой машины. Однако внешне «нейтральный» язык, порожденный в кабинетах Концентрационного мира, все равно, как уже говорилось, оставался тоталитарным, репрессивным языком и внешне, и внутренне («энергетически») и поэтому имел жесткую, принудительную внутреннюю логику, которая уже неизбежно вела и непременно привела бы к «окончательным решениям» и «особым размещениям» миллионов людей, еще не охваченных системой концентрационных лагерей.

Тем не менее указанные языковые приемы существенно помогали всем обитателям Концентрационного мира — от узников до охраны — включить механизм самоиммунизации, чтобы избежать конфликта с самими собой, так как благодаря этим приемам (подменам) формировались люди, которые видели действительность, страдания, насилие, смерть, но не только не понимали, не чувствовали, не ощущали, не переживали их, но и становились носителями и пользователями идеологии, которая приводила к этим страданиям. Эта же терминология надежно и надолго ограждала сознание исполнителей от личностных деформаций, связанных с осознанием содеянного. Даже спустя много лет защитник Эйхмана на знаменитом процессе называл стерилизацию людей и их уничтожение в газовых камерах «медицинскими процедурами» и пояснял: «Это

была процедура умерщвления, а умерщвление же является и медицинской процедурой»¹.

Все это означает, что массовые убийства, ставшие возможными в значительной степени благодаря языку, превращались в естественную часть окружающей реальности, становились одним из необходимых условий поддержания ее функционала, то есть просто деталью, «особой деталью» огромного и разветвленного механизма, лишенной, как любая деталь машины, всякого метафизического и онтологического содержания. Стоит обратить внимание на то, что данная эвфемистическая терминология была со временем неизбежно заимствована узниками из языка эсэсовцев. Это отражало одновременное заимствование у последних и их картины мира, и идей, связанных с терминами, а также невольное сближение двух разнополюсных миров лагеря — сближение, которое было отмечено во многих свидетельствах очевидцев². То есть узники благодаря языку становились носителями и пользователями идеологии Концентрационного мира.

Поскольку в лагере сталкивались десятки национальностей и большинство их представителей не знало иностранных языков, сложились группы универсальных слов и выражений из разных языков: немецкого, французского, итальянского, польского, использовавшихся для общения между узниками различных национальностей или в качестве обозначений предметов и явлений. Так, лагерные ворота именовались «брама» (от украинского или польского «brama» — «ворота»), маленькую пайку называли «птюшкой» (от французского «petit» — «маленький»), полосатую одежду узников в славянской среде обозначали словом «рябчик» (от украинского «у рябчику» — в переносном смысле «в полоску»). Термин «caracho» (рус. «хорошо») в Бухенвальде использовался в разных значениях.

¹ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008. С. 113.

² Наиболее подробно это сближение и его формы описал Б. Беттельгейм. См.: Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 78–80.

«Caracho-hund» (нем. Hund — «собака») было оскорблением, а «mit caracho!» (нем. mit — предлог с) означало приказ «Быстрее!». Часть пути между железнодорожной станцией и воротами Бухенвальда называлась «Carachoweg», так как эсэсовцы, гнавшие вновь прибывших узников к воротам лагеря, подгоняли их криками «mit caracho»¹.

А.В. Конопатченко подчеркивает, что «самым распространенным и интернациональным явилось использования различного рода ругательств. Чуть менее популярными были обозначения мест, вещей, отношений и процессов»². От любого языка в лагерном жаргоне оставалась только лексика, используемая для оскорбления и унижения. «Польский... которым нас встретили в конце нашего путешествия, был совсем другим, он не был языком благородного народа... Это был грубый язык, состоящий из проклятий и ругательств, которые мы не понимали; это был, по сути, язык ада: немецкий, конечно, был еще более адским... Польский был языком небытия»³. Таким образом, язык лагеря был унифицированным и перформативным, то есть состоял преимущественно из высказываний, которые являются действиями, а не просто описывают их.

Очень важна была и интонация говорящего, которая играла роль определений, тем самым архаизируя язык, отбрасывая его к истокам, лишая его, например, определений и наречий (например, применяемые к слону или мыши определения «боль-

¹ Полного, систематизированного и тем более толкового словаря языка нацистских концентрационных лагерей не существует. Однако некоторую помощь могут оказать краткие подборки основной лексики лагерей, среди которых — русскоязычная публикация «Язык концлагеря. 44 слова» (URL: <http://tastorona.ru/articles/11>) и англоязычная «The Language of the Camps» (URL: <https://www.jewishgen.org/forgottencamps/general/languageeng.html>).

² Конопатченко А.В. Концлагерь Маутхаузен. 1938–1945 гг. М., 2015. С. 55.

³ Toaff D., Ascarelli E. Rückkehr nach Auschwitz. Interview mit Primo Levi // Levi P. Bericht über Auschwitz. Philippe Mesnard, ed. Berlin: BasisDruck, 2006. P. 112.

шой» или «маленькая» обычно подчеркиваются повышением или понижением тона, но определения можно легко изъять, если интонацию перенести на сам описываемый предмет). Именно тон, интонация не только становились определениями тех или иных слов, особенно ругательств, но и затрудняли понимание. «Не все новички вообще понимали, о чем их спрашивают эсэсовцы, в таком тоне шел разговор. Например, одному немцу проорали: «Какая б... родила тебя, ублюдка?», что означало «Как фамилия твоей матери?». А между тем этого человека произвела на свет женщина, которая получила от Гитлера «материнский крест в золоте»¹. По интонации узнавали ветеранов лагеря: они «говорили другим тоном — резким, грубым, жестким»². С помощью интонации язык перестает использоваться для познания явлений и начинает служить средством присвоения ярлыков. Интонация должна была подчеркивать особый характер высказываний эсэсовцев, отличие их языка от языка массы узников, его действенный, прикладной, активный характер — и в конечном итоге повышать уровень внушаемости узников.

То есть особую роль в языке лагеря начинает играть голос, который мы назовем «субъязык», то есть язык в языке. Голос (крик) в лагере в значительной мере обгоняет слово и следующее за ним действие, побуждая узника подчиняться еще до того, как желание подчиняющего будет вербализовано. Голос (крик) становится главным, он захватывает речь, превращается в самостоятельное средство насилия, в «насилие вслух». Здесь можно провести аналогию роли голоса в управлении узниками с ролью распространенной в Древней Руси в X—XI веках так называемой шумящей плети в управлении конем. Шумящая плеть имела свободно висящие железные пластины, закрепленные на рукояти плети у основания кожаного кнутовища.

¹ Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М., 1987. С. 259.

² Вахсман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017. С. 484.

При встряхивании плети всадником они издавали характерный шум, после которого следовал удар кнутовища по конскому крупу. Спустя непродолжительное время конь начинал связывать шум и удары, и было достаточно просто встряхнуть плеть, чтобы он пошел быстрее.

Голос (интонация, уровень звука) оформляет социальную и политическую структуру лагеря, отражая глобальные процессы. Режиссер Э. Рязанов в своих воспоминаниях обращал внимание на то, что советские руководители, принимая посетителей, говорили очень тихо, на пределе слышимости, заставляя подчиненного или гостя слушать очень внимательно¹. В одном из племен в Буркина-Фасо вожди говорили так тихо и таким низким голосом, что даже существовал переводчик речей вождя для всех остальных². В лагерях в этой же логике общение происходило только на повышенных тонах, в крике, даже когда в этом не было никакой нужды.

То есть в первых двух случаях говорящий «притягивал» к себе слушателя, вовлекал его в круг общения, в последнем случае говорящий «наступал» на слушателя, выбрасывал его из круга общения, выталкивал в немоту, четко стратифицируя социальное пространство лагеря и приводя слушателя к разложению и гибели. «Голос поглощает букву, — писал М. Доллар, — разделение распадается. Распадение этого различия неизменно приводит к... появлению «голой жизни», жизни, которую любой может безнаказанно убить»³. Голос (крик) становился важнейшим маркером власти лагеря, ее знаком, предшественником насилия и смерти, амбивалентным молчанию, которое требовалось перекричать.

Таким образом, главной задачей двух последних составляющих языка в лагере было не создание круга общения, а принуждение «собеседника» к подчинению, унижение, раз-

¹ Рязанов Э. Неподведенные итоги. М., 1989. С. 178.

² Доллар М. Голос и ничего больше. СПб., 2018. С. 253.

³ Там же. С. 258.

рушение личности другого, то есть язык выпадал за пределы применимости критериев истинности или ложности и превращался в набор клише, ежеминутно подтверждающих и утверждающих статус узника. В этих условиях сами критерии становились прерогативой первой составляющей — молчания. Перформативный язык возникал именно потому, что существовало молчание, которое захватывало смыслы и содержательность. Все остальное доставалось примитивным формам речи, которые в большинстве случаев не просто являлись вербальными действиями, но непременно сопровождались и физическим действием: оскорбления — ударами, приказы — пинками и толчками, угрозы — выстрелами. То есть сопровождались насилием, которое по определению отрицает речь, становится на ее место.

Таким образом, вербальный и звуковой язык лагеря, лишенный мысли и содержания, обобществленного молчанием, являлся мертвым, опять же тоталитарным языком. Этот язык максимально противостоял тому языку, который был за пределами лагеря, — языку домашней повседневности, языку литературы, искусства, того социального слоя, к которому принадлежал ранее заключенный, противостоял его интонационной окраске, что неизбежно стимулировало молчание и становилось еще одним фактором деформации узника. Не случайно посторонние, присутствующие при разговоре двух узников, плохо понимали, о чем идет речь, или не понимали вообще.

Это непонимание формы и содержания общения узников точно показано у Б. Окуджавы в рассказе «Девушка моей мечты» на примере общающихся между собой двух бывших заключенных советских лагерей — матери главного героя и их соседа Меладзе. «Присаживайтесь, — сказал я и подставил ему стул. Он уселся напротив. Он тоже положил руки на свои колени. Сумерки густели. На фоне окна они казались неподвижными статуями, застыв в одинаковых позах, и профили их казались мне сходными. О чем они говорили и говорили ли, пока я выбегал в кухню, не знаю. Из комнаты не доносилось ни звука.

Когда я вернулся, я заметил, что руки мамы уже не покоились на коленях и вся она подалась немного вперед, словно прислушиваясь. — Батык? — произнес в тишине Меладзе. Мама посмотрела на меня, потом сказала: — Жарык... — и смущенно улыбнулась. Пока я носился из кухни в комнату и обратно, они продолжали обмениваться короткими непонятными словами, при этом почти шепотом, одними губами. Меладзе цокал языком и качал головой»¹.

Любой социум или отдельная социальная группа имеет пространство, где язык «проходит обкатку», где складывается вербальный и интонационный строй языка, создается языковая форма действительности. Для античной Греции и Рима таким пространством были агора и форум, для Востока — базар, для христианского мира — литургическое пространство храма и литература, для современного общества это территория СМИ, соцсетей и кинематографа. Для нацистской Германии таким местом стали маршевые поля вместо площадей, а для Концентрационного мира, наоборот, это был аппельплац — главная площадь лагеря, где проводились утренние, вечерние и внеплановые поверки и осуществлялись публичные казни. «Вставали мы в четыре часа утра, — вспоминал узник Освенцима М. Цирульницкий, — «аппель» утром и вечером продолжался часа по три. Производился он во дворе. Особенно мучительным был вечерний «аппель». Здесь же, перед строем, производилась экзекуция над людьми, в чем-либо провинившимися на работе. В дополнение к побоям, полученным ими еще на работе от охраны, во время «аппеля» снова производилось избивание. А иногда человека прямо отправляли в «газ». Особенно свирепый характер носили «аппели», если кого-либо не хватало. «Аппель» тогда продолжался бесконечно»². Так,

¹ Окуджава Б. Девушка моей мечты. Автобиографические повествования. М., 1988. С. 108. Мать Окуджавы была заключенной ГУЛАГа и вернулась оттуда в 1947 году.

² Цирульницкий М. Двадцать шесть месяцев в Освенциме. URL: <http://jhistory.nfurman.com/shoa/grossman019.htm>.

в Освенциме в июле 1940 года после побега одного из заключенных «аппель» длился девятнадцать часов (при стандартной средней продолжительности 2—3 часа). В женском лагере на территории Бжезинки «аппели» несколько раз длились более десяти часов¹.

«Поверка на «аппеле» была единственным событием каждого дня, его главным событием и его сутью, — вспоминал О. Люстиг. — Бывали дни, когда ничего существенного, кроме поверки, не происходило. Еда была распределена и выбрана заранее, на нее можно было не обращать внимания. Но на поверку невозможно было не обращать внимания. С момента попадания в лагерь и до выхода из него только после поверки узник мог сказать, что он в этот день в очередной раз выжил»². Как отмечала одна из узниц Освенцима, «аппель» был «единственным способом удостовериться в своем существовании»³. То есть «аппель» был главным социальным центром лагеря (два других — место работы и барак), его сублимацией, сгустком, пространством полномасштабного общения администрации лагеря и узников. Именно на «аппелях» Концентрационный мир «вступал в диалог» с массой узников, там сталкивались две формы языка — речь и молчание, на «аппелях» происходило формообразование языка лагеря, утверждались поведенческие и речевые нормативы, которые затем транслировались в бараках, во время работы и приема пищи.

В заключение необходимо отметить, что после крушения Концентрационного мира его язык стал для выживших узников самым сильным стигматизатором памяти об ужасах произошедшего. Прежде всего речь идет о немецком языке. Многие выжившие узники, вновь услышав немецкую речь, испытывали

¹ Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978. С.81–82.

² Lustig O. Concentration Camp Dictionary. URL: http://isurvived.org/Lustig_Oliver-CCDictionary/CCD-02_BC.html#B9.

³ Хэзер Макадем. Их было 999 в первом поезде в Аушвиц. М., 2022. С.135.

чувства, близкие к панике. «Я неоднократно наблюдал это, — вспоминал Г. Лангбейн, — когда мои товарищи по несчастью навещали меня в Вене. Ядвига Ландовская, полька, умоляла простить ее за это: «Я знаю, что люди здесь хорошие, но ничего не могу поделать» — как только она услышала, что в Вене говорят по-немецки, ей стало страшно»¹. Такое же стигматизирующее значение имел для выживших и лагерный жаргон, поскольку именно язык остался, в отличие от реальности, непреодоленным, хотя именно он в пространстве лагеря служил инструментом преодоления всех образных, предметных и языковых данностей. К. Доеерр, собравшая свидетельства бывших заключенных, отмечает, что «язык геноцида» сильнее всего отбрасывал последних в прошлое, которые даже спустя десятилетия после освобождения предпочитали, вспоминая о лагере, передавать только коннотативный смысл слов или фраз, избегая лишней раз прикосновения к подлинной лагерной лексике. Последняя ранила память говорящего, но была не только бессильна передать другим пережитый опыт — она превращала рассказанное в этнографию лагеря. Не случайно, как отмечает Доеерр, некоторые выжившие предпочитали обычному языку язык искусства, считая, что он точнее передает переживания². Таким образом, мы видим, что язык после освобождения оставался единственной действующей семиотической структурой лагеря, вынесенной за пределы ограды и функционировавшей долгое время. Важнейшая функция этой структуры была осуществлять семантическую связь между бывшими узниками, а также между прошлым и настоящим носителя языка, служить стигматизатором памяти.

¹ *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 356.

² *Doerr K.* Words of Fear, Fear of Words: Language Memories of Holocaust Survivors. Explorations in Anthropology. Vol. 9. № 1. February, 2009. P. 47–57.

Абсурд

Абсурдные ситуации, абсурдистский язык, с которыми приходилось сталкиваться заключенному, и в целом абсурдистская реальность играли важную роль в деле уничтожения личности и ее десоциализации в пространстве лагеря. В значительной степени Концентрационный мир держался на идее, которая была воплощением абсурда, — виновности человека, его заключения и его уничтожения по принципу национальной принадлежности. Все остальное было необходимым развитием этого абсурда, хотя и не всегда было связано с первопричиной логически. Большинство ситуаций, с которыми сталкивался заключенный в лагере, представляли собой совершенно алогичную реальность, «невозможную фигуру», которая не могла существовать по другой стороне колючей проволоки.

Не случайно, как уже говорилось выше, Д. Агамбен вводит термин «апория Освенцима», которая «заключается в несовпадении исторических фактов и правды, несовпадении констатации и понимания»¹. Это ситуация, когда мыслительное усилие, направленное на осознание происходящего, невозможно, так как осознание приводит к неизбежной гибели самого осознающего. Причем это касается не только узников, но и эсэсовцев.

¹ Агамбен Д. *Homo Sacer*. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 9.

«Нам перевели один разговор между охраной, — вспоминает узница Освенцима А. Касьянова, — хорват спрашивает немца: «Неужели вам не жалко, ведь это же люди?» Немец отвечает: «Если бы я хоть на минуту представил, что это люди, я бы с ума сошел»¹. То есть Концентрационный мир — это пространство неразрешимого конфликта предельно, физически ощущаемого бытия с полной неспособностью осознания этого бытия.

Этот конфликт точно описал К. Цетник: «В лагере смерти все было так странно, нереально, оскорбительно и потрясающе, что никакие клеймящие позором определения, вроде: рабское существование, каторжная жизнь, неестественная смерть и тому подобное, — никак не могут быть употреблены применительно к такой неправдоподобной действительности. Даже время там не существовало в том понимании, в каком оно существует здесь, на планете Земля. Каждая ничтожная доля мгновения в этом месте проходила в другом измерении времени. У жителей той планеты не было имен, они не имели родителей и не имели детей. Они не были одеты подобно тому, как одеваются люди здесь, они дышали по иным законам природы. Они не жили по законам здешнего мира и умирали также не по его законам»².

Для начала следует напомнить о разнице между лагерем и тюрьмой, о которой подробно говорилось выше. Для нас сегодня благодаря нашей информированности разница между концентрационным лагерем и тюрьмой почти очевидна. Те же, кто попадал в лагерь, воспринимали его именно как тюрьму, так как другого пространства лишения свободы они не могли себе представить, поскольку такого пространства не существовало до начала Концентрационного мира. Безусловно, концентрационные лагеря существовали уже в годы Первой мировой

¹ Касьянова А.С. Помни имя свое (воспоминания узницы концлагеря Освенцим). URL: <http://slavhistory.ru/article/read/pomni-imja-svoe-vospominanija-uznicy-konclagerja-osvencim.html>.

² Цетник К. Показания на судебном процессе Эйхмана. URL: http://www.belousenko.com/wr_Tzetnik.htm.

войны, однако они имеют лишь терминологическое сходство и некоторым образом совпадают в деталях с тем, что видели вокруг себя узники нацистских лагерей. Таким образом, первая абсурдная ситуация была налицо: человек вел себя в лагере как в тюрьме и действовал как заключенный, а не как смертник. Однако это приводило к обратному эффекту — эскалации насилия и необходимости для узника на ходу разобраться, куда он попал. С этого начинался путь в абсурдистскую реальность лагеря.

Прежде всего, само расположение лагерей в окружении красивых лесов (как Бухенвальд, например, который располагался на месте рощи, куда любил ходить Иоганн Вольфганг Гёте, — в центре территории лагеря и сейчас есть пень от «дуба Гёте», под которым поэт, по преданию, отдыхал), вблизи старинных городов и поселений, мимо которых везли и гнали узников, звездное небо над головой являлись чудовищным, невозможным контрастом того, что происходило в лагере.

3. Градовский, находившийся в Освенциме, в своих «Записках» обращается к луне со словами упрека: «Я больше не хочу видеть ее сияния, потому что она только усиливает мою тоску, только заостряет мою боль, только умножает мои мучения... К чему и зачем приходишь ты, жестокая и чуждая мне Луна, зачем мешаешь людям хоть немного насладиться счастьем в их забытии? Зачем ты пробуждаешь их от тревожного сна и освещаешь мир, который уже стал им чужим и куда они уже больше никогда, никогда в жизни не смогут попасть! Зачем ты появляешься в своем волшебном великолепии и напоминаешь им о былом — о котором они уже навсегда забыли? Зачем ты озаряешь их своим царственным светом и рассказываешь им о жизни, о счастливой жизни, которой еще живут какие-то люди — там, на земле, куда еще не ступала нога этих извергов? Зачем ты шлешь нам свои лучи, которые превращаются в копыя и ранят наши кровоточащие сердца и измученные души?... Почему, Луна, ты думаешь только о себе? Почему ты с таким садизмом стремишься досаждать им, когда они уже стоят на краю

могилы, и не отступаешь, даже когда они уже сходят в землю? И тогда — стоя с расprostертыми руками — они шлют тебе последний привет и смотрят на тебя в последний раз. Ты знаешь, с какими мучениями они сходят в могилу — и все из-за того, что они заметили твой свет и вспомнили твой прекрасный мир?»¹ Таким образом, контраст окружающего мира, природы и мира лагеря был длящимся кошмаром, избавиться от которого было невозможно.

Сразу после прибытия в лагерь, как уже говорилось, происходило переодевание узников, которое нередко представляло собой фантасмагорию. Одна из узниц вспоминает: «Нас страшно избили, раздели, затолкали в душевые кабины, обрили наголо, а потом кинули кучу какого-то тряпья, без разбора каких-то размеров. Была зима, и стоял страшный холод, а нам почему-то бросили груду летней одежды. Полным женщинам достались узкие короткие платья, бывшие когда-то элегантными. В качестве головного убора могла оказаться вдруг шляпа с атласной лентой или букетиком искусственных цветов... Это был какой-то невероятный маскарад или пуримшпиль. У нас не было ни трусов, ни носков, но зато могли быть платья со шлейфом или жабо...»² Таким образом, уже самое начало пребывания в лагере вводило узника в пространство абсурда.

Утром несколько сот заключенных барака должны были умыться и сходить в туалет за 15–20 минут, при этом мест для отправления естественных надобностей оказывалось всего несколько, а после умывания ледяной водой не полагалось никаких полотенец. Часто заключенных выстраивали на аппельплац «и учили петь банальные немецкие песни, евреям же приказывали петь немецкую песню, в которой издевались над евреями. Таким хором нередко дирижировал католический священник. Заключенные, не знающие немецкого языка, не по-

¹ Градовский З. В сердце ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2011. С. 100.

² Ostrower Ch. It kept us alive. Humor in the Holocaust. Jerusalem, 2014. P. 46

нимали и не могли запомнить слов этих песен, вследствие чего недовольные этим пением капо били их и приказывали им петь в приседании и лежа на земле¹. В Треблинке оркестр встречал на перроне музыкой прибывающих в лагерь², в Маутхаузене узников казнили также «в сопровождении оркестра, исполнявшего незамысловатую песенку «Ах, попалась птичка»³. В целом веселая, легкая музыка, которая исполнялась лагерными оркестрами во время возвращения с работы узников, на «аппелях» и экзекуциях была закономерным и неслучайным контрастом монументальной и возвышенной музыке Р. Вагнера, Г. Пфизнера, Р. Штрауса, которая являлась интонационным и звуковым ритмом не только нацистской Германии, но и Европы в целом.

Вокруг крематориев на опрятных газонах росли цветы, дорожки аккуратно были посыпаны песком, все было покрашено, царила идеальная чистота («тропинка, ведущая к газовым камерам, должна была быть абсолютно чистой. Когда требовалось, мы привозили желтый песок и разравнивали его»⁴). Один из свидетелей вспоминает: «Я представлял Собибор как место, где людей сжигают и душат газом, поэтому оно должно было выглядеть как настоящий ад. Но что я вижу? Хорошие дома, комендантская вилла, выкрашенная в зеленый цвет с небольшой оградой и цветами... С другой стороны — платформа, изображающая железнодорожную станцию»⁵. Узникам, направляемым в газовую камеру в холодную погоду, эсэсовцы советовали поднять воротники, чтобы не простудиться, если обреченные были босиком, заботливо предупреждали их, чтобы они не поранили ноги, когда на дорожке встречались оскол-

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschwitz-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 36.

² Шнейер А. Профессия — смерть. Учебный лагерь СС «Травники». Преступления и возмездие. М., 2015. С. 307.

³ Цуркан Ю. Последний круг ада. М., 2017. С. 107.

⁴ Рис Л. Холокост. Новая история. М., 2018. С. 330.

⁵ Цит. по: Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 275.

ки стекла. Тележки для перевозки хлеба использовались и для перевозки трупов, при этом на них были надписи: «Труд делает свободным».

Данный лозунг («Arbeit macht frei»¹), который был размещен над воротами концентрационных лагерей Освенцим, Заксенхаузен, Терезин и Гросс-Розен, стал обозначением одного из самых серьезных парадоксов Концентрационного мира. Воспитательное значение труда в жизни человека (не считая его прямого, индустриального функционала) является общим местом. Обязанность трудиться утверждена религиозными положениями, этика и преобразующий смысл труда обоснованы в работах крупнейших богословов, философов, мыслителей — от апостола Павла и Иоанна Златоуста до Фомы Аквинского и Бертольда Регенсбургского, откуда была заимствована в XIX веке идеологами эволюционной концепции происхождения человека, среди которых был и Ф. Энгельс.

Однако в Концентрационном мире значение труда за несколько лет было изменено полностью. «Если небольшая надпись «Работа делает свободной» на решетке ворот Дахау в 1937 году еще могла считаться официальным пропагандистским призывом, — писал В. Брюкнер, — то в 1940 году та же самая, монументально выполненная надпись над воротами Аушвица была апофеозом цинизма»². Это было связано с тем, что возникла практика «уничтожения посредством труда» («Vernichtung durch Arbeit»), которая, по мнению А. Туза, представляла собой «компромисс между идеологией и прагматизмом»³. Идеология требовала уничтожать людей,

¹ Впервые данное выражение появилось в качестве заголовка романа немецкого писателя Л. Дифенбаха в 1872 году. В 1928 году фраза использовалась правительством Веймарской республики как лозунг программы для преодоления безработицы.

² *Brückner W.* «Arbeit macht frei». Herkunft und Hintergrund der KZ-Devise. Leske + Budrich Verlag Opladen 1998. P. 91.

³ *Туз А.* Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018. С. 675.

прагматизм требовал обратить их труд на пользу Рейху. Итогом стала указанная выше формула, в логике лагерного абсурда соединившая несоединимое. Абсурд усиливало то, что данная формула отсылала как к средневековой максиме «*Stadtluft macht frei*» (нем. «Городской воздух освобождает») — обычай, по которому зависимый человек, долго живущий в городе, становится свободным, так и к евангельскому изречению «Истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32).

В Бухенвальде патологоанатомическое отделение, где лежали трупы, считалось одним из самых тихих и спокойных мест лагеря, поэтому там разместился струнный квартет¹. На стенах бараков, в которых царила скученность, грязь, вши, испарения, зловоние, а на нарах лежали сотни измученных звероподобных людей, были лозунги: «Чистота — залог здоровья», висели плакаты «Вошь — твоя смерть». Э. Визель вспоминал, как поражали его таблички с надписью «Опасно для жизни» на проволочном ограждении: «Мы продолжали идти между ограждениями из колючей проволоки под током. На каждом шагу с белых плакатов на нас смотрели черные черепа. На каждом плакате надпись: «Осторожно! Опасно для жизни!» Просто издевательство: да был ли здесь хоть какой-нибудь уголок, безопасный для жизни?»²

Заключенного внезапно могли освободить от работы, дать отдохнуть, отправить лечиться или даже наградить и точно так же внезапно — начать мучить или убивать. Людей и даже детей, которых гнали в газовую камеру Освенцима, по дороге избивали, хотя им оставалось жить несколько минут³. «Транспорт с платформы шел прямо к белому домику. Светловолосая девочка нагнулась, чтобы сорвать цветок у дороги. Наш шеф воз-

¹ Бухенвальд. Документы и сообщения. М., 1962 С. 528.

² Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 23.

³ Так, Н.А. Тэффи вспоминала, как поразило ее зрелище, когда «смертник, которого матросы тащили на лед расстреливать, перепрыгивал через лужи, чтобы не промочить ноги, и поднимал воротник, закрывая грудь от ветра». См.: Тэффи Н.А. Ностальгия. М., 2005. С. 42.

мутился. Как можно портить цветы, как можно топтать траву?.. Он подбежал к ребенку, которому было не больше четырех лет, и пнул его ногой. Малютка упала и села, изумленная, на траву. Она не плакала. Не выпуская из ручонки сорванный от цветка стебель, она глядела широко открытыми, удивленными глазами на эсэсовца. Мать взяла ребенка на руки и пошла вперед. Девочка все время выглядывала из-за ее плеча. Она не спускала глаз с нашего шефа. Ручка крепко сжимала стебелек. — Взгляд этого ребенка — приговор всему фашизму, — с ненавистью проговорила идущая рядом со мной Таня. — Что это за чудовище: бить ребенка, который через пять минут погибнет»¹. В этом эпизоде мы видим еще один парадокс: бить и убивать детей можно, но нельзя мять и рвать цветы.

В других случаях эсэсовцы, напротив, беззаботно болтали с обреченными, расспрашивали о жизни, профессии, занятиях², детей, отправляемых в газовую камеру, если они жаловались на жажду, поили водой, гладили по головам, давали конфеты³. Главная надзирательница женского отделения Биркенау, садистка М. Мандель, пожалела еврейского ребенка, шедшего в газовую камеру, оставила при себе, несколько дней играла и забавлялась с ним, а затем все равно отправила в душегубку⁴. За каждой партией направляемых в газовую камеру следовала санитарная машина («санкар») с красным крестом, на которой везли «Циклон Б» — кристаллизированный яд, которым через пять минут отравят людей, а также в ней ехали врач и эсэсовцы-палачи. Когда в Яновский лагерь загоняли колонну евреев, эсэсовцы кричали: «Какая самая великая раса на Земле?» — и евреи должны были хором отвечать: «Арийцы»,

¹ Живульская К. Я пережила Освенцим. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=158979&p=41>.

² Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 162.

³ Рапопорт А. Собибор. Дневник лейтенанта Пехорского. М., 2015. С. 10; Никифорова А. Это не должно повториться. СПб. — М., 2017. С. 19.

⁴ Рудницкий Е. Музыка и музыканты Третьего рейха. М., 2016. С. 558.

а на вопрос «А какая самая отвратительная раса на Земле?» должны были кричать: «Еврейский народ» — и подбрасывать шапки в воздух¹.

«Надлежало быть чисто выбритым, — писал Ж. Амери, — однако иметь бритвенные принадлежности строжайше запрещалось, а к бородобрею ходили лишь раз в две недели. Под угрозой наказания надлежало иметь на полосатой робе все пуговицы, но если потеряешь одну на работе, что неизбежно случалось, то заменить ее было практически невозможно. Надлежало быть сильным, но из заключенного систематически высасывались все силы. На входе в лагерь у него отбирали все, а затем уголовники издевались над ним, потому что у него ничего не было»². Бараки, в которых узники жили в нечеловеческих условиях, соседствовали с прекрасно обустроенными особняками начальства лагеря, в пределах одной и той же ограды из колючей проволоки стояли крематории и бордели.

В Маутхаузене для заключенных на Рождество на аппельплаце поставили елку «настоящую, иллюминированную, с огромным Санта-Клаусом и блестящими украшениями»³, а рядом — виселицу, на которой совершались казни. В Равенсбрюке прямо под рождественской елкой, украшенной лентами, лежала гора трупов⁴. Самым большим абсурдом, безусловно, было участие заключенных в вольных и невольных акциях уничтожения других узников, начиная от избиений, воровства, отъема вещей и продуктов и заканчивая сопровождением людей в газовые камеры, чем занимались члены зондеркоманды. Именно зондеркоманда стала апофеозом лагерного абсурда,

¹ *Элиах Я.* Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. М. — Иерусалим, 2005. С. 118.

² *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одолеть. М., 2015. С. 32–33.

³ *Цуркан Ю.* Последний круг ада. М., 2017. С. 187.

⁴ *Мюллер Ш.* Слесарная команда Равенсбрюка. Воспоминания заключенной № 10787. М., 1985. С. 89.

так как евреев сопровождали в газовые камеры, раздевали перед смертью, при расстрелах держали за руки именно евреи¹.

Абсурдистская реальность лагерей была настолько парадоксальной и противоестественной, что терялось ощущение ее подлинности. Не случайно значительная часть воспоминаний узников о концентрационных лагерях наполнена метафорами, которые позволяли более или менее адекватно передать пережитое. То есть Концентрационный мир воспринимался свидетелями как глобальная метафора, пространство чудовищной игры, фантасмагорического спектакля, где кулис не было, сцена была в масштаб лагеря, а зрители и актеры все время менялись ролями. В итоге создавалась чудовищная иллюзия, которая была действенной и сокрушительней любой реальности.

В этих условиях заключенный постоянно оказывался в ситуации, когда, по мысли Ж. Амери, каждый в жизни переживает абсурдность, «но лишь немногие берут это переживание на себя, доводят его в мысли и действии, «мыследействии», написал бы я, не звучало бы это слово столь раздражающе, до конца»². В концентрационном лагере «брать это переживание на себя» и действовать в определяемой этим переживанием логике приходилось постоянно. Так же постоянно узник оказывался перед необходимостью восстанавливать здравый смысл, связность и естественные отношения между вещами, из которых состояла указанная иллюзия, воссоздавать понятную ему самому действительность, что погружало его в состояние человека, постоянно находящегося *ad marginem*, стоящего «на паузе», в пограничном состоянии, на рубежах безумия и из-под всех сил удерживаемой вменяемости. То есть действительность лагеря занимала в пространстве Концентрационного мира место больше, чем узники. А если учесть, что такие ситуации про-

¹ Феноменологии зондеркоманды Освенцима и ее бытованию посвящена работа: Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018.

² Ameri J. Hand an sich legen. Diskurs uber den Freitod. Stuttgart, 1976. S. 164.

исходили почти постоянно, то «состояние паузы» становилось главным, а действие, мысль, рефлексия — второстепенным, что приходило в противоречие с привычными, долагерными формами мышления и взаимоотношений с окружающим миром. То есть стремление не погружаться в абсурдистскую реальность парадоксальным образом приводило именно к этому погружению.

Как работал этот механизм? Большинство указанных выше ситуаций ставили заключенного перед дилеммой. Поступать против собственной системы правил (разумеется, если для человека это не привычная форма поведения) — это значило идти против той системы ценностей, которая являлась фундаментом личности. То есть уничтожать себя. Единственным условием самосохранения в этой ситуации было убрать противоречие. То есть заблокировать, стереть весь предыдущий опыт («Прессбургер понял, что сможет выжить, только если заблокирует в памяти все, что с ним творится, даже смерть своего отца. «Чем дольше я хотел прожить, — говорил он, — тем скорее должен был все забыть»¹), а затем убедить себя в том, что насилие в отношении других узников, борьба за место у умывальника или в туалете, кражи или соучастие в убийстве на самом деле необходимы прежде всего для того, чтобы выжить. Как только такое убеждение возникало, далее создавалась система стандартных и необходимых в такой ситуации оправданий целесообразности («Они все равно обречены», «Меня принудили», «Если не я, то меня» и т. д.), что приводило к выветриванию из описанных выше ситуаций моральной составляющей. А поскольку идти против себя приходилось постоянно, регулярно, то через какое-то время внешние действия начинали соответствовать убеждениям.

В заключение необходимо подчеркнуть, что абсурдистская реальность лагеря, реализуемая почти в каждом элементе

¹ Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017. С. 161.

быта, не была случайным совпадением или следствием нарушения логики — она выполняла функцию важнейшей смыслообразующей доминанты лагерного бытия. Постоянно возникающие абсурдные ситуации снова и снова подчеркивают парадоксальность Концентрационного мира, его кардинальное отличие от привычных форм жизни. Создаваемая сознательно, эта реальность была важным и эффективным средством деморализации, лишения воли к жизни и в конечном итоге «нефизического уничтожения» узников. Б. Беттельгейм вспоминает, как с помощью «абсурдистской реальности» в одном из лагерей была уничтожена группа чешских заключенных: «На некоторое время их выделили как «благородных», имеющих право на определенные привилегии, дали жить в относительном комфорте, без работы и лишений. Затем чехов внезапно бросили на работу в карьер, где были самые плохие условия труда и наибольшая смертность, урезав в то же время пищевой рацион. Потом обратно — в хорошее жилище и легкую работу, через несколько месяцев — снова в карьер на мизерный паек и т. д. Вскоре все они умерли»¹.

То есть абсурдистская реальность Концентрационного мира жила на главном противоречии: этот мир мог существовать только как средство утверждения смерти в противоположность окружающему миру, который существует только как разностороннее утверждение жизни.

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 76.

«Несвойственное поведение» и одиночество

Разрушающим личность фактором в лагере становилось возникновение у заключенных особой стратегии поведения, которую мы обозначим здесь как «несвойственное поведение». Отличительным признаком этого поведения была его максимальная противоположность всем поведенческим стандартам и привычкам, которые были у человека до попадания в лагерь, реакции, совершенно необычные для жизни за колючей проволокой и оттого ошарашивающие и парализующие. Л. Берсум вспоминает: «Мы научились смотреть на страдания других, не реагируя. Мы спокойно ели свою еду, не обращая внимания на жадные и голодные глаза, устремленные на нас. Как-то ночью я пошла в туалет и переступила там через человека, лежащего без сознания. Я и пальцем не пошевелила, чтобы помочь. Мы до того очерствели, что на линейке спокойно смотрели на тех, кто падал навзничь. Видимо, только так можно было поддерживать себя»¹.

О. Нансен продолжает тему: «Когда мы построились, чтобы маршировать на плацу с виселицей, меня поразило, до чего

¹ Цит. по: *Кристи Н.* Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. СПб., 2017. С. 89.

мы стали бесчувственными. Вот мы стоим — более четырехсот норвежцев (наш барак) — и сейчас будем смотреть, как вешают одного из заключенных. Можно было бы предположить, что в такой момент у всех будут серьезные лица, что даже будет царить гнетущее молчание! Не тут-то было! Мы оказались в шумной толпе смеющихся мужчин и подростков, которые чертыхались, сталкиваясь в тесноте или наступая друг другу на ноги. Всеобщее оживление казалось неприличным по отношению к одному человеку, стоявшему позади и украдкой кутившему, готовому через некоторое время прошествовать к виселице... Наконец мы можем вернуться в наш барак — к еде и нашим делишкам. И толпа равнодушно бредет обратно. Мало кого интересует, кто был повешен и за что. Сейчас важно скорей занять место за столом, чтобы поесть. Или же встретиться с кем-то, у кого договорился купить хорошую куртку или брюки...»¹

Э. Визель вспоминал, как он был потрясен самим собой и возненавидел мир, оттого что не помог своему отцу, когда того мучили. «Я физически ощущал боль отца, но не шелохнулся, не попробовал вмешаться, защитить самого близкого человека. Хуже того — разозлился, ведь он шумел, плакал, сам навлек на себя наказание. Никогда не прощу миру, что превратил меня в другого человека, разбудил в душе дьявола, вытащил наружу самые подлые, низменнические инстинкты». Он же «видел, как тринадцатилетний паренек избивал собственного отца за то, что тот плохо заправил койку. Старик беззвучно плакал, а он орал: «Если не заткнешься, не получишь хлеба! Ясно?»² Многие из наблюдателей отмечают, что дети и подростки часто были более жестоки и циничны, чем взрослые, — неокрепшая система ценностей и ограничений распадалась у них гораздо быстрее, нежели у взрослых.

Нормальным стало красть друг у друга вещи и еду, причем нередко прямо на глазах жертвы, особенно если она была

¹ Там же. С. 42.

² Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 14, 105.

настолько слаба, что не могла защитить себя: «Тибор знал... он найдет способ прокормиться, даже если потребуются забрать корку хлеба у более слабого»¹. Нередки были случаи людоедства, окончательно стиравшие грань между человеком и животным-падальщиком. Р. Хёсс писал: «В Биркенау нередко были случаи каннибализма. Я сам нашел одного русского, лежавшего между кучами кирпича. Его живот был вспорот тупым предметом, и у него отсутствовала печень... При разбивке первого строительного участка, когда рыли траншеи, много раз находили трупы русских, убитых другими, частично съеденные и спрятанные в разных щелях. Так нам стало понятно загадочное исчезновение многих русских...»² В. Тутов вспоминал: «Висело в лагере объявление: «Здесь повешены шесть русских пленных, евших человеческое мясо»³. Все это было связано с тем, что главной стратегией заключенных становилась не жизнь, а выживание, то есть сохранение биологического существования вопреки всему личному и общественному опыту, который всегда превосходил процесс простого выживания, которое было просто средством. Теперь средство становилось целью.

Наблюдение за самим собой в этих ситуациях, неузнавание себя или узнавание себя другого приводило тех узников, которые еще были способны к рефлексии, к моральным мукам. Они начинали воспринимать себя как наглядный результат успешности нацистской политики расчеловечивания. Заключенный Маутхаузена, итальянский священник Р. Анджели, вспоминал, как он переживал этот процесс внутренней деградации: «Был ноябрь. Смертность в лагере устрашающе увеличивалась. Я тоже чувствовал все больший упадок сил. Мозг, прежде всего мозг, больше не работал: я чувствовал себя вялым и оцепенелым.

¹ Дэнниел М. Коун. Я выжил в Холокосте. М., 2016. С. 58.

² Рудольф Гесс. Воспоминания. Освенцим в глазах СС. Гесс, Брод, Кремер. Освенцим, 1975. С. 46.

³ Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллери-ста. М., 2010. С. 41.

Я становился эгоистичным и ничтожным, реагировал только на позывы голода. Я даже поссорился с некоторыми товарищами, потому что при разделе хлеба мне показалось, что мой кусочек был чуть-чуть меньше других. На фабрике я обнаружил, что испытываю зависть и жадность, увидев, что один свободный рабочий... бросил отцу Паоло яблоко, малюсенькое зеленое яблоко... Значит, нацистам удался их дьявольский замысел разрушить мою личность, сделать меня грязным и голодным скотом? Ведь именно такой была цель этих лагерей: погасить в каждом из нас искру ума и свободы, сделавшую нас врагами нацизма»¹.

Профессор Давид П. Бодер описывает этот процесс как «постепенное съеживание человека до таких размеров, чтобы он влез в концентрационный лагерь уничтожения»². Для описания этого процесса Давид П. Бодер вводит термин «декультурация» в противоположность аккультурации личности. Д. Агамбен, в свою очередь, точно называет пространство лагеря «новой этической территорией»³. То есть территорией, где возникала (вернее, возвращалась из архива) ситуационная этика, когда допустимым считалось то, что приемлемо в данный момент и ведет к достижению результата любой ценой.

Таким образом, миллионы людей, оказавшихся в лагерях, открывали в себе и окружающих (особенно в эсэсовцах, а также тех заключенных, кто обслуживал систему, — капо и пр.) такие глубины безумия, жестокости, ужаса, что это полностью парализовало у людей волю к сознательной жизни и тем бо-

¹ *Рокуччи А.* Христиане в концлагерях. Некоторые размышления о христианах в концлагерях: опыт коммунизма и нацизма. URL: http://pravmis.ru/index.php?id=370&option=com_content&task=view.

² *Кристи Н.* Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. СПб., 2017. С. 45.

³ *Агамбен Д.* Homo Sacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 10.

лее волю к сопротивлению, оставляя лишь механическое существование. Поэтому может показаться удивительным, что по сравнению с большим количеством заключенных число самоубийств в концлагерях было незначительным¹ — узники ждали, что их убьют («Мы мечтали о близком конце»², — вспоминала узница Освенцима Б. Сокольская), но не убивали себя сами, не имея для этого сил и воли.

В рамках рассматриваемого сюжета можно вспомнить замечание В. Савчука о природе самоубийства, которое «компенсирует дефицит остроты и непредсказуемости жизни, дает возможность встретиться с ее абсурдом, этим эквивалентом первородного хаоса»³. Заключенные в лагере не могли пожаловаться на «дефицит остроты и непредсказуемости жизни», а с абсурдом они встречались ежедневно в повседневности лагерного бытия, поэтому самоубийство ничего не могло добавить к их существованию, не могло разрешить ни один из вопросов. Это был один из парадоксов системы, который можно объяснить, в частности, тем, что жизнь в Концентрационном мире стала равна смерти и наоборот.

«Несвойственное поведение», которое становилось в условиях лагеря основным поведенческим императивом, приводило к тому, что узники оказывались в пространстве предельного одиночества при парадоксальной плотности «населения». При этом, как во многих других случаях, одиночество лагеря не было похоже на привычные формы одиночества за его пределами. Что здесь имеется в виду? Христианство принесло равенство между одиночеством и уникальностью, так как последняя всегда одинока. Этот постулат был утвержден в Христе

¹ Даже в зондеркоманде, обреченной на уничтожение, «самоубийства или хотя бы покушения на них, конечно же, случались, но были они большой редкостью». См.: Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018. С. 76.

² Шаховская А. Я прошла Освенцим. Иерусалим — М., 2015. С. 32.

³ Савчук В. Кровь и культура. СПб., 2020. С. 103.

(«Те, кто со мной, не понимают меня» (Деяния Петра)¹ и воплощен в лучших образцах европейской культуры. Кроме того, христианское одиночество перестало пугать (Античность одиночества боялась), одиночки (аскеты, анахореты, затворники, странники) стали примером отношения к жизни. Ты одинок для мира, но не одинок по сути. Брошен, но не оставлен, так как рядом с тобой всегда присутствует Бог. Создатели исихазма и последователи западных мистических учений своими молитвенными практиками сумели утвердить тип человека, «одинок в толпе», остающегося один на один с собой и Богом даже в многолюдном сборище.

С упадком христианства и подъемом секулярности одиночества опять начинают бояться. В XIX веке в европейской философии возникает немыслимый ранее вопрос «Зачем быть одиноким?» (ответ на этот вопрос в позапрошлом и прошлом столетиях давали многие — от В. Соловьева до М. Штирнера). Тип одиночки становится достоянием литературы, а не философии (Тристан, Фауст, Зигфрид, Парцифаль, Чацкий, Онегин, Печорин, Обломов, Ромашов). С возникновением тоталитарных режимов в Германии и СССР одиночество становится территорией, куда ссылают и выбрасывают, что указывает на то, что одиночество живет с тоталитаризмом и органически связанным с ним коллективизмом в одно время, но не в одном времени. Человек, выбравший путь одиночки или отправленный по этому пути, воспринимался как противостоящий всякой социальности и оттого наделялся чаще всего негативными характеристиками.

В лагере одиночество по указанным причинам и в силу целого ряда других факторов принимает тотальный характер — при предельной скученности каждый живет по принципу «сам за себя». «Не было дружбы среди заключенных, — свидетель-

¹ Апокрифы древних христиан. Исследования, тексты, комментарии. М., 1989. С. 45. Данная аграфы об одиночестве Христа подтверждается эпизодом из Евангелия от Матфея (Мф. 26: 38–43), когда апостолы заснули во время молитвы Христа на Масличной горе, хотя Иисус просил их не спать.

ствует узник Освенцима О. Дудок, — каждый сам за себя. Да и сил разговаривать просто не хватало»¹. Шестнадцатилетняя заключенная Майданека, упав в отхожее место и рискуя погибнуть, «звать на помощь считала бесполезным, никто бы не пришел», и поэтому с огромным трудом выбралась сама². Одиночество, в которое выталкивается узник, становится еще одним фактором разрушения личности, одиночка в лагере не тот, кто имеет силу противостоять окружающей среде, а, напротив, предельно слабый человек, не только брошенный, но оставленный всеми. «Кто бы ни пытался помочь заключенному — мать, жена, брат или друг, — их усилия будут, скорее всего, напрасны», — писал Жан Амери³ и подчеркивал, что «одиночество действовало так же разрушительно, как голод и изнурительный труд»⁴. В итоге смерть в лагере становилась описанным Н. Бердяевым «абсолютным одиночеством», когда происходил «разрыв со всей сферой бытия», приводивший в «абсолютное уединение»⁵. То есть лагерь был апофеозом одиночества, что особенно важно — публичного, социального одиночества человека, оказавшегося лицом к лицу, один на один с громадной тотальной структурой нацистского государства.

¹ Дудок О. На заключенных немцы «выращивали» вшей для каких-то опытов. URL: <https://fakty.ua/194487-byvshij-uznik-osvencima-89-letnij-onufrij-dudok-na-zaklyuchennyh-bukvalno-visel-sloj-vshej-kotoryh-nemcy-vyracshivali-dlya-kakih-to-opytov>.

² Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 69.

³ Амери Ж. пытки // За гранью понимания. Философы и богословы о Холокосте. Киев. С. 150–151.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 266.

Детство и старость

В Концентрационном мире наблюдается еще один психологический феномен. Из-за исключительной амбивалентности ментального и биологического пространства лагеря заключенный оказывается человеком одновременно двух возрастов — ребенком и стариком. «Детское» состояние заключенного и механизмы возникновения этого состояния были точно описаны Б. Беттельгеймом. Он обращает внимание на то, что «заключенных мучили так же, как жестокий и деспотичный отец мог бы мучить беспомощного ребенка. Следует также добавить, что заключенных подвергали унижению с помощью методов, характерных для ситуаций с детьми».

Далее Б. Беттельгейм описывает, что прежде всего эти ситуации касались гигиены. Поскольку процесс посещения туалета строго регулировался, заключенные часто опорожнялись в штаны или где придется, после чего охранники их унижительно «обучали» пользоваться туалетом, словно детей. «Заключенные жили, как дети, в моментальном настоящем, — продолжает исследователь. — Они как бы не ощущали хода времени и не были в состоянии планировать свое будущее... Дружба возникала так же быстро, как и исчезала. Подобно подросткам, заключенные дрались друг с другом, говорили, что больше не хотят видеть друг друга или разговаривать друг с другом, а через минуту вновь были закадычными друзьями.

Они хвастались, рассказывали истории о своих достижениях в прежней жизни... Подобно детям, они нисколько не стыдились, когда оказывалось, что они соврали о своих подвигах». Соответственно, детской была и реакция узника на насилие и унижения: «Подобно ребенку, он был не в состоянии связать обращение, которому подвергался, с гестапо в целом и ненавидел отдельных гестаповцев. Он кричал «уж я ему покажу», хотя сам прекрасно знал, что это невозможно. Он не мог выработать объективной оценки, которая позволила бы ему рассматривать свои страдания как незначительные по сравнению с другими переживаниями»¹.

Еще одной важной особенностью детского (и в целом инфантильного) мышления, особенно мышления ребенка, часто подвергавшегося наказаниям или лишённого родительского внимания, является уверенность в том, что для обретения внимания или прекращения наказаний надо вести себя правильно, делать то, что от тебя требуют. «Маленьким ребенком, — вспоминала С. Сонтаг, — я чувствовала себя покинутой и нелюбимой. В ответ мне хотелось стать очень хорошей (если я стану необыкновенно хорошей, они полюбят меня)»². В координате этого мышления многие узники (особенно «ветераны» лагерей) стремились понравиться эсэсовцам, угодить им, предупредить их желания. Они тщательно соблюдали распорядок, правила и требовали этого от других.

Еще одной чертой детского состояния узника, проистекающей из указанной выше особенности, был страх перед часто немотивированной злостью и насилием эсэсовцев. Не будучи в состоянии определить причину этой злости и насилия, а следовательно, выработать ответные меры, узники часто готовы были на все, лишь бы их избежать. С. Сонтаг показывает, как эта ситуация выглядит глазами ребенка. «Гнев был ее (мате-

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108094&p=47>.

² Сонтаг С. Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М., 2014. С. 322.

Чеслава Квока

ри. — Б.Я.) единственной эмоцией, на которую я не могла повлиять своими уловками и манипуляциями. Гнев жил своей жизнью. Поэтому мне приходилось постоянно упреждать ее гнев. Все что угодно, только не гнев — любыми способами, вплоть до подлости. И все же я не переставала панически бояться этих в большинстве своем необъяснимых вспышек гнева. К тому же я презирала себя за свой страх перед материнским гневом. За то, что я непроизвольно съеживалась + плакала, когда она заносила руку, чтобы ударить меня¹. В этом воспоминании точно подмечено, что следом за унижениями, через которые приходилось проходить узнику, чтобы избежать случайного насилия, наступал период раскаяния и моральных страданий, сменяющихся мечтами об отмщении когда-либо, отмщении, время которого никогда не наступало. В этих условиях постоянная, все время подпитываемая извне бессильная злоба становилась важнейшим фактором разложения человека.

¹ Там же. С. 249.

Состояние постоянного, непрерывного напряжения перед лицом угрозы, в котором находился узник, компенсировалось детским стремлением «вернуться назад», «родиться обратно», психологически восстановить в себе прежнее, долагерное, состояние, которое было аналогом материнской утробы. То есть эскапистские стратегии поведения непременно вели к регрессии, блокируя линейную перспективу и вовлекая узников в процесс магического круговращения действительности, когда возвращение назад, к «золотому веку», к которому невозможно было вернуться, воспринималось как движение вперед, воспоминания о лучших долагерных годах становились одновременно мечтой о будущем, хотя именно долагерные годы часто были причиной заключения человека в лагерь.

Поэтому многие узники погружались в воспоминания, в которых часто смешивались фантазии и явь, гиперболизировали свои прежние успехи и заслуги, начинали совершать ритуалы, которые символически поддерживали связь с иным временем¹. Таким образом, указанные выше состояния и черты детской психологии помогали создать систему, при которой узники ослабляли сами себя. Можно утверждать, что администрации лагерей сознательно поддерживали такого рода ощущение ребенка в заключенном, так как ребенок не имеет возможности мыслить, не знает, что такое чувство собственного достоинства и чести, он подчинен детским страстям и представлениям об окружающей действительности, которые в корне расходятся с реальностью.

Однако условия жизни в Концентрационном мире создавали и прямо противоположный детству феномен — стремительное «старение» узников как в прямом, так и в переносном смысле. Возникал любопытный парадокс — в узниках скрещивались две, казалось бы, взаимоисключающие линии. Использующие образцы поведения и механизмы ребенка, за-

¹ Эти процессы очень хорошо показаны в воспоминаниях М. Рольникайте. См.: *Рольникайте М. Я должна рассказать*. Екатеринбург, 2012.

ключенные одновременно выглядели и вели себя как старики. Один из свидетелей описывает, как он в первый раз увидел таких «стариков»: «Я увидел странные существа, которые поначалу меня даже слегка озадачили. На расстоянии все они выглядели древними старцами: торчащий нос, голова втянута в плечи, грязная полосатая роба висит на острых плечах, как на вешалке; даже в самые знойные летние дни они напоминали озябших зимних ворон»¹. «Мы чувствовали себя преждевременно состарившимися, — вспоминал Барух Шуб. — В 22 года нам казалось, что жизнь прошла мимо»². Крайне показательная история, зафиксированная Я. Элиах: «Аккуратная пожилая женщина в черном платье, широкополой шляпке с пером и белых ажурных перчатках, сжимая в руках черную записную книжечку, пристально и сочувственно смотрела на Ливию. Наконец она сказала: — Должно быть, человеку вашего возраста было очень трудно вынести все эти страдания? — Как вы думаете, сколько мне лет? — спросила ее Ливия. — Шестьдесят, может быть, шестьдесят два, — ответила немка. — Четырнадцать, — сказала Ливия. Немка взглянула на нее с ужасом и поспешно отошла»³.

Процесс старения в лагере был напрямую и главным образом связан со смертью, включенной в жизнь (или то, что ей считалось) узника и занимавшей в этой жизни место гораздо большее, чем сама жизнь. Ж. Амери, автор работы «О старении», написанной, без сомнения, на основе своего лагерного опыта, пишет, что ключевым событием в жизни старого человека, событием, в орбите которого находится все остальное, прежде всего восприятие времени, является смерть, которая лишает человека любого (включая загробное) будущего. «Там,

¹ Кермес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=21>.

² Цит. по: Это мы. Пережившие катастрофу в Израиле. Иерусалим, 2009. С. 175.

³ Элиах Я. Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. М. — Иерусалим, 2015. С. 108.

где в игру вступает смерть как целевой пункт ожидания, где для стареющего человека эта смерть как ожидаемое ежедневно получает больше действительного содержания и притом уничтожает иным вознаграждение за ожидание, там не следует больше говорить о времени-в-будущем. Ведь смерть, которую ждем, — это не нечто. Она есть отрицание всякой чуждости. Ждать ее не означает бытия-к-ней, так как она — ничто. Смерть не спасает нам будущее как измерение времени. Напротив: своей тотальной негативностью, посредством полного и неотъемлемого крушения, которое она означает (насколько о значении здесь следует еще говорить, что только условно допустимо), смерть исключает смысл всякого будущего»¹. Таким образом, старый человек в лагере — это по определению человек без будущего (за пределами лагеря оно возможно хотя бы в самой близкой перспективе), то есть это человек, стоящий на границе смерти вплотную к последней.

Кроме того, человек, живущий в состоянии длящейся смерти, невольно начинал соответствовать своим возрастом возрасту смерти за пределами лагеря, так как смерть естественна у старых людей, отчего наконец закономерно погибал. Подобного рода связанность психологического и физического возрастов сегодня, например, наблюдается в том, что у рано развивающихся подростков, психологически обгоняющих свой биологический возраст, развиваются «взрослые» болезни — инфаркты и инсульты. И наоборот, люди, психологический возраст которых отстает от биологического, гораздо реже умирают в соответствующий их биологическому возрасту период². В этих условиях остановить процесс старения (обреченности) можно было только через внутреннее и в очень редких случаях внешнее восстание против системы, то есть внешнего источни-

¹ Améry J. Über das Altern. Revolte und Resignation Klett-Cotta Neue Auflage. Stuttgart, 2010. S. 168.

² Ощущающие себя молодыми люди умирают реже. URL: <https://www.medikforum.ru/beauty/37171-oschuschaiguschie-sebya-molodymi-lyudi-umirayut-rezhe.html>.

ка этой обреченности, даже при сознании того, что это восстановление обречено на провал. Так действовали В. Франкл, Б. Беттельгейм, Я. Трахтенберг, но таких людей было очень немного.

Наступление старости сопровождается нарастанием конфликта духовной и физической природ человека. М. Жуандо, фиксируя свое состояние в старости, отмечал: «Я испытываю жестокое чувство по отношению к моему телу: мне кажется, что оно мне абсолютно чужое. Все его органы, которые были мне так близки, внезапно вызывают у меня удивление и неодолимое отвращение. Я отказываюсь признавать их и себя единым целым»¹. Тело в старости перестает иметь значение, становится все более чуждым человеку, так как все чаще мучит последнего немощью и болями. Соответственно, нарастает и желание избавиться от него, возникает нужда в смерти как эффективном средстве освобождения. Закономерно возрастает значение духовной стороны жизни: воспоминания, вера, переживания занимают то место, которое оставляет истончающаяся телесная оболочка. Однако если в обычной жизни этот конфликт возникает естественным путем, то в концентрационном лагере он вызывался искусственно, путем физического насилия, условий работы, голода, постоянного наблюдения за страданиями и гибелью других. Отвращение к своему телу (о чем подробно говорилось выше), с одной стороны, и фантазии, мечты, сны, воспоминания, с другой стороны, — все это запускало механизм ментального старения, которое очень быстро начинало отражаться на внешности, походе и привычках.

Кроме того, нужно обратить внимание на замедление двигательной активности. Это было связано физически с тем, что скудное питание, насилие и тяжелый труд лишали человека сил, а психологически это было вызвано переводом тела узника любого возраста в режим жизнедеятельности старого человека. В старости замедление двигательной активности связано еще и с инстинктом самосохранения — активизация физических

¹ Жуандо М. Размышления о старости и смерти. Б. м., 2019. С. 21.

нагрузок грозит разрушением изношенного организма. Кроме того, как замечает Г. Бэйтсон, молодой человек и старик отличаются «степенью обреченности»¹, той самой обреченности, о которой шла речь выше. То есть у старого человека нет будущего, и это означает, что степень обреченности у него почти предельная. Поэтому далеко не все узники умирали вследствие воздействия внешних факторов, зачастую эти факторы просто доводили до закономерного конца уже запущенные процессы умирания, присущего преклонному возрасту

На фотографиях и видеохронике, запечатлевших Концентрационный мир, как правило, невозможно определить настоящий возраст узников — они все выглядят очень зрелыми, пожилыми или старыми («Как и всем нам, ему можно дать от семнадцати до пятидесяти»², — вспоминал П. Леви о своем товарище-узнике). В отличие от насильственно прививаемых узникам, по мнению Б. Беттельгейма, психологии и поведения ребенка, старение узника происходило вследствие включения им самим определенных защитных механизмов. Включения как сознательного, так и бессознательного. В. Болтенко определяла старость как «постепенное отделение от социума и полную эмоциональную изоляцию» и выделяла несколько этапов психологического старения, которые не зависят от реального возраста. Среди этих этапов — сужение круга интересов и общения, преобладание разговоров на бытовые темы, нивелирование прежних социальных ролей, забота о себе, сохранение жизни, снижение потребностей витального характера (еда, покой, сон), угасание внешних реакций³. Работу всех этих механизмов наглядно можно было видеть у лагерных мусульман, о которых шла речь выше. Эмоциональная изоляция, уход из прежнего круга (прежде всего потому, что круг сам отторгал

¹ Бэйтсон Г., Бэйтсон М.К. Ангелы страшатся. URL: <http://stomfaq.ru/gregori-bejtson-meri-keterin-bejtson-angeli-strashatsya/index4.html#pages>.

² Леви П. Человек ли это? М., 2011. С. 106.

³ Краснова О.В. Социальная психология. М., 2002. С. 73–74.

Пепел над пропастью

мусульман), угасание внешних реакций — все это приводило к физической, психологической и моральной утрате своих реальных лет и превращению узника в старика неопределенного возраста. Не случайно многие узники быстро умирали и после освобождения, хотя были, даже по заключениям врачей, относительно здоровыми; главной причиной гибели становилось преждевременное старение.

Возможность понять

Один из ключевых вопросов, который ставился и ставится до сих пор при попытках понимания произошедшего в Концентрационном мире: «Почему нацисты смогли убить миллионы людей? Почему эти люди не сопротивлялись?» Попытки ответить на эти вопросы делались Б. Беттельгеймом, который считал, что обреченные были максимально подавлены, обессилены, безоружны¹, и А. Кемпинским, который объяснял эту пассивность тем, что человек в определенной степени смотрел на себя так, как видело его окружение, особенно важная часть этого окружения. А поскольку «этой важной частью были немцы», то «узники, особенно в периоды слома, видели себя их глазами»². Эти объяснения применимы к узникам, проводшим в лагерях продолжительное время и прошедшим соответствующую «обработку» насилием и лагерной средой. Однако с помощью этих аргументов невозможно понять тех, кто подчинялся за пределами лагеря (например, те, кого гнали уничтожать в Бабий Яр или депортировали в концентрационные лагеря). На наш взгляд, ключевым в этой ситуации является то, что нацисты действовали против всех привычных форм поведенческой логики. Действуя в координате этой

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 3. С. 78.

² Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 51.

«контрлогики», «логики абсурда», они выиграли несколько лет. За эти годы они сумели построить Концентрационный мир, одержать ряд побед, совершить геноцид, прежде чем эта логика стала понятна и вместе с этим стало понятно, как организовать сопротивление.

Метод исторических аналогий делает данное предположение достаточно убедительным. В XIII веке монголы победили Европу и находящуюся на политическом и культурном подъеме Русь. Эта победа стала возможной не потому, что монголы были сильнее и в военном плане технологичнее европейцев, а Русь была раздроблена. Основной причиной стала логика их действий, которая была иррациональна для европейского сознания. Для средневекового рыцаря сражение было красивым поединком (любое сражение фактически распадалось на ряд турниров) и подчинялось определенным правилам: нельзя было занимать позицию более выгодную, нежели у противника, была система построения войск, традиции боя и т. д. Война же в целом была красивым и изящным приключением, стимулом для творчества скальда или миннезингера. Напротив, для монгольского воина война была кровавым столкновением, борьбой на уничтожение, в которой надо было победить любой ценой, не оглядываясь на условности. Из этого вытекала принципиально иная военная тактика, стратегия и многое другое, что приводило к победе.

В этой же логике в годы Гражданской войны в России Красная армия победила противостоявшие ей соединения белогвардейцев. Большевики предлагали крестьянам и солдатам то, чего у них не было: волю, землю и мир, риторика первых была понятна, доступна и привлекательна для вторых. Белогвардеец, в свою очередь, стремился вернуть мужика в хорошо известное последнему прошлое с барщиной и помещиком. У белогвардейцев в общем и целом были правила, в рамках которых они не могли совершить многие из тех жестокостей, которые легко совершали их противники, никаких правил не признававшие, если эти правила мешали победить.

Поэт и драматург М. Вольпин, проведенный в заключении в Ухтпечлаге несколько лет, иллюстрировал такого рода «контрлогику» характерным примером из жизни: «Их везли в телячьем вагоне, человек тридцать столичных интеллигентов и восемь уголовников. У «политических» была с собой теплая одежда, еда на дорогу и все прочее, а у тех, разумеется, ничего. Урки сразу же выдвинули ультиматум — платить определенную дань. Интеллигенты взялись обсуждать это требование, и Вольпин дал совет: пойти на все их условия. Но большинство решило так: нас много, их мало, а потому ультиматум был отвергнут. В первую же ночь урки набросились на интеллигентов с железными прутьями, жестоко их избили и отобрали вообще все вещи. После этого «политические» принялись рассуждать, отчего они не смогли дать грабителям отпор, несмотря на внушительное численное преимущество. Вольпин говорил: — Я им тогда пытался объяснить. Наши возможности заведомо не равны. Я ради того, чтобы сохранить свой чемодан, урку не убью, не смогу убить. А он ради моего чемодана меня убьет, он с тем и идет. А потому исход всегда предreshен, всегда в его пользу»¹.

Нацистский режим в этой же координате своей логикой и последствиями действий на несколько лет обогнал привычные формы логики и схематизм поведения. «Только представим, — говорилось в секретном докладе об убийстве 5000 евреев в июне 1943 года, — что об этих событиях станет известно другой стороне и она будет их использовать. Вероятнее всего, такая пропаганда не будет иметь воздействия только потому, что люди, читающие и слышащие об этом, просто не будут готовы этому поверить»². О том, что нацисты в концентрационных лагерях говорили узникам, что, даже если последние выживут, их рассказам все равно не поверят, свидетельствуют многие

¹ Ардов М. Все к лучшему. Воспоминания. Проза. М., 2006. С. 55.

² Цит. по: Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 403.

Заклученные подходят к воротам концлагеря Терезиенштадт. 1942 г.

ущевшие заключенные. Расчет оказался верным: действия нацистов заставляли «противника» не верить, задавать вопросы и терзаться сомнениями, на которые уходило время и силы. Тем самым выигрывалось время для победы.

Недоумение, неверие, растерянность, необходимость осознать происходящее отмечены в воспоминаниях очевидцев. Киевлянка Ирина Хорошунова, услышав, что киевских евреев гонят в Бабий Яр, записала в дневнике: «Не знаю, что там. Одно знаю — происходит что-то ужасное, страшное, что-то невообразимое, чего нельзя ни понять, ни осознать, ни объяснить»¹. Актриса Киевского театра драмы Д. Проничева, которая выжила во время расстрелов в Бабьем Яру, вспоминала, что, когда шла с тысячами евреев к месту казни, не верила в то, что гибель возможна, и задавалась вопросами: «Особенно странными были эти близкие пулеметные очереди. Она все еще не могла и мысли допустить, что это расстрел. Во-первых, такие огромные массы людей! Такого не бывает! И потом — зачем?!»²

¹ Хорошунова И. Дневник киевлянки. URL: <https://gordonua.com/specprojects/khoroshunova2.html>.

² Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. М., 2015. С. 127.

Л. Лангфус приводит эпизод, которому был свидетелем, как некий молодой человек буквально на пороге газовой камеры воззвал: «Братья-евреи! Не верьте, что вас ведут на смерть. Невозможно помыслить такое, чтобы тысячи невинных людей вели вдруг на ужасную смерть. Это исключено, на свете не может быть такого жестокого, дрожь наводящего злодейства. Те, кто сказал вам это, определенно имеют какую-то цель»¹. «Прибывшие не чувствовали за собой никакой вины. Не понимали, что с ними происходит»², — вспоминала бывшая узница К. Живульская.

Х. Арендт, оказавшаяся сторонним наблюдателем, вспоминала, что даже ей понадобилось время, чтобы осознать происходящее: «Мы узнали про Освенцим в 1943 году. И мы сначала не поверили, потому что с военной точки зрения это было ненужно и необоснованно. Мой муж — бывший военный историк, он понимает что-то в этом деле. Он сказал, не будь легковерной, не принимай эти истории за чистую монету. Они не могут зайти так далеко»³. При этом нередко, даже когда происходящее становилось очевидным, ясности не наступало, так как понимание происходящего было равносильно потере рассудка. «Я думал о том, что жгли живых, и говорил себе: нет, невозможно, иначе бы я рехнулся», — вспоминал Э. Визель⁴.

С этой вывернутой наизнанку логикой узникам и наблюдателям приходилось сталкиваться и в деталях. Одной из таких деталей был уже упоминавшийся лозунг «Arbeit macht frei» («Труд освобождает»), сознательно размещенный именно на главных воротах Освенцима, Заксенхаузена, Терезина и Гросс-Розена, а не на каком-либо здании внутри лагеря. Таким обра-

¹ Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018. С. 429.

² Живульская К. Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.

³ Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 76.

⁴ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 17.

зом, он мог быть прочитан только с внешней стороны. То есть он был обращен к тем, кто входит, а не к тем, кто внутри. Этот лозунг был знаком двух параллельных миров, существовавших в Концентрационном мире: мира эсэсовцев и мира заключенных. Каждый из этих миров воспринимал лозунг в своем языке, и в обоих случаях он выглядел абсурдом и уводил человека за пределы реальности.

Узник, только попавший в лагерь и прочитавший лозунг сна-ружи, воспринимал его как указание на то, что, трудясь честно, можно освободиться из лагеря, и это поддерживало в нем иллюзии ровно столько времени, сколько требовалось для его переработки лагерной средой. Узник Освенцима П. Леви, «читавший» этот лозунг изнутри, расшифровывал его с позиции эсэсовцев совершенно иначе: «Работа — это наказание и страдание, и это не для нас, героев и лучших людей Рейха. Это для вас, врагов Рейха. И единственная свобода, которая вас ожидает, — это смерть». Эта позиция совпадала и с позицией старых узников. Далее Леви пишет: «Если бы фашизм победил, то эта надпись была бы на любом рабочем месте»¹. Это один из самых характерных примеров. В целом же почти каждая деталь Концентрационного мира, почти каждая подробность его жизни и быта вызывала вопросы: «Что это?», «Для чего это?», «Какой в этом смысл?», «Что это значит на самом деле?».

Поиск ответов на эти вопросы парализовывал способность к осмысленному существованию, что вызывало страх и подавляло волю массы обреченных. Рассматривая эту проблему, важно подчеркнуть, что речь идет именно о массе. Воля (как и храбрость) — это свойства, проявляющиеся лишь в субъектах, то есть эти свойства первичны только в индивидууме. Масса не обладает волей, а если и обладает, то «вторичной», то есть либо привнесенной извне, либо воспроизведенной изнутри, из самой массы, кем-либо из своих членов, преодолевших способность массы поглощать индивидуальность и уникаль-

¹ *Levi P.* The black hole of Auschwitz. Cambridge, 2016. P. 8–9.

Борис Якеменко

ность. Таким образом, нацистам достаточно было создать массу и парализовать ее террором и страхом, к которым масса чрезвычайно восприимчива, чтобы контролировать и подчинять сравнительно небольшими силами большое количество людей.

Для понимания и осознания происходящего, для того, чтобы нашлись правильные ответы на указанные вопросы, потребовалось продолжительное время даже для тех, кто находился в лагерях. Именно поэтому все масштабные восстания в концентрационных лагерях произошли не раньше 1943 года. В Трешлинке и Собиборе — в 1943 году, в Освенциме — осенью 1944 года, в Маутхаузене — в начале 1945-го, в Бухенвальде — весной 1945-го. При этом важно помнить, что даже после того, как ужасы лагерей стали хорошо известны (во многом это произошло благодаря усилиям Я. Карского (Козелевского), узника Варшавского гетто и лагеря в Избице, который привез в Лондон и Вашингтон доказательства тотального истребления людей, которое совершалось в лагерях), далеко не у всех сторонних наблюдателей это осознание наступило. Во многом именно этим объясняется то, что авиация союзников не бомбила лагерь смерти, хотя о том, что там происходило, было известно уже в конце 1943 — начале 1944 года. Общественное сознание, традиционно более консервативное, чем сознание отдельного индивида, цеплялось за привычные формы восприятия реальности. Именно это сопротивление сказывалось потом десятки лет на отношении к бывшим узникам и на решении вопроса о воздаянии.

Поиски смысла

Парадоксально, но факт: при подавляющей грандиозности Концентрационного мира и тотальной обреченности его обитателей попытки освобождения из него были почти ничтожны. Причем большинство из тех немногих, кто был способен к сопротивлению, уже имело внутренний опыт сопротивления и не принадлежало полностью к западноевропейской культуре. Так, первый с момента основания лагеря побег из Бухенвальда совершил русский узник, восстание в Освенциме организовала зондеркоманда, состоящая из евреев, а в Треблинке, Маутхаузене и Собиборе — советские военнослужащие (руководитель восстания в Собиборе А. Печерский также был евреем). И для тех и для других характерно было ощущение особого внутреннего единства и принадлежности к мощной объединяющей идее — религиозной или социально-политической, — лежащей за пределами западноевропейской аксиологической системы.

Что касается собственно человека Западной Европы, то для него Концентрационный мир явился тотальной катастрофой, парализовавшей волю к сопротивлению. Одна из причин этой катастрофы коренилась в том, что начиная с середины XIX столетия Западная Европа религиозно, духовно разоружала себя через либеральную протестантскую теологию, через рационализм Л. Фейербаха, через «смерть Бога» Ф. Ницше, через

пессимизм А. Шопенгауэра, через уже упоминавшееся «христианство без религии» Д. Бонхеффера. В результате опыт религиозного осмысления цивилизационных и жизненных катастроф и представления о бессмертии, о реальности жизни за порогом смерти были утрачены.

Мир отныне осмыслял и объяснял научный рационализм (Германия в первой трети XX столетия была одним из мировых научных центров, а немецкий язык был языком мировой науки), и, когда возник Концентрационный мир, большинство его обитателей оказались совершенно беззащитны. Освобождение из плена рационалистических идей запоздало произошло только в лагере. «Рационально-аналитическое мышление в лагере не только не помогало, но вело прямо к трагической диалектике саморазрушения. Во-первых, интеллектual не мог, не умел так просто, как неинтеллектual, принять к сведению невообразимое. Нарботанный навык ставить под вопрос явления повседневной жизни не позволял ему просто согласиться с лагерной действительностью, потому что она слишком резко противоречила всему, что он до сих пор считал возможным и приемлемым...» — констатировал П. Леви¹.

В свою очередь, вера, дававшая возможность усилить себя в условиях беспрецедентного давления в противовес интеллекту, который ослаблял выживаемость, создавала, по точному определению М. Мамардашвили, «индивидуальные точки необратимости, в противодействие которых упирался обратный процесс распада и разрушения»². Исследователями концлагерей и очевидцами было замечено, что люди, даже совершенно немощные телом, но имевшие духовную опору, лучше переносили лагерную жизнь и чаще оставались в живых, чем физически сильные натуры.

¹ *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 32–33.

² *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. СПб., 2018. С. 89.

Комендант Освенцима Р. Хёсс вспоминал, как вели себя в лагере Свидетели Иеговы: «Для них не существовало начальства, они признавали единственным начальником только Иегову... Айке много раз приговаривал их к телесным наказаниям за нарушение дисциплины. Они выносили наказания настолько страстно, что трудно было поверить своим глазам. Они казались какими-то извращенцами. Они просили коменданта о дальнейших наказаниях, чтобы пуще прежнего свидетельствовать о своей идее, об Иегове. После медицинского освидетельствования, которого они ждали, как никакие другие заключенные, и от которого они категорически отказались, — отказались даже подписываться под бумагой военного ведомства, — РФСС также приговорил их к смерти. Когда им об этом сообщили, они были вне себя от радости, они не могли дождаться часа экзекуции. Снова и снова они заламывали руки, с восторгом смотрели на небо и непрерывно кричали: «Скоро мы будем у Иеговы, какое счастье, что мы избраны для этого». Еще за несколько дней до того они присутствовали при экзекуции их братьев по вере, где их едва можно было удержать. Они хотели быть расстрелянными вместе с ними. Едва ли таких одержимых можно было найти где-либо еще. К своей экзекуции они бежали чуть ли не рысью. Они стояли у деревянной стены пулеуловителя с просветленными, восторженными лицами, на которых уже не было ничего земного. Такими я представлял первых мучеников-христиан, которые ожидали растерзания дикими зверями на арене. Они шли на смерть с совершенно светлыми лицами, подняв вверх глаза, сложив руки в молитве, с высоко поднятыми головами. Все, кто видел эту смерть, были ошеломлены. Смущена была даже команда исполнителей»¹.

Представители традиционных конфессий также демонстрировали стойкость, верность религиозным идеалам, смирение

¹ Комендант Освенцима. Автобиографические записки Р. Гесса. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1003046/10/Gess_Rudolf_-_Komendant_Osvencima._Avtobiograficheskie_zapiski_Rudolfa_Gessa.html.

и терпение. Когда на Йом-кипур¹ в Освенциме эсэсовцы разожгли посреди двора костер, пожарили свинину и предложили евреям поесть, никто из умирающих от голода и болезней евреев не подошел к еде². Один из свидетелей вспоминал польского священника М. Бинкевича, умершего в Дахау: «Неизменно сосредоточенный, он пользовался каждой свободной минутой, чтобы молиться. До постели он добирался зверски избитым, в жалком виде, но все равно молился, и я, пока не засыпал, слышал, как он все еще шептал свои молитвы»³. Униатский украинский священник Е. Ковч писал из лагеря Майданек тем, кто пытался его освободить: «Я благодарю Бога за Его доброту ко мне. За исключением рая, это единственное место, где я хочу быть. Здесь мы все равны: поляки, евреи, украинцы, русские, латыши и эстонцы. Я единственный священник между ними. Даже не могу себе представить, как здесь будет без меня. Здесь я вижу Бога, который является один для всех нас, невзирая на наши религиозные различия... Они умирают по-разному, и я помогаю им пройти этот маленький мостик к вечности. Разве это не благословение? Разве это не величайшая корона, которую Бог мог положить на мою голову? Это действительно так. Я благодарю Бога тысячу раз в день за то, что послал меня сюда. Я больше Его ни о чем не прошу»⁴.

Ксендз Ю. Цебуля в лагере Маутхаузен по ночам тайно совершал литургию, а французский священник Эдмунд оттолкнул эсэсовца, избивавшего ногами упавшего на землю узника, чтобы иметь возможность отпустить последнему грехи, за что отца Эдмунда по приказу охраны забили камнями другие за-

¹ В иудаизме самый главный праздник, день покаяния и отпущения грехов. В этот день соблюдается строгий пост.

² Холден В. Дети лагерей смерти. Рожденные выжить. URL: <https://topreading.ru/bookread/25824-vendi-xolden-deti-lagerei-smerti-rozhdennye-vyzhit/page-43>.

³ Цит. по: Риккарди А. Век мученичества. Христиане двадцатого столетия. М., 2018. С. 192.

⁴ Ковч Е. Письмо священника из концлагеря. 1942 г. URL: <https://isralike.org/2017/04/24/емельян-ковч-письмо-священника-из-конц/>.

ключенные. Лютеранский пастор П. Шнайдер, находясь больше года в одиночной камере Бухенвальда за отказ салютовать Гитлеру, при любой возможности громко проповедовал через окно и каждый раз, произнеся всего лишь несколько слов, подвергался жестоким истязаниям, но не прекращал проповеди¹. И. Фондаминский, заключенный лагерей Руалье, Дранси и Освенцима, уже в лагере был крещен в православие и, по одной из версий, был насмерть забит охраной за то, что вступился за еврея².

Один из наиболее известных примеров стойкости верующего в лагере — поведение и образ жизни в лагерях священника отца Дмитрия Клепинина и монахини Марии (Скобцовой). Дмитрий Клепинин, оказавшийся в лагерях Руалье и Дора (филиал лагеря Бухенвальд), активно поддерживал других заключенных, сменил знак F на одежде, означавший принадлежность к Франции, на SU — знак узника из СССР, чтобы принимать те же страдания, что и советские заключенные, которых истязали сильнее. Когда один из узников, который занимался распределением на работы, пытался спасти священника от тяжелого труда как человека в возрасте (Клепинин выглядел дряхлым стариком), отец Дмитрий на вопрос эсэсовца о возрасте честно назвал свои истинные годы (ему было всего 39 лет) и был оставлен на тяжелых работах. Умирая на бетонном полу и будучи не в состоянии двигаться, отец Дмитрий попросил находившегося рядом узника поднять ему руку и перекрестить себя³.

Монахиня Мария (Скобцова) была арестована и помещена в Равенсбрюк за помощь евреям. «Оказавшись в лагере, она целиком обернулась к бедам и нуждам окружающих ее заключенных, — пишет ее биограф К. Кривошеина. — Более того,

¹ Цит. по: Риккарди А. Век мученичества. Христиане двадцатого столетия. М., 2018. С. 192.

² Щербатов А.П., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. М., 2005. С. 386.

³ Шкаровский М. Холокост и Православная церковь. М., 2016. С. 123–124.

несмотря на повседневные лагерные ужасы, она находила слова утешения для других, сохраняла веселость, шутила и никогда не жаловалась. В лагере ей удалось устраивать настоящие «дискуссии», окружив себя самыми разными по возрасту и вере людьми, которые вспоминали, что «...она помогала восстановить нам утраченные душевные силы, читала нам целые куски из Евангелия и Посланий»¹. На Пасху 1944 года она, чтобы создать праздничное настроение, украсила окна барака вырезками из бумаги, вышивала иконы нитками, добытыми из обмоток электрических проводов. «Она никогда не бывала удрученной, никогда не жаловалась, — вспоминала одна из узниц. — Она была веселой, действительно веселой. У нас бывали переключки, которые продолжались очень долго. Нас будили в три часа ночи, и нам надо было ждать под открытым небом, пока все бараки не были пересчитаны. Она воспринимала все это спокойно и говорила: «Ну вот, и еще один день проделан. И завтра повторим то же самое. А потом наступит один прекрасный день, когда всему этому будет конец»². Монахиня Мария (Скобцова) погибла в газовой камере за несколько дней до освобождения лагеря. Существует версия, что она заменила собой обреченную на смерть в камере еврейскую девушку, поменявшись с ней одеждой.

Вера в условиях лагеря наполняла особым смыслом детали, фрагменты почти разрушенной религиозной среды и быта (четки, крестики, рисунки, тайно изготовленные литургические предметы, случайные изображения святых и т. д.), которые с помощью веры вырастали до масштабов целого. Вера имела опору именно в этих деталях, в условиях невероятного внешнего давления узникам важно было их постоянно видеть перед собой и осязать. Поэтому пребывание верующего в лагере, в условиях почти полной невозможности чтения текстов,

¹ Кривошеина К. Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая. URL: <http://mere-marie.com/creation/beauty-saving/>.

² Цит. по: Гаккель Сергей., *прот.* Мать Мария. М., 1993. С. 150–151.

Мать Мария (Скобцова)

ослабления физических и духовных сил, обостряло визуальность и осязательность, теофания подменялась иерофанией. То есть невозможность из-за страданий, тяжелого труда, истязаний, голода увидеть Бога апофатически, в молитвенном опыте, приводила к тому, что усиливалось стремление видеть и осязать Бога и святых, воплощенных и явленных в конкретных предметах, катафатически, телесно.

Польские и галицийские евреи в Майданеке хранили как великую святыню чудом попавший в лагерь тфилин¹. Польский священник Владислав Демский был замучен в Заксенхаузене за отказ осквернить четки, а итальянский священник Анжели сравнивал лагерь с литургическими сосудами: «Этот кишачий людьми лагерь был как большой дискос, более драгоценный, чем все золотые дискосы наших церквей. Он был

¹ Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 249. *Тфилин* — важный элемент молитвенного облачения еврея, представляющий собой кожаную черную коробочку, содержащую написанные на пергамене отрывки из Торы.

словно жертвенная чаша, наполненная всеми ужасными страданиями мира, и мы поднимали ее к небу, моля о милости, прощении и мире»¹. То есть лагерь, место тотального уничтожения, для верующего семиотически уместается в евхаристическую чашу — место всеобщего единения, а сама чаша разрастается до масштабов лагеря, и из нее верующие причащаются страданий, мучений и скорби Христа. В этих условиях любой жест, действие, слово становятся сакральными, сотериологическими, приобретают исповеднический, литургический характер.

«Религиозная вера, — писал Ж. Амери, — в решающие моменты оказывала им (верующим. — Б.Я.) неоценимую помощь, тогда как мы, скептики-гуманисты, напрасно зывали к своим литературным и художественным кумирам... Они держались лучше и умирали достойнее, чем их бесконечно более образованные и искушенные в тонкостях мышления неверующие или аполитичные товарищи»². Это было связано и с тем, что религиозная вера создавала выбор, давала стереоскопический взгляд на мир, каким бы этот мир ни был. Возможность любого, самого незначительного, выбора между действием по собственной воле или по принуждению, стремление создать ситуацию, разрешимую только через выбор, создавали «чувство укрытости» (Д. Бонхеффер), пространство, где локализовалось личностное начало, которое и создавало ощущение жизни. Э. Эгер вспоминает, как, умирая от голода в Освенциме и встав перед необходимостью есть траву, она решила «занять свой разум выбором. Одна травинка или другая. Есть или не есть. Съесть вот эту травинку или вон ту»³. Разум, интеллект, образованность, начитанность, то есть то, что прежде составля-

¹ Цит. по: Риккарди А. Век мученичества. Христиане двадцатого столетия. М., 2018. С. 197.

² Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одолеть. М., 2015. С. 37.

³ Эгер Э.Е. Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М., 2020. С. 93.

ло фундамент и стержень жизни, служило источником благополучия и условием общественного положения, в лагере превратилось в главного врага заключенного, становилось одним из ключевых факторов, ведущих человека к гибели. Прежде всего потому, что не предполагало выбора, — все, находящееся за пределами этих категорий и качеств, представлялось невозможным по определению.

Следует отметить, что некоторым узникам удавалось именно с помощью прежних увлечений, науки и былых профессиональных навыков, с помощью выбора между собой прежним и собой настоящим сохранить внутреннюю самостоятельность и способность мыслить, искать ответы на вопрос о произошедшей катастрофе не в реальности концентрационного лагеря, а в чем-то ином. Так, молодая девушка Р. Клюгер на многочасовых поверках в Терезиенштадте читала про себя баллады Шиллера и другие стихи. Психиатру В. Франклу в том же лагере помогла выжить его врачебная деятельность. Б. Беттельгейм, как психолог, в Дахау находил силы и возможности анализировать происходящее и формировать в сознании схему будущей книги. Музыкант и композитор О. Мессиян в Шталаге VIII написал и исполнил (в мороз, на неисправных инструментах) одно из лучших своих произведений — квартет «На конец времен». Математик Я. Трахтенберг в Освенциме, постоянно занимаясь в уме сложением, делением и вычитанием цифр, придумал используемую и сегодня систему, позволяющую упрощенно осуществлять математические действия. Художник И. Бэкон в Освенциме делал наброски всего, что видел, и впоследствии его рисунки использовались во время судебных процессов над нацистскими преступниками. Члены зондеркоманды Освенцима находили время и силы делать записи о происходящем, причем эти записи отличает великолепная форма изложения и прекрасный язык, что свидетельствует о том, что эти обреченные люди сохраняли высокую письменную культуру и оставались верны литературным традициям прежней жизни. Однако этот «лагерный стоицизм»

был тем исключением, которое лишь подтверждало всеобщее правило.

Во многом катастрофа ученых и интеллектуалов, оказавшихся в лагере, была связана еще и с тем, что европейское секулярное сознание осмысляло жизнь как необходимость достичь определенных высот в науке, культуре, общественной или политической жизни. Как только человек оказывался в лагере, все это не просто исчезало, но начинало мешать существовать. «Заключенные, особенно из тех, кто принадлежал ранее к среднему классу, пытались произвести впечатление на охрану своим положением, которое они занимали до ареста, или вкладом в развитие страны. Но любые попытки в этом направлении только провоцировали охрану на новые издевательства»¹, — отмечал Б. Беттельгейм. Таким образом, жизнь обесмысливалась, что постоянно подчеркивалось окружающей действительностью.

Лагерная система, собственно, и была построена так, чтобы сознательно обесмыслить существование. Не случайно заключенных (особенно новичков, что важно) во всех лагерях постоянно заставляли выполнять откровенно бессмысленную работу. Г. Нуйокс, находившийся в заключении в Заксенхаузене, вспоминал, как эсэсовец внезапно заставил группу узников прекратить разравнивать расчищенный участок леса и вырыть на нем огромные ямы. «Вся наша работа до этого пошла прахом, она не имела ровным счетом никакого смысла», — вспоминал он². «На территории лагеря, — свидетельствовал один из узников концентрационного лагеря Саласпилс, — нас поразило невиданное зрелище. Здесь вертелась живая карусель из заключенных. Узники с носилками бегом передвигались по большому кругу и безо всякой надобности на носилках переносили грунт с одного места

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. URL: http://bookap.info/sociopsy/bettelgeym_prosveshchenoe_serdtse/gl30.shtm.

² Вахсман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017. С. 160.

на другое. Гестаповец следил презрительным взглядом за этим бессмысленным занятием и время от времени покрикивал: «Быстрее, быстрее!» И люди бежали. Потные, худые, измученные»¹.

«На следующий день — это было воскресенье, — писала С. Посмыш, находившаяся в заключении в Освенциме, — я отправилась к баракам команд, работающих вне лагеря. Шел проливной дождь. Все заключенные убирали плац. Женщины накладывали грязь лопатами на носилки и несли за ворота. Бессмысленное занятие. Жидкая грязь стекала с носилок прежде, чем женщины успевали пройти полдороги. Я сказала об этом наблюдавшему за ними дежурному эсэсовцу. Он посмотрел на меня как на полоумную. Потом загоготал: «Вы, видно, новенькая...»² Именно на таких работах погибало больше всего заключенных — сознание бесконечности и абсолютной ненужности труда морально уничтожало человека еще до его физической смерти.

Кроме того, жизнь обесмысливалась еще и тем, что человек в лагере знал, что конец обязательно наступит, но не знал, когда именно. В связи с этим он не мог ничего планировать, рассчитывать, не был в состоянии ни на что опереться. Еще одна проблема заключалась в том, что страдание человека имеет смысл и может быть перенесено только тогда, когда смысл имеет его жизнь. Для человека религиозного страдание в лагере осмыслялось жизнью, выходящей за пределы земного существования, всем религиозным опытом человечества. Для человека нерелигиозного после исчезновения в лагере смысла жизни оставалось только страдание, усиленное во много раз, страдание, похожее на муки животного, которое не понимает, откуда берется страдание, зачем оно и как его прекратить. Та-

¹ Воспоминания бывшего узника концлагеря Саласпилс. URL: http://mywars.ru/vtoraja-mirovaja-vojna/vojna-glazami-ochevidcev/iz_vospominaniy_bivshego_uznika_konclagerya.html.

² *Посмыш С.* Пассажира. URL: https://royallib.com/read/posmish_zofya/passagirka.html#122880.

ким образом, Концентрационный мир стал тупиком рационализма и апофеозом безрелигиозного мира.

По выражению В. Подороги, Концентрационный мир стал символом впервые явленного миру «Абсолютного Зла»¹. Провозгласив смерть Бога (и вместе с этим — его антипода, диавола, что видно по католическому и тем более протестантскому богословию, откуда диавол был почти полностью выведен, сделан предельно неконкретным), то есть абсолютного блага, Европа закономерно столкнулась с явлением Абсолютного Зла. В связи с этим перед теми, кто сохранял способность к мышлению в лагере, неизбежно возникал вопрос: «Можно ли постичь это зло, не прибегая к религиозным категориям?» Все происходившее в концлагерях было настолько непредставимо, что демонизация виновных происходила невольно, в результате чего возникала «апокалиптика концлагеря». И здесь европейское общественное сознание сталкивалось с неразрешимой задачей. Опыт религиозной оценки такого рода событий, как уже говорилось, был к середине XX столетия утрачен, а описать и постичь произошедшее в обычных категориях оказалось невозможно. Возникал «тупик непонимания», который парализовал волю заключенного и лишал его сил для сохранения жизни.

С другой стороны, для человека религиозного лагерь становился не доказательством небытия Бога (хотя очень многие в лагерях теряли веру), а раскрытием особого значения человека в мире. Луи Путрэн, французский священник, узник Освенцима, свидетельствовал, что именно в лагере в нем созрело сознание священной ценности человека: «В Освенциме... я был свидетелем презрения человека к человеку, унижения человека человеком... Я стремился быть благородным во всех моих человеческих поступках, даже в тех, в которых внешне нет ничего человеческого... Я поставил перед собой задачу

¹ Подорога В. Время после. Освенцим и Гулаг: Мыслить абсолютное зло. М., 2013. С. 22.

проповедовать человека, без слов, только поступками. Позже я открыл, что это служение человека ставило меня в самое сердце священного»¹.

Немаловажной в той трагической «секуляризации сознания», о которой шла речь выше, на наш взгляд, является роль М. Хайдеггера — применительно к данному сюжету речь пойдет о его роли как философа, а не как интеллектуала на службе у нацистского режима². Именно с работами М. Хайдеггера многими интеллектуалами связывался «конец метафизики», то есть если Ф. Ницше заявил о «смерти Бога», то М. Хайдеггер это обосновал. Однако в контексте рассматриваемого сюжета

¹ *Рокуччи А.* Христиане в концлагерях. Некоторые размышления о христианах в концлагерях: опыт коммунизма и нацизма. URL: http://pravmis1.ru/index.php?id=370&option=com_content&task=view.

² Подробнее о «нацистском» периоде жизни М. Хайдеггера см.: *Кунц К.* Совесть нацистов. М., 2007. С. 68–76. В целом роль М. Хайдеггера в легитимизации и поддержке нацистского режима нельзя считать случайной и незначительной. С. Лем дает в связи с этим очень точную и строгую оценку М. Хайдеггера: «Хайдеггер был философом. А тот, кто занимается природой человеческого бытия, не может молча пройти мимо преступлений нацизма. Если бы Хайдеггер счел, что они относятся к «низшему» уровню бытия, то есть носят чисто уголовный характер, выделяющийся единственно степенью, в которую их возвела мощь государства, и занимаясь ими ему не пристало по тем же самым причинам, по каким философия не исследует уголовные убийства, ибо ее предмет далек от предмета криминалистики, — если, повторяем, Хайдеггер счел именно так, он либо слепец, либо обманщик. Тот, кто не видит внекриминального значения преступлений нацизма, умственно слеп, то есть глуп; а какой из глупца философ, хотя бы он мог даже волос расщепить натрое? Если же он молчит, чтобы не говорить правды, он изменяет своему призванию. В обоих случаях он оказывается пособником преступления — разумеется, не в замысле и выполнении, такое обвинение было бы клеветой. Пособником он становится как попуститель, пренебрежительно отмахиваясь от преступления, объявляя его несущественным, отводя ему — если вообще отводя — место где-то в самом низу иерархии бытия. То, что человеку по имени Хайдеггер вменяли в вину поддержку, которую он лично оказал нацистской доктрине, в то время как его сочинениям, глухим ко всему, касающемуся нацизма, этот упрек адресован не был, подтверждает существование заговора совиновников. Совиновны все те, кто готов приуменьшить ранг преступлений нацизма в иерархии человеческого бытия». См.: *Лем С.* Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.

необходимо обратить внимание на базовое положение М. Хайдеггера, касающееся бытия. Поставив вопрос о природе бытия и отказавшись от метафизического понимания последнего, М. Хайдеггер пришел к выводу, что бытие необходимо понимать не как объективную структуру, постигаемую разумом в целостности, а как событие¹. То есть, как писал Д. Ваттимо, «бытие открывается нам не как нечто стабильное, вечное и т. д., но бытие — это лишь то, что время от времени случается в своей событийности»². В результате происходит «ослабление бытия», оно становится крайне неустойчивым и значение начинают приобретать вещи временные, сиюминутные.

Таким образом, М. Хайдеггер выбил почву из-под ног у значительного количества интеллектуалов или людей, встроенных в интеллектуальную жизнь. И то, что являлось до войны предметом дискуссии, стало в Концентрационном мире вопросом жизни и смерти, вывело на первый план именно случайные «события», от которых теперь человек зависел целиком и полностью. Вернее, он и был этими событиями, комплексом случайностей, в рамках которых сама личность человека также всего лишь «случалась», а не была. «Ты мог быть в лагере голодным, быть усталым, быть больным, — писал Ж. Амери, — но говорить, что ты есть вообще, было бессмыслицей. А уж бытие вообще превращалось в безотносительное и потому пустое понятие... Нигде в мире у реальности не было такой реальной силы, как в лагере, нигде больше она не была настолько реальностью»³.

То есть именно Концентрационный мир стал местом, где деформация метафизики достигла своего апогея, где сложилась организованная система разрушения внутреннего мира человека через обесмысливание существования. Сила абсолютной власти в концлагерях, по замечанию В. Софски,

¹ *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

² *Ваттимо Д.* После Христианства. М., 2007. С. 27–30.

³ *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одолеть. М., 2015. С. 45–46.

проявилась «целиком в своей способности преобразить и разрушить *humana conditio* (человеческую суть)», сломав «универсальные структуры, в пределах которых действует человек: его ориентиры среди вещей и во внешнем мире, его отношения с другими людьми и с самим собой»¹. Вход в лагерь означал переход в мир, лежащий вне цивилизации и человечества, мир тотальной бессмыслицы, непостижимой для рационального сознания большинства оказавшихся в лагерях. И только религиозная вера могла извлечь смысл из этой бессмыслицы и если не спасти от смерти, то придать смерти значение и осмыслить ее.

¹ Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Translated by W. Templer. Princeton University Press, 1997. P. 102.

Финал

Смерть была нервом нацистских концлагерей, началом и концом Концентрационного мира, занимая в феноменологии этого явления самое значительное место. Начать следует с того, что массовые убийства заключенных в лагерях не имели характера правового процесса, это не была «смертная казнь» в общепринятом смысле, так как в абсолютном большинстве случаев она никак не оформлялась юридически. Поскольку вопрос об обусловленности, причинности убийства не ставился, казни не воспринимались как наказание ни палачами, ни жертвами.

В лучшем случае казни совершались публично «в назидание» остальным, что означает, что смерть обреченного (термин «приговоренный» здесь не может быть применен, так как приговора, как правило, не было) не имела для самого обреченного никакого значения, никак не оправдывала его конец, а, напротив, обесмысливала его. Хотя бы потому, что в назидание, как правило, мог быть казнен кто угодно (очень часто казнили некое конкретное число людей, личность и проступки которых не имели никакого значения), что означает, что смерть конкретного человека, которого вели к виселице или ставили на расстрел, была «смертью вообще», общим случаем, получившим частное применение. Таким образом, отдельного человека в лагере уводили от собственной, личной смерти к безличной

Бывший комендант одного из филиалов концлагеря Дахау
Иоганн Айхельсдорфер среди убитых узников. 1945 г.

смертности, он умирал «общей», обобществленной смертью, исключавшей любое осмысление происходящего и произошедшего как самим обреченным на смерть, так и сторонними наблюдателями. То есть он умирал чисто биологической смертью, которая обычно именуется «издыханием».

Восприятие индивидуумом факта умирания «общей смерти» приводило к принципиально новому осознанию себя. Весь человеческий опыт показывает, что «общей смерти», «смерти вообще» не существует, она всегда адресна, индивидуальна, причем этот адрес никогда не совпадает с твоим, он всегда чей-то еще. Легко представить чужую смерть, но свою представить невозможно. Л. Толстой очень точно показал это состояние «непредставимости» в «Смерти Ивана Ильича». «Иван Ильич видел, что он умирает, и был в постоянном отчаянии. В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого. Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветтера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мамой, папой, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня! Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал шелк складок платья матери? Разве он бунтовал за пирожки в Правоведении? Разве Кай так был влюблен? Разве Кай так мог вести заседание. И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно. Так чувствовалось ему»¹.

Вера, часто неосознанная, на уровне смутных ощущений, в личное бессмертие живет в каждом человеке, что было зафиксировано как христианской традицией, так и психоанали-

¹ Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича. М., 1967. С. 67.

зом. При этом важно понимать, что эта вера проистекает не столько из инстинктивного стремления уцепиться за жизнь, сколько из указанной выше онтологической непредставимости смерти для живого человека. Однако в концентрационном лагере человек, лишенный имени, привычного тела, любой личной вещи, создавал, что приведенный выше силлогизм имеет прямое отношение именно к нему. Вера в неизбежную «общую смерть» оставалась единственной верой из тех вер, которые человек имел до лагеря, очевидность этой смерти подавляла естественную непредставимость своей кончины. Все знали, что их индивидуальная жизнь просто в какой-то момент перерабатывается в «общую смерть». При этом масштаб «общей смерти» и ее непреложность лишали человека возможности сделать смерть из общей своей, частной, путем, к примеру, гибели за кого-то, так как эта гибель, по М. Хайдеггеру, «с другого ни в малейшей степени не снимала его смерть»¹, что ощущалось в условиях лагеря очень остро.

Чем больше было смертей, тем больше смерть как таковая формализовывалась, в том числе и в формах и способах уничтожения людей. Вместо расстрелов, приводящих к «убийствам» и «гибели» жертв, то есть смерти, аналогичной гибели на фронте, в бою («Расстрел считался в Освенциме смертью почетной»²), стали применяться газовые камеры (возник даже технический термин «газация», употреблявшийся и узниками), костры, дубинки, кирки, ломы, лопаты. Заключенных травили, забивали насмерть ногами и кулаками, топили в корытах умывальников, сжигали полуживых, закапывали живыми в землю.

То есть администрация лагерей для уничтожения заключенных использовала способы, применяемые к животным, насекомым-вредителям (характерно, что «Циклон Б», пестицид

¹ Хайдеггер М. Бытие и время // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 240.

² Бойко В. После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojkovadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.

и инсектицид, которым травили людей в газовых камерах, в Освенциме использовался и по первоначальному назначению как дезинфицирующее средство против вшей) или вообще неживым объектам — дровам и мусору. По свидетельству одного из узников, «немцы запрещают произносить слово «смерть» и слово «жертва», потому что это не тела, а просто деревянные чурбаны, ничего не значащие вещи, дерьмо, мусор»¹. Таким образом, именно через смерть в лагере снималось коренное различие между человеком и любым другим живым организмом и даже предметом, то есть бытие опредмечивалось, люди трансформировались в объекты.

В традиционных категориях только человек имеет привилегию умереть, остальное живое просто околеваает, кончается, а для предметов, исчисляемых штуками, вообще не существует нарратива, оформляющего конец. Их просто выбрасывают, обозначая этим окончание срока их службы, пребывания в пространстве человеческого бытия. Узник элиминировался, происходило именно окончание того, что когда-то называлось человеком, свершался финал биологического или даже уже материального существования. Человек (или то, что от него оставалось) выбрасывался из бытия как мусор, прекращал пребывание в бытии, переставал существовать не только для себя, но и для лагеря и всех, кто в нем. Таким образом, главной задачей системы Концентрационного мира было уничтожать людей не по какой-то (любой) причине, а просто для того, чтобы их не было.

Традиционно, особенно в языческих культах, что, безусловно, знали нацисты, воссоздававшие многие языческие ритуалы, а затем и в христианской культуре, способ смерти подчеркивал, маркировал статус обреченного на смерть. Христа распяли, то есть применили к нему казнь, которая применялась только к рабам, апостолу Павлу отсекали голову, поскольку он был римский гражданин и распинать его было нельзя, киевского

¹ Ланцман К. Шоа. М., 2016. С. 24–25.

князя Игоря древляне казнили, привязав к двум согнутым деревьям, как вора, и т. д. В нацистской Германии исключительно пышные похороны «карийцев» противопоставлялись удушению в газовых камерах и сожжению в печах «недочеловеков», то есть эти формы смерти были взаимосвязаны и не могли существовать друг без друга.

Форма и способ умерщвления человека в лагере маркировала его как «ничто», деперсонизировала его, превращая смерть человека в дематериализацию биологического объекта, стирание тени на стекле, что отражалось и в терминологии. Надзирательница концлагеря Бельзен перед военным судом свидетельствовала, что в ее распоряжении было шестнадцать «штук» заключенных¹. «Немцы их (узников Сырецкого лагеря. — Б.Я.) вообще не принимали всерьез за людей и на утреннем построении докладывали: — Триста двадцать пять «фигурен» построены! «Фигурен» — это значило фигур, теней, чего-то такого, что за человека считать нельзя»². Существовали характерные прозвища заключенных: «кретины» (Дахау), «верблюды» (Майданек и Нойенгамм), «отбросы» (Равенсбрюк)³. В результате массовая гибель людей из чрезвычайного происшествия стала, по выражению Л. Макаровой, «постоянным атрибутом реальности»⁴, неотъемлемой частью системы национал-социализма, так же как постоянным атрибутом реальности является гибель насекомых, поломка вещей или увядание травы, на которые никто почти не обращает внимания.

Система концлагерей была выстроена так, что смерть, которая обычно представляется как некое мгновение перехода

¹ Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapishnaya_knigka_filologa.html#1187840.

² Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. М., 2015. С. 418.

³ Аристов С.А. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017. С. 163.

⁴ Макарова Л. Смерть в мировоззрении национал-социализма // Смерть, как феномен культуры. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994. С. 145.

из временной жизни в вечную, как отрицание жизни, оказалась внесена непосредственно в жизнь и существовала в ней продолжительное время. Это суждение может показаться очевидным, так как еще святой Бернар говорил: «Смерть набирается на жизнь, и жизнь включает в себя смерть, поглощая ее»¹, а сегодня то, что в терминологии С. Чебанова называется «парциальной смертью» (то есть смертью, которая в тех или иных формах сопровождает человека с рождения в виде отшелушивания кожи, выпадения волос и пр.), является общим местом. Однако для Концентрационного мира смерть, внесенная в жизнь, была совершенно особым феноменом хотя бы потому, что это присутствие постоянно ощущалось. Человека, которого раньше убивали (или он умирал) один раз в конце жизни, теперь убивали на протяжении жизни, вернее, того, что ею считалось в лагере. Возникало ощущение, что смерть не когда-то придет, и, как всегда, внезапно, — она давно пришла и присутствует при каждом моменте бытия. В результате жизнь и смерть становились неразличимы и неразделимы между собой, происходила диффузия смерти в жизнь, и, по точному выражению Х. Арендт, «смерть теряла признак конца жизни»².

В этой ситуации человек переставал понимать, жив он или мертв и если жив, то можно ли назвать жизнью то, что если не хуже, то точно не лучше смерти. Один из тех солдат, что освобождали Освенцим, вспоминал: «Мы зашли в один барак после крематория. Там я видел пепел, на входе — вещи и одежду... И вот когда я зашел в барак, я еще подумал: «Живой пепел». Не передать это ощущение — вроде живой человек, а вроде — нет»³. Эта ситуация кардиналь-

¹ Цит. по: Янкевич В. Смерть. М., 1999. С. 188.

² Арендт Х. Очевидно, здесь Арендт применяет к концлагерям размышления Хайдеггера о жизни как о постоянном умирании, «бытии-к-смерти». См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

³ История солдата — освободителя Освенцима. URL: https://pikabu.ru/story/neizvestnyiy_osventsim_o_chem_uzniki_lagerya_smerti_molchali_70_let_399599.

но противоречила основному положению всех человеческих культур, согласно которому смерть не заключена изначально в природе вещей, а приходит в мир в результате некоей катастрофы. В результате возникает парадокс, отсылающий нас к уже высказанному выше положению об ощущении человеком собственного бессмертия, — смерти нельзя избежать, но она противоестественна, ее не должно быть. На этом парадоксе строится все сопротивление человека смерти, конфликт человека со смертью является основной витальной силой.

Однако в лагере этот конфликт оказывался «улажен» так, как описано выше, в результате чего жизнь утрачивала значение и ценность, тотально проигрывая смерти. Все в лагере показывало узнику, что он скорее мертв, чем жив и из жизни попал в царство смерти. Э. Эгер вспоминает, как, только что прибыв в Освенцим, привела в бешенство заключенную-«старожила», «напомнив ей об обычной жизни»¹. На это же обращает внимание и П. Леви, указывая, что «старожилы» ненавидели вновь прибывших, поскольку от них «пахло волей»². Очевидно, не столько волей, сколько именно жизнью. Параллели к такого рода форме отношений можно найти в еще в глубокой древности, как, например, в сюжетах на ковре V века до нашей эры из Пазырыкского кургана, где обитательница загробного мира зажимает нос, видя только что умершего, потому что от него «воняет жизнью» (это реконструировал для фольклора В. Пропп)³. Не случайно администрация лагерей старалась до определенного времени не допускать контакты между «старыми» заключенными и только что доставленными. «Никто из старожилов не имел права подойти к новоприбывшим, — вспоминала А. Никифорова. — Они окружены

¹ Эгер Э.Е. Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М., 2020. С. 58.

² Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 31.

³ Клейн Л.С. Первый век. Сокровища сарматских курганов. СПб., 2016. С. 51.

и загорожены полицией»¹. «Новеньких пустили к остальным заключенным лишь после того, как их догола раздели, обрили и продезинфицировали», — отмечает Х. Макадэм².

Важно понимать, что большинство людей, прибывавших в концентрационные лагеря, особенно евреи, еще до лагеря пережили «гражданскую смерть» (хотя сами далеко не всегда это осознавали), которая в значительной степени была указанием на неизбежность их физической гибели в будущем. Декрет от 27 февраля 1933 года, вышедший через день после пожара Рейхстага, приостанавливал гражданские свободы в целом, а «Нюрнбергские законы» («Закон об охране немецкой крови и чести» и «Закон об охране наследственного здоровья немецкого народа») 1935 года ликвидировали дополнительно гражданские права евреев³, и все евреи не только Рейха, но и захваченных территорий пережили еще до войны и в первые месяцы войны ряд различных кампаний по десоциализации, которые в точности предвосхищали их будущее бытие в Концентрационном мире.

Среди этих кампаний — необходимость носить желтые звезды, которые были аналогом татуированного номера в лагере, запрет посещать определенные места (запреты на свободное передвижение в пределах лагеря), погромы и спонтанные унижения (насилие в лагере), переселение в гетто (лагерная селекция). Таким образом, не только власть морально освобождала себя от колебаний по поводу грядущего физического уничтожения евреев и других «неграждан», а за ними и остальных, но и сами лишённые прав должны были понимать (и некоторые, очевидно, понимали), что отправка в концлагерь и физическое уничтожение после того, что произошло, — это только малозначащая формальность. То есть

¹ Никифорова А. Это не должно повториться. СПб. — М., 2017. С. 44.

² Хэзер Макадэм. Из было 999 в первом поезде в Аушвиц. М., 2022. С. 149.

³ Подробнее см.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 5. М., 1991. С. 636–639.

«вступление в смерть» для многих начиналось задолго до падения в лагерь.

Парадоксально, но факт: большинство обреченных не чувствовало своей обреченности, настойчиво отгоняя мысль о неизбежности скорого конца, даже если эти обреченные были уже собраны в одном месте, например в гетто. И до гетто, и в гетто, и после гетто, уже в вагонах поездов, идущих в лагерь, придумывались сотни поводов к тому, чтобы обмануть себя. Э. Визель точно заметил, что «гетто управляли не немцы, не евреи, а иллюзии»¹. «Мы добровольно выбрали слепоту, — писал П. Леви. — Поскольку жить хотелось, молодость брала свое и кровь в жилах была горяча, нам не оставалось ничего другого... мы «не замечали» или, отгоняя мысли об опасности, не воспринимали, а потому тут же забывали пугающую нас информацию»². Витеслав Ледерер, бежавший из Аушвица в форме эсэсовца, «несколько раз тайно посещал Терезин. Там он встречался с членами еврейского совета старейшин и рассказал им о том, что их ожидает в Аушвице. Но они не верили ему, а только качали головами... столь недостоверными и нелепыми байками они решили 35 тысяч евреев не волновать»³. На данном примере можно наглядно видеть, как работает феномен, показанный еще Гегелем на примере поздней истории Рима и заключающийся в том, что осознание ситуации может запаздывать по отношению к ней. Это является причиной того, что человек (социум) ждет наступления событий, которые уже произошли, и поэтому неизбежно проигрывает обстоятельствам. То есть обреченные думали, что смерть может и не случиться, не верили, в то время как она уже произошла.

«Ретроспективное существование» (по выражению В. Франкла), то есть существование, когда все лучшее, все похожее на

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 42.

² Леви П. Периодическая система. М., 2008. С. 77.

³ Полян П. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о катастрофе. М., 2010. С. 226.

жизнь, осталось в прошлом, а будущего нет, лишь подчеркивало «пребывание в смерти». В результате одним из следствий системы концлагерей становится равнодушие и даже инстинктивное влечение к смерти, перекрывающее естественное желание жить. У тысяч людей развивалась психология сидящего в камере смертников узника, когда каждый день может стать последним и напряжение настолько невыносимо, что возникает стремление самостоятельно приблизить конец, каким бы он ни был, чтобы освободиться от страха.

Однако, как уже говорилось выше, апатия не позволяет приблизить этот конец искусственным путем: если «эта» смерть уже здесь и она такая, какую ее видят заключенные, то есть ли смысл приближать «ту». В результате этой парадоксальной ситуации человек оказывался постоянно находящимся между жизнью и смертью — он не имел сил и желания покончить с собой, но и не имел возможности жить. Возникла «привычка к смерти», неизвестная ранее новая, «третья», пограничная форма существования, формировавшая новый тип человека — обитателя Концентрационного мира, преддверия мира загробного, человека, которого, по точному замечанию Ж. Амери, больше интересовало не «что произойдет», а «как произойдет». То есть теперь боялись не смерти, а умирания и его форм¹ (примечательно, что администрацию лагерей, эсэсовцев и охранников, то есть тех, кто непосредственно планировал и осуществлял массовые казни, тоже беспокоили только способы осуществления убийств, но не сами убийства). Характерно замечание узницы Освенцима Д. Стернберг-Ньюман:

¹ *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. М., 2015. С. 40–42. Примечательно, что это же соображение беспокоило и коменданта Освенцима Р. Хёсса: увидев, как действует газовая камера, он «успокоился»: «Все мы будем избавлены от кровавых бань, да и жертвы до последнего момента будут испытывать щадящее обращение». Комендант Освенцима. Автобиографические записки Р. Гесса. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1003046/11/Gess_Rudolf_-_Komendant_Osvencima._Avtobiograficheskie_zapiski_Rudolfa_Gessa.html.

«Я боялась смерти меньше, чем побоев»¹. Апофеозом такого существования становились уже упоминавшиеся мусульмане, которых не интересовали даже формы умирания.

В обычной жизни смерть подводит итог жизни человека и определяет, кем он все-таки был, устанавливает смысл, «участвует в жизни»², по выражению М. Мамардашвили. Ценность смерти в том, что она служит примером, завершает время и открывает вечность, понимаемую И. Кантом как «конец всех времен, когда на фоне непрерывного продолжения бытия человека этот срок (если рассматривать его как меру) представляет собой величину, совершенно не сопоставимую со временем, о которой, однако, мы не можем составить себе никакого понятия (иначе как только негативное)»³. Однако в Концентрационном мире времени не было, на что указывало прежде всего отсутствие срока заключения. Человек водворялся в лагерь навсегда, то есть время как категория заканчивалось, а «пребывание в смерти», подчеркнутое болью, насилием и унижениями, подчеркивало именно отрицательный, негативный характер вечно длящегося и никогда не завершающегося конца.

Масштаб смертей в Концентрационном мире был настолько подавляющ, что концентрационные лагеря можно назвать заводами по производству смерти. Впервые в истории возникли места, где смерть производилась и воспроизводилась сознательно, она и была целью («Имре и Алекс тихо признались себе, что единственной целью их здесь пребывания была смерть», — свидетельствовал Д. Коун⁴). В предыдущей истории человека смерть была следствием военных столкновений или закономерным концом человека в мирное время. Задачи любого боя были более масштабными, чем просто физическое

¹ Цит. по: *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 256.

² *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. М., 2018. С. 77.

³ *Кант И.* Конец всего сущего. М., 1980. С. 89.

⁴ *Коун Д.М.* Я выжил в Холокосте. М., 2016. С. 57.

уничтожение врага. Даже в случаях кровной мести целью была сначала реализация мести, а уже потом сама смерть кровника.

В концлагерях впервые люди выступили только в качестве сырья для смерти. З. Бауман отмечает, что в Освенциме «в качестве сырья выступали люди, а конечным изделием была смерть. Каждый день заводское начальство проставляло в своих табелях отчет о выполнении производственной нормы. Трубы, этот символ современной заводской системы, выбрасывали едкий дым от сжигаемой человеческой плоти. Прекрасно организованная железнодорожная сеть современной Европы доставляла новый вид сырья на эти заводы точно так же, как и другие грузы. Инженеры конструировали крематории, менеджеры разработали бюрократическую систему, которая функционировала необычайно эффективно»¹. То есть происходила отмена человека, и вместе с этим исчезал привычный образ смерти. Ее можно представить и понять в виде старухи с косой, скелета, то есть в антропоморфном виде, но представить ее в виде станка, механизма, устройства невозможно, она в этом виде ускользает от понимания, ибо машину может понять только машина, а человека — только человек.

В этих условиях крематорий, работе которого, по словам узника Р. Врбы, «в лагере было подчинено всё»², становился апофеозом и символом Концентрационного мира. Обычный гражданский крематорий в пространстве Концентрационного мира превратился в наглядный символ того, как любая идея, доведенная до пределов технологизма и утилитаризма, становится смертельно опасной для человека. Крематорий в концентрационном лагере, перемещенный из области обыденного в область чрезвычайного, из сферы гражданской в сферу военную, перестал быть прикладной и подчиненной, но стал движущей и определяющей структурой. Таким образом была

¹ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 24.

² Ланцман К. Шоа. М., 2016. С. 269.

продемонстрирована фундаментальная перестановка онтологических ориентиров европейского мира, последствия которой ощущаются и сегодня. Не случайно у многих людей и в наши дни крематорий вызывает невольные, но устойчивые ассоциации с концентрационным лагерем.

Пламя крематория стало символом и маркером стремительности, радикальности перемен в европейском социуме (как отмечал Г. Башляр, огонь есть «образ изменения — стремительного и наглядного... когда хотят все изменить — призывают огонь»¹), которые олицетворял Концентрационный мир. Это пламя без остатка стирало всю прежнюю социальную историю, превращая человека в буквальном смысле слова в удобрение для нового урожая. В крематориях Концентрационного мира огонь окончательно из социального феномена стал феноменом антисоциальным: служа ранее для обогрева и освещения человека, для создания уюта и приготовления пищи, то есть для питания человека, в концентрационных лагерях он сам стал питаться человеком, поглощать людей, служа самым наглядным образом infernalного огня преисподней и жертвенного костра.

Если заключенный был номером, который становился его сублимацией, превращал его в знак, то лагерь превращал в знак именно крематорий, обозначавший предел смертоносного энергетического потенциала данной структуры, место, где эта энергия приобретала непреодолимую силу, стягивавшую окружающее пространство и людей. Дым и пламя труб крематория были видны в лагере отовсюду, а также далеко из-за пределов лагерной ограды, постоянно напоминая о неизбежном конце (Э. Эгер пишет о том, каким облегчением было войти в барак и «потерять из виду бесконечно дымящуюся трубу»²). Запах горящей плоти, о котором говорилось выше, становился одоро-

¹ Башляр Г. Психоанализ огня. М., 1993. С. 32, 91.

² Эгер Э.Е. Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М., 2020. С. 62.

логическим маркером пространства Концентрационного мира. Не случайно члены восставшей зондеркоманды в Освенциме разрушили именно этот знак — крематорий, чтобы сократить потенциал лагеря как машины по производству смерти и кардинально изменить онтологию Освенцима как такового¹.

В лагерях бытовало характерное выражение: «Заключенные просто покойники в отпуске»². То есть человек, оказавшийся в лагере, считался уже мертвым, только ненадолго выпущенным «оттуда» и неизбежно возвращающимся. Поскольку покойника невозможно убить, акт уничтожения лишается любой моральной составляющей и становится чистой формальностью, средством доставки, возвращения человека из отлучки туда,

¹ Члены зондеркоманды Освенцима, помимо ценнейших письменных свидетельств о происходящем (о них говорилось выше), оставили уникальные фото, сделанные «изнутри» реальности. Фотоаппарат узникам (по одной из версий) попал из вещей убитых в газовых камерах людей. В крематорий аппарат пронесли в ведре с двойным дном. В съемке участвовало пять человек: один снимал, четверо страховали. Два снимка были сделаны из двери или окна крематория (возможно, из положения лежа), еще два — с улицы из-за деревьев (фотоаппарат во время съемки пришлось держать у бедра и снимать не глядя). Было сделано только четыре кадра. На двух из них — процесс сожжения тел, еще один кадр запечатлел обнаженных женщин, бегущих в газовую камеру. На последнем снимке просто фрагмент окна с ветвями деревьев. Пленку удалось передать на волю в тубике от зубной пасты. Снимки проходили в качестве доказательств на судебном процессе против 40 главных преступников Освенцима в Кракове в 1947 году. В мемориальном музее в Освенциме хранится два набора контактных отпечатков и оригиналы. Негативы утеряны. На сегодняшний день это единственный документ, показывающий не только процесс утилизации тел, но и еще живых людей за несколько минут до смерти в газовой камере. Прочие фото, сделанные самими нацистами, изображают администрацию, общие планы лагерей, построения на «аппеле», фото эсэсовцев портретные и в быту (так называемый альбом Карла Хёкера), фото узников портретные, работа заключенных. То есть эти фотографии — тщательно выполненная условная «рамка» внутренних процессов, которые удалось зафиксировать только членам зондеркоманды. Все остальные фото (и видео), на которых запечатлены изможденные узники, крематории и горы тел погибших, сделаны *post factum*, «извне» реальности, после освобождения.

² Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 131.

где он постоянно находится. Подтверждением этого статуса «покойников в отпуске» был и тот факт, что человек, попавший в концентрационный лагерь, как правило, полностью исчезал для всех, кто находился за колючей проволокой. «После того как люди привозились в Германию, — пишет Н. Кристи, — ни одно слово не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников, даже в тех случаях, когда они умирали до суда, их родственникам не сообщалось об их судьбе»¹. В лагере, по свидетельству О. Люстига, не было «ничего, что могло бы убедить вас в том, что жизнь, отличная от жизни узника, существовала и до сих пор существует. Не было ни одного дерева. Ни одной травинки. Небо, днем и ночью покрытое густой черной дымовой завесой, не пересекала ни одна птица. Ни колокольный звон, ни лошадиное ржание, ни детский крик не долетали до нас»².

Разумеется, так было не всегда. В Освенциме, например, некоторым категориям заключенных разрешалось писать письма. Однако их требовалось писать только на немецком языке, они подвергались тщательной цензуре, должны были содержать не более 15 строк и включать в обязательном порядке фразу: «Я здоров и чувствую себя хорошо». Кроме того, евреев заставляли писать более поздние даты отправления письма, что приводило к тому, что близкие и знакомые получали письма, авторов которых уже давно не было в живых³. То есть эти письма ничего адресату не сообщали, кроме того, что автор письма еще жив. В свою очередь, оставшиеся на свободе родственники заключенных пытались связаться с последними через письма и посылки (особенно на довоенном этапе существова-

¹ Кристи Н. Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. СПб., 2017. С. 14.

² Lustig O. Concentration Camp Dictionary. URL: http://isurvived.org/Lustig_Oliver-CCDictionary/CCD-02_BC.html#B9.

³ Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978. С. 83–84.

ния концентрационных лагерей), но часто этот способ связи также лишь усиливал отчужденность. Посылки или отправлялись на лагерную кухню, или разворачивались¹, а пришедшие в лагерь редкие письма, как вспоминает Б. Беттельгейм, часто сжигались на глазах у адресатов или же их содержание передавалось адресату в такой издевательской форме, что ничего нельзя было понять². Именно так, как «полный разрыв связей со средой, процесс, обратный творению, рас-творение», описывает смерть Ф. Дольто³.

В обычной жизни ощущение близости смерти приводит большинство людей к мысли о необходимости переосмыслить свою жизнь, постараться что-то исправить. Вопрос «Что ты будешь делать, если узнаешь, что через день (неделю, месяц) ты умрешь?» давно стал общим местом, но при этом всегда останется актуальным. Оставшееся до смерти время — в том случае, если человек знает хотя бы приблизительно срок ее наступления, — как правило, тратится на то, чтобы совершить ревизию ценностей, что-то исправить и что-то успеть. В обычной жизни главное и неглавное, важное и неважное перемешаны, но в преддверии смерти отбрасывается все сиюминутное и случайное и остается то, что представляется человеку не только самым важным, но и оправдывающим его перед лицом смерти, которая выступает в роли и судии, и палача.

¹ С 1943 года в лагеря стали поступать посылки от Международного Красного Креста, особенностью которых было то, что они должны были иметь конкретного адресата, — последний должен был подтвердить получение посылки на специальном бланке. То, что в Красном Кресте знали имена и номера конкретных заключенных, вызвало беспокойство центрального аппарата СС, и в августе 1944 года было издано распоряжение, согласно которому администрации лагерей обязаны были изымать все посылки, поступающие в целом из-за границы и конкретно от Красного Креста. См.: Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978. С. 78–79.

² Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 3. С. 81.

³ Дольто Ф. Говорить о смерти // Отечественные записки. Т. 5 (56). 2013. С. 80.

В лагере человек, как уже говорилось, ежедневно и ежеминутно сознавал близость смерти и даже уже пребывание в ней. Однако он не имел возможности ничего пересмотреть и переосмыслить, так как от этого пересмотра не зависел ни срок наступления смерти, ни ее характер. Таким образом, реальной становилась смерть, в то время как жизнь теряла все признаки жизни, приобретала неизменяемость и становилась, прямо по М. Хайдеггеру, «бытием-к-смерти». Жизнь и смерть становились почти неразличимы типологически, по своим базовым характеристикам, так как «бытие-к-смерти» снимало любые вопросы по поводу сроков и характера смерти биологической. Умереть может лишь то, что живет, то есть конец человека виден только стороннему наблюдателю, например охраннику на лагерной вышке, но не тому, кто находится «бытии-к-смерти».

В этих условиях неразличимости с жизнью смерть не могла подвести никакого итога жизни. Французский философ В. Янкевич в своей работе о смерти писал: «Истина, говорил Грасиан, появляется только в конце всех концов, в самый последний момент. В свою очередь, Шеллинг называл «реминисценцией» («Erinnerung») обратное влияние конца на начало действия: начало становится понятным только в конце, прошедшее раскрывается только через свои последствия. Это особенно верно в отношении смерти: подобно тому, как в каждый отдельный момент последующее придает смысл предыдущему, можно сказать, что окончательный конец выявляет смысл всей продолжительности существования; придавая всему завершенность»¹. В лагерных условиях всеобщий закон познания жизни через смерть не работал.

Если Христос в христианской традиции попирает смертью смерть, то в Концентрационном мире прямо противоположным образом смертью смерть утверждалась. Смерть, как «немецкий учитель», по выражению Целана, учила только тому,

¹ Янкевич В. Смерть. М., 1988. С. 122.

что жизнь в лагере, все ее составляющие есть «смертность», разлитая буквально в воздухе, — не случайно первое, что замечали прибывшие в лагерь, — это пронизывающее воздух зловоние. В некоторых лагерях, как, например, Треблинка, оно ощущалось на расстоянии до 20 километров! Е. Самуэль, жившая неподалеку от Треблинки, вспоминает, что запах лагеря был ужасен. «Из-за него нельзя было открыть окно или выйти на улицу. Это просто невообразимый запах»¹. Узник Освенцима Н. Хейфец отмечал: «Еще за много километров до Освенцима в воздухе висел нестерпимо душный запах паленого мяса»². «Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить», — писал Б. Горбатов³. А если вспомнить, что зловоние в европейской культуре и ментальности — это атрибут разложения и ада, то картина оказывается завершенной.

Когда же биологическая смерть все-таки наступала, человек лишался последнего права — права оставить память о себе. В европейской, даже секуляризованной, культуре вопрос о сохранении своего следа в мире после кончины был исключительно важен, этот след являлся своеобразной альтернативой физическому бессмертию. Поэтому погребальный обряд, его внешние формы и содержание, соотносился с качеством, уровнем прожитой жизни, становился маркером достойной и недостойной смерти. Военных хоронили с воинскими почестями, самоубийц не отпевали и закапывали за оградой кладбища, тела христианских мучеников, помещенные в раки, ставили в соборах для почитания. Достойная смерть могла оправдать недостойную жизнь, и наоборот: недостойная смерть накладывала печать на всю прожитую человеком жизнь, вызывала

¹ Рус Л. Холокост. Новая история. М., 2018. С. 327.

² Хейфец Н. Воспоминания узника Освенцима и Дахау. URL: https://snob.ru/selected/entry/124040#comment_858192.

³ Горбатов Б. Лагерь на Майданеке // Правда. 11 августа 1944 г. № 192.

в сознании (особенно религиозном) множество вопросов об истинном образе и уровне жизни человека, считавшегося при жизни достойным членом общества. Смерть задает масштаб человеческой жизни, погребальный ритуал и надгробный монумент становятся сублимацией памяти о человеке.

Именно эту память стирали в Концентрационном мире. Еще при жизни в лагере человек лишался самоидентификации, имени, стереотипов поведения, способности мыслить, то есть, как уже говорилось, максимально приближался к животному. Человек не жил. После его смерти уничтожались все документы, с ним связанные. «Их фотографии, — вспоминала С. Шмаглевская, — которые хранились вместе с паспортами, начали сжигать... Эсэсовец Першель лично наблюдал за тем, как свозили в огромную кучу гигантские картотеки, несколько дней внимательно следил за нами, пока мы не закончили эту работу, а потом сам поджег и позаботился о том, чтобы сгорело все до единой бумажки... Документы, имена и фамилии, даты рождений, собственноручные подписи, фотографии, хранившиеся выражения лиц, адреса с разных сторон Европы — все это погребло в огне»¹. С имущества погибших удаляли все знаки, указывающие на производителей и хозяев вещей. Суммируя, можно сказать, что таким образом гибли остатки повседневности человека. Единственное, что в лучшем случае от него оставалось, — это визуальная память о повседневном. Таким образом, после смерти узника можно было сказать не «его не стало», а «его и не было». То есть даже призрачную «экзистенцию жизни» нельзя было противопоставить смерти. Это «прижизненное небытие» подчеркивалось или даже утверждалось превращением человека в пепел.

Тело, оставшееся после смерти человека (труп), является самым наглядным свидетельством о смерти, ее причинах. Что же касается лагеря, то именно труп является самым важным свидетелем того, что происходит и происходило в лагере. Труп

¹ Шмаглевская С. Невинные в Нюрнберге. М., 1970. С. 126.

есть предел человека, но предел, который не является частью человека. Труп предусматривает локус погребения (могилу), который после смерти человека остается наиболее выразительным знаком его ухода из жизни, имеющим многоуровневую семантику (ухаженная или заброшенная, есть памятник или нет, тип памятника, окружающее могилу пространство и т. д.). Могила человека становится частью окружающего пространства, одной из канонических форм культуры. Могила можно и нужно чтить, они наследуют качества и свойства личности — могилам святых в православной традиции поклоняются, от них берут песок и землю, могилы врагов или палачей кланут, пачкают, оскверняют и уничтожают.

Однако в Концентрационном мире от исчезнувшего узника могилы не оставалось — оставался пепел. Но даже этот пепел не предавался земле. Им вместо гравия посыпали дорожки в городках эсэсовцев рядом с лагерями, в Освенциме с помощью человеческого пепла выравнивали дно прудов (используя пепел, заключенные натывались на оправы очков, вставные челюсти и т. д.¹), пепел использовали в качестве утеплителя, удобрения («Однажды нас отправили разбрасывать удобрение по полю, — вспоминала А. Гулей. — Берем из мешков удобрение, а в нем — косточки. Это была зола из крематория»²) или даже как составляющая часть компоста. На территории Майданека было обнаружено «свыше 1350 кубометров компоста, состоящего из навоза, пепла от сожженных трупов и мелких человеческих костей»³. Кости также от-

¹ Викулова Л.А. Сельскохозяйственный сектор нацистского концентрационного лагеря Аушвиц: уничтожение трудом или шанс на жизнь? // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 55.

² Гулей А. В лагере меня из человека превратили в чучело номер 61369 — вот кем я была. URL: <http://fakty.ua/212161-uznica-osvencima-anastasii-gulej-v-lagere-menya-iz-cheloveka-prevratili-v-chuchelo-nomer-61369---vot-kem-ya-tam-byla>.

³ Помни Майданек, воин Красной армии // Красная звезда. № 221. 16 сентября 1944 г.

сылались на производства для промышленной переработки¹, из женских волос делался войлок, использовавшийся для производства матрацев, седел, попон, волосы также использовались для звуко- и теплоизоляции в военной промышленности. «Человеческим жиром, который скапливался в специальных ловушках в крематории» промазывали в Бухенвальде кровли барачков². Из кожи убитых изготавливали абажуры, перчатки и даже книжные переплеты. Б. Полевой описывал, как на Нюрнбергском процессе в качестве свидетельств была продемонстрирована «человеческая кожа в разных стадиях обработки — только что содранная с убитого, после мездровки, после дубления, после отделки. И наконец, изделия из этой кожи — изящные женские туфельки, сумки, портфели, бювары и даже куртки»³. То есть осквернялось и унижалось даже то небольшое, что еще оставалось на земле от человека, и это полностью обесмысливало существование узников. «Для чего я родилась, училась в школе, потом бежала из Гамбурга в Антверпен и выучила голландский язык, — спрашивала одна из узниц. — Неужели все только для того, чтобы мои волосы наполнили немецкий матрац, а мой пепел пошел на удобрение полей в окрестностях Собибора?»⁴

Память о человеке требует определенных подпорок. Можно почитать умершего, скорбеть о нем у могилы, мемориальной плиты, креста, памятника, сохранять его вещи и фото — все это стимулирует скорбь и воспоминания, придает им форму, направляет траур в определенную сторону. Но скорбь невозможна при виде абажура из человеческой кожи — тотальная

¹ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschwitz-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 174.

² «Кровли барачков смазывали человеческим жиром». Бухенвальд как лагерь смерти. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/04/12/krovli-barakov-smazyvali-chelovecheskim-zhirom-buhenvald-kak-lager-smerti>.

³ Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/polevoy3/02.html>.

⁴ Панопорт А. Собибор. Дневник лейтенанта Пехорского. М., 2017. С. 36.

несовместимость предмета и материала, невозможность существования такого предмета (ведь абажур из человеческой кожи с точки зрения здравого смысла не может существовать) разрушает привычные связи в сознании и направляет мысли человека от целостной ментальной мемориализации к деталям — формам и способам умерщвления, тем, кто это осуществил, и т. д. Ужас разрушает память, сегментирует ее, не дает возможности осмыслить произошедшее целостно и тем более скорбеть.

В повседневности лишенные уже при жизни всех человеческих качеств люди все равно обладают последним, безусловным правом «умереть по-человечески» и так же, по-человечески, быть похороненными, тем самым посмертно восстановив в памяти потомков многие из своих утраченных свойств и качеств. Есть шанс дать будущность хотя бы чему-то личному (роду, вещам, памяти) поверх собственной смерти. Однако в Концентрационном мире именно этого последнего права у людей не было (о чем они знали), они становились вечно не погребенными, их нельзя было больше похоронить никогда, то есть завершить их существование¹. В результате Концентрационный мир, по мнению Х. Арентс, впервые в истории предъявил миру парадоксальный «опыт несущест-

¹ Именно поэтому тысячи родственников погибших в лагерях или сами выжившие узники не имели возможности прийти на могилы погибших, в связи с чем общими мемориалами погибшим, условной их могилой, становятся уцелевшие крематории на территории бывших концлагерей, где в ходе поминальных процедур совершаются ритуалы «завершения существования», условных похорон. Желание хоть каким-то образом дать возможность упокоиться жертвам лагерей привело к тому, что в ряде стран евреи организовывали «похороны мыла», произведенного в Германии в годы войны (см.: *Neander J.* «Symbolically burying the six million»: post-war soap burial in Romania, Bulgaria and Brazil. *Human Remains and Violence*. 2 (1). 2016), так как существовало стойкое убеждение, основанное на очень неявных свидетельствах, что в концентрационных лагерях из жира евреев производили мыло. Данная версия доказательно опровергнута. (См.: *Hutman B.* Nazis never made human-fat soap. *The Jerusalem Post*. International Edition. May 5. 1990.)

вования», когда человек оказывался не нужен даже самому себе¹.

Рассматривая все стороны проявления смерти в нацистских концентрационных лагерях, необходимо отметить одну существенную деталь. В пространстве Концентрационного мира мы впервые сталкиваемся с феноменом «смерти за пределами смерти», «постсмерти». То есть нам приходится иметь дело с неизвестными ранее состояниями, которые начинаются до прекращения в человеке биологических процессов (смерти в общепринятом смысле), но не ограничиваются этим прекращением. Вернее, прекращение этих процессов не главное.

Прежде всего следует напомнить, что после биологической смерти человека важнейшее значение приобретает культура выражения смерти — ритуал обращения с телом и семиотика этого ритуала. Речь идет о подготовке к похоронам, погребальных традициях и обрядах, поминовении и пр., которые имеют чрезвычайно широкий диапазон выражения. Традиционный ритуал формирует посмертное состояние человека и его тела, именно ритуал создает из трупа семиотический объект и устанавливает с ним внешнее взаимодействие. С этой точки зрения тело человека продолжает находиться в контакте с окружающими и длить посмертное бытие человека, которое теперь заключено только в теле. Именно это бытие возможно именовать смертью. Пропущенное через ритуал, данное бытие приобретает форму смерти и воспринимается как смерть. Не случайно в повседневной жизни осознание смерти человека обычно происходит не сразу, а проявляется постепенно именно в ходе ритуала и достигает апофеоза после его окончания.

У Н. Гоголя это состояние очень точно показано в «Старосветских помещиках»: после смерти Пульхерии Ивановны «Афанасий Иванович был совершенно поражен. Это так каза-

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

лось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на нее, как бы не зная всего значения труп... Покойницу положили на стол, одели в то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестом, дали в руки восковую свечу — он на все это глядел бесчувственно. Множество народа всякого звания наполнило двор, множество гостей приехало на похороны, длинные столы расставлены были по двору, кутя, наливки, пироги лежали кучами, гости говорили, плакали, глядели на покойницу, рассуждали о ее качествах, смотрели на него; но он сам на все это глядел странно. Покойницу понесли наконец, народ повалил следом, и он пошел за нею; священники были в полном облачении, солнце светило, грудные ребенки плакали на руках матерей, жаворонки пели, дети в рубашонках бегали и резвились по дороге. Наконец гроб поставили над ямой, ему велели подойти и поцеловать в последний раз покойницу: он подошел, поцеловал, на глазах его показались слезы, но какие-то бесчувственные слезы. Гроб опустили, священник взял заступ и первый бросил горсть земли, густой протяжный хор дьячка и двух пономарей пропел вечную память под чистым безоблачным небом, работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сровняла яму, — в это время он пробрался вперед; все расступились, дали ему место, желая знать его намерение. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: «Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?!..» Он остановился и не докончил своей речи. Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен, — он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы, как река, лились из его тусклых очей»¹.

Существенной особенностью этой смерти является имплицитно заключенная в ней возможность возвращения ушедшего как на психологическом и традиционно-обрядовом уровнях, так и на религиозно-мистическом. То есть дан-

¹ Гоголь Н.В. Сочинения. М., 1996. С. 87.

ным ритуалом смерть оформлялась, овеществлялась, становилась понятной, видимой и осязаемой и ей отводилось место в структуре общего порядка. То есть в процессе совершения ритуала завершение биологического существования опознавалось как смерть, именно ритуал делал смерть смертью.

Однако в пространстве лагеря посмертный ритуал и его роль были принципиально иными. В условиях умирания узника «общей смертью», уничтожения тела, истребления сначала имени, потом личности и, наконец, любой памяти о человеке роль ритуала начинали играть насилие, издевательства, тяжелые работы, болезнь, предшествовавшие физической смерти. То есть в отличие от указанного выше традиционного ритуала, начинавшегося после смерти, посмертный ритуал в лагере начинался еще при жизни человека, обреченного на смерть, стирая все контуры жизни. Смерть, внесенная в жизнь, необходимо сопровождалась «прижизненным» ритуалом. В этих условиях обреченность так же становилась частью ритуала и обозначала начало запуска механизма физической смерти.

Данный ритуал не предусматривал возможность возвращения ушедшего, так как был слишком велик и тяжел ужас, «вытолкнувший» человека за пределы физической жизни, поэтому ритуал аннулировался вместе с умершим. В этих условиях внезапного обрыва (в прямом и переносном смысле) и возникало явление более отрицательное, нежели просто смерть, возникало явление, которое можно обозначить как «постсмерть», то есть смерть, полностью лишенная культуры выражения, формы, глобальное, онтологическое небытие, тотально отвергающее и стирающее все, любую метафизику и оставляющее вместо нее зияющую пустоту. То есть умерший становился, по выражению О. Седаковой, «радикально тленным», его отныне не было нигде, ни в чем и ни в ком, его не было вообще никогда. Постсмерть ретроспективно стирала все прожитое до момента рождения, то есть человек в состоянии постсмерти был более мертв, чем просто в смерти. В силу

этого возникавшие в память об исчезнувших мемориалы (как, например, в Бухенвальде, где мемориалом исчезнувшим является крематорий) дополнительно закрепляли и утверждали постсмерть, являя собой, в терминологии Ж. Лакана, «показ отсутствия» и радикальную противоположность традиционным формам умирания.

Стоит напомнить, что одним из ключевых отличий человека от животного считается осознание человеком своей смертности. Это осознание сопровождается незнанием того, что такое смерть, и это незнание, по мнению М. Рапапорта, является «наиболее очевидной характеристикой смерти». Однако в лагере узник обретал это знание, и это знание было наиболее очевидным из всех категорий, в которых существовал узник. Кроме того, обычная смерть опознается как смерть в рамках религиозных и мифологических категорий через прямое или косвенное перенесение прижизненных реалий в небытие. То есть смерть опознается как иная, но все равно жизнь, существенной категорией которой является «иконографический образ» жизни — статика вечности, отсутствие перспективы и теней, встреча с ушедшими. Однако в лагере ни незнание смерти, ни ее опознавание в узнаваемых категориях становились невозможны. Обычная смерть утрачивала свою неизвестность, одну из своих самых очевидных характеристик, и схема опознавания утрачивала возможность, так как опознать ее в очевидных и осязаемых категориях лагеря, перенесенных за пределы жизни, было невысказуемо, а долагерные жизненные реалии становились в условиях лагеря призрачными и неочевидными, что также переводило обычную смерть в категорию постсмерти.

Признание смерти реальностью является аксиоматичным. Основное свойство реальности, в том числе и метафизической, — это способность к росту, трансценденция себя к чему-то/кому-то, способному вызвать этот рост. Для европейской цивилизации это всегда была личность Христа, транс-

ценденция к которой, по словам апостола Павла, давала возможность получать «приращение для созидания самого себя в любви» (Еф. 4: 16). «Обычная» смерть человека обретала реальность (и вместе с тем свойство уничтожимости) путем трансценденции к Воскресению Христа, «смертью смерть поправшего». В секуляризованном западноевропейском обществе место выветрившейся к началу Второй мировой войны потусторонней идеи Воскресения заняли посюсторонние «вечные ценности»: произведения искусства и литературы, семейные воспоминания, фото и другие паттерны памяти, которые обретали особое значение и сугубую ценность именно после смерти человека.

В свою очередь, эти паттерны маркировали пространства невосполнимости, эти паттерны придавали смерти трагическую мемориальность и экзистенцию, через них она обретала способность к «росту», то есть обретению новых форм, с помощью которых вращалась в повседневность. Однако «постсмерть», лишённая в условиях лагеря указанных паттернов, а следовательно, и точек трансценденции, утрачивала возможность к росту, становилась «мертвым, которое мертво», мертвым, главным свойством которого становится то, что после него не воскресают ни прямо, ни косвенно, мертвым, не атрибутируемым в привычных категориях и оттого неуловимым и не репрезентируемым в своей целостности.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что масштаб плановых массовых убийств, которые являлись частью государственной политики нацистов, свидетельствует о том, что впервые в истории смерть как тотальное небытие была включена нацистским государством в свою систему жизнеобеспечения. Нацистское государство овладело смертью, превратило ее в одну из важнейших организационных структур государства. Именно «овладение смертью» ознаменовало достижение нацистским государством своего абсолюта, смерть стала одной из форм самореализации государства. Таким образом, смерть узника не

Борис Якеменко

являлась метафизическим и непостижимым событием, а всего лишь означала завершение процесса огосударствления человека. Кроме того, смерть, изгонявшаяся ранее из жизни через ряд эскапистских стратегий, смерть прирученная, изнеженная и эстетизированная в модерне, изолированная от общества, превращенная в субъективную частность, лишенная прав, масштабно, «законно» возвращалась в обиход, становилась сильнее жизни, не отменялась ни традицией, ни культурой, ни моралью, становилась очевидной нормой, которую проводили в жизнь люди, не боявшиеся взять на себя ответственность за гибель миллионов.

Освобождение без свободы

Концентрационный мир перестал существовать в конце 1944 — начале 1945 года. Бытует устойчивый стереотип, что выжившие узники концлагерей ощутили себя необыкновенно счастливыми людьми, испытали чувство непередаваемой радости от обретенной свободы и прекращения страданий. То есть воспринимали произошедшее так, как должен его воспринимать всякий человек, выходящий на свободу из камеры пыток. Однако этот стереотип опять же зиждется на тождестве, о котором уже говорилось выше. На отождествлении тюрьмы и лагеря. Но, как можно было уже убедиться, это отождествление является фундаментальной ошибкой, уводящей наблюдателя от понимания феномена Концентрационного мира. Как заключение в лагерь и пребывание в нем не было заключением в тюрьму и пребыванием в ней, так и освобождение из концентрационных лагерей переживалось совершенно иначе, нежели выход из тюрьмы.

Начиная с 1945 года из нацистских лагерей несколько недель подряд освобождали почти 65 тысяч человек ежедневно. «Мужчины, женщины, осиротевшие дети катились по Европе, словно приливная волна. Беженцы шли куда-то и никуда

одновременно»¹. Это были те, кто был в состоянии передвигаться. Остальные были так физически и психологически подавлены и надломлены, что часто почти никак не реагировали на освободителей. Так, вошедшие в Освенцим советские военнослужащие вспоминали, что «когда открывался барак и туда входил какой-то советский солдат-освободитель, они (узники. — Б.Я.) на это вяло реагировали. Им было абсолютно все равно, кто зашел. Потому что они ничего хорошо ни от кого не ждали. Это были люди, которые полностью потеряли свое «Я». Это трудно представить, в каком психологическом состоянии находились люди, полностью подлежащие уничтожению. Поэтому, появившись там американский солдат, советский солдат, узник мог только вяло на него поднять глаза — и не более того»². Однако когда происходило восстановление (или же если узник был в состоянии реагировать на произошедшее), ощущение освобождения все равно не наступало.

Свидетельства значительной части выживших показывают, что они выходили на свободу, но не обретали свободы, мучители исчезли, но страдания остались и это их терзало, так как они не понимали, что нужно сделать, чтобы ощущение освобождения возникло и страдания прекратились. «Мы вышли из лагеря обнаженные, опустошенные, измученные, дезориентированные — и минуло много времени, пока мы снова мало-мальски научились говорить на повседневном языке свободы», — писал Ж. Амери³. «Когда в Берген-Бельзен пришли освободители и с английского танка на всех языках кричали нам: «Вы свободны!» — я только рукой махнула. Ничего внутри не осталось. Те, кто поступил в лагерь недавно, след

¹ Дэниэл М. Коуэн. Я выжил в Холокосте. М., 2016. С. 68.

² Левинский Д. Мы из сорок первого. URL: <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vospominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-1.html>.

³ Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 47.

английского танка целовали! А я — условно живая. Никаких реакций. Коменданту Крамеру поручили грузить мертвые тела на машины, а у меня даже не было сил подойти и сказать ему, что я о нем думаю»¹, — вспоминала А. Гулей. Потрясение от пережитого было настолько велико, а перенесенные страдания настолько чудовищны, что радость от освобождения казалась неуместной. Один из выживших узников Дахау вспоминал: «...видел, как люди пели и плясали от радости, и мне казалось, что они обезумели. Я смотрел на себя и не мог понять, кто я такой»².

Негативные ощущения усиливало настороженное отношение местных жителей, которые ждали от узников мести, разгула ненависти, опасности болезней и не торопились сострадать. Освободители чаще всего не понимали, что в реальности пережили узники, и поэтому испытывали по отношению к ним чувство удивления, брезгливости, жалости, но не сострадания и уж тем более не стремились понять их. «Британские солдаты ожидали (в лагере. — Б.Я.), что их встретят радостные, восторженные люди. Они ожидали улыбок и грома аплодисментов. Чего они совсем не ожидали, так это встретить прием, состоящий из жалоб, вздохов и хрипов, прием людей, которые плачут, мешая в одно радость спасения и глубочайшую скорбь о потерянных мужьях, детях, братьях и сестрах, дядях и тетях, кузенах и кузинах, друзьях, соседях... о тех многих, очень многих, кто не дожил до освобождения. На каких-то солдатских лицах видно сочувствие, на других — недоверие, на очень многих — омерзение»³. По словам посетившего Бухенвальд одного американского конгрессмена, узники напоминали ему не замечающих окружа-

¹ Гулей А. В лагере меня из человека превратили в чучело номер 61369 — вот кем я была. URL: <http://fakty.ua/212161-uznica-osvencima-anastasii-gulej-v-lagere-menya-iz-cheloveka-prevratili-v-chuchelo-nomer-61369---vot-kem-ya-tam-byla>.

² Цит. по: Вахсман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017. С. 562.

³ Итурбе А. Хранительница книг из Аушвица. М., 2020. С. 602.

ющего человекообразных обезьян¹. Солдаты и офицеры освободивших лагеря армий откровенно возмущались беспорядком, царившим в бараках, и драками узников за еду. Ощущение, что ничего кардинально не изменилось, усиливалось у выживших тем, что заключенные продолжали по разным причинам массово погибать и после освобождения. Так, в освобожденном от нацистов лагере Дахау в течение нескольких месяцев умерло еще 2000 человек, а в освобожденном Берген-Бельзене за шесть недель умерло 17 тысяч узников².

Многие узники не торопились никуда идти, поскольку лагерь уничтожил всю прежнюю жизнь и было просто некуда возвращаться. Другие, даже при условии, что сохранились их дома, не были уверены, что их ждут, так как родных и близких (особенно это касалось евреев) чаще всего уже не существовало. «Едва надежда на возвращение перестала казаться безумием, — писал П. Леви, — подступила глубоко запрятанная боль, которую прежде удерживали за гранью сознания другие, более настоятельные боли. Это была боль изгнания, утраты родного дома и близких друзей, одиночества, потерянной молодости; боль при мысли о множестве трупов вокруг»³. Ж. Цикович вспоминала: «Мы услышали из громкоговорителя голос одного из наших охранников: «Сегодня объявлено об окончании войны. Вы все свободны. Можете идти куда хотите и делать что хотите...» Многих из нас это, что называется, выбило из колеи... Нам сказали, что мы можем идти куда хотим, и я, например, подумала — а куда я хочу идти? Куда я могу пойти? Может, туда, откуда меня увезли? Еврейские дома, которые мы оставили... Все, что было у моих родителей, уже растащили, как и вещи других... Хотели ли я туда возвращаться? Кто пожелает жить там, где все стояли и смотрели, когда с евреями происходила такая страшная беда, кто захочет туда возвращаться? И где в мире есть для меня ме-

¹ Итурбе А. Хранительница книг из Аушвица. М., 2020. С. 566.

² Франкл В. Воспоминания. М., 2018. С. 128.

³ Леви П. Передышка. М., 2011. С. 17.

сто?... Как я могла быть счастлива тем, что стала свободна? Мне восемнадцать лет, и кто я? Я никто... Это было очень болезненно осознать. Почему болезненно? Потому что за минуту до того, как я поняла, что свободна и могу делать все, что хочу, меня в мире ничего не интересовало, кроме того, как бы раздобыть кусок хлеба. Семьдесят лет я не могу забыть это чувство»¹. Пережитое навсегда отделило выживших от остального мира, и они сами это понимали, становясь чужими самим себе.

У узников из СССР была еще одна проблема — перспектива опять оказаться в лагере, только советском. «Сенька Клевшин — он тихий, бедолага... в плен попал, бежал три раза, излавливали, сунули в Бухенвальд. В Бухенвальде чудом смерть обминул, теперь отбывает срок тихо», — писал А. Солженицын². Узница Освенцима и Равенсбрюка О. Коссаковская вспоминала, что, вернувшись на родину, во Львов, поступила на филфак университета и в консерваторию, но через год была арестована, обвинена в пособничестве фашистам («Спрашивали, почему меня немцы не расстреляли, как я осталась жива?») и получила десять лет лагерей³. Даже если бывший советский узник не попадал в лагерь на родине, то на нем все равно годами лежала печать неблагонадежности. «Те, кому посчастливилось вернуться домой, потупив взор, с неуверенностью, а то и со страхом, писали в анкетах о том, что находились в концлагере, — вспоминал Д. Левинский. — Если брали на работу, что имело место не всегда, то анкета подшивалась в дело, а ты никогда и нигде не упоминал об этом. Многие не раз слышали обидные слова: «Наверняка — ты шпион. Не может быть, чтобы тебя не завербовали!» — так смотрела на каждого бдительная служба безопасности страны»⁴.

¹ Цит. по: *Рис Л.* Холокост. Новая история. М., 2018. С. 446.

² *Солженицын А.* Один день Ивана Денисовича. М., 1961. С. 46.

³ Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 364–365.

⁴ *Левинский Д.* Мы из сорок первого. Воспоминания. URL: <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vospominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-18.html>.

Н. Богославец, вернувшись из лагеря, будучи студентом Харьковского института культуры, подал заявление о вступлении в партию. На собрании, где его принимали, когда он рассказал о том, что был в лагере, один из активистов возразил: «Он в Германии был, в концлагере, а мы его в партию». «Я крутанулся и как грякнул дверьми. И больше я поступать в партию желания не имел»¹. В связи с этим в СССР трагедия нацистских концентрационных лагерей не оказала серьезного влияния на общественное сознание, поскольку она никогда не становилась предметом подробного изучения, публичного обсуждения и социального осмысления. Поэтому эта трагедия осталась частной трагедией бывших узников и одним из многих сюжетов общей картины, рисующей нечеловеческий облик нацизма.

Была и еще одна проблема — тотальная деаксиологизация жизни. Концентрационный мир разрушил или кардинальным образом деформировал в узниках всю предыдущую базовую систему ценностей и дал знание о новых, бесчеловечных формах не столько жизни, сколько пребывания в смерти. И это знание уже невозможно было себе запретить, от него невозможно было отказаться. Таким образом, узник оказывался во власти неотменимого присутствия лагеря в своей жизни, когда именно через призму пережитого воспринималась вся окружающая действительность. Лагерь из объекта восприятия становился средством восприятия постлагерной действительности, посредником между человеком и реальностью. «По крайней мере, раз в неделю мне снится, что я опять в Собиборе, — вспоминал узник Собибора Т. Блатт. — Я все еще узник. Я боюсь, что я предам родителей, брата, друзей, если буду вести себя так, как будто Собибора вообще не было»². «Я с этим (лагерным опытом. — Б.Я.) живу каждый день, — свидетельствовал

¹ Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 368.

² Рашке Р. Побег из Собибора. М., 2010. С. 232.

узник Освенцима И. Бэкон. — До сих пор удивляюсь при виде пышных похорон, думая, зачем устраивать такой балаган всего из-за одного покойника, а приходя в театр, первым делом подсчитываю, сколько золотых зубов и мешков волос можно было бы собрать с людей, которые сидят вокруг. От Холокоста нельзя отвыкнуть, а марш смерти — выбросить из головы, сколько бы лет ни прошло»¹. «После освобождения, — вспоминала узница Освенцима Р. Керстинг, — я не хотела видеть людей — только животных»².

Не менее серьезной проблемой оказывалось то, что трагический опыт пребывания в концентрационном лагере также полностью трансформировал или разрушал опыт долагерной жизни, которая начинала казаться чужой, вымышленной, ирреальной и требовала переоценки, так как следствием именно этой жизни стало заключение в лагерь. Так, Э. Визель в неопубликованной рукописи «Ночи» считал, что в том, что случилось, виноваты довоенные «неисправимые оптимисты», не желавшие думать о грядущей гибели. Тем самым они «помогли нации, запланировавшей геноцид, подготовить психологический фон для грядущей катастрофы. По сути, профессиональные оптимисты хотели облегчить настоящее, но тем самым они хоронили будущее. Почти наверняка, если бы мы знали хотя бы крупицу правды, мы бы сломали меч судьбы. Мы бы сожгли алтарь убийц. Мы бы бежали и спрятались в горах, у фермеров»³.

То есть узники лишались опоры в собственной истории, и единственно достоверным, по-настоящему пережитым опытом становились годы или месяцы, проведенные за колючей проволокой. «Настоящее время» лагеря не становилось «прошедшим временем», невзирая на то что сам Концентрационный мир ушел в прошлое. Неудивительно, что, по точному

¹ Дитя Холокоста. URL: <https://jewish.ru/ru/people/society/191571/>.

² Цит. по: *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 467.

³ Цит. по: *Розенбаум Р.* Тайна Эли Визеля. URL: <https://lechaim.ru/events/tajna-eli-vizelya/>.

замечанию А. Кемпинского, «бывшим узникам труднее было адаптироваться к постлагерной жизни, чем к лагерю... Много было неисполнившихся надежд и обманутых ожиданий. Многие годы недооценивались страдания и героизм этих людей. Дела повседневной жизни на свободе казались им пустяковыми по сравнению с тем, через что они прошли в лагере. Формы человеческого общежития поражали их лицемерием и мелочностью»¹.

Главной движущей силой в лагере, единственным стимулом к преодолению насилия, голода, болезней для большинства узников было желание выжить. Теперь этого стимула не стало, в то время как лагерь не просто остался в сознании и памяти — он продолжал занимать их целиком. В результате самоубийство становилось логическим следствием создавшегося положения, единственной возможностью окончательного освобождения. Именно поэтому значительная часть узников, вышедших на свободу, так или иначе вставала перед перспективой покончить с собой. «После того, что я пережил в лагере, никаких общечеловеческих ценностей у меня не осталось. Мне казалось, ничего не имеет значения. Все бессмысленно... Это меня страшно мучило. Я был на грани самоубийства»², — свидетельствовал М. Брожек. А. Нусбехер, узница лагерей Освенцим, Плашуве, Таухе и автор книги «Почему я была приговорена к жизни?», после освобождения трижды пыталась покончить с собой³. Некоторые, как уже говорилось выше, доводили этот замысел до конца.

Ко всему этому добавлялось могущее показаться парадоксальным чувство собственной вины заключенных. «Я жив,

¹ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 151.

² Цит. по: Рус Л. Холокост. Новая история. М., 2018. С. 175.

³ Nussbächer A. Ich bin zum Leben verurteilt. URL: <https://www.fr.de/politik/ich-leben-verurteilt-10987053.html>. Книга воспоминаний А. Нусбехер вышла сравнительно недавно, в 2012 году. См.: Warum wurde ich zum Leben verurteilt? Erinnerungen / Anna Nussbächer. Übersetzung aus dem Ungarischen, Géza Deréky. Frankfurt A/M: Public Book Media Verlag, 2012.

следовательно, виновен»¹, — писал Э. Визель, и эта мысль встречается у очень многих узников, переживших заключение в лагерях и оставивших воспоминания. «После войны меня часто спрашивали: как получилось, что ты остался жить? — вспоминал бывший узник Освенцима И. Абкович. — И мне был очень неприятен этот вопрос. Что же, получается, они думают, что я служил немцам?»² «Мое существование в этом мире — результат чьей-то недоработки, случайность, которая постоянно нуждается в оправдании и которой никаких действительных оправданий не может быть»³, — констатировал заключенный Освенцима И. Кертес.

Факт выживания становится неразрешимой этической проблемой, так как вся логика жизни в лагерях доказывала, что нельзя дожить до освобождения, не поступившись хоть какими-то принципами. Невинными можно считать только погибших, только факт казни может быть доказательством того, что казненный действительно был врагом нацизма. Смерти других оказывались необходимым условием выживания: лишь поскольку умирали другие, живой узник мог осознавать себя живым. Не случайно Т. Адорно всерьез задавался вопросом, можно ли позволить жить дальше тем, кто выжил: «Можно ли после Освенцима жить дальше? Можно ли действительно позволить это тем, кто случайно избежал смерти, но по справедливости должен стать одним из тех, убитых. В жизни такого человека востребован холод и равнодушие... в противном случае Освенцим был бы невозможен, в этом и состоит явная вина тех, кого пощадили»⁴. Ощущение узниками своей вины естественным образом ставило под этический вопрос не только их свидетельства (ведь выживший, который почти всегда говорит от

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 68.

² Абкович Иосиф о концлагере Освенцим-Биркенау. URL: <https://teatr.audio/abkovich-iosif-o-konclagere-osvencim-birkenau>.

³ Кертес И. Холокост как культура. URL: <http://pergam-club.ru/book/6045>.

⁴ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014. С. 449.

имени других, говорит в этой ситуации от имени тех, вместо кого он выжил), но и их право судить палачей. Когда виновны все, то возникает пространство *impotentia iudicandi*, в котором право судить не принадлежит никому.

Говоря об ощущении вины выжившими узниками, необходимо обратить внимание на существенное обстоятельство: уцелевшие нацисты не испытывали вины, но зато, как писал А. Кемпински, «питали большое чувство обиды, что понесли кару за слепое послушание, за исполнение долга»¹. Это показали все послевоенные судебные процессы, начиная с Нюрнбергского и заканчивая процессом Эйхмана, а также многочисленные мемуары и интервью, где бывшие эсэсовцы, охранники, высшие нацистские партийные и армейские руководители постоянно оправдывались и отчасти признавали вину лишь тогда, когда от них этого настойчиво требовали в суде. То есть под давлением внешних обстоятельств, а не вследствие личного осознания совершённого и укоров совести. В этом оправдании виновными оказывались те, с которых нельзя было спросить (Гитлер, Гиммлер и т. д.), абстрактные «система», «обстоятельства», «приказы» или парадоксальным образом даже жертвы. Начальник айнзацгруппы П. Блобель говорил: «Для наших людей, которые проводили казни, нервное напряжение было гораздо сильнее, чем для их жертв», а один из немецких сержантов, осуществлявших массовые убийства, заявлял: «Именно нам приходилось страдать»². Отсутствие чувства вины, очевидно, было связано с тем, что нацисты располагали более надежным инструментарием вытеснения из сознания всего предыдущего опыта, нежели узники. Причиной этого было прежде всего то, что сами нацисты не переживали свой опыт службы в лагерях или их обслуживания как травматический, в то время как травма является са-

¹ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 5.

² Цит. по: Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 157.

мым надежным средством закрепления опыта и стигматизации памяти.

В результате внешнему наблюдателю (а также многим узникам) было легко поверить, что испытывающие чувство вины действительно виновны, а те, кто настойчиво отрицает вину, имеют на это моральное и человеческое право, поскольку почти невозможно было представить, чтобы после прямого или косвенного участия в массовых убийствах и геноциде причастный к этим событиям не осознавал случившейся катастрофы. Итогом становилось то, что узник оставался со своей виной один на один, в ситуации безысходности и логического противоречия, когда невинные виновны и наоборот. К этому у некоторых выживших узников примешивались, как это ни парадоксально, чувство собственной неполноценности, навязанное им в лагере, и страхи самой разной природы, но имевшие общий источник — лагерь. Г. Лангбейн свидетельствует, что многие из опрошенных им узников боялись идти впереди кого-либо (в лагере заключенный всегда шел перед сопровождающим его охранником) или мучились неизвестной им до лагеря клаустрофобией¹. Е. Мозес Кор признавалась, что память о том, что мыло в Освенциме варили из человеческого жира, много лет не позволяла ей мыться с мылом². Узник Освенцима Р. Исраил «никогда не выкидывал куска хлеба», а встречая на улице людей в плащах, отворачивался, так как «оживали воспоминания о нацистских палачах»³. После смерти члена зондеркоманды Освенцима Х. Мандельбаума (он умер в 2008 году) в его спальне и в подвале его дома нашли большое количество детских мягких игрушек, что, по заключению психологов, было

¹ *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 204–206.

² *Moses Kor E.* If I met Mengele now, I'd forgive what he did to me. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jan/09/secondworldwar.theobserver>.

³ *Бейер С.* Как пережившие Освенцим видят сегодняшнюю политическую ситуацию. URL: <https://inosmi.ru/social/20200124/246693117.html>.

своеобразной защитной или даже искупительной реакцией человека, ежедневно видевшего массовую смерть детей и не нашедшего в себе силы забыть об этом¹.

То есть выживший узник после освобождения оказывался во власти целого ряда не просто противоречивых, а порой взаимоисключающих психологических и моральных состояний, которые не давали возможности понять, как жить и действовать дальше, чтобы восстановить в себе прежние качества и прежнее самоощущение. Память, травматический опыт должны были самостоятельно обрести форму (если бы нацисты признали свою вину, то это стало бы искомой формой, но этого не произошло), и во многом именно на поиск этих форм памяти и опыта направлена послевоенная рефлексия выживших свидетелей.

После освобождения большинство узников импульсивно, рефлекторно стремились хотя бы каким-то образом «возвратить» свои страдания тем, кто был в них виновен. В лагерях начались стихийные акты мщения оставшимся капо и охранникам, иногда при поддержке освободивших лагерь армейских частей. В лагере Эбензее узники схватили при попытке бежать эсэсовца из администрации лагеря. Избитый до полусмерти, он был привязан к металлическому поддону для перевозки тел в крематорий, после чего поддон возили над огнем до тех пор, пока эсэсовец не умер в мучениях². «Наши ребята из военнопленных эсэсовцев многих побили, даже коменданта. Его били, каждый подходил, хоть ногой да пихнет»³, — вспоминала узница Н. Булава. В. Щебетюк описывал то, что началось после освобождения, как «самую страшную трагедию», кото-

¹ Люди огня: польский историк раскрыл воронежцам тайны зондеркоманды в лагере смерти. URL: <https://gorcom36.ru/content/lyudi-ognya-polskiy-istorik-raskryl-voronezhstam-tayny-zonderkomandy-v-lagere-smerti/>.

² *Нагорски Э.* Охотники за нацистами. М., 2017. С. 69.

³ Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 318.

рую он видел. «Заключенные убивали заключенных. Началась бойня. Капо, блокэльтесте, штубовых — которые остались, ловили их, избивали и оттягивали в крематорий. Это была месть за тех, убиенных. Это ужас был»¹. Наиболее ярким эпизодом среди этих актов стала так называемая бойня в Дахау, когда американскими военнослужащими и узниками лагеря Дахау было убито около 500 охранников и членов администрации лагеря².

Идею «глобальной мести» немецкому народу за гибель миллионов евреев пытались воплотить в жизнь члены еврейской организации «Нокмим» («Накам»), которые оправдывали свои действия уверенностью в том, что виновные в трагедии их народа не будут должным образом наказаны. Организацию возглавил А. Ковнер, бывший узник Вильнюсского гетто. Члены организации вынашивали планы заражения водопроводов в крупнейших немецких городах, травили и другими способами уничтожали немецких военнопленных. Считается, что в общем и целом жертвами движения стало несколько сотен человек³.

Однако деятельность организации не получила поддержки у подавляющего большинства узников. И не только потому, что истребление сотен тысяч или миллионов немцев как пособников или исполнителей, по точному замечанию Х. Арендт, «означало бы только, что идеология нацистов победила, хотя и власть, и «право сильного» критиковать эту идеологию перешли к другим людям»⁴. Во-первых, стихийные и сознательные казни виновных у думающих и мыслящих узников создавали ощущение сопричастности к одной трагической судьбе, только «с разных сторон». Так, Ж. Амери отмечал, что казнь издевавшегося над ним эсэсовца парадоксальным образом сблизил

¹ Там же. С. 318.

² *Felix L. Sparks*. Dachau and its liberation. URL: <http://45thinfantrydivision.com/index14.htm>.

³ *Porat D.* The Fall of a Sparrow: The Life and Times of Abba Kovner. Stanford Scholarship, 2009.

⁴ *Арендт Х.* Скрытая традиция. М., 2008. С. 47.

их. «Антверпенский эсэсовец Вайс, убийца и особо наторелый заплочных дел мастер, поплатился жизнью. Чего еще может требовать моя дурная жажда мести? Но коль скоро я правильно себя понимаю, дело не в мести и не в наказании. Пережитое гонение было по сути своей предельным одиночеством. И речь для меня идет об избавлении от этой поныне длящейся заброшенности. Эсэсовец Вайс, когда его вывели на расстрел, познал моральную правду своих злодеяний. В этот миг он был со мной — и я уже не был один на один с черенком лопаты (Вайс бил Амери во время работы черенком лопаты. — Б.Я.). Мне хотелось бы верить, что в минуту казни он так же, как я, желал повернуть время вспять, сделать случившееся неслучившимся. Когда его вели к месту казни, из супостата он вновь сделался ближним. Если бы все происходило только между эсэсовцем Вайсом и мной, если бы на мне не лежала тяжким бременем перевернутая пирамида из эсэсовцев, их пособников, чиновников, капо, увешанных орденами генералов, я мог бы — так мне, по крайней мере, кажется сегодня — мирно упокоиться с этим новообретенным ближним из эсэсовской дивизии «Мертвая голова»¹. Во-вторых, причина несогласия узников с этими методами была и в том, что выжившие понимали, что речь должна идти о кардинальном преодолении трагического прошлого. Масштаб этого прошлого требовал не мести, которая всегда мелка, адресна и субъективна, а воздаяния — как глобального и, как казалось, единственно возможного средства преодоления.

И здесь перед выжившими возникла серьезная проблема. Можно отомстить за свои пережитые страдания, за смерть родного или случайного человека, который в лагере был рядом. Однако невозможно отомстить за целую жизнь, превращенную в пытку и смерть. За миллионы таких жизней. Бывший солдат вермахта Р. Козеллек (позднее крупный историк и теоретик

¹ *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 121–122.

исторической науки) вспоминал, как в 1945 году он в качестве пленного попал в Освенцим. Бывший заключенный лагеря охранял пленных, подгонял их и однажды, рассвирепев, схватил табуретку, чтобы проломить ею голову Козеллека. Но вдруг узник остановился и сказал: «Что толку раскраивать тебе череп? Ведь вы же загубили газом миллионы». Табуретка полетела в угол и рассыпалась на куски»¹.

Сотни тысяч выживших узников концлагерей (в рамках данного сюжета мы говорим только о них, не умаляя значения жертв, принесенных всеми остальными) требовали воздаяния, считая, что оно возможно. Но очень скоро они стали понимать абсолютную невозможность считать подлинным воздаянием не только локальные расправы над охранниками концлагерей или акции «Нокмим», но даже Нюрнбергский процесс. Как отмечала Х. Арендт, «для Геринга смертная казнь — это почти шутка, и он, как и другие обвиняемые на Нюрнбергском процессе, знает, что мы можем лишь немного ускорить наступление его смерти, но не более того»². Проблема оказалась в том, что тюремное заключение или даже смерть палачей не соответствовали масштабу совершенных ими преступлений и пережитого выжившими жертвами ужаса, который, как уже говорилось, находился вне рамок обычного человеческого опыта переживания трагедий.

Для требования полноценного воздаяния необходимо было для начала осознать масштаб произошедшего, но это осознание оказалось бывшим узникам не под силу, так как работала иммунная система психики, включавшая психологические механизмы самосохранения. «Память выбрасывает, очищает сама себя от слишком ужасных воспоминаний»³, — писал Д. Лихачев, констатируя, что многие наиболее тяжелые эпизоды пере-

¹ Цит. по: Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018. С. 134.

² Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 350.

³ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 335.

житой им блокады Ленинграда были парадоксальным образом забыты. Действие этих же механизмов у заключенных концентрационных лагерей было обнаружено Б. Беттельгеймом на основе анализа снов узников. Во сне они часто мстили эсэсовцам, однако «причиной мести заключенного... чаще всего было какое-то маленькое издевательство и никогда не чрезвычайное переживание... Наиболее шокирующий опыт не попал в сны... Отдельные гестаповцы, совершившие незначительные прегрешения, вызывали гораздо более глубокую и сильную агрессию, чем те из них, кто проявил особую жестокость»¹.

Таким образом, масштаб воспоминаний и переживаний оказывался меньше масштаба пережитого, смерть преступника отвечала первому, но не второму. Как следствие, у большинства выживших узников возникла растерянность, перешедшая в ощущение, что преступление есть, а преступников нет (это подтверждалось и юридическими реалиями — на судебных процессах над участниками айнзацгрупп 92 % обвиняемых были признаны соучастниками преступлений, а не исполнителями²), что подлинного воздаяния не происходит и не произойдет, что обуславливало в будущем бесконечное возвращение прошлого в настоящее.

Тем более что оказалось невозможным точно понять, кто, как и в какой степени виноват. «Кто-то составлял картотеки, кто-то задерживал, охранял, сидел за рулем, — описывал эту проблему З. Бауман. — Никто из этих людей не имел точного представления, какое место его труд занимает в общей системе и способствует убийству людей. Они всего лишь добросовестно выполняли свою работу»³. А жены, родственники эсэсовцев, комендантов лагерей, которые всё знали и даже пользовались трудом узников, они виновны? А их дети? Если дети, которых уничтожали в Освенциме, были виновны в том, что из них вы-

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108094&p=47>.

² Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 206.

³ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013 С.76

растут евреи, цыгане, русские, то и дети эсэсовцев могут вырасти такими же, как их отцы. То есть виновными в этой логике должны были стать практически все¹.

Необходимо обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Философ и социолог М. Хальбвакс (погибший в Бухенвальде) считал, что коллективная память может сохраняться только вспоминаящим, помнящим коллективом², поскольку для поддержания памяти необходим обмен опытом, общение, которое может возникнуть только в коллективе. То есть коллектив, объединенный памятью, является необходимым условием ее сохранения и по мере удаления от воспоминаемого события важнейшим условием генезиса ее мемориализации. То есть память живет только в сообществах. Исследуя память о Холокосте в послевоенной Германии, историк Д. Динер сужает общее понятие «коллектива» до этнической общности, считая ее

¹ Именно в этой логике действовали союзнические армии, когда совершали беспрецедентные бомбежки Гамбурга, Дрездена, Франкфурта, Кельна, в результате которых погибли десятки тысяч мирных жителей, а сами города были почти полностью стерты с лица земли (из общего количества в 955 044 тонны бомб, сброшенных на Германию Великобританией, только 143 585 тонн было сброшено на промышленные объекты, а на города — 430 737 тонн. См.: *Кантор М.* Медленные челюсти демократии. М., 2008. С. 36). Союзники бомбили мирное население, оправдывая это тем, что оно работает на войну. Однако обвинения в уничтожении мирного населения применяли и к нацистам, то есть ответ союзников Германии, вместо того чтобы быть воспринятым как закономерное и неосуждаемое возмездие, в значительной степени сгладил поражающий эффект немецких военных преступлений, «уравняв чаши весов» буквально в последние месяцы войны. Не случайно доказать свою правоту в истории с тотальными бомбежками немецких городов союзникам так и не удалось, и сегодня эта тема, невзирая на всю ее абсурдность (Т. Адорно считал «иррациональным» «взаимный зачет вины, будто Дрезден сполна искупил Освенцим». См.: *Адорно Т.* Что означает «проработка прошлого» // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 36), тем не менее все чаще всплывает в западной историографии (наиболее убедительная работа принадлежит В. Зебальду. См.: *Зебальд В.* Естественная история разрушения. М., 2015) как аргумент в пользу снятия титула «кающейся нации» с германского народа.

² *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

единственной социальной стратой, способной стать носителем коллективной памяти¹.

Однако коллектива, который мог бы стать хранителем памяти и травмы узников, не было, он не смог сложиться именно потому, что личная травма была слишком сильна и болезненна, она была важнейшим средством индивидуализации личной памяти узника и препятствовала формированию единства коллективной памяти, замыкая носителя травмы в ее рамках. Иными словами, были воспоминания, но не было памяти. Не случайно, согласно Д. Динеру, сформировать и сохранить память о Концентрационном мире смогли только евреи — именно в рамках своей этнической общности, что отразилось в источниках и историографии феномена Концентрационного мира, — память о концентрационных лагерях у них нередко отождествляется только с памятью о Холокосте.

Кроме того, перед узниками, ищущими адекватных форм воздания как средства преодоления прошлого, встала еще одна существенная проблема, которая всегда возникает при дихотомии радикально отличных друг от друга времен. Настоящее, главной идеей которого становится преодоление прошлого, оказывается в ловушке этого преодоления, так как период, который следует преодолеть, также строился на отталкивании от прошлого, причем часто в форме восстановления лучшего из этого прошлого. Нацистская система не была исключением.

То есть в процессе преодоления парадоксальным образом происходит восстановление и закрепление объекта преодоления как в языке, так и во внешних формах. Усиливает этот эффект то обстоятельство, что в рамках «миметического нагнетания» (в терминологии Р. Жирара) формы преодоления прошлого настоящим (возмездие узников Концентрационному миру) обычно аутентичны тем, с помощью которых прошлое преодолевалось «предпрошлое» (возмездие нацистов тому

¹ *Diner D. Beyond the Conceivable: Studies on Germany, Nazism and Holocaust. Berkley: University of California Press, 2000. P. 191–192.*

послевоенному миру, который унизил Германию в Версале). Можно видеть, что и в том и другом случае это одинаковый язык осуждения прошлого и противопоставления ему, суды, тюремное заключение, виселицы и расстрелы виновных.

Остановить это «круговращение возмездия», разорвать «схизмогенетическую цепь» (термин Г. Бэйтсона, означающий последовательность событий, каждое из которых только усугубляет сложившуюся ситуацию) можно было только радикальным выходом за пределы этих лингвистических, семиотических, символических форм, однако этот выход не был найден именно потому, что смерть виновных в создании Концентрационного мира виделась самым понятным способом восстановления справедливости. Общественное сознание было категорически не готово к иному — пусть столь же радикальному, но не совпадающему с привычными формами возмездия — решению проблемы.

Например, к тотальному забвению прошлого, столь же тотальному прощению нацистских преступников, созданию условий для искупления ими вины или приданию им принципиально новых статусов в обществе, не связанных с привычными статусами отверженных и изгоев. Такого рода прецеденты в истории были. После Пелопоннесской войны (431–404 годы) между Афинами и Спартой был предложен коммуникативный запрет публично «помнить зло». Почти сразу после убийства Юлия Цезаря Цицерон предложил Сенату ради общего мира забыть о кровавых внутренних конфликтах, Тридцатилетняя война в 1648 году завершилась мирным договором, в котором были слова «простить и забыть», а Людовик XVIII, став королем в 1814 году, постановил предать забвению вражду и преступления времен Французской революции, не исключая и казнь короля и королев.

После Второй мировой войны призывы к забвению трагического прошлого раздавались на разных уровнях. В 1946 году в Цюрихе, выступая перед студентами университета, британский премьер У. Черчилль предсказывал: «Придет время для

того, что господин Гладстон много лет назад назвал «благословенным актом забвения». Мы отвернемся от ужасов прошлого и обратим свой взор в будущее. Ведь мы не можем позволить себе год за годом тащить невыносимо тяжкий груз ненависти и злобы, вызванных причиненными нам в прошлом страданиями. Если мы хотим спасти Европу от бесконечных испытаний и верной гибели, то должны твердо уверовать в возможность единения наших народов и предать забвению все прошлые преступления и ошибки»¹. По мысли Черчилля, забвение прошлого, по умолчанию предусматривающее прекращение взаимных обвинений и прощение, должно было избавить Европу от потенциального рецидива Версаля, превращения поражения Германии во Второй мировой войне в инструмент реваншистской политической и социальной мобилизации. Однако «благословенный акт забвения» не стал общей исторической стратегией послевоенной Европы, распавшись на ряд индивидуальных и групповых инициатив.

Например, невзирая на масштаб травмы, некоторые выжившие заключенные находили в себе мужество пойти по этому пути. Показательна история уже упоминавшейся Евы Мозес Кор и ее сестры-близнеца Мириам. В одиннадцатилетнем возрасте они оказались в Освенциме и стали жертвой экспериментов Йозефа Менгеле, однако им удалось выжить. Через пятьдесят лет Е. Мозес Кор (ее сестра умерла в 1993 году) встретила с эсэсовским врачом из Освенцима Г. Мюнхом, знавшим Менгеле, и уговорила его поехать в Освенцим. Перед поездкой она написала ему «письмо», в котором прощала Мюнха за все, что он сделал. «Я знала, — вспоминала она, — что это «письмо» будет очень важно для него, но, как оказалось, еще важнее оно стало для меня. После того как оно было написано, я поняла, что не была безнадежной, беспомощной жертвой. Когда я попросила подругу проверить орфографию, она попросила меня

¹ Соединенные Штаты Европы. Самая важная из послевоенных речей Черчилля, произнесенная им 19 сентября 1946 года в Цюрихском университете, Швейцария. <https://churchill.pw/soedinennye-shtaty-evropy.html>.

добавить, что я прощаю и Менгеле. Я была уверена, что никогда не смогу этого сделать. Но, размышляя над этим, постепенно я поняла, что теперь у меня есть главное: способность прощать. Это было мое право — использовать ее, эту способность, и никто не мог его отнять у меня. 27 января 1995 года, в день пятидесятилетия освобождения Освенцима, я стояла с детьми у развалин газовых камер рядом с доктором Мюнхом, его детьми и внуком. Доктор Мюнх отдал мне свои воспоминания об Освенциме, а я прочитала свое «письмо» о том, что прощаю его, и подписала его. Сделав это, я почувствовала, как бремя многолетней боли упало с моих плеч. Я больше не была во власти ненависти, я наконец-то была свободна¹. Пожизненный статус жертвы с этого момента более не преследовал ее. Важно обратить внимание на то, что она этим актом навлекла на себя обвинения в том, что предала свою умершую сестру, которая страдала вместе с ней, но не уполномочила ее прощать. Однако Е. Мозес Кор считала, что прощение — это единственный достойный способ почтить память погибших, способ, удовлетворяющий самым пристрастным требованиям справедливого наказания.

Наблюдались и попытки придать масштаб этому процессу. Необходимо отметить, что речь шла не о прощении, а об искуплении, то есть деятельном, видимом раскаянии. Наиболее интересным опытом такого рода стало создание в 1952 году организации «Действие. Искупление. Созидание мира» (Aktion Sühnezeichen Friedensdienste. ASF. Действует до настоящего времени). Ее основателем стал бывший немецкий судья (единственный судья в нацистской Германии, который открыто выступил против программы эвтаназии), а затем известный деятель протестантской церкви Л. Крейссиг. Он был сторонником выстроенной на христианской концепции искупления идеи глобальной немецкой вины, вины, находящейся вне рамок пра-

¹ *Mozes Kor. E. Forgiving Dr. Mengele.* URL: <https://www.plough.com/en/topics/life/forgiveness/forgiving-dr-mengele>.

вового или политического поля, что совсем не соотносилось с послевоенными тенденциями (против такой формы вины был даже К. Ясперс). Крейссиг настаивал на том, что потребность в примирении у немецкого народа должна стать неотъемлемой частью менталитета, чтобы дать возможность нормально сосуществовать в будущем немцам и тем народам, которым они принесли бедствия.

Он был обеспокоен тем, что отрицание этого общенационального морального краха разрушит общественное сознание немцев и не даст им возможности наладить отношения с внешним миром. Поэтому Л. Крейссиг воспринимал разделение Германии как справедливое наказание, которое должно было быть безропотно принято немецким социумом. Он ходатайствовал за военных преступников, таких как Эйхман, которого, по его мнению, израильские власти должны были передать Германии для суда на родине, просил о помиловании военных преступников, приговоренных к пожизненному заключению или смертной казни.

Инструментом такого глобального примирения должна была стать указанная организация, объединявшая в своих рядах немецких добровольцев, которые в знак искупления своей вины, вины предков и всего народа должны были заниматься восстановлением и строительством различного рода объектов в тех странах, народам которых фашизм нанес наибольший ущерб (прежде всего это Израиль, СССР, Великобритания, Польша). Сотни волонтеров восстанавливали в этих странах храмы, синагоги, больницы, школы и другие общественные здания. Эти здания должны были служить символами искупления немецким народом своей вины и, таким образом, стать важным шагом к общеевропейскому примирению. «Многие из добровольцев, вернувшись в Германию, стали выступать в СМИ, пошли в политику, стали работать в мемориальных музеях, приняли священство и т. д., продолжая продвигать идею примирения с бывшими врагами»¹.

¹ *Legerer A. Preparing the Ground for Constitutionalization through Reconciliation Work // German Law Journal. Vol. 06. No. 02. February 2005.*

Однако идеи Л. Крейссига не получили широкого распространения и масштабного признания. Напротив, многочисленные амнистии нацистских преступников, не только не признавших вины, но и настаивавших на собственной правоте, амнистии, о которых пойдет речь далее, возвращение бывших крупных нацистов в политическое и общественное поле свидетельствовали не о стратегии радикального выхода за пределы устоявшихся форм социальных реакций, а прежде всего о неспособности, нежелании и просто бессилии разобраться в произошедшем до конца или даже о тайных симпатиях к побежденным. Эти амнистии стали формой обмена между бывшими нацистами и социумом: общество приобретало спокойствие и забвение в обмен на амнистию и формальное, внешнее раскаяние, бывшее необходимым условием освобождения преступника. Таким образом прошлое, от которого стремились избавиться, неизбежно возвращалось в прежнем трагическом виде, утратив всего лишь свое господствующее положение. Именно последнее обстоятельство очень многих вводило в заблуждение.

Это, в свою очередь, вызывало дискуссии о смысле и формах прощения, равно как и о самой возможности прощения. И именно благодаря амнистиям нераскаявшихся нацистских преступников многие участники этих дискуссий, как, например, Х. Арендт или К. Ясперс, встали на точку зрения абсолютной невозможности прощения и забвения. Наиболее активно отстаивал принципиальную невозможность прощения В. Янкевич. В своем знаменитом эссе «Следует ли нам прощать их?» он жестко и убедительно возражал против срока давности для преступлений нацистов. Один из главнейших его аргументов состоял в том, что преступления против человечности, совершенные, в частности, в Освенциме, дегуманизируют человека как такового, попирая саму суть того, что является человеком. Он считал, что преступления такого масштаба не могут быть искуплены прощением, так как «прощение погибло в концлагерях». Государство не может вместо жертв прощать

преступников — только сами жертвы имеют право простить, только жертва и палач, будучи лицом к лицу, могут говорить о прощении. Но для этого нужно, чтобы жертва была еще жива. Если же нет, то дверь, ведущая к прощению, захлопнулась навсегда. В этом случае раскаяние палача ничего не дает; оно неадекватно содеянному и навсегда опаздывает — раскаяние и прощение разделяет непреодолимая пропасть во времени¹.

Таким образом, простить было невозможно. Как и невозможно было определить точную цель воздания, ибо не просто всегда что-то ускользало, но часто оказывалось, что объектом воздаяния в итоге становился сам жаждущий воздаяния. В данной ситуации чувство так и не восстановленной справедливости никуда не могло исчезнуть, одержимость прошлым грозила превратиться в патологию, в манию, и в этих условиях в качестве единственного средства преодоления прошлого была предложена компенсаторная стратегия превращения немцев в «кающуюся нацию», прививания им коллективной вины за то, что Х. Арендт называла «тотальным сообщничеством немецкого народа»². То есть огромный груз вины определенной категории немцев раскладывался на всех, включая еще не родившихся, то есть по социальной горизонтали и по родовой вертикали. Примечательно, что тезис о коллективной вине сформулировал в 1945 году немецкий теолог К. Барт, хотя, казалось бы, именно протестантская и католическая церкви Западной Европы могли и обязаны были предложить выход из «круговращения возмездия».

«Коллективная вина» была создана для того, чтобы за коллективным преступлением последовало коллективное наказание, с чем не были согласны даже некоторые узники лагерей типа В. Франкла, считавшие, что и в лагерях не все эсэсовцы

¹ *Jankélévitch V. Should We Pardon Them? Translated by A. Hobart. Critical Inquiry* 22. 1996. No. 3. P. 552–572. Текст Янкелевича оказался настолько убедительным, что благодаря этому эссе во Франции был отменен срок давности для нацистских коллаборационистов при режиме Виши.

² *Арендт Х. Скрытая традиция. М., 2008. С. 40.*

были извергами¹, или Э. Визеля, говорившего о том, что концепция коллективной вины позволит настоящим виновникам произошедшего раствориться в общей массе². Тем не менее постулат о том, что «Освенцим есть прошлое, настоящее и будущее Германии» (Х.М. Энценсбергер)³, стал важнейшим стимулятором памяти немцев и фундаментальным основанием их самоощущения как кающейся нации, базовым вектором бытия постнацистской Германии. Недостаточное воздаяние отныне растягивалось в бесконечность, основная нагрузка была возложена на время, которое должно было вечно сохранять память о палачах и жертвах и в любой момент призвать к ответу за случившееся.

Однако это привело к обратному эффекту. Чем дальше от преступления отстоит наказание, тем более оно кажется странным, если не сказать бессмысленным или вредным даже для жертвы и тем более для стороннего наблюдателя. Актуальными становились слова, приписываемые блаженному Августину Гиппонскому: «Запоздалая справедливость немногим лучше разбоя». Кроме того, у выживших узников менялось восприятие произошедшего. По мере того как шло время, неизбежно (помимо уже указанных механизмов иммунизации памяти) включался механизм мифологизации прошлого, происходила

¹ Франкл В. Воспоминания. М., 2018. С. 142–144. В обоснование своего несогласия с постулатом о коллективной вине Франкл приводит пример эсэсовца, начальника последнего лагеря, где Франкл был узником. Этот эсэсовец на свои деньги покупал в соседнем городе медикаменты для заключенных, после освобождения был спрятан евреями, которые выдали его американцам с условием, «что и волос с его головы не упадет». И это не единственный случай. Врач СС В. Флагге, служивший в Освенциме, делился своей едой с заключенными и следил, чтобы комнаты, где они жили, отапливались, сотрудник администрации Дахау Г. Мурш заботился о заключенных и отказывался их избивать. Известны также многочисленные примеры, когда охранники отказывались истязать заключенных. См.: *Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста*. М., 2019. С. 47–50.

² Визель Э. Почему? Интервью венгерскому журналу «168 часов». URL: <http://holocaustmuseum.kharkov.ua/didgest-e/didgest-2014/04-2014/index.html>.

³ Цит. по: *Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть*. М., 2015. С. 133.

беллетризация воспоминаний, когда в конкретное событие, отраженное в памяти, инвестировались более поздние впечатления, почерпнутые из рассказов других людей, научной или даже художественной литературы, когда эмоциональная значимость события вытесняла достоверность. Или же воспоминания полностью становились итогом бессознательного усвоения этой литературы, превращаясь, по словам Х. Вельцера, «в ложные воспоминания, созданные коммуникацией, а не собственным опытом»¹, когда человек точно и правильно помнит событие, но забывает источник, откуда получено знание о нем.

Так, руководитель восстания в Собиборе А. Печерский вспоминает в своей книге историю (она в последующие годы неоднократно повторялась им), как он в лагере колол пни и эсэсовец, рассердившись на него, заставил Печерского расколоть огромный пень за пять минут. «Расколешь — пачка сигарет, не расколешь — 25 плетей». Печерский расколол раннее положенного времени и, когда эсэсовец протянул ему сигареты, отказался со словами: «Спасибо, я не курю». Эсэсовец принес буханку хлеба и маргарин — для концентрационного лагеря целое сокровище, — и вновь Печерский отказался: «Спасибо, то, что я здесь получаю, для меня вполне достаточно»². Однако, как свидетельствует Л. Симкин, ни один из выживших в Собиборе товарищей Печерского не мог вспомнить этот эпизод³. Если учесть, что данный сюжет очень «литературен» (похожий эпизод встречается у М. Шолохова в «Судьбе человека» — там заключенный лагеря отказывается от водки, налитой эсэсовцем: «Благодарствую за угощение, но я непьющий»⁴) и точно соответствует художест-

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 30.

² Печерский А. Восстание в Собибуровском лагере. Ростов-на-Дону, 1945. С. 42.

³ Симкин Л. Собибор. Послесловие. М., 2019. С. 71–73.

⁴ Шолохов М. Судьба человека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=342&p=5>.

венному образу советского человека, в любом положении не унижающегося до того, чтобы взять из рук палача подачку, то можно утверждать, что перед нами наглядная иллюстрация выдуманного выше тезиса.

И. Жукова, угнанная в Германию в десятилетнем возрасте, вспоминала: «Завели нас в какое-то здание. Все мрачно, тускло. Стали там всех раздевать. И женщин, и мужчин — всех догола раздели и повели по коридору... Потом загнали в помещение. На потолке какие-то такие штучки. Слышу, взрослые говорят: «Может, сейчас газ пустят». Тут такой страх появился! И вдруг из этих штучек полилась вода! Все прямо вздохнули от облегчения. Это душ был»¹. Описываемые события относятся к 1942 году, но тогда никто не мог знать (тем более люди, только что прибывшие в Германию из СССР), как выглядела газовая камера и сама процедура умерщвления в ней. По мнению Т. Сегева, биографа С. Визенталя, многие сюжеты воспоминаний последнего следует поставить под сомнение, так как, будучи «человеком с литературными амбициями, он был склонен давать волю фантазии и зачастую предпочитал правде историческую драму, как будто не верил, что правдивая история способна произвести на слушателей достаточно сильное впечатление»².

Таким образом, можно наблюдать процесс превращения памяти в воображение, видеть, как позднейшие сюжеты о лагерях уничтожения «создают» структуру более ранних воспоминаний, со временем приобретающих настолько убедительные черты достоверности, что сам вспоминающий испытывает одинаковые чувства при воспроизведении вымышленного и подлинного сюжета и даже способен испытать чувство обиды, если ему укажут на недостоверность вымышленного свидетельства.

¹ Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016. С. 118. Об опасности такого рода мемуаристики для правильного понимания произошедшего хорошо писал В. Быков в статье «Свидетельство эпохи». URL: <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt>.

² Сегев Т. Симон Визенталь. Жизнь и легенды. М., 2014. С. 23.

Таким образом, сами узники уже не всегда могли доверять собственной памяти, между опытом и личным воспоминанием возникала практически непреодолимая пропасть, заполненная интерпретациями. Помимо этого, то, что казалось наиболее важным, менялось местами с тем, что было второстепенным, оценка прошлого все более сползала к схематизации и упрощениям, в этой оценке постоянно актуализировалось то, что отвечало требованиям не достоверности, а современности.

Возникал парадокс: чем дольше жертвы ждали воздаяния, тем меньше могли надеяться, что оно совершится и они перестанут быть жертвами, тем более что правосудие в любом случае неспособно залечить душевную травму. То есть происходила фиксация статуса жертвы, бывший узник превращался в собственных глазах и глазах других в «вечную жертву», которая вечно приносится и никогда не может быть принесена окончательно, — для обозначения этого состояния психиатр А. Кемпинский ввел термины «КЛ-синдром», или «постлагерная болезнь»¹. Вместе с этим ожидание воздаяния блокировало перспективу, навсегда оставляло ожидающих в прошлом и, по мере того как подрастали люди, не помнившие ужасов войны, вытесняло жертвы на обочину исторического времени. Концентрационный мир из сублимации Абсолютного Зла превращался в обычный исторический эпизод, который быстро уходил в прошлое, и «память о нем все меньше и меньше звала к тому, чтобы наказать преступников или заплатить по открытым счетам»². А историзация травмы рано или поздно, но неизбежно становится равна забвению, которое, в свою очередь, является необходимым условием рождения подтекста памяти следующих поколений, только через этот подтекст ощущающих связь с прошлым. В том числе именно поэтому так кардинально различаются в послевоенной Германии формы памяти «отцов» и «детей».

¹ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998. С. 147.

² Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013 С. 242.

Что касается погибших в концентрационных лагерях, то как в Западной Европе, так и в СССР существенной проблемой, мешавшей оценить масштаб воздаяния, стало определение их статуса. Воздаяние требовало понимания, за что они погибли. Общественное сознание послевоенной Европы присвоило им статус жертв. А. Ассман указывает, что «семантика жертвы характеризуется поляризацией понятий «*sacrificium*» (англ. «*sacrifice*») и «*victima*» (англ. «*victim*»). «*Sacrificium*» подразумевает добровольное принесение в жертву собственной жизни, а «*victima*» служит для обозначения пассивного и незащищенного объекта насилия»¹. Не было сомнений в том, что узники концентрационных лагерей есть жертвы в значении «*victima*». Здесь важно обратить внимание на указанное А. Ассман различие между приведенными выше статусами жертвы. Если жертвы «*sacrificium*», как правило, объединялись в сообщества и статус жертвы получал легитимизацию в сообществе, то жертвы «*victima*», не имеющие сообщества, нуждались в легитимизации своего статуса извне². Однако статус безмолвной жертвы нацистского режима для общественного сознания был свидетельством прежде всего слабости первой и неизбежно порождал вопрос: «Почему они не сопротивлялись?» То есть социум отказывал этим жертвам в легитимизации их статуса извне и тем самым аннулировал их как для себя, так и для них самих.

Положение усугублялось тем, что невозможно было ответить на вопрос: «За кого или кому была принесена жертва?» Наиболее часто упоминаемый и сегодня в историографии статус жертвы, принесенной во имя живых, неубедителен, так как был присвоен жертвам нацизма выжившими узниками позднее: не существует свидетельств, что погибшие в нацистских концентрационных лагерях шли на смерть сознательно во имя

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018. С. 75.

² Там же. С. 80.

будущих поколений. Они порой жертвовали собой во имя близких, детей, товарищей, оказавшихся рядом с ними в лагере, но никогда не воспринимали себя как жертву за тех, кто остался за колючей проволокой.

Напротив, многих узников приводило в недоумение и отчаяние нежелание окружающего мира видеть и ощущать их страдания. «Здесь сжигают мужчин, женщин и детей, а мир молчит!»¹ — восклицал Э. Визель, и именно это «молчание мира» воздвигало непреодолимую стену между узниками и теми, кто был на свободе. Эта стена оказалась настолько прочной, что не рухнула и после того, как Концентрационный мир перестал существовать. Остается жертва непосредственно самому Концентрационному миру, то есть тому, что породило узников, но такая жертва воплощению Абсолютного Зла выглядит противоестественно, так как это означает, что смерть узников, смерть, которая всегда противостоит существующему порядку вещей, парадоксальным образом способствовала этому порядку, делая жертвы уже в смерти соучастниками зла. Кроме того, вхождение в семантическое пространство жертвы неизбежно придает палачу статус жреца, а убийству — статус ритуала. Не говоря уже о том, что в традиционных культурах жертва всегда приносилась для того, чтобы предотвратить или остановить насилие и зло, только грозящие общественной группе или социуму в целом или уже совершающиеся. Жертвы в Концентрационном мире, наоборот, приводили к эскалации насилия и возгонке зла, то есть утрачивали статус жертвы и превращались в свою противоположность — в средство для поддержания и укрепления существующего противоестественного порядка.

Кроме того, говоря о смерти, следует подчеркнуть, что она является жертвенной лишь в том случае, если смерть — не цель сама по себе, а средство для достижения цели, гораздо более значительной, чем отдельная жизнь отдельного челове-

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 67.

ка. Ибо, если цель ничтожна, для ее достижения не обязательно умирать — умирают тогда, когда другого выхода нет, когда смерть — последний довод. В условиях лагеря такой целью мог стать статус мученика за кого-то/что-то, который придавал узнику и его жертве ценность — ведь в основе ритуала жертвоприношения лежит принесение в жертву лучшего из возможного.

Однако придать погибшим статус мучеников не было возможным, так как основа концепции мученичества и статус мученика существовали только в христианстве и этот статус опять определялся целью, во имя которой претерпевались мучения. Именно цель превращала пытку и истязание в мученичество, полностью меняла восприятие страданий и смерти как самим мучеником, так и окружающими. Для христианских мучеников, погибавших за Христа, было очень важно превратить свои мучения в публичную проповедь христианства, мученическая смерть являлась убедительным, а порой и единственным доказательством истинности жизни, убеждений и веры. Здесь нужно обратить внимание на то, что обрекшие мученика на страдания истязали его именно как христианина, с целью добиться отречения или наказать за исповедание, то есть понимали суть и смысл переживаемых жертвой мучений, которых она не стремилась избегать¹. Поэтому до сих пор неперенным условием церковной канонизации мученика является добровольное и безропотное принятие им мучений во имя Христа.

К середине XX века рациональное европейское сознание, как уже говорилось, существовало вне религиозных категорий. Мученическая смерть и мученичество в целом воспринимались этим сознанием исключительно в биологических, физиологических или даже эстетических категориях (последние, как критерий оценки явлений действительности, были характерны для эпохи модерна) просто как смерть, отягощенная страда-

¹ Подробнее о феномене христианского мученичества см.: Ранние мученичества. Переводы, исследования, комментарии. СПб., 2017.

ниями. Поэтому погибающие в концентрационных лагерях не могли восприниматься как мученики. Во-первых, уничтожение узников не имело никакого другого смысла, кроме лишения их жизни, не имевшей никакой ценности, то есть смерть была бессмысленной, и в этих условиях мученичество не могло стать оправданием жизни и тем более — смерти. Во-вторых, те, кто уничтожал узников, воспринимали их смерть как финальную часть процесса истребления биологических объектов, утилизации пронумерованных экземпляров, которые по определению не могут иметь убеждений, веры, сознания и не в состоянии ничего исповедовать перед ними в момент гибели или мучений.

Мученичество в этих условиях тотального непонимания окружающими не могло стать проповедью, а лишь усиливало бессмысленность происходящего, если только испытывающий мучения не был способен стать мучеником во имя самого себя, но такого рода прецеденты были редки даже в христианстве¹. Стремление же записать всех погибших в «причастников жертве Христа» и «святых мучеников», как это делает А. Шмаина-Великанова², выглядит откровенной натяжкой в лучшем случае — хотя бы потому, что этот вывод прост и откровенно напрашивается. В худшем — «путать массовое убийство с искупительной жертвой... значит сакрализировать и оправдывать варварство»³. Именно поэтому в послевоенном европейском общественном сознании не было единства в оценках

¹ Один из примеров такого рода — преподобномученик Лукиан Антиохийский (IV век), который, находясь в заточении и будучи прикованным к ложу, совершил литургию прямо на своей груди, сознавая себя святым мучеником за Христа (литургия всегда совершается на антиминсе, в который вшиты мощи святых, — в воспоминание, что в древности литургия совершалась на гробницах святых). См.: Жития святых Димитрия Ростовского. Т. 6. Месяц февраль. М., 2008. С. 56–58. Однако этот пример уникален.

² Шмаина-Великанова А. О новых мучениках // Наше положение. Образ настоящего. М., 2000. С. 220.

³ Дюпуи Ж.-П. Малая метафизика цунами. СПб., 2019. С. 104.

статуса погибших, тем более что, по точному замечанию Л. Нитхаммера, погибшие в лагерях были совершенно неизвестны обществу, о них никогда не говорили, даже отрицательно, как о военном противнике¹. Все это приводило к тому, что главным аргументом против тех, кто осуществлял преступления против человечности, становилась статистика и национальный состав погибших в концентрационных лагерях. То есть категории, лишённые моральной составляющей.

Все это происходило на фоне того, что значительная часть немцев считала, что Нюрнбергский процесс разрешил все проблемы, связанные с трагическим прошлым, и ворошить это прошлое больше не нужно. Данное убеждение было не столько желанием амнезии, сколько закономерным следствием процесса: глобальное упразднение нацизма как причины неизбежно сопровождалось локальным упразднением одного из ее следствий — Концентрационного мира. Это состояние общественного сознания было точно уловлено политическим истеблишментом ФРГ. «Молодую Федеративную Республику охватила «лихорадка пощады», которой заболели все политически и общественно значимые силы, образовавшие своего рода большую коалицию»², — писал Х. Кёниг. Уже в 1949 году вышел закон об амнистии совершивших военные преступления офицеров, в числе которых оказались и командиры «айнзац-групп», отвечавших за массовое уничтожение гражданского населения на оккупированных территориях.

В 1951 году был издан 131-й закон, позволявший возвращать рабочие места бывшим служащим Третьего рейха, благодаря чему абсолютное большинство бывших нацистов смогло вернуться к работе — из 345 тысяч гражданских служащих, работавших при Гитлере, всего около тысячи не сумели вос-

¹ Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012. С. 479.

² Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>.

становить место работы¹. «Процессы против нацистских военных преступников прекратились, так по существу и не начавшись, — продолжает тему А. Борозняк. — Тысячи нераскаившихся нацистов оказались на свободе и великолепно приспособились к «социальному рыночному хозяйству». Никто не хотел слышать о войне и фашизме, о неистребленных корнях прошлого. Школьники и студенты не решались спрашивать у преподавателей, что же в действительности происходило в Германии в 1933–1945 годах. Все чаще на всех уровнях раздавалось: «Ну сколько же можно? Пора уже забыть обо всем этом!»² Поэтому закономерно то, что собрание материалов немецких судебных процессов над нацистскими преступниками (Justiz und NS-Verbrechen) ни один издатели Германии не захотел публиковать и оно было выпущено в Нидерландах³. То есть состояние общественного сознания послевоенной Германии было не посткатастрофичным, как следовало ожидать после того, что произошло, а постпроцессуальным, сформированным Нюрнбергским процессом по «остаточному принципу».

Закономерно и то, что решение руководства ФРГ «откупиться от травмы», то есть выплачивать репарации выжившим жертвам Холокоста, столкнулось с жесткой оппозицией элиты и значительной части общества, в котором по-прежнему были

¹ Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 235.

² Борозняк А. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014. С. 37. Подобная мягкость по отношению к нацистским преступникам легко объяснима. Весной 1945 года союзники прекратили деятельность всех германских судов, но к концу того же года многие суды уже возобновили работу. Предполагалось, что работать в судах будут только те, кто не запятнал себя сотрудничеством с нацистским режимом, но это оказалось невозможно, и к 1946 году около 80 % судей с нацистским прошлым вернулись к работе. В Баварии 752 из 924 судей и прокуроров оказались бывшими нацистами. 27 из 40 судей, входивших в Федеральный верховный суд в 1950 году, работали в нацистской судебной системе. См.: Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 234–236.

³ Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 189–190.

сильны антисемитские настроения: после того как К. Аденауэр принял участие в открытии синагоги в 1959 году, только за год произошло 470 антисемитских выступлений¹. В итоге репарации были выплачены, но их выплата была воспринята обществом как закрытие вопроса о вине немцев перед евреями². Примечательно, что эти настроения почувствовал даже скрывавшийся после войны в Аргентине А. Эйхман, который, как выяснила исследовательница Б. Штангнет, подготовил оставшееся неопубликованным письмо канцлеру Аденауэру. В этом письме он выражал готовность вернуться в Германию и предстать перед судом, так как был уверен, что получит легкий приговор, после чего вернется к мирной жизни³.

Скорее всего, так бы и случилось, так как множество бывших нацистских бонз, оставшихся в Германии, не пострадали вообще и оказались даже в истеблишменте, как, например, Г. Глобке, официальный комментатор расовых законов в фашистской Германии, а затем госсекретарь и советник К. Аденауэра. Сохранились и продолжали функционировать такие структуры, как висбаденская фирма Torf, которая проектировала и строила крематории концлагерей, а после войны не стала менять свой профиль и вплоть до 1975 года строила крематории уже гражданские.

Закономерно в 1949 и 1954 годах прошли амнистии нацистских преступников. На свободу «триумфально» вышли такие ключевые фигуры нацизма, как, например, генерал-фельдмаршал фон Манштейн. День его выхода на свободу был шумно отпразднован жителями Верля. По распоряжению бургомистра занятия в школах в этот день были отменены для того, чтобы дети смогли принять участие в праздничном шествии.

¹ *Вериг Х.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012. С. 25.

² *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012. С. 477.

³ *Stangneth B.* Eichmann vor Jerusalem — Das unbehelligte Leben eines Massenmörders. Hamburg: Arche Verlag, 2011. S. 456–478.

Знаменитый роман Томаса Манна «Доктор Фаустус», вышедший в 1947 году (в нем автор ставит Германии неутешительный диагноз), вызвал в обществе крайне противоречивые оценки и привел к обвинению Манна в «национал-предательстве», что было прямой отсылкой к реалиям 1930-х годов. Не случайно Манн, после того как посетил Германию в 1949 году, чтобы прочитать лекцию о Гёте, писал: «Я побывал там, видимо, в последний раз. Страна стремительно движется назад, в тридцатый год. Нравственный климат отвратителен». А когда какой-то критик заявил, что не смог найти в «Докторе Фаустусе» опору для нравственного возрождения, Манн ответил: «Интересно, он последний, кто не замечает, что немцы вовсе не хотят возрождаться?»¹

В 1956 году из программы Каннского фестиваля под давлением правительства Аденауэра был исключен фильм об Освенциме «Ночь и туман» французского режиссера А. Рене. От Эриха Марии Ремарка, закончившего новый роман о войне, издательство в категорической форме потребовало внести в текст значительные правки, касающиеся преступлений нацистов против советских мирных жителей, а когда роман вышел, он столкнулся с разгромными рецензиями в западно-германских газетах. В это же время закономерно сходит на нет общественный интерес к поиску скрывшихся нацистских преступников. С. Визенталь, посвятивший свою жизнь розыску последних, констатировал в середине 1950-х годов, что он остался один, «не считая пары других таких же дураков-единомышленников», ибо «послевоенная фаза охоты за нацистами завершилась»². Закономерным финалом этого процесса явился, по словам С. Келлерхоф, «законодательный трюк» второй половины 1960-х годов авторства ключевой фигуры федерального министерства юстиции Э. Дрейера. Благодаря этому трю-

¹ Лессер Й. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии 1933–1945. http://www.xliby.ru/istorija/tretii_reih_simvoly_zlodeistva_istorija_nacizma_v_germanii_1933_1945/p19.php.

² Цит. по: Нагорски Эндрю. Охотники за нацистами. М., 2017. С. 148.

ку «все преступные деяния, кроме убийства в узком смысле, после 1960 года задним числом были признаны утратившими силу за давностью лет. До сих пор это является самым большим скандалом в немецкой правовой истории, и к тому же все это происходило на глазах у общественности. Сотни уже начатых процессов против «преступников за письменным столом» рассыпались»¹.

Все это привело к тому, что в европейском сознании сложилось, как указывал Б. Беттельгейм, три парадоксальных — на фоне того, что произошло, — подхода к «феномену концлагерей»: а) существование концлагерей в человеческом обществе в целом считалось невозможным (вопреки имеющимся доказательствам), потому что акты жестокости якобы совершались небольшой группой сумасшедших; б) информация о лагерях считалась специальной пропагандой, далекой от действительности (дошло до утверждений, что газовые камеры были построены... после войны в пропагандистских целях). Этот подход поощрялся еще фашистским режимом, называвшим все сообщения о лагерном терроре пропагандой ужаса; в) информация считалась правдивой, но обо всех ужасах старались поскорее забыть². То есть возникала ситуация «коммуникативного замалчивания», когда не только виновные не хотели говорить о произошедшем, но этого не хотело и общество, отгораживающееся от узников стеной молчания, неслышания и непонимания.

Поэтому закономерно, что книгу П. Леви о его заключении в Освенциме «Человек ли это?» удалось опубликовать в 1947 году в никому не известном издательстве небольшим тиражом. Но даже и этот тираж, несмотря на одобрительные рецензии в газетах, не был раскуплен, а переиздание в Италии было отклонено, причем отклонено редактором Н. Гинзбург, которая была

¹ Келлерхоф С. Почему критическое осмысление Холокоста провалилось в Германии. URL: <https://inosmi.ru/social/20160510/236458727.html>.

² Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 6. С. 55.

участницей антифашистского сопротивления, а ее муж погиб в гестапо. В результате книга вышла повторно только в 1958 году. «В наши дни говорить о концентрационных лагерях — это дурной вкус»¹, — констатировал П. Леви. Книга О. Когона «Государство СС» была почти неизвестна в ФРГ — к ней стали возвращаться только в 1970-х годах. Работа Э. Визеля «И мир молчал» была отвергнута всеми крупными парижскими и американскими издателями. Даже усилия знаменитого Ф. Мориака далеко не сразу привели к результату — ему потребовались долгие месяцы и много личных встреч, прежде чем он смог пристроить рукопись, но все равно, для того чтобы издать ее, пришлось смягчить текст, существенно сократить объем книги и поменять ее название². Воспоминания участника восстания в Трешлинке Р. Глацара (в русском переводе «Ад за зеленой изгородью. Записки выжившего в Трешлинке»), написанные сразу после войны, ждали издания около 40 лет. Записки погибшего члена зондеркоманды З. Градовского, найденные в земле у крематория в Освенциме в 1945 года (а это один из самых глубоких и бесспорных документов о том, что происходило в Концентрационном мире), удалось издать на личные средства одного благотворителя только в 1967 году — спустя 22 года после находки. И прошло еще 22 года, прежде чем записки перевели на европейские языки³.

Попытки выживших узников создать мемориалы на территориях бывших концлагерей (в Дахау, Нойенгамме, Бухенвальде, Заксенхаузене) вызывали многочисленные споры и конфликты и часто встречали откровенное сопротивление (так, неболь-

¹ *Levi P.* The black hole of Auschwitz. Cambridge, 2016. С. 3.

² *Визель Э.* Ночь. М., 2017. С. 11.

³ *Градовский З.* В сердцевине ада. М., 2011. С. 38. В России записки Градовского были опубликованы только в 2008 году (в трех номерах «Звезды», журнальная версия), и в 2010 и 2011 годах вышли книжные версии. Подробнее о том, как в 1940-х годах массово отклонялись издательствами воспоминания выживших в концентрационных лагерях, см.: *Wieviorka A.* On Testimony // Geoffrey Hartman, Holocaust Remembrance, Oxford u. Cambridge, Mass, 1994. P. 24–27.

шая мемориальная выставка, открытая в крематории Дахау в 1950 году, через три года была закрыта). Ситуация стала меняться только в середине 1960-х годов, когда постоянные экспозиции были открыты на территории Дахау, Бухенвальда и Нойенгамма, прошел судебный «Освенцимский процесс» (1963–1965) и другие процессы, на которых был осужден ряд нацистских руководителей, многие из которых даже прошли процедуру денацификации.

В целом, как пишет Е. Лёзина, «судебные процессы первой половины 1960-х годов существенно изменили ситуацию в западно-германских судах... со второй половины 1960-х годов 60 % всех уголовных преследований нацистов стали составлять преступления, имеющие отношения к массовому уничтожению людей. В тот же период изменился этнический состав жертв нацистских преступлений: если до 1966 года 62 % пострадавших составляли немцы, то в последующий период число представителей других этнических групп возросло до 86 % (в частности, с 29 % до 76% возросло количество судебных преследований по преступлениям, совершенным против евреев). Аналогичный сдвиг произошел в территориальном фокусе судебных разбирательств: если до 1966 года 72 % составляли преступления, совершенные в Германии, то после 1966 года география рассматриваемых в суде преступлений расширилась. Теперь 83 % судебных преследований имели отношение к местам, находившимся за пределами страны (в основном в Польше — 41 %, и в Советском Союзе — 31 %). Претерпели изменения и категории обвиняемых преступников: с 2 % до почти 11 % возросло количество судебных разбирательств над членами «эскадронов смерти», с 20 % до 31 % — над охранниками трудовых лагерей и лагерей смерти, с 27 % до 44 % — над членами полиции»¹. Всего же с 1945 года и до настоящего времени, как пишет С. Келлерхоф, «из 170 тысяч обвиняемых западногер-

¹ Лёзина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. № 3 (109). Июль — сентябрь 2011. С. 32.

манскими, а с 1990 года общегерманскими судами к ответственности было привлечено не более семи тысяч человек, из которых около 1200 человек были осуждены за убийства и лишь 175 человек были формально приговорены к пожизненному заключению»¹.

Однако очень многие попытки зафиксировать трагическое прошлое в памятниках, создать локусы мемориализации, невзирая на указанные изменения, увенчались успехом еще намного позже (так, памятный комплекс, посвященный шести миллионам евреев, погибших от рук нацистов, появился в Берлине вообще только в 2005 году, после 17-летней дискуссии, и его создание ознаменовалось скандалом, после того как выяснилось, что химический концерн «Degussa», выпускавший в годы войны «Циклон-Б» для газовых камер концентрационных лагерей, изготовил специальный антивандалный раствор для мемориала²). Это было связано с общественным нежеланием иметь перед глазами топоры страшного прошлого, самые убедительные и достоверные его следы, исключающие любые дискуссии на тему о существовании лагерей и преступной сущности нацизма. Таким образом был выработан один из наиболее действенных способов социального бегства от своей собственной истории, от вопросов, ответы на которые грозят деформацией национальной идентичности.

С другой стороны, все послевоенные годы идет процесс распада «среды памяти», которую составляли бывшие узники. Одна часть уходит из жизни, другая кооптируется социумом. Чем меньше остается живых свидетелей, носителей травмы, тем более актуализируется необходимость ее фиксации, придания ей мемориальной, архитектурной, литературной формы, в рамках которой ее можно передать уже подросшему

¹ Келлерхоф С. Почему критическое осмысление Холокоста провалилось в Германии. URL: <https://inosmi.ru/social/20160510/236458727.html>.

² Фирма-производитель газа «Циклон-Б» отстранена от участия в возведении памятника жертвам Холокоста. URL: <https://www.newsru.com/world/27oct2003/nogas.html>.

первому послевоенному поколению. Из среды памяти выделяются места памяти, память обретает конкретные топосы и формы воплощения, среда и место все более удаляются друг от друга. Как писал П. Нора, «мемориальные памятники существуют потому, что больше не существует социальная среда памяти, та среда, в которой память является существенным компонентом повседневного опыта»¹. То есть рядом с памятью возникает ее заменитель, который, в отличие от памяти, имеет каноническую, догматическую форму, нередко позднее вступающую в противоречие с более подвижными, текучими формами памяти.

В СССР эти процессы проходили иначе и по иным причинам, речь о которых шла в главе, посвященной источникам и историографии проблемы, однако общим местом этих процессов на Западе и в СССР было стремление к забвению. Как уже говорилось, издававшиеся воспоминания и научные труды проходили серьезную цензуру. Известный писатель И. Эренбург собирался писать роман о нацистских концентрационных лагерях, однако этот замысел так и остался неосуществленным. Писатель С. Злобин, узник лагеря Цайтхайн, после возвращения на родину начал работать над документальным романом «Восставшие мертвецы» о своем пребывании в лагере, но уже в 1946 году текст незаконченного произведения был изъят, и роман не вышел. Уже упоминалось о том, что был рассыпан набор «Черной книги», в которой были собраны документы о массовой гибели советских евреев в концентрационных лагерях. Была запрещена к исполнению написанная в 1945 году Симфония № 1 («Бабий Яр») украинского композитора и дирижера Д. Клебанова (впервые исполнена только в 1990 году, после смерти композитора), а текст одноименного романа А. Кузнецова с большим трудом и со значительными цензурными изъятиями вышел в журнале «Юность» в 1966 году.

¹ Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1.

В 1957 году в Киеве начинаются работы по уничтожению самого Бабьего Яра — места массовых расстрелов киевлян (преимущественно евреев) рядом с Сырецким концентрационным лагерем и территории самого лагеря. Применявшийся для уничтожения метод — замывка оврага гидромеханическим способом с помощью пульпы (смеси глины и воды) — привел, в свою очередь, к трагедии, известной под названием «Курневская катастрофа», когда плотина, которой был перегорожен овраг, в марте 1961 года рухнула под давлением талых вод, пульпа вылилась и затопила огромный жилой район Киева, унеся сотни жизней¹. Благодаря усилиям общественности первый памятник на месте Бабьего Яра был открыт только в 1976 году. На месте Сырецкого лагеря сегодня обычный жилой район. Руководитель восстания в концентрационном лагере Собибор А. Печерский удостоился награды только в 2016 году, когда посмертно получил орден Мужества, тогда же его именем были названы улицы в Новой Москве и Ростове-на-Дону, были выпущены книги, сняты художественные и документальные фильмы, посвященные его подвигу.

И на Западе, и в СССР «общество забвения», «нежелания видеть», в которое превращался окружающий жертвы лагерей социум, вступало в конфликт с «обществом памяти», которое представляло собой условное сообщество бывших узников. Этот конфликт выражался в отношениях с окружающими, которые не хотели слушать, не понимали выживших и того, что с ними произошло, или понимали превратно и оттого нередко даже презирали их. З. Вайнберг, заключенная Собибора, приехав в Америку, была потрясена тем, что никто из друзей не придает никакого значения тому, что они с мужем бежали из Собибора, и даже раввин местной синагоги не хотел говорить с ней об этом, равно как и ее собственная дочь². Узница Освенцима Г. Биренбаум вспоминает,

¹ Кузнецов А. Бабий Яр. М., 2010. С. 514–522.

² Рашке Р. Побег из Собибора. М., 2010. С. 258.

что в 1947 году, уже оказавшись в Израиле, она пребывала в глубочайшем смятении, когда ей говорили: «Вы просто шли как бараны. Вы не защищались. Почему вы не сопротивлялись? Что с вами произошло? Вы сами виноваты. Вы ничего не сделали. С нами бы такого не случилось. Не рассказывай нам об этом, это позор. Не рассказывай молодым, ты подорвешь их боевой дух»¹.

Одна из узниц Освенцима, А. Нусбехер, удалила вытатуированный номер «после того, как одна из [ее] учениц предложила, что это [ее] телефонный номер»²(трагичность ситуации усиливал тот факт, что узники в лагере между собой горько шутили, называя вытатуированный номер «небесным телефонным номером»), еще одна узница Биркенау вытравила его после того, как врач, выслушав ее историю, сказал: «Да-а... Но очень плохо там, наверное, не было, иначе вы не были бы здесь»³. То есть, как уже говорилось выше, сбывались худшие предсказания эсэсовцев, предсказания, о которых вспоминали многие выжившие заключенные, в частности С. Визенталь. Он вспоминал, как эсэсовский роттенфюрер Мерц в 1944 году предложил ему представить, что он выжил, оказался в США и стал рассказывать обо всем, что пережил в лагере. «Вы бы сказали американцам правду. Хорошо. А знаете, что было бы потом, Визенталь? Он встал, посмотрел на меня и усмехнулся. — Они бы вам не поверили. Сказали бы, что вы ненормальный. Может быть, даже посадили бы

¹ Цит. по: *Рус Л.* Холокост. Новая история. М., 2018. С. 429. Во многом именно с этим был связан и отказ еврейских организаций США поставить в Нью-Йорке памятник жертвам Холокоста в конце 1940-х годов, так как он «будет способствовать распространению образа евреев как «беспомощных жертв», а эту идею они желали дезавуировать». См.: *Пленков О.Ю.* Что осталось от Гитлера. Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб., 2019. С. 314.

² *Nussbächer A.* Ich bin zum Leben verurteilt. URL: <https://www.fr.de/politik/ich-leben-verurteilt-10987053.html>.

³ *Фрумц М., Юрза Г.* Да здравствует жизнь! URL: http://militera.lib.ru/memo/other/fritz_m/index.html.

в сумасшедший дом. Как может кто-нибудь поверить в этот кошмар, если не прошел через него сам?»¹

Попытки рассказать и объяснить наталкивались как на неспособность говорящего адекватно описать пережитое (после многих месяцев молчания в лагере речь оказывалась, по точному выражению С. Сонтаг, «очень физическим актом»², к которому не каждый был способен, так как именно язык мешал говорить), так и на неспособность слушающих понять — даже при желании это сделать. Так, в автобиографическом романе И. Кертеса «Без судьбы» вышедший из концентрационного лагеря главный герой Д. Кевеш рассказывает о своем опыте в каком-то словацком городе, и один из слушателей, самый обстоятельный, поинтересовался, видел ли он газовые камеры. «Я даже слегка улыбнулся, услышав это. И ответил ему: «Тогда бы мы сейчас с вами не разговаривали». Ага, сказал он; но они в самом деле там были, газовые камеры? И я опять же сказал ему, мол, а как же, были, среди прочего, и газовые камеры, само собой... «Итак, вы слышали о газовых камерах...» Тут я опять ответил: мол, а как же, конечно. «Но при всем том, — продолжал он с тем же неподвижным лицом, которое как бы подчеркивало, что он наводит порядок, вносит ясность в хаос, — при всем том вы лично, собственными глазами, ни разу в этом не имели возможности убедиться». Я не мог не признать: ну да, возможности, слава Богу, не имел. На что он коротко заметил: «Ага, вот как», — и, кивнув, неторопливо и важно пошел прочь, с прямой спиной и, как мне показалось, довольным выражением на лице — если, конечно, я не ошибся»³.

Этот эпизод, как и сотни других, дает неожиданное подтверждение размышлениям Ф. Ницше об особенностях памяти: фи-

¹ The murderers among us; the Simon Wiesenthal memoirs. New York: McGraw-Hill, 1967. P. 338.

² Сонтаг С. Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М., 2014. С. 300.

³ Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=21>.

лософ считал, что настоящая память возникает путем «вжигания» впечатлений посредством боли и насилия. «Вжигать, дабы осталось в памяти: лишь то, что не перестает причинять боль, остается в памяти»¹. Не пережившие этой боли имели «память о памяти», возникающую в результате общения не с непосредственным объектом, формирующим память, а с репрезентативными объектами, посредниками — фотографиями, видеозаписями, устными свидетельствами, исследованиями. Именно поэтому многие бывшие узники лагерей на протяжении всей оставшейся жизни стремились преимущественно поддерживать и сохранять отношения только с теми, кто имел опыт выживания в Концентрационном мире. Врачи психиатрической клиники Краковской медицинской академии при обследовании 77 выживших узников Освенцима установили, что почти треть из них имеют более тесные отношения с теми, кто был в лагере, чем с друзьями из обычной жизни и даже близкими родственниками².

Выжившие узники концентрационных лагерей, стремившиеся донести до других пережитую ими катастрофу, не только искали понимания у других, но искали понимания у самих себя, так как деформации, произошедшие с ними в лагере, были непонятны прежде всего самим узникам. Было знание о произошедшем, но не было понимания, и поэтому они не знали, что им ждать от самих себя. Кроме того, многие выжившие боялись понимать, считали, что понимать не нужно, тем самым превращая Концентрационный мир в недетерминированное пространство, где, по словам одного из охранников Освенцима, «нет никаких «почему?»»³, и обрекая это пространство на вечную актуальность.

Возвращаясь к тем, кто стремился к пониманию, следует указать на роль нарратива в формировании бытия челове-

¹ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 442.

² Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 298.

³ «Между тем, умирая от жажды, я замечаю за окном на расстоянии вытянутой руки великолепную сосульку, но только успеваю открыть окно

ка. Определяя эту роль, Р. Рорти приходит к заключению, что «отследить причины своего индивидуального бытия как оно есть — это рассказать о них историю на новом языке»¹. То есть для подлинного понимания себя необходимо было не просто засвидетельствовать происходящее или произошедшее, если речь идет о понимании истории, но в идеале создать и новый язык свидетельствования. Таким образом не просто рождается нарратив, но устанавливаются причины произошедшего, то есть свидетельство ведет к восстановлению самотождественности.

Большинство узников, свидетельствовавших о пережитом в лагере, сознательно или неосознанно действовали в координате, заданной психоаналитической методологией З. Фрейда, которая воспринимала рассказ о событии прежде всего как психологическую разрядку и терапевтическое средство, снижающее внутреннее напряжение. Вторичное переживание события в свидетельстве вело к освобождению от него, так как нарратив, в отличие от реальности, может быть подвержен внешнему воздействию. В рамках этой методологии нарратив делал событие событием, придавал ему субъективистскую мифологическую форму, которая держала фактологическую основу. Именно эта форма была нацелена на «производство», стимуляцию понимания, которое было важнее информационной составляющей рассказа².

и отломить ее, как, откуда ни возьмись, передо мной вырастает высокий крепкий немец и грубо вырывает у меня сосульку.

— Warum? — только и могу спросить я на своем плохом немецком.

— Hier ist kein Warum (здесь никаких «почему»), — отвечает он и кулаком отбрасывает меня внутрь барака». *Леви П.* Человек ли это? М., 2011. С. 45.

¹ *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 52.

² Позднее описываемая методология перестанет быть основой нарратива, и рассказ о произошедшем событии, утрачивая смысловое содержание, сначала приобретет развлекательную и познавательную функцию по преимуществу. А в наше время сторителлинг, приобретший широчайшее распространение, уже становится важнейшим средством вхождения субъекта в то или иное сообщество, маркером социального положения рассказ-

Понимание является важнейшим условием существования события, именно понимание закрепляет событие в своих формах и в индивидуальной и коллективной памяти. Непонятые события стираются из сознания или деформируются им до неузнаваемости, после чего понимаются, но уже как фантомы, созданные воображением и сегментированной памятью. Важную роль играет дистанция между свидетельствующим и свидетельствуемым, между рассказчиком и событием, являющаяся необходимым условием выбора «точки понимания», места, где должен находиться свидетель, чтобы возникло понимание и обнаружился смысл. Аналогии мы можем видеть в инстинктивно выбираемом расстоянии между собеседниками, необходимым для адекватного разговора, или дистанцией между картиной (иконой) и зрителем, «включающей» адекватное восприятие произведения. Многие узники обнаружили, что найти эту «точку понимания» чрезвычайно сложно. Сразу после войны указанная дистанция была слишком коротка, громадную катастрофу невозможно было в целостности разглядеть с небольшого расстояния, а затем дистанция, напротив, оказалась слишком большой, в результате чего масштаб картины был утрачен, оставив вместо себя лишь наиболее выразительные детали.

В результате утраты или пропуска этой дистанции, отсутствия нового описательного языка (пережитый опыт можно было передать только в присущих ему вербальных формах), потери «точки понимания» рассказы подавляющего большинства свидетелей не производили и не закрепляли случившегося события и тем более не устанавливали причины произошедшего. Вместо этого указанный нарратив создавал совершенно новое событие, имеющее формальное, типологическое сходство со старым. Попытка узника передать «трагическое индивидуальное» личного опыта приводила к тому, что передавались шаблоны коллективного опыта, сводящиеся к насилию, убийствам

чика, которое зависит от способности последнего транслировать другим свои переживания, прежде всего на перцептивном уровне.

и подробностям ужасов лагерной жизни. Эти шаблоны были не в состоянии вызывать понимание, а стимулировали ужас от услышанного, сочувствие и жалость к свидетелю, в которых он менее всего нуждался. В результате у уцелевших узников возникало фатальное убеждение, что они выжили напрасно, так как одним из главных стимулов к выживанию в Концентрационном мире становилось желание засвидетельствовать происходящее. «Мы думали, — говорила узница З. Метц, — что, если человечество узнает о нашем мученичестве, нами будут восхищаться за стойкость и нам воздастся за наши страдания»¹. Однако этого не происходило, что приводило к тому, что многими узниками завладевали депрессивные состояния, они замыкались в себе, отказываясь говорить о своей травме.

Еще одну проблему, мешающую выжившим узникам достоверно передать свой трагический опыт, точно подметил М. Ямпольский. Сразу после того, как Концентрационный мир прекратил свое существование, «Освенцим из точки, в которой происходит абсолютный крах гегелевского субъекта, кризис субъективности», стал, говорит он, постепенно превращаться для всех просто в знак приближенности к реальности. Это было связано прежде всего с неспособностью сознания индивида преодолеть пропасть между категорией смерти как таковой и личным представлением о смерти отдельного человека. Поэтому и трагедия, которая там произошла, стала интерпретироваться не «как явление своего исторического времени, а как проявление актуальной связи сознания интерпретирующего с современностью, как то, что отражает сегодняшнее сознание»². То есть Освенцим или любой другой лагерь все меньше становились местом травмы и ее фиксации и все боль-

¹ Цит. по: Собибор. Взгляд по обе стороны колючей проволоки. М., 2019. С. 93.

² Ямпольский М. Меморизация Холокоста как памятник субъективности // Конференция «Неофициальная меморизация травматического опыта» («Международный Мемориал», 5–6 апреля 2013 года). URL: <http://gefter.ru/archive/8508>.

ше — отражением субъективных взглядов современников на эту травму, причем эта субъективность занимала со временем в системе отношений человека и лагеря все более доминирующее место.

Итогом этих процессов стало то, что выжившие узники концентрационных лагерей остались в значительной степени непонятыми как окружающими, так и самими собой, что привело значительную часть выживших к нежеланию рассказывать о произошедшем. Э. Визель отмечал: «Чем больше людей и чем более внимательно они слушают нас, тем больше мы понимаем, что наши слова не доходят до них; то, что мы пытаемся сказать, — это вовсе не то, что, как вам кажется, вы услышали»¹. Сегодня можно утверждать, что то, что современные слушатели слышат от живых и уже ушедших узников о Концентрационном мире, — это совсем не то, что они хотят и хотели сказать. Возмездие так и не совершилось. Следствием этого стало тотальное непонимание того, что произошло, сведение Концентрационного мира к нескольким стереотипам и шаблонам и даже сомнениям в том, что он существовал.

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 34.

Философия после...

Философское осмысление феномена Концентрационного мира происходило на протяжении всей второй половины XX столетия. Один из главных выводов, который был сделан после произошедшей катастрофы, заключался в том, что идея прогресса, непрерывного поступательного развития европейской цивилизации, оказалась несостоятельной. Техника, на которую возлагались главные надежды в деле утверждения водораздела между Новым и Новейшим временем, между цивилизацией и варварством, культурой и дикостью, не только не оправдала этих ожиданий, но, наоборот, послужила фактором сваливания цивилизации в такие формы варварства и дикости, которые отменяли любую рефлексию, любой нарратив и заменяли их ужасом, оцепенением и молчанием.

Перед философией, которая должна была осмыслить произошедшее, встали глобальные задачи, которые заключались в том, что осмыслить предстояло не только случившееся в концентрационных лагерях, но и те деформации, которые произошли с европейским сознанием после войны. Оказалось, что философский язык Декарта, Канта и Гегеля, определивших направления европейской мысли Нового и Новейшего времени, не создал понятийного аппарата, в рамках которого можно было бы осмыслить Концентрационный мир (как не было и до

Нюрнбергского процесса юридического инструментария для адекватной оценки нацистских преступлений).

Таким образом, Концентрационный мир явился для европейской философии и вообще любой интеллектуальной и культурной деятельности тем же, чем явилось в свое время для живописи изобретение фотографии. Последняя столкнула культуру и технический прогресс, лишила художников монополии на воспроизведение видимого и поставила главные вопросы, как то: «Для чего живопись, когда невозможно изобразить реальность точнее, чем фотография?» и «Куда идти?». В поисках ответов на эти вопросы европейский художественный мир прошел через глубокий кризис, разрешившийся появлением сюрреализма, кубизма, импрессионизма, пуантилизма, фовизма, абстракционизма и обозначивший четкий водораздел между эпохой старого классического искусства и искусства Новейшего времени, искусства, в значительной степени обращенного к иррациональности, импульсам сознания и отдельным элементам выражения человеческой природы и мироощущения.

Концентрационный мир, ставший симптомом трагической социальной революции, осознанной далеко не всеми, также неизбежно привел к возникновению новых направлений мысли и интеллектуального творчества в целом, получивших воплощение в постструктурализме, секуляризме, деконструктивизме, концептуализме и особенно в постмодерне второй половины XX века. Отчетливо видно, что основные положения постмодерна (язык (во всех смыслах) только затрудняет понимание, знак не имеет содержания, предметы утратили динамику и существуют только как мертвые вещи, один из главных инструментов познания мира — деконструкция и т. д.) напрямую вырастают из травматического опыта Концентрационного мира, не называя этот опыт, но тем не менее точно фиксируют его. В целом же одна из главных задач указанных выше направлений состояла в том, чтобы уходить все дальше от точного изображения человека и мира, что отчасти являлось попыткой ответить на вопрос, поставленный перед интеллектуалами Европы Т. Адор-

но: «Возможна ли философия и культура после Освенцима?» Если все-таки возможна, то в каких формах и способны ли эти формы удержать цивилизацию от повторного сползания в Концентрационный мир.

Поскольку утопическое совершенное государство и общество сияющего будущего, о котором в Европе говорили и писали весь XIX век, обернулось нацистским государством и обществом Концентрационного мира, боязнь утопий и страх мечты стали еще одним следствием произошедшего. Поэтому в «философии после Освенцима» отсутствует будущее, она переживает произошедшее за тех, кто не в состоянии это сделать, исследует новый опыт соприкосновения человека с болью, ненавистью, насилием, рассматривает формы существования человека в условиях не жизни, а выживания и формы взаимоотношений между людьми и народами (ксенофобия, расизм, антисемитизм).

Открыл эпоху «философии после Освенцима» К. Ясперс циклом своих лекций в 1946 году в Гейдельбергском университете о том, что произошло с Германией в годы войны. Эти лекции, по сути, стали «открытым письмом» Ясперса немецкой нации, составили знаменитую книгу «Вопрос о виновности»¹, вызвавшую очень резкую реакцию в обществе, и начали интеллектуальную «дискуссию» о вине немцев в журналах, а также в монографиях (наиболее активным участником этой дискуссии стал Ф. Майнеке с работой «Немецкая катастрофа»²). В своих лекциях К. Ясперс поставил вопрос о покаянии всех немцев, поддержав концепт «кающейся нации» К. Барта и утвердив понятие «коллективной вины», а также вопрос о вине европейских христиан за антисемитизм.

Важнейший постулат, который выдвинул К. Ясперс и на котором базировалось потом осмысление роли всех категорий людей в произошедшей катастрофе, состоял в требова-

¹ Ясперс К. Вопрос о виновности. М., 1999.

² Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946.

нии ответственности за пассивность индивида, который был свидетелем геноцида или отдельных актов насилия. То есть он потребовал, чтобы пассивность приравнивалась к действию, обремененному ответственностью, в то время как ранее она всегда была лишена ответственности и представляла то спасительное среднее состояние «воздержавшегося», ускользавшее от любого наблюдателя и от любых морально-этических оценок. То есть К. Ясперс сделал невидимое видимым и тем самым резко изменил общую картину произошедшего. Кроме отдававших приказы, исполнителей и жертв на ней появилось огромное количество самых разных людей, которых связывало одно — нежелание видеть происходящее. «Добропорядочность», которая раньше была добродетелью, стала отягчающим обстоятельством.

Благодаря К. Ясперсу в «философии после Концентрационного мира» начинается пересмотр концепции свободы. Суть этой концепции состояла в том, что свобода всегда делает правильный выбор. То есть выбор, сделанный свободой, всегда морален и, соответственно, морален субъект, обладающий свободой. В этой концепции поддержание жизнедеятельности человека — как человека морального — не требует никаких усилий, так как ответственность за принятое решение и его содержание ложится на свободу. В «философии после Концентрационного мира» свобода является таковой и обладает моральным содержанием, только если выбор человека, являющегося свидетелем насилия и страдания другого, делается в пользу другого, даже если этот выбор противоречит выбору большинства. Перефразируя М. Мамардашвили, «если твой народ пошел за Гитлером, ты должен пойти против своего народа»¹. Это и будет свобода. Смену содержания понятия

¹ В оригинале фраза звучит следующим образом: «Если мой народ выберет Гамсахурдиа, тогда мне придется пойти против собственного народа». См.: *Мамардашвили М.* Верю в здравый смысл. URL: <https://www.mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/publikacii-iz-arhiva/interview/veryu-v-zdravyy-smysl>.

«свобода» М. Хоркхаймер и Т. Адорно позднее сформулировали в «Диалектике просвещения»: «Основным принципом либеральной философии был принцип «и-и». В современности, судя по всему, более в ходу «или-или», однако таким образом, как если бы всякий раз решение уже было принято в пользу дурной стороны»¹.

К. Ясперс безусловно признавал, что, предлагая немецкому народу понести ответственность за содеянное нацистами, согласиться со своей ролью невидимого соучастника, он требует от народа, воспитанного в этике сверхчеловечества и абсолютной исключительности, разжаловать себя и понять, что нужно занять место виновного без всякой надежды на то, что это место удастся передать кому-то другому. В отличие от Версаля, за которым последовал Третий рейх, после Нюрнберга Четвертый рейх был невозможен по определению. К. Ясперс предлагал нации, мыслящей образами величия Рейха и понимающей будущее только как реализацию сверхгосударства, признать, что теперь сверхгосударство может быть создано кем угодно, но не немцами. Люди, создавшие образец тоталитарного государства, должны были уступить первенство без права требовать даже сравнений. Неудивительно, что подобные идеи, кардинально меняющие картину мира, были восприняты неоднозначно.

Теодор Адорно стал вторым после К. Ясперса, кто напрямую связал философию и Концентрационный мир в работе «Негативная диалектика»², которая создавалась с 1959 по 1966 год. Основой книги послужили три лекции, прочитанные Адорно в 1961 году в Коллеж де Франс в Париже. В данной работе Адорно сознательно предельно радикализирует выводы, чтобы поставить читателя и наблюдателя, которых он считает виновными в произошедшем, в невыгодное положение и тем самым не оставить им спасительного «пятого угла». То, что стал возможен Концентрационный мир, по мнению Адорно, исключи-

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М., 1998. С. 270.

² Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014.

тельная заслуга людей, охваченных тотальным безверием, но при этом склонных парадоксальным образом верить в собственное всемогущество исключительно потому, что это всемогущество никогда не проверялось на прочность и достоверность. То есть люди считают себя сильными только потому, что всегда побеждали слабых, потому, что не испытывали адекватного сопротивления.

Т. Адорно обвиняет европейское искусство в самолюбовании, эстетизме, пафосе, за которым проглядели угрозу, красотой и наслаждением оно ослабило себя так, что утратило основное качество искусства — сопротивляться. Поэтому Т. Адорно провозносит приговор искусству: «После Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование»¹. То есть право на существование заслужило лишь то, что пережило Освенцим, или то, что способно передать его трагедию. Поэтому кто бы и что бы ни писал сегодня, это не имеет никакого значения, так как, если бы автор прошел через Освенцим, его искусство было бы в любом случае другим.

Данная фраза, одна из самых известных из принадлежащих ему, неизбежно порождает вопрос о кардинальной новизне опыта Концентрационного мира. Ведь «слова, в которых слышатся возвышенные ноты» (то есть прежде всего поэзия), были возможны и после распятия Христа и после гуннов, после монголов и после Первой мировой войны, то есть после событий, которые также явились трагедиями цивилизационного масштаба, трагедиями-архетипами, отчего кардинально изменили систему ценностей и взглядов тех, кого эти трагедии вовлекли в свою орбиту. Пытаясь ответить на этот вопрос, О. Седакова отмечает, что, «очевидно, речь должна идти не о масштабе. Видимо, было увидено что-то такое, что многих лишило возможности вообще заниматься искусством, доверять языку и мысли»².

¹ Там же. С. 455.

² Седакова О. Вещество человечности. Интервью 1990–2018. М., 2019. С. 160.

Что именно? Т. Адорно не может ответить на этот вопрос, и поэтому у него Освенцим становится оселком, на котором проверяются все формы искусства, не только поэзия. А поскольку проверку не проходит никто, Освенцим призывает всю культуру к молчанию, которое имеет право разрешиться, только если ей есть что сказать об Освенциме. Молчание становится ответом на главный вопрос о Концентрационном мире: «Что это было?», отсылая нас к диалогу Пилата и Христа, когда последний молчал в ответ на вопрос «Что есть истина?» (Ин. 18: 38). Если молчание Христа объясняется тем, что он и был «путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 8), то молчание любого адресата, к кому обращен вопрос «Что это было?», объясняется тем, что он и был Концентрационным миром, носил его в себе или как свидетель и жертва, или как соучастник, организатор, уклонившийся, видевший, знавший, но промолчавший.

Молчание Христа разрешилось его Воскресением, которое и было ответом на вопрос, завершило событие, стало точкой отсчета новой хронологии. Трагедия Концентрационного мира не получила своего завершения, хотя попытки привести этот травматический опыт к катарсису были сделаны в литературе (П. Целан, С. Беккет, Р. Мерль) и кинематографе, последним среди всех видов искусств стремившемся отрефлексировать тему концентрационных лагерей (фильмы «Список Шиндлера» С. Спилберга, «Пианист» Р. Полански, «Выбор Софи» А. Пакулы). И эта незавершенность трагедии, молчание, не разрешившееся полноценным словом, исключили возникновение «мира после Освенцима», так как травма Концентрационного мира псевдоморфозно оказалась включена в «мир после...», две хронологии — завершающаяся и начинающаяся — переплелись, потеряв точки начала отсчета и его окончания.

Поэтому Т. Адорно приходит к мысли, что Освенцим должен стать нервом новой европейской культуры. Но для того чтобы искусство могло адекватным образом передать боль пережитого узниками Освенцима тем, кто этого не пережил, оно должно пользоваться совершенно иными формами эстетического,

иными представлениями о природе искусства, иначе строить связи между автором и зрителем, читателем, слушателем. Причем автор в этой ситуации должен быть максимально десубъективирован, превращен в простой ретранслятор смыслов. Сам того не желая, Т. Адорно закладывает таким образом фундамент для постмодернистской философии с ее основными постулатами о том, что «все слова уже сказаны», о деконструкции, мертвечине форм, «смерти автора». Однако позиции Т. Адорно и идеологов постмодерна в корне расходятся. Если Т. Адорно призывал к молчанию, чтобы услышать слабый голос из-под руин, то стратегией постмодерна стала нарочито бессмысленная трескотня, Достоевский «бобок-бобок», сознательно заглушающий этот голос и выражающий боязнь ответственности за радикальность творческого высказывания и жеста.

В том же 1966 году Т. Адорно выпустил статью «Образование после Аушвица»¹, где продолжил начатый в «Негативной диалектике» разговор о смысле и значении Концентрационного мира для послевоенной Европы. В этой статье автор подчеркивал, что отныне основная задача образования должна выражаться формулой «Аушвиц не должен повториться!». Фундаментом этого образования Адорно видел критический и беспристрастный подход к трагическому прошлому, который должен был актуализировать критерии человеческого в послевоенном обществе и усилить рефлекссию. «Единственное образование, которое имеет какой-то смысл, — это образование, направленное на критическую рефлекссию». Образование у Адорно становится инструментом создания определенной гуманитарной и интеллектуальной среды, которая сама по себе должна стать главным препятствием на пути к рецидиву катастрофы Концентрационного мира. Эта среда должна была формироваться в рамках двух направлений — детское обра-

¹ *Adorno T.W. Education after Auschwitz // Critical Models: Interventions and Catchwords. Translated and with a preface by H. W. Pickford. New York: Columbia UP, 1998. P. 196–197.* В русском переводе эта статья есть в Интернете под названием «Чему учить после Аушвица?».

зование и общее просвещение, способствующее осознанию «мотиваций, приведших к ужасу прошлого».

Одной из главных причин травматического прошлого Т. Адорно считал неспособность сопереживать и разделять чужие страдания, безразличие, отстраненность, холодность, обращенность только на себя и на самый близкий круг ключевых экономических и человеческих интересов, то есть, по его мнению, «основные антропологические черты». Если бы их не было, то «Аушвиц был бы невозможен, люди бы не приняли его», но они были, причем в избытке, что и привело к катастрофе Концентрационного мира. Т. Адорно характеризует послевоенное общество как «объединение совершенно холодных, равнодушных людей, которые не могут переносить свою холодность и одновременно не могут ничего изменить». В координате этой обращенности только на себя и свой круг человек неизбежно выталкивает сам себя на обочину политических и общественных процессов, становится молчащей социальной единицей, которая действует в своих интересах, даже если во круг гибнут люди.

Преодолеть этот холод и отчужденность можно только ужасом произошедшего, который «надо внести в сознание людей, дабы они не уходили в свои идеалистические банальности». Причем это надо делать, невзирая на то что «фундаментальная структура общества и члены общества те же самые, что и двадцать пять лет назад». То есть Т. Адорно констатирует, что социум послевоенной Европы не отличается от того социума, который позволил случиться Аушвицу. В процессе преодоления трагического прошлого и недопущения его рецидивов образование, по мысли Т. Адорно, должно стать «социологией, то есть должно фокусироваться на игре социальных сил, действующих под поверхностью политических форм», следя за тем, чтобы Освенцим не повторился.

При этом Т. Адорно понимает всю идеалистичность (в его терминологии — «субъективность») своих устремлений. «Поскольку возможность изменить объективные — социальные

и политические — условия сегодня чрезвычайно ограничены, все усилия против повторения Аушвица неизбежно оказываются субъективными. Под этим я понимаю прежде всего психологию людей». В этих условиях, когда бессмысленно «апеллировать к вечным ценностям», единственным способом преодоления прошлого Т. Адорно видит «обращение к субъекту», то есть понимание механизмов, которые послужили триггером для катастрофы.

Руководимый стремлением любой ценой предотвратить рецидив Концентрационного мира, Т. Адорно выступает против всего того, что, как ему кажется, напоминает о тоталитарной системе. В частности, он выступает против сопряженных с насилием «обрядов инициации всех типов», существующих в народной среде, обрядов, которые «являют собой прямое указание на акты насилия национал-социалистов». В этом отношении он близок к Д. Штернбергеру, который призывал отказаться от употребления многих слов, напоминающих о нацистских практиках¹ (подробнее о подходе Д. Штернбергера см. в главе о языке Концентрационного мира).

Т. Адорно одним из первых заговорил о концентрационных лагерях как о «другой реальности», познание которой требует отстранения, определенной дистанции. Поскольку выйти из лагеря, чтобы стать на позицию стороннего наблюдателя, было невозможно, необходимо, по Т. Адорно, найти позицию внутри явления, которая создавала бы эту дистанцию. Это позиция сопротивления. Здесь он ставит вопрос, на который у него нет однозначного ответа, ведь сопротивление может быть разным. В одном случае это попытка отступить на позиции собственного мышления, заставляя работать сознание, осмысляя все происходящее, пусть даже и неправильно. В другом это предельная степень эгоизма, когда человек ставил перед собой задачу выжить любой ценой. Наконец, мусульмане, о которых

¹ Sternberger D., Storz G., Süskind W.E. Aus dem Wörterbuch des Unmenschen. Hamburg: Claassen, 1957.

шла речь выше, были апофеозом ухода от реальности, максимальной закрытости, через которую не пробивалась даже боль, но такой уход означал гибель, а не сопротивление и полностью исключал любую рефлексию.

Бескомпромиссный и во многом радикальный подход Т. Адорно к осмыслению феноменологии Концентрационного мира, намеренно чрезмерно поднятая планка через аннигиляцию культуры после Освенцима во многом привели к тому, что в интеллектуальном пространстве Западной Европы возникают дискурсы, нацеленные на столкновение и конфликт с официальной исторической схемой произошедшего. Таким образом, во многом благодаря Т. Адорно интеллектуальной мысли Европы удалось запустить механизмы не только переоценки и активного осмысления произошедшего, но и процессы социальной фиксации (мемориализации) пережитой травмы. Именно благодаря действию этих механизмов концентрационный лагерь и узник становятся главными маркерами прошлого, семиотически оформленными реперными точками послевоенной германской идентичности.

Концентрационный мир заставил после Второй мировой войны философски переосмыслить и наполнить моральным содержанием категорию тоталитаризма, которая, зародившись в 1926 году в работах философа Д. Джентиле, воспринималась до войны просто как интеллектуальная фиксация нового типа государства, в котором государственная идеология и государственные интересы определяют жизнь всего общества, причем последнее соглашается с государством, даже если оно исповедует античеловеческие идеи и воплощает их репрессивными методами. Именно тогда началась дискуссия о термине «тоталитаризм» и о том, что он отражает, которая не завершена до сих пор.

В 1945 году выходит работа К. Поппера «Открытое общество и его враги», которая стала первой попыткой переосмысления такого явления, как тоталитаризм. Противопоставив жесткости тоталитаризма гибкость либеральной демократии,

Поппер открыл эпоху развития демократии как единственной панацеи от рецидивов нацизма, а также заложил основы культивирования «прав человека» — фундамента мультикультурного и мультиидеологичного «открытого общества». Однако только Ханна Арендт сделала термин «тоталитаризм» достоянием общественного сознания Европы, выведя его за пределы философских дискуссий.

Х. Арендт, к текстам которой мы уже неоднократно обращались выше, историк, исследователь тоталитаризма, философ, стала, по сути, последним на сегодняшний день европейским интеллектуалом, кто постоянно обращался к теме нацистских концлагерей, стремясь понять механизмы, которые запустили и поддерживали в действии эту машину. Во многом стимулом к исследованию этой темы стало присутствие Х. Арендт в 1961 году в Иерусалиме в качестве корреспондента журнала *The New Yorker* на судебном процессе над Эйхманом. Это был первый после Нюрнберга крупный процесс над нацистским военным преступником, единственный процесс, на котором в Израиле первый и последний раз на сегодняшний день был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение. На этом процессе впервые публично и масштабно был поставлен вопрос о Холокосте. По итогам процесса была написана одна из самых известных (и самых «скандальных») книг Х. Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»¹. Выводы автора по итогам процесса показались настолько вызывающими и неприемлемыми, что очень многие друзья порвали с автором отношения и ей был объявлен в Израиле бойкот, который продолжался более 30 лет: ее книга была издана в Израиле только в 2000-х годах.

Здесь придется повторить то, о чем уже шла речь выше. Проблема была в том, что выводы Х. Арендт кардинально противоречили той схеме, которая складывалась в европейском

¹ На русском языке книга вышла только в 2008 году с разгромным послесловием доктора Э. Зуроффа, директора израильского отделения Центра С. Визенталя. См.: *Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. М., 2008.

общественном сознании и в сознании евреев. Данная схема заключалась в том, что идеологи и непосредственные исполнители нацистских преступлений истолковывались как исчадия ада, выродки, маньяки и садисты, что достаточно просто объясняло причины произошедшего, хотя и оставляло много вопросов. Х. Арендт, которую «такой ответ ни в чем не убеждал», впервые констатировала, что убивали самые обычные, заурядные люди. Эйхман в ее работе предстает малообразованным, тусклым, зависимым от начальства человеком, занимавшим не самый ответственный пост и, мало того, не испытывавший к евреям никакой личной ненависти. То есть таким, какими были большинство исполнителей.

«Проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких, как он, было много и многие не были ни извращенцами, ни садистами — они были и есть ужасно и ужасающе нормальными»¹. В результате оказывается, что все ужасы лагерей были продиктованы не садизмом, не ненавистью, не патологиями, а обычной «целесообразностью». На языке нацистских канцелярий о концентрационных лагерях говорилось как о вопросе «административном», а о лагерях смерти — как об «экономическом». И эта терминология не отражала попытку скрыть сущность нацистского режима — они и правда так думали.

Кроме того, Х. Арендт заявляла о коллективной ответственности немцев за то, что произошло, и обвиняла действующее правительство Германии за то, что, по сути, оно покровительствует нацистам: «Если бы администрация Аденауэра была слишком чувствительной к тем, чье прошлое запятнано сотрудничеством с нацистами, этой администрации попросту бы не существовало»². Один из основных выводов, который делала Х. Арендт, был неутешителен: основная задача процесса со-

¹ На русском языке книга вышла только в 2008 году с разгромным послесловием доктора Э. Зуроффа, директора израильского отделения Центра С. Визенталя. См.: *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008. С. 411.

² Там же. С. 165.

стояла не в том, чтобы восстановить справедливость и хотя бы отчасти отомстить за смерть миллионов евреев, а в том, чтобы выполнить идеологический заказ — «сформировать некий исторический нарратив памяти о Холокосте и укоренить его в умах израильских граждан, прежде всего неевропейских евреев, а также молодежи»¹. В результате моральная истина так и не была установлена, а политическая и историческая истина — Эйхман виновен и должен быть казнен — не нуждалась в специальных доказательствах.

Но главное (почему ее книга была так негативно воспринята), Х. Арендт указывала на то, на что в тех условиях (да и сегодня) указывать было нельзя, — на очевидную готовность еврейских общинных лидеров сотрудничать с нацистами в попытках спасти себя ценой гибели тысяч других евреев. То есть она призывала разделить ответственность за произошедшее между палачами и жертвами. В результате беспрецедентность, отделенность от всего человеческого опыта преступлений нацистов не была понята на процессе и не была понята еврейским народом в целом. «Он (Освенцим) предстал перед обвинением и судьями не более чем большим чудовищным погромом в еврейской истории»², одним из эпизодов в истории антисемитизма.

Многие из этих положений были затем развиты Х. Арендт в ее последующих работах, где, исследуя природу тоталитаризма, она не могла не остановиться на природе и сути одного из главных инструментов тоталитарных режимов — лагере. В «Истоках тоталитаризма» (1951) Х. Арендт показывает, что тоталитаризм XX столетия — настолько уникальное явление в истории, что его невозможно понять, даже имея на руках весь существующий философский и социологический инструментарий. Это связано с тем, что тоталитаризм иррационален, в то время как имеющиеся средства постижения реальности действуют в рамках логики и определенных законов. Именно

¹ Там же. С. 204.

² Там же. С. 399.

поэтому потерпели неудачу довоенные попытки западных правительств договориться с нацистской Германией.

Действующий в рамках собственной «логики абсурда» тоталитаризм, по мысли Х. Арендт, закономерно создает пространства, где он реализуется абсолютно. Таким пространством становится концентрационный лагерь — место, где человек исчезает, сменяясь массой, которая, с одной стороны, все время сливается в пространство смерти, а с другой стороны — пополняется. Концентрационный лагерь — это пространство чистых технологий, поэтому там не убивают, а «производят трупы», причем производят их еще до момента физической смерти субъекта. В рамках тотальной дегуманизации просто убийство человека оказывается даже не самым страшным, так как «убийца не посягает на существование жертвы до ее смерти»¹. Концентрационный лагерь, по мысли Х. Арендт, объявляет узника никогда не существовавшим. Поэтому его убийство — это бюрократическая формальность, приводящая к тому, что человек исчезает тотально — и как физическая, и как метафизическая единица.

Таким образом, Концентрационный мир отказывал философии в возможности постижения истины после себя. Ведь то, что случилось в лагерях, — истина, не только не требующая доказательств, но, напротив, доказанная так, как не доказывалось еще ничто. Таким образом, можно утверждать, что аксиоматичными в мире являются два явления: Бог и Концентрационный мир, утвержденные и вечно подтверждаемые мученичеством и непостижимостью. Причем сразу после краха Концентрационного мира он для многих был очевиднее бытия Бога. Поэтому философия от соприкосновения с Концентрационным миром открыла в себе проблему, точно сформулированную Т. Адорно: «Чем глубже, настойчивее внедряется она в сознание, тем сильнее подозрение — философия удаляется от знания того, как все происходит на самом деле»².

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 123.

² Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014. С. 451.

Теология после...

После окончания Второй мировой войны католическая церковь испытала один из самых серьезных кризисов последних двух столетий. Прежде всего он был связан с позицией римского папы Пия XII. Его нежелание открыто осудить преступления нацизма, о которых он был осведомлен уже в 1941 году, осторожные оценки происходившего в Третьем рейхе не соответствовали в общественном сознании той катастрофе, которая произошла в Европе. Также этому кризису в немалой степени способствовало превращение Евангелической церкви Германии в «Германскую церковь», «порвавшую всякую связь с христианством и влившуюся в общее русло нацистской идеологии»¹. Сыграла свою роль и общая позиция «невмешательства» христианских церквей, не сделавших в отношении нацистских лидеров и в целом гитлеровского режима ничего из того, что было в их власти. «Гитлер, Гиммлер и Эйхман были крещеными, — писал Э. Факенхайм, — и, однако, Церковь никогда не угрожала им — как и рядовым палачам — отлучением»².

¹ Седякова О. Думать о выходе // Тоталитаризм. Причины, последствия, возможности преодоления. По материалам серии конференций кафедры философии и гуманитарных дисциплин СФИ. 2014–2015 гг. М., 2019. С. 9.

² Факенхайм Э. О христианстве после Голокауста // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М., 1994. С. 271.

И дело не только в этом. Германия в целом была христианской страной, нацисты называли себя христианами, и, как пишет Л. Росси, «почти 18 тысяч католических священников служили в вермахте, но ни один из них не выразил несогласия с истребительной политикой власти»¹. С протестантским духовенством была аналогичная ситуация. За исключением нескольких человек типа Д. Бонхеффера, все остальные согласились с происходящим. В результате кризис стал точкой зарождения в католической среде «Теологии после Концентрационного мира», которая испытала на себе сильное влияние не только протестантских, но и иудейских богословов. При этом данная теология сильно задержалась на историческом пути, значительно отстав от философии и искусства.

Питательной средой этой теологии стало несколько обстоятельств. Послевоенное германское общество оказалось «обществом вины», но не «обществом скорби», дискуссии о степени вины всех и каждого не оставляли для скорби пространства, ибо было непонятно, по кому скорбеть и, что гораздо важнее, как. Традиционные формы скорби воплощались в индивидуальных практиках, коллективная же скорбь, как и категория «преступлений против человечности», была принципиально новой этической и мемориальной категорией, непонятной по сути и тем более не получившей своего внешнего, в том числе и религиозного, оформления.

Кроме того, после того, что произошло, наблюдается кризис веры как у непосредственных жертв нацистов, так и у сторонних наблюдателей, которые не могут найти аргументов для того, чтобы объяснить «молчание Бога» в дни существования Концентрационного мира. Если Бог не заступился за жертв лагерей, за погибающих детей (из Освенцима отправили 12 вагонов детских колясок²), то что же еще должно произойти, чтобы он

¹ *Faulkner Rossi L. Wehrmacht Priests: Catholicism and the Nazi War of Annihilation. Harvard University Press, 2015. P. 246.*

² *Клин Б. «Концлагерь мы нашли случайно...». Интервью с Василием Громадским. URL: <https://iz.ru/news/298990>.*

наконец явил себя в мире? «Почему Бог не спас хотя бы детей? Может ли он тогда вообще кого-либо спасти?» — эти вопросы прямо и косвенно постоянно задавались на всех уровнях европейского социума.

«Если бы я верил в Бога как во всемогущего творца исторической драмы, — спрашивал Р. Рубинштейн, — я должен был бы принять вывод... что это Господь повелел Гитлеру уничтожить шесть миллионов евреев. Я просто не в состоянии поверить в такого Бога»¹. «Несомненно, после Освенцима мы остались одни, — говорил И. Кертес в «Стокгольмской речи». — Свои ценности мы должны создавать теперь сами, создавать ежедневным упорным, пускай и не видимым никому трудом, который в конце концов, может быть, приведет к результату, и ценности эти лягут в основу новой европейской культуры»². Один из узников Маутхаузена вспоминал, как стоявший рядом с ним на морозе итальянский священник Андреа Гаджеро «пролепестал несколько слов. И я понял, какое мучение терзало его душу: «Но где же Бог, где Бог, скажи мне?»³ Молчание Бога в ситуации, когда «камни вопиют», парализовало верующего, лишало его воли к действию. В романе польского писателя К. Брандыса «Самсон» женщина хочет помочь еврею Якубу Гольду, случайно не замеченному нацистами во время депортации варшавских евреев, и слышит от прохожего: «Сам Бог ему не помог, а чего же вы хотите»⁴ — риторический вопрос, который в Концентрационном мире можно было задать любому верующему.

Проблема теодицеи, выраженная в вопросе о том, где был Бог, когда в Концентрационном мире гибли миллионы людей, стала главной проблемой европейского богословия второй по-

¹ Rubinstein R. Paul, my Brother. London: Harpers, 1972. P. 56.

² Кертес И. Эврика. Стокгольмская речь. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/5/ker.html>.

³ Цит. по: Риккарди А. Век мученичества. Христиане двадцатого столетия. М., 2018. С. 189.

⁴ Брандыс К. Самсон // Брандыс К. Между войнами. Т. 1. М., 1957. С. 129.

ловины прошлого столетия. Наиболее точные и характерные ответы на указанный вопрос уже в наше время сформулировали католический деятель П. Эллен и немецкий католический священник Манфред Дезелерс, руководитель «Центра диалога и молитвы» в Освенциме. П. Эллен пишет: «Почему Бог не вмешался, когда люди в лагерях смерти взывали к Нему о помощи? На этот вопрос о присутствии Бога нашли ответ святые, жившие и умиравшие в лагерях, как знаменитые (среди них отец Максимилиан Кольбе, мать Мария Скобцова, кармелитка Эдит Штейн) — так и безвестные. Говорить о присутствии Бога даже в лагерях уничтожения — не значит придавать внешний смысл злу, что внутренне противно всякому смыслу... Убийцы — опосредованные и непосредственные — тоже были людьми; Бог создал их по своему образу и подобию, они несли в себе Его как прообраз своей свободы. И они были призваны стать детьми Божиими. Однако о милосердии Божиим к этим убийцам вопреки их нечеловеческим деяниям — нет, именно вследствие их — христианские теологи, порицая злодеяния, как мне кажется, напоминают слишком редко. Убийцы нуждаются в Божьем милосердии гораздо настоятельнее, чем их жертвы. Обратить эти слова к убийцам — не означает простить их деяния. Напротив! Ибо их дела ведут к краю бездны, назвать которую адом — уже не метафора»¹. М. Дезелерс отвечает на вопрос о присутствии Бога в Освенциме иначе: «Где был Бог в Аушвице?» — «В достоинстве жертв». Через него Он обращался и к совести преступников... Бог был в Аушвице — во взгляде жертв на коменданта лагеря. Он стучался в сердце Гёсса, был ему немой укором. Но тот закрылся. Уничтожая узников, уничтожал в себе Бога. В этом отвержении и есть природа зла»².

В течение долгого времени М. Дезелерс пытался понять сущность и внутреннюю природу одного из основных создате-

¹ Эллен П. Освенцим и теология // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 34.

² Господи, где же ты был? Немецкий священник ищет ответы на самые трудные вопросы. URL: <https://rg.ru/2013/02/13/sviashennik.html>.

лей Концентрационного мира, коменданта Освенцима Р. Хёсса, в результате чего возникла масштабная биография последнего¹. В ней Дезелерс размышляет о месте Бога в жизни, системе взглядов и ценностей коменданта. Автор признает, что Хёсс обладал от природы живой связью с Богом хотя бы потому, что он человек, но именно Бог устанавливает эту связь и поэтому принятие Богом человека не прекращается и тогда, когда тот восстает против Бога. Однако Хёсс не принимал эту связь и не чувствовал её, превратив в религию систему нацистской идеологии. Дезелерс признает Хёсса «добросовестным» человеком, но отделенным от голоса совести, то есть от Бога. Главной проблемой коменданта Освенцима Дезелерс считает «предательство голоса сердца», приведшее к моральной и нравственной глухоте и слепоте. Уже в тюрьме незадолго до казни Хёсс исповедался и признал свою душевную катастрофу, однако не высказал раскаяния и не просил о прощении, поэтому Дезелерс считает, что окончательного обращения Хёсса не совершилось и никто не знает, совершится ли оно уже после смерти. То есть найти Бога в логике поступков коменданта Освенцима опять же не удастся — есть некие немногие признаки присутствия Бога, которые можно найти у всех, но в целом фигура Хёсса и масштаб совершенного им становятся очередным доказательством тезиса об Освенциме как месте особого отсутствия Бога.

С другой стороны, ответить на вопрос о присутствии Бога в Концентрационном мире и в его творцах невозможно, не поставив, в свою очередь, еще один ключевой вопрос: «А кто именно спрашивает об этом?» Из всего сказанного выше можно видеть, что человек в концентрационном лагере утрачивал базовые составляющие человека, погибал как нравственное существо, в результате чего на первый план выходили биология и животные инстинкты. В таком состоянии Бог переставал быть объектом трансценденции (животное не способно транс-

¹ Дезелерс Манфред, священник. «И вас никогда не мучила совесть?» Биография Рудольфа Хёсса, коменданта Освенцима и вопрос его ответственности перед Богом и людьми. М., 2022.

цендировать), субъектом для диалога, превращаясь в источник разочарования, в атрибут, который остался в прошлой жизни, так же как и многое другое: семья, быт, социальный статус и т. д. Таким образом, право на этот вопрос имели те немногие, кто в лагере сохранял человеческий образ и способность к рефлексии, но эти немногие не нуждались в этом праве либо потому, что сумели сохранить и укрепить веру, либо потому, что пережили разочарование в Боге. И в том и в другом случае вопрос «Где?» становился неуместен. Те же, кто задавался этим вопросом за пределами лагеря, то есть сторонние наблюдатели, не имевшие трагического опыта узника, были лишены морального права на постановку данного вопроса, так как любой ответ на него «извне» был бы ошибочным.

Но если вопрос о месте Бога в Концентрационном мире все-таки ставится, то ответы на него (в том числе и приведенные выше и в той или иной форме звучавшие неоднократно и до этого) выглядят упорной попыткой катафатически хоть где-то найти Бога в Концентрационном мире, а найдя, оправдать его, и эта попытка аксиоматически завершается успехом хотя бы потому, что Бог вездесущ. Но если храм, как образ Рая, есть место особого присутствия Бога, то концентрационный лагерь, как сублимация всего античеловеческого, есть место особого отсутствия Бога. И только это положение, ставящее под сомнение вездесущность Бога, может хоть как-то примирить религиозное сознание с произошедшим. Ведь если признать его вездесущность, то неизбежно возникает вопрос о характере этого присутствия. Допущение произошедшего в лагерях как воли Бога неизбежно требует признания Гитлера орудием Божией воли. Поэтому Э. Левинас, следом за Т. Адорно, считал, что после Освенцима невозможна сама постановка вопроса о теодицее. «Чужое страдание не может быть осквернено вопросами и ответами. Его нужно принимать молча»¹.

¹ Горичева Т. О священном безумии. Христианство в современном мире. СПб., 2015. С. 169.

Кроме того, масштабы трагедии, которая произошла в Концентрационном мире, должны соотноситься с грандиозностью Божественного замысла, во имя которого были принесены в жертву миллионы жизней по аналогии с первохристианскими временами, когда на гонениях и страданиях тысяч мучеников была утверждена Церковь. Однако никаких кардинальных перемен с Церковью и христианами после завершения Концентрационного мира не произошло, наоборот, как было констатировано выше, Концентрационный мир привел к кризису Церкви и упадку веры. На эти и другие вопросы ответы получены не были. Таким образом, по словам П. Эллена, Освенцим стал «вызовом, брошенным теологической мысли тоталитаризмом в его предельном выражении», так как преступление Освенцима «произошло внутри цивилизации, отмеченной печатью христианства. А значит, оно бросает вызов и христианской теологии»¹.

Одним из первых констатировал кризис западноевропейского христианства протестантский теолог П. Тиллих, которого считают одним из основоположников «теологии после Концентрационного мира». В своей статье «Что помогает ослабить чувство тревоги в нашей культуре»², написанной вскоре после войны, П. Тиллих констатирует утвердившееся в европейской культуре чувство тревоги и страха, что приводит, в свою очередь, к бегству от бесполезной культуры, которая доказала свою неспособность защитить человека от ужасов концентрационных лагерей. «Сегодня в умах людей живет одно необычайно сильное желание — спастись от тревоги путем бегства от культуры». Это бегство порождает конфликт классических и современных форм культуры, эскапизма и риска, представляющих собой новые формы прежних страхов и тревог. Итогом поисков современного искусства станет «видение небытия»,

¹ Элен П. Освенцим и теология // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 33

² Тиллих П. Что помогает ослабить чувство тревоги в нашей культуре // Человек и социокультурная среда. М., 1992.

отчего «души содрогнутся, как бы ни было велико эстетическое наслаждение»¹.

В этом «видении небытия» П. Тиллих отсылает аудиторию к образам Концентрационного мира, который стал ключевой точкой, где культура превращалась в антикультуру, а главная функция бытия заключалась в том, чтобы служить средством создания небытия. Причем не небытия, являющегося всего лишь отрицанием бытия, а небытия, обладающего вполне конкретными категориями трагичности и оставленности. Небытия как парадоксальной кульминации худшего из бытий, небытия, как сублимации трагедии, апофеоза Зла, призывающего бытие к рефлексии и являющегося основанием для этой рефлексии. Вопреки Платону, который считал, что о зле невозможно мыслить — в нем нет того, о чем можно было бы мыслить, небытие Концентрационного мира было объектом мышления, осязаемым сознанием, объектом, требовавшим максимального напряжения мышления.

В целом само явление, которое можно назвать «теологией после Концентрационного мира», сформировалось только в 1970-х годах, и у его истоков стоял католический богослов Иоганн Баптист Мец, который в рамках нового направления в богословской мысли, названного позднее «политической теологией», сделал эту теологию инструментом выражения чувств, владевших расколотым и духовно обедневшим западноевропейским обществом. Он сознавал, что создать «теологию после Концентрационного мира» гораздо труднее, чем философию после него, так как основа философии — мысль и способность к пониманию, в то время как для теологии нужна вера, которую, по мнению Меца, современные, считающие себя просвещенными общества утратили. Значит, для того, чтобы чувствовать себя комфортно, необходимо к утрате Бога добавить забвение.

Кульٹ забвения, по мнению Меца, органически вытекает из утраты религиозного чувства. Таким образом, трагедия Кон-

¹ Тиллих П. Что помогает ослабить чувство тревоги в нашей культуре // Человек и социокультурная среда. М., 1992. С. 202–206.

центрационного мира может быть понята вновь только в свете проблемы теодицеи, которая, по мнению Меца, «остаётся провокацией... Действительно, как можно говорить о Боге, зная о безмерных страданиях человечества, страшным апогеем которых стал Освенцим?». Он считает, что «теология после Освенцима должна избегать односторонности понимания жизни и смерти Иисуса Христа. «Я уверен, что первый взгляд Христос бросил не на виновных или грешников, а на страждущих. В этом есть определенный мессианский смысл. Иисус стремился научить нас чувствовать страдание, чужое страдание, страдание неизвестных нам людей, чувствовать, так сказать, историю страстей человечества»¹.

С ним солидарен немецкий богослов Юрген Мольтманн, который был убежден, что создать актуальную, содержательную христологию наших дней без внимания к проблеме концентрационных лагерей невозможно. Очень точно сформулировал их смыслообразующую роль в современной теологии лютеранский теолог Фридрих-Вильгельм Марквардт: «Сегодня Освенцим надвигается на нас как суд над нашим христианством, над прошлым и нынешним образом нашего христианского бытия. Более того, если смотреть глазами жертв Освенцима, — он надвигается на нас как суд над самим христианством. И еще: Освенцим надвигается на нас как призыв к покаянию-обращению. Должна измениться не только наша жизнь, но и сама наша вера. ...Это покаяние-обращение затрагивает сущность христианства, как мы понимали ее до сих пор...»²

Данную теологию можно обозначить как «движение снизу», которое сильно обогнало «движение сверху», то есть официальную реакцию Церкви на то, что произошло. Только 31 января 1979 года, после показа фильма «Холокост», который посмотрели миллионы немцев, немецкие епископы опубликовали

¹ Катлевски Г.-П. Богословие после Освенцима. URL: <http://www.dw.com/ru/богословие-после-освенцима/a-1481370>.

² Беркович Е. Христос в Освенциме. URL: <http://callofzion.ru/pages.php?id=907>.

декларацию «Католическая церковь и национал-социализм», позднее, в 1983 году, появился документ «Память и ответственность». В этих документах национал-социализм характеризовался как тоталитарная диктатура и декларировалось неприятие коллективной вины.

Профессор Католического университета в Лювене (Бельгия) Д. Полеффе, оценивая эти документы, считал, что позиции, выраженные в них, не выдерживают критики: «Новейшие результаты исследований показали, что обобщенная речь о национал-социализме как о тоталитарной диктатуре является легендой, которая служит тому, чтобы свести до минимума личную ответственность. В противовес этому важно воспринимать катастрофы в их «единичности». Отказ от радикально понимаемой коллективной вины не выполняет функцию дифференциации вины, а служит реабилитации. Абстрактно и обобщенно обозначенное положение Церкви в период национал-социализма как борьба за выживание приводит к умолчанию о многих формах сотрудничества на разных уровнях. Не все христиане были нацистами, но все нацисты были христианами, плохими, но тем не менее христианами. Отказ писать о катастрофе из истории национал-социализма ведет к когнитивному пособничеству исполнителям, а за ним следует пособничество моральное. Историография ставит вопрос о причинах в истории, но без последствий невозможно говорить о причине. Событие становится историческим событием только по прошествии времени»¹.

В том же 1983 году появилось папское послание Национальной конференции американских католических епископов о войне и мире, утвердившее документ «Вызов мира: обещание Бога и наш ответ». И хотя данная конференция была ответом

¹ Полеффе Д. Иудео-христианские отношения после Освенцима с католической точки зрения. Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа: следствия и выводы. Материалы Второй международной научной конференции. Санкт-Петербург. 26–28 января 1998 г. URL: <http://www.vstrecha-center.ru/lib/book/read/635/#toc1>.

на усиливающееся ядерное противостояние между СССР и США, Г. Баум считал, что идея конференции «исторически объясняется Холокостом и молчанием Церкви во время Второй мировой войны»¹.

Однако два основных документа именно об Освенциме появились еще позже — в 1995 году (на конференции немецких епископов Освенцим был признан уникальным преступлением) и в 1997-м, когда на конференции французских епископов была признана вина епископата французской церкви за свои ошибки по отношению к французским евреям во время нацистской оккупации Франции. Все другие документы, включая знаменитый декрет «*Nostra Aetate*» II Ватиканского Собора, были главным образом посвящены определению отношений христианства и иудаизма после Второй мировой войны.

Тем не менее на главные вопросы, поставленные травматическим бытием Концентрационного мира, ответы так и не были даны. Эти вопросы состояли в следующем: как Церковь, выросшая из страданий Христа, которые имели в Западном Христианстве особенное, чувственное, а на вершинах духа и телесное, стигматическое выражение (носителями стигматов были Франциск Ассизский, Катарина Сиенская, Вероника Джулиани, Екатерина де Риччи и др.), могла не почувствовать боль и страдания узников Концентрационного мира, почему не пережила эти страдания как собственные, как боль Христа? Несомненно, Христос, переживший тяжелейшие мучения, если бы оказался в годы войны в оккупированной нацистами Европе, был бы с теми, кто находился в Концентрационном мире, то есть в наивысшей точке страданий.

Почему отдельные деятели Церкви (христиане в целом) в лагерях и за их пределами проявили мужество, силу духа, готовность страдать (как, например, пастор Бернгард Лихтенберг, священники Владислав Демский, Доминик Енджеевский,

¹ Баум Г. Голокауст и политическая теология // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М., 1994. С. 285.

Максимилиан Бинкевич, мать Мария (Скобцова), теолог Дитрих Бонхеффер и др.¹) и последовать в концентрационные лагеря, но всего этого не проявила Церковь (христианство) как «от Бога установленное общество всех личных (разумно-свободных) существ, верующих во Христа Спасителя и соединенных с Ним как с Единой Главой»²?

Еще один парадоксальный вопрос был поставлен теологом Э. Факенхаймом. Если полнота человеческой природы Христа была абсолютной, тогда необходимо признать, что Христос, оказавшись в концентрационном лагере, мог стать мусульманином, «в противном случае теология наносит смертельное оскорбление всем тем, кто действительно стали «мусульманами». Но если Христос, даже став узником, сохраняет в неприкосновенности свою божественную природу, эта неприкосновенность «становится жестокой насмешкой над всеми, кто неприкосновенными не были, кого уничтожили и кто выжил в результате отчаянной, круглосуточной, смертельной борьбы». В результате возникает неразрешимая ситуация: если Христос способен стать мусульманином, то правы нацисты; если же его божественная природа неприкосновенна, то они правы все равно, так как и в том и в другом случае узники остаются жертвами³.

Неразрешимость этих и других вопросов (прежде всего почему Церковь и ее члены остались прежними после Концентрационного мира) также явилась существенным фактором кри-

¹ Подробнее о пострадавших в лагерях за свою позицию христианах см.: Риккарди А. Век мученичества. Христиане двадцатого столетия. М., 2018. С. 104–186.

² Давыденков О., *прот.* Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/11.

³ Факенхайм Э. О христианстве после Голокауста // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М., 1994. С. 275. В русском переводе О.В. Боровой термин «мусульманин», употребленный автором статьи, переведен как «доходяга», так как это понятно русскоязычному читателю, более знакомому по литературе с реалиями советского ГУЛАГа, нежели нацистского Концентрационного мира.

зиса европейского религиозного сознания в целом. «Мертвые Освенцима должны были бы полностью изменить нас, — констатировал М. Юрген. — Ничто не должно остаться таким, как раньше, — ни мы сами, ни наши церкви. Но что же произошло с нами, гражданами Германии, христианами-католиками? Освенцим вовсе не стал поворотным моментом. После 1945 года нам не было жаль жертв — жаль только собственных потерь, таких как потеря национальной идентичности»¹.

Таким образом были зафиксированы зародившаяся в религиозном сознании Запада проблема теодицеи и вопросы в рамках этой проблемы. Первый — о проявлении свойств человеческой и божественной природ Христа в «чрезвычайных обстоятельствах». Второй — об осуществлении Спасения после того, что случилось в Концентрационном мире. Все предыдущие эпохи история Спасения была историей спасаемых. Исторический пример был главным. Однако после нацистских концентрационных лагерей, в условиях аксиологической девальвации христианской традиции, пример переставал что-либо значить — все должно было начинаться с отдельного, конкретного, ныне живущего человека, так как в концентрационных лагерях убивали не Христианство, а отдельных христиан. На этой позиции история, показавшая свое бессилие предотвратить Концентрационный мир, становилась не нужна, ибо теперь имело значение только то, что есть и будет, а не то, что было.

Теология после Концентрационного мира должна была осмыслять действительность не в порядке продолжения истории, а в порядке ее онтологического преодоления, вытесняя историю и занимая ее место. Поэтому вопрос о Спасении должен был после Концентрационного мира перенесен с истории спасаемых на саму весть о Спасении, теология должна была ответить на вопросы, что представляет собой эта весть, как она рас-

¹ Манеман Ю. Движение к анамнестической культуре: о теологии после Освенцима и ГУЛАГа. Политико-теологический подход. URL: <http://www.jcrelations.net/.2634.0.html>.

пространяется и действует на человека, пусть даже не бывшего узником, но в целом пережившего Концентрационный мир. То есть на повестке дня оказались фундаментальные, онтологические категории, которые ждали своей актуализации, чтобы стать фундаментом новой «теологии Спасения».

В этих условиях оказывалась актуальной идея Спасения как незавершенного процесса, которую впервые высказал Иоахим Флорский, живший в эпоху глобальных трансформаций рубежа XII—XIII веков¹. Он, вопреки традиционной доктрине о том, что воплощение Христа произошло единократно и тем самым поставило точку в развитии христианства, обусловив вечное возвращение от вершины к корню, считал, что вопрос о воплощении не закрыт, а открыт к будущему. Развивая мысль, которую до него в не столь конкретной форме высказывал Григорий Назианзин, Флорский утверждал, что Спасение не уже совершилось, а еще совершается, история Спасения не только не завершена, но и не может быть завершена, ибо Спасение продолжается. Тем самым он описывал христианство как чрезвычайно подвижную систему, суть которой не уже сотворена, а непрерывно сотворяется, так же как Сын не родился от Отца, а вечно рождается, а Дух не исшел, а вечно исходит. Хотя это учение было отвергнуто, но главная мысль Флорского о «незавершенности» христианства, не высказываемая напрямую, обрела актуальность в теологии после Концентрационного мира, в частности в «Теологии освобождения».

Самое большое разочарование принесло осознание того, что европейское христианство, не сумевшее предотвратить ужасы Концентрационного мира, оказалось тем самым не системой безусловных ценностей, а всего лишь мировоззрением, которое доказало свою несостоятельность наряду с другими мировоззрениями. Тем самым оно утратило историческую уникальность, то есть приобрело свойство устаревать. Христиан-

¹ Riedl M. A Collective Messiah: Joachim of Fiore's Constitution of Future Society. URL: https://www.revistamirabilia.com/sites/default/files/pdfs/2012_01_03.pdf.

ство всегда было религией Слова, которое было «в начале» (Ин. 1: 1), это Слово стояло у истоков европейской цивилизации и мыслилось ее финалом: один из важнейших эпизодов Откровения Иоанна Богослова — это снятие печатей с книги «в деснице у Сидящего на престоле... написанной внутри и отвне, запечатанной семью печатями» (Откр. 5: 1). Однако в один из самых трагических моментов истории христианство оказалось безгласным, и этого было достаточно, чтобы оно вошло в поток истории, чтобы история оказалась сильнее и Слово христианства, без которого не мыслился мир и человек, стало одним из тысяч слов современной цивилизации.

Еще одна проблема состояла в том, что одной из движущих сил христианства всегда был конфликт с миром, с современностью, конфликт, прямо пропорциональный росту бесчеловечности и аморальности мира. Одна из форм проявления христианства в мире — это вечный спор с миром о ценностях, об Истине, о подлинной жизни, обязанность христианина — восставать против мира, исправлять его, быть его неусыпаемой совестью. Однако именно в то время, когда бесчеловечность и аморальность достигли своего апогея, христианство не вступило в конфликт. Были осторожные обличения и наставления отдельных христиан, но не было конфликта христианства. Поэтому закономерно, что для многих из тех, кто все-таки не отошел от Церкви в послевоенные годы, она превратилась из Церкви Христа в Церковь как бюро ритуальных и культурно-исторических услуг общества, от которого теперь всего лишь требуются рекомендательные предложения по совершенствованию этических и эстетических представлений.

Закономерным следствием Концентрационного мира стал продолжающийся до настоящего времени процесс трансформации христианства в музей, авторитетный лишь своей древностью и ценный лишь артефактами, в результате чего оно у все большего числа людей не вызывает желания преклоняться и благоговеть, а совершенно другие чувства. Иронию, снисходительность, равнодушие, отстраненное любование, недоумение.

Борис Якеменко

Произошла подмена христианства христианскими ценностями, которые имеют обыкновение, как всякие другие ценности, девальвироваться. В результате значительно усилился процесс секуляризации европейского общественного сознания и социального пространства. Пока непосредственные участники и свидетели событий пытались примирить собственное теологическое знание и веру с произошедшим, молодое поколение, выросшее после войны, решительно отвергало религию вместе с остальными моральными и духовными ценностями, которые в совокупности не помогли ни предотвратить, ни даже смягчить случившееся.

Заключение

Нацистский Концентрационный мир просуществовал всего 12 лет, но те вопросы, которые были им поставлены, очевидно, никогда не будут разрешены, оставаясь постоянным предметом споров и дискуссий. И прежде всего вопрос о самой возможности понимания произошедшего. Выше говорилось о том, что исчерпывающее понимание того, что происходило в нацистских концентрационных лагерях, затруднительно, а с течением времени, очевидно, станет практически невозможным. Однако стремиться понять то, что происходило, необходимо хотя бы для того, чтобы данная тема не оказалась в забвении, так как говорить о том, что произошло, означает помнить. То есть сохранять память через нарратив.

Предпосылки создания Концентрационного мира сложились сразу после окончания Первой мировой войны, стремление к реваншу после унижения, нанесенного целой нации Версальским миром, оказалось настолько сильным, что подчинило себе здравый смысл и чувство самосохранения. Грандиозная задача требовала не менее грандиозных жертв, которые не только служили наглядным свидетельством того, что задача действительно не имеет себе равных, но и служили наглядным свидетельством того, что власть не остановится ни перед чем для того, чтобы достичь поставленных целей. Многие очевидцы происходящего предчувствовали, что может быть дальше

(М.Р. Хессе, Э. Фридрих, А. Ганс, Ф. Кафка и др.), однако эти предчувствия и предостережения уже не могли ни на что повлиять.

В итоге возникает система концентрационных лагерей, которые сложились в государство в государстве, структуру, обладающую территорией, городами, экономикой, культурой, на которой держалась нацистская Германия. Столицей этого государства стал лагерь смерти Освенцим (Аушвиц), расположение которого точно отражало стратегию территориального расширения Германии и место населения покоренных государств в ней.

Ключевым принципом существования этого государства в государстве становится насилие в самых различных (открытых и скрытых) формах, главный инструмент переописания мира в новых категориях. Открытое насилие было способом подчинения человека системе и самому себе, прежде всего своему телу, предельно актуализированному с помощью боли и страха. Скрытое насилие, заключенное в самой архитектуре, обстановке, системе лагеря, превращало желание «быть сытым», «быть одетым», «быть живым» в основной императив жизни, то есть узник постоянно пребывал в состоянии становления, никогда не имея благодаря насилию возможности завершить этот процесс.

На воссоздание, подпитку насилия и воспроизводство боли и тотальности были направлены все существующие в Концентрационном мире практики. Постоянное обнажение узников приводило к тотальной незащитности, замена имени на номер имела своим следствием тотальное стирание личности, пища и ее прием в лагерях вызывали тотальный голод, полностью завладевающий человеком, формы взаимоотношений непосредственно между узниками и между узниками и эсэсовцами приводили к тотальному одиночеству. Итогом всех этих процессов тотального расчеловечивания становились мусульмане — узники, находившиеся в ранее неизвестном биологическом состоянии, не осознававшие себя и пребывавшие между жизнью и смертью.

Важнейший вопрос, который в наши дни приобретает особую актуальность, касается психологии тех, кто осуществлял массовые убийства. Что собой представляют те люди, которые осуществляли программы геноцида, люди, благодаря которым погибли миллионы узников? Для автора настоящей работы, следом за Ж. Амери, Е. Факенхаймом, И. Кертесом, С. Жижекком, становится очевидным, что от концепции «банальности зла», принадлежащей Х. Арендт, необходимо освободиться, так как эта концепция не только лишает ее сторонников возможности понимания психологии убийц, но и служит их оправданием, делая всех окружающих «недиагностированными палачами».

Концентрационный мир был системой, действовавшей в логике абсурда и оттого не распознаваемой в течение долгого времени с позиций обычной логики, совершенно новым политическим и социологическим явлением, не имевшим аналогов в мировой истории. Эта система была заключена в особую лингвистическую и понятийную форму, которая выглядела как сочетание молчания, лексики, голоса и жеста. Основные понятия этого мира выражались через «язык эвфемизмов», смысл которого был в полной мере доступен только «посвященным». Тоталитарный по сути язык переописывал реальность Концентрационного мира и стирал внутреннее сопротивление, являющееся естественной реакцией на массовые убийства.

Главным итогом пребывания в нацистском концентрационном лагере становилась смерть. Смерть не в общепринятом смысле, а «постсмерть», «смерть за пределами смерти», как глобальное, онтологическое небытие, тотально отвергающее все предыдущее бытие и оставляющее вместо него абсолютную пустоту, которая подчеркивалась уничтожением тела и превращением его в пепел. Именно тотальная, растянутая во времени смерть маркировала Концентрационный мир как профаническое, пустое пространство, откуда все живое и человеческое было вынесено.

Безусловно, такое сложнейшее, обширное, разноплановое, «уникально уникальное» явление, как Концентрационный мир,

невозможно уместить в описанную выше схему, находящуюся в координате «селекция—безысходность—ужас—голод—труд—насилие—смерть», так как этот мир был слишком велик и разнообразен. Не все заключенные воспринимали лагерь только как место страданий и гибели — для некоторых узников (очень немногих, но тем не менее) Концентрационный мир парадоксальным образом стал местом раскрытия собственных возможностей и собственной идентичности, как, например, для уже упоминавшейся узницы Терезиенштадта, Освенцима и Гросс-Розена Р. Клюгер. Именно в заключении она ощутила себя еврейкой, получила возможность вступить в общение с яркими людьми, оказавшимися в лагерях, почему и называла время, проведенное за колючей проволокой, «блистающими годами»¹. Знаменитый французский философ Э. Левинас, проведенный в Шталаге XI-B (Фалингбостель) пять лет, много читал, ему даже удавалось писать, поэтому он отмечал, что «с точки зрения культурной жизни это время нельзя считать потерянным»².

Формально единое сообщество узников лагерей на самом деле имело сложную социальную и имущественную стратификацию. Было много тех, кто служил администрации и отдельным эсэсовцам в различных должностях и имел возможности, немыслимые для основной массы заключенных. «Громадная пропасть, — пишет Б. Каутский, проведенный в лагерях почти семь лет, — отделяла в Освенциме маленького узника, кандидата для отправки в крематорий, от сытого, хорошо одетого заключенного, который жил полной жизнью, делясь с эсэсовцами добычей, взятой у убитых евреев»³. Многие заключенные пристраивались на «хлебные» или более или менее спокойные места, например в лазарет, команду «Канада», или занимались разбором вещей на рампе после селек-

¹ Klüger R. Still Alive. New York: Feminist Press, 2001.

² Цит. по: Ямпольская А. Эмманюэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011. С. 184.

³ Kautsky B. Teufel und Verdammte. Erfahrungen und Erkenntnisse aus sieben Jahren in deutschen Konzentrationslagern. Zürich: Büchergilde Gutenberg, 1946. P. 345.

ций. У всех этих «привилегированных» узников были послабления в режиме (в Освенциме они могли носить длинные волосы, иметь часы и даже совершать (в сопровождении охраны) прогулки в штатском за пределами лагеря)¹, у них часто имелся широкий доступ к любой еде, одежде и ценностям, которые не только не сдавались эсэсовцам, потреблялись и использовались, но и пускались в оборот на «черных рынках» лагерей — рынках, которые в значительной степени поддерживали существование узников.

На этих рынках, которые занимали значительное место в общей системе экономики Концентрационного мира, можно было выменять на ценности еду и напитки не только у узников, но и у охраны. «Потом меня перевели на работу получше, — вспоминал узник Треблинки С. Вилленберг. — Наша группа выходила из лагеря — в лесу мы собирали сосновые ветки. Их потом вплетали между колючей проволокой, чтобы скрыть то, что происходит в отдельных секторах лагеря. Эта работа помогла мне. У нас было лучше питание, и мы могли «вести торговлю» с украинскими охранниками. Несмотря на запрет, нам, конечно, иногда удавалось спрятать какие-то ценности после транспортировки. Это были большие деньги. И их потом можно было обменять. Мы выходили из лагеря, украинский надзиратель снимал свою шапку и говорил: «Rebjata, dëngi». Мы бросали ему туда что-то, а он приносил нам поесть. Мы все съедали вместе, иногда даже пили водку. Что-то нам удавалось пронести среди веток в лагерь. Интересно, что нас при возвращении никто никогда не проверял»².

До кого-то доходили продуктовые посылки из внешнего мира (их разрешили только в конце 1942 года)³, позволявшие

¹ Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978. С. 62.

² Вилленберг С. Воспоминания о Треблинке. URL: <https://inosmi.ru/world/20130920/213082318.html>.

³ Право на посылки не распространялось на советских военнопленных, евреев и заключенных, чьи семьи проживали в освобожденных районах.

поддерживать приемлемый уровень жизни: «Я в то время уже регулярно получала посылки и могла отчасти утолить дикий послетифозный аппетит»¹, — вспоминала К. Живульская. Некоторые узники работали на подсобных хозяйствах и в домах у функционеров лагерей, где были сравнительно щадящие, а иногда и вполне комфортабельные условия. Многие узники изготавливали различные поделки: браслеты, портсигары, трубки и т. д. Существовали и различные формы «досуга» узников, вплоть до «вечеров с песнями и иногда даже танцами»². «Втайне мы устраивали вечера, — вспоминал узник лагеря Кло-ога Зайнтрауб. — На них выступали артисты Блязер, Ротштейн, Розенталь, Думаркин, Фин, Познанский, Мотек, Кренгель и другие. Мы устраивали беседы о политическом положении, о положении на фронтах и так далее. Вопреки всем предписаниям мы ухитрялись раздобывать газеты и обсуждали их»³. Иногда такого рода концерты были «официальными» — в Маутхаузене в воскресенье в бараках администрация разрешала выступать лагерному оркестру⁴. В женской зоне Майданека создали «радио Майданека» — «импровизированные утренние и вечерние представления, имитирующие радиоэфир, где через бумажный рупор с третьего яруса нар в полусутильной форме рассказывалось о лагерном распорядке и различных происшествиях»⁵. Некоторые лагеря посещали представители Красного Креста, которые помогали многим узникам выжить.

Однако эти детали не выбиваются из общей картины Концентрационного мира, а только дополняют ее, подчеркивают ее гротеск, так как в значительной степени именно «привилегированные» категории узников поддерживали в функциональном состоянии систему лагерей, поскольку с момента перехода из

¹ Живульская К. Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.

² Собибор. Взгляд по обе стороны колючей проволоки. М., 2019. С. 71.

³ Черная книга / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015. С. 565.

⁴ Сахаров В. В застенках Маутхаузена. М., 1962. С. 44.

⁵ Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020. С. 67.

обычного состояния в привилегированное эта система становилась для «избранных» выгодной и они были заинтересованы в ее сохранении. Так, когда в начале 1943 года иссяк поток поездов с евреями в Треблинку, среди заключенных, работавших на разборке личных вещей после уничтожения вновь прибывших, начался голод (ранее его не было, так как эти заключенные кормились за счет еды, привозимой очередной партией обреченных) и «ожидание нового эшелона оказалось сопряжено с надеждами его утолить и тем самым выжить»¹.

Привилегированными становились те, кто, будучи насильно всаженным в почву Концентрационного мира, сумел в нее не только врасти, но и начать развиваться с ее помощью. Мнение «привилегированных» в значительной степени формировало «общественное мнение» лагеря, которое, интериоризируясь, изнутри бессознательно подавляло способность к самостоятельному мышлению и образу действий у основной массы узников. Таким образом, не столько действия эсэсовцев, сколько поступки именно «привилегированных» узников, энергия отталкивания лагерных «социальных страт» становились одним из основных источников насилия и одной из ведущих причин смерти заключенных.

Крушение Концентрационного мира не принесло выжившим узникам ожидаемой свободы. Тотальная деаксиологизация жизни не давала возможности выжившим вернуться к полноценной жизни, так как единственно достоверным опытом становились годы, проведенные в заключении. Попытки призвать виновных к ответственности наталкивались не только на отсутствие чувства вины у убийц, их пособников и руководителей и не только на наличие чувства вины у узников и нежелание государства всерьез заниматься этими проблемами, но и на непонимание самих узников, в каких формах должна быть воплощена эта ответственность. Поэтому главным итогом стремления

¹ Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы. М., 2021. С. 53.

узников к возмездию стала концепция «коллективной вины» немецкого народа, концепция, которая вызывала сомнения в своей целесообразности даже у некоторых узников и которая сегодня стремительно уходит в прошлое. Именно Концентрационный мир поставил перед Европой проблемы вины, искупления, возмездия, забвения, исторической памяти, и дискуссии на эту тему, особенно сегодня, когда бывших узников лагерей почти не осталось в живых, идут особенно активно.

Следствием Концентрационного мира стал межпоколенческий конфликт, особенно ярко проявившийся в 1960-х годах, когда в активную жизнь вступило первое послевоенное поколение, обнаружившее, что их родители виновны в произошедшем. «Наиболее чувствительные из молодых немцев начали подозревать почти в каждом человеке старшего возраста нацистского преступника и каждого человека считать способным на преступление»¹. Они задавали своим родителям главный вопрос: «Что стоят ваши ценности, культура, Церковь, мораль, если все вместе они не смогли предотвратить Освенцим?»

Не получая ответа, они начали искать новый, неизолгавшийся, вещественный, вербальный, телесный язык, который мог бы выразить их отношение к миру. Молодежные демонстрации и бунты прошли в ФРГ, США, Мексике, Югославии, Бельгии (примечательно, что среди лозунгов молодежных бунтов в ФРГ был «Нельзя говорить с людьми, которые создавали Освенцим»). События 1968 года у Сорбонны во Франции стали символом неконформизма шестидесятых. На этой почве возникла культура рок-музыки, второе рождение пережили левые идеи, неформальные движения, стремительно развивалась идеология пацифизма, локальные войны вызывали многотысячные антивоенные демонстрации. Таким образом, Концентрационный мир стал той чертой, перейдя которую Европа изменилась навсегда.

¹ Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012. С. 480.

В наши дни нередко представляется, что урок, преподнесенный нацизмом, настолько показателен, что не может не быть усвоен, а жертвы настолько масштабны, что надежно предохраняют современный мир от рецидивов. Действительно, при рассмотрении Концентрационного мира возникает соблазн впасть, согласно терминологии Б. Бевенаржа, во «временное манихейство» — убеждение, что концентрационные лагеря есть маркер трагического, отрицательного прошлого, которое не способно продолжиться в настоящем и будущем. На самом деле это не так. В 1930-х годах никто не мог представить, что сочетание безукоризненного порядка, техники, государства и насилия может привести к такому страшному результату.

Однако, невзирая на осознание произошедшей катастрофы и прошедшие с ее момента годы, к настоящему времени не исчезло ни одно из социальных условий, сделавших возможным Концентрационный мир. «Никакие эффективные меры, которые предотвратили бы появление подобных катастроф, так и не были приняты»¹, — пишет З. Бауман. Опыт Концентрационного мира рекапитулируется сегодня в коллективном политическом бессознательном, по-разному проявляя себя. Все чаще современные политические режимы используют насилие вместо дипломатии, реализуя формулу, выработанную за колючей проволокой нацистских лагерей, которую можно сформулировать так: «Человек есть просто полезный и необходимый предмет для реализации государственных стратегий».

Попытки европейского общества «не замечать» геноцида и насилия по всему миру напрямую отсылают нас к выработанному именно в Концентрационном мире механизмам поведения, выделенным Б. Беттельгеймом: поискам внешних «мишеней для злости» и принципу «не смей смотреть». Первый заключается в том, что в лагере направлять свою агрессивность на тех, кто ее действительно вызывал: на эсэсовцев и начальников, — было равносильно самоубийству. Поэтому оставались лишь

¹ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013 С. 28.

окружающие, которых и делали виновными. Второй запрещал видеть то, чего не положено, прежде всего — как убивают другого заключенного или измываются над ним. Нарушителя постигала та же участь¹. Если присмотреться внимательно, то можно отчетливо видеть, как оба этих принципа реализуются сегодня в международном пространстве. Мишенями для злости становятся кто угодно, только не истинные виновники происходящего, и «не замечается» массовая гибель людей.

Вместе с этим можно предположить, что эманации Концентрационного мира в наши дни могут быть более отчетливыми. Почти узаконенное в мировой международной практике насилие в сочетании с непознанными возможностями Интернета, деиерархизация и разрушение социальных структур, на месте которых создаются новые, весьма многочисленные образования с новыми внесоциальными элитами, лишение человека и форм его существования (семья, государство, работа) прежних, четко очерченных и закреплённых в культуре и традиции статусов могут породить структуры и явления, по своей дегуманизирующей сути и поражающей силе превосходящие трагический опыт Концентрационного мира.

Так, неофициальный лозунг «Интернет освобождает» ничуть не лучше официального лозунга «Arbeit macht Frei», формы освобождения в обоих случаях примерно одинаковые, в результате которых свобода вновь оборачивается порабощением, только актуализированными в современных формах, с насилием не внешним, а ушедшим внутрь и оттого труднее распознаваемым. Надзиратель и охранник сменили облик — они теперь без формы и оружия, — но никуда не делись. Тоталитарного Третьего рейха больше нет, но на его месте есть множество небольших, злых и беспощадных тоталитаризмов в системе коммуникаций, технологий, торговли, сырьевых поставок. Тоталитаризмов, решающих прежнюю задачу: управлять массами, держа их в повиновении и заставляя делать то,

¹ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 76.

что необходимо, с той лишь разницей, что в Концентрационном мире не создавали при этом иллюзию свободы.

М. Кантор обращает внимание на то, «что человечество, осудившее книжные костры в Берлине, с радостью приняло глобальное уничтожение книг. Оказалось, что книги не обязательно жечь, как это практиковали халиф Омар и Геббельс, — куда эффективнее объявить существование книги ненужным... С непонятым удовлетворением мы произносим приговор гуманистической культуре: «Скоро потребность в бумажных изданиях отпадет». Аплодируем убийству книги — хотя осуждаем сожжение Александрийской библиотеки... «Сегодняшний халиф Омар говорит: если то, что есть в книгах, есть и в Интернете, то книги не нужны; а если этого в Интернете нет — тогда зачем эти книги?»¹ Посткнижный мир закономерно становится похож на мир Концентрационный, это мир, лишенный истории, памяти, а значит, и связи времен. От полноты бытия, состоящего из прошлого, настоящего и будущего (троичное, то есть совершенное время), как в Концентрационном мире, остается только то время, в котором происходят нынешние события. То есть от полноты времени сохраняется зыбкое и весьма неопределенное настоящее, главная задача которого — удержаться на тончайшей, неуловимой грани между прошедшим и наступающим временами.

В заключение необходимо сказать, что Концентрационный мир со столицей Освенцимом в европейской истории и культуре XX века стал тем местом, где с эпохи содрали кожу. И это место болит, потому что такие раны не заживают до конца никогда. Из Концентрационного мира и сегодня нельзя исключить ничего и никого. Ни тех, кто варил обеды эсэсовцам, ни тех, кто вел поезда с обреченными, ни тех, кто погибал в медицинских экспериментах, ни тем более тех, кто открывал ворота лагерей, пытал и уничтожал людей. Именно последние сделали Концентрационный мир из события бытием, то есть той жизнью,

¹ Кантор М. Слава пеплу // Новая газета. 15.02.2012. № 16.

Борис Якеменко

которая всегда с человеком, которая отбрасывает тень на его жизнь, когда бы он ни жил и где бы он ни находился.

Любые сегодняшние попытки поставить под вопрос этот феномен, переставить местами одних освободителей лагерей с другими, освобожденных и освободителей, палачей и жертв — это не только опошлять величайшую трагедию, которая не осмыслена до конца, но и лишать всех возможности этого осмысления. Поэтому, когда некоторое время назад в общественном пространстве был поставлен вопрос о подлинных освободителях Освенцима¹, это означало лишение ответственности создателей системы Абсолютного Зла. Это был не вопрос национальности освободителей. Это совсем другой вопрос: а был ли Освенцим вообще освобожден? И если сегодня спорят об этом, если общественное сознание молчит, значит, Концентрационный мир где-то здесь, рядом и просто ждет момента, когда он сможет выйти из тени на свет.

¹ Глава МИД Польши: Освенцим освобождали прежде всего украинцы.
URL: <http://vz.ru/news/2015/1/21/725459.html>.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абкович Иосиф о концлагере Освенцим-Биркенау. URL: <https://teatr.audio/abkovich-iosif-o-konclagere-osvencim-birkenau>.
2. Агнеш Х. Можно ли писать стихи после Холокоста. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/3/he26.html>.
3. Агуренко Б. Конец Собибура // Комсомолец. 18 сентября 1960 г.
4. Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014.
5. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (40—41).
6. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015.
7. Анваер С. Кровоточит моя память. (Из записок студентки-медики). М., 2005.
8. Анваер С. Незабываемое // Знамя. 1956. № 9.
9. Андриевский С. Страшная тень Собибура // Красная звезда. 13 апреля 1963 г.
10. Апокрифы древних христиан. Исследования, тексты, комментарии. М., 1989.

11. *Ардов М.* Все к лучшему. Воспоминания. Проза. М., 2006.
12. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
13. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.
14. *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М., 2014.
15. *Арендт Х.* Опыты понимания. 1930—1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018.
16. *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2014.
17. *Арендт Х.* Скрытая традиция. М., 2008.
18. *Аристов С.* Жизнь вопреки. Стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939—1945). Исследование и свидетельства. М., 2018.
19. *Аристов С.* Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017.
20. *Аристов С.В.* Женщина в концентрационном лагере Равенсбрюк: насилие и противостояние // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 31.
21. *Аристов С.В.* Равенсбрюк: специфика центрального женского концентрационного лагеря // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Вып. 2. Воронеж, 2007.
22. *Аристов С.В.* Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. 2013. Вып. 44.
23. *Аристов С.В.* Система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941—1944 гг.). М., 2022.
24. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018.
25. *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей. М., 2019.

26. *Афонасенко И.М.* Культура и реальность «Третьего рейха» (1936—1939). Социокультурные аспекты истории «Третьего рейха». М., 2007.
27. *Ахутин А.* Анкета // Наше положение. Образ настоящего. М., 2000.
28. *Баум Г.* Голокауст и политическая теология // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М., 1994.
29. *Бауман З.* Актуальность Холокоста. М., 2013.
30. *Бауман З., Донскис Л.* Моральная слепота. СПб., 2019.
31. *Башляр Г.* Психоанализ огня. М., 1993.
32. Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М., 2010.
33. *Бейер С.* Как пережившие Освенцим видят сегодняшнюю политическую ситуацию. URL: <https://inosmi.ru/social/20200124/246693117.html>.
34. *Бейтсон Г., Бейтсон М.К.* Ангелы страшатся. URL: <http://stomfaq.ru/gregori-bejtson-meri-keterin-bejtson-angeli-strashatsya/index4.html#pages>.
35. *Беньямин В.* Девять работ. М., 2019.
36. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994.
37. *Беркович Е.* Христос в Освенциме. URL: <http://callofzion.ru/pages.php?id=907>.
38. Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах. М., 2018.
39. *Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2—6.
40. *Бибихин В.* Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005.
41. *Бибихин В.* Мир. Язык философии. СПб., 2015.
42. *Биргер Т.* Завтра не наступит никогда (на завтрашнем пожарище). Воспоминания о Холокосте. СПб., 2001.

43. *Богданова С., Макарова Ю.* Герои Собибора. Фотолетопись. Иерусалим — М., 2015.
44. Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа: следствия и выводы. Материалы Второй международной научной конференции. Санкт-Петербург. 26—28 января 1998 г. URL: <http://www.vstrecha-center.ru/lib/book/read/635/#toc1>.
45. *Бойко В.Я.* После казни. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojko-vadim-yakovlevich/posle-kazni/5>.
46. Большие слова и маленькие вещи. Беседа А. Жолковского с У. Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Зима 2015/16.
47. *Бондарец В.И.* Военнопленные. Записки капитана. М., 1960.
48. *Боровский Т.* Прощание с Марией; Рассказы / Пер. с пол. под ред. С. Тонконоговой; сост. С. Ларина; предисл. Т. Древновского; ил. Б. Линке. М., 1989.
49. *Боровский Т.* У нас в Аушвице. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=243421&p=7>.
50. *Борозняк А.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.
51. *Брандхубер Ю.А.* Советские военнопленные в концентрационном лагере в Освенциме. Освенцим, 1960.
52. *Брандыс К.* Самсон // *Брандыс К.* Между войнами. Т. 1. М., 1957.
53. *Брендючков К.* Дважды рожденные. Об узниках Бухенвальда. Ярославль, 1958.
54. *Брицкий П.П.* Интернациональный характер антифашистского сопротивления в гитлеровских концентрационных лагерях (Бухенвальд, Маутхаузен, Миттельбау-Дора). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1977.

55. *Бродский Е.А.* Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии 1941—1945 гг. М., 1970.
56. *Брухер Р.* Картинки из клиники. Искусство и безумие Эгона Шиле и Гюнтера Бруса // Искусство. Венский миф. 2019. № 1 (608).
57. Бухенвальд. Документы и сообщения. М., 1962.
58. *Быков В.* Свидетельство эпохи. URL: <http://lib.ru/PROZA/VYKOW/publicsm.txt>.
59. Был вечер, и деревья качались. Беседа С. Чебанова с У. Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2018.
60. *Бэйтсон Г.* От Версаля до кибернетики. URL: <https://murzim.ru/psihologija/nlp/jekologija-razuma/13501-krizis-v-ekologii-razuma-ot-versalya-do-kibernetiki.html>.
61. *Вальтер К., Бушуев М.* В Третьем рейхе было намного больше лагерей, чем считалось до сих пор. URL: <https://www.dw.com/ru/в-третьем-рейхе-было-намного-больше-лагерей-чем-считалось-до-сих-пор/a-16659217>.
62. *Ваттимо Д.* После христианства. М., 2007.
63. *Вахман Н.* КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017.
64. *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (40—41).
65. *Вериг Х.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012.
66. *Вивьерка А.* Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим. СПб., 2001.
67. *Визель Э.* Ночь. М., 2017.
68. *Визель Э.* Почему? Интервью венгерскому журналу «168 часов». URL: <http://holocaustmuseum.kharkov.ua/didgest-e/didgest-2014/04-2014/index.html>.

69. *Викулова Л.А.* Сельскохозяйственный сектор нацистского концентрационного лагеря Аушвиц: уничтожение трудом или шанс на жизнь? // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25.
70. Военные женщины-красноармейцы в концлагере. Советские военные медики в Равенсбрюке. Музей Берлин-Карлсхорст, 2017.
71. Возмездия кары немцам-душегубам! // Сталинский удар. 22 апреля 1944 г.
72. *Волынский Л.* Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1.
73. Воспоминания бывшего узника концлагеря Саласпилс. URL: http://mywars.ru/vtoraja-mirovaja-vojna/vojna-glazami-ochevidcev/iz_vospominanij_bivshego_uznika_konclagerya.html.
74. Восстание в лагере смерти // Знамя победы. Газета Северной группы войск. 3 февраля 1962 г.
75. Встреча: Мераб Мамардашвили — Луи Альтюссер. М., 2016.
76. *Вятский А.* Через двадцать лет... // За Родину. Газета Приволжского военного округа. № 28. 30 августа 1963 г.
77. *Гаккель Сергей, прот.* Мать Мария. М., 1993.
78. *Гитлер А.* Mein Kampf. М., 2002.
79. *Гоби В.* Детская комната. Харьков — Белгород, 2016.
80. *Гоголь Н.В.* Сочинения. М., 1996.
81. *Голоса.* Воспоминания узниц гитлеровских лагерей. М., 1994.
82. *Голубков С.* В фашистском концлагере. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958.
83. *Горбатов Б.* Лагерь на Майданеке // Правда. № 192. 11 августа 1944 г.

84. *Горичева Т.* О священном безумии. Христианство в современном мире. СПб., 2015.
85. Господи, где же ты был? Немецкий священник ищет ответы на самые трудные вопросы. URL: <https://rg.ru/2013/02/13/sviashennik.html>.
86. *Градовский З.* В сердцевине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2011.
87. *Гроссман В.* Треблинский ад. М., 1945.
88. *Гулей А.* «В лагере меня из человека превратили в чучело номер 61369 — вот кем я была». URL: <http://fakty.ua/212161-uznica-osvencima-anastasii-gulej-v-lagere-menya-iz-cheloveka-prevratili-v-chuchelo-nomer-61369---vot-kem-ya-tam-byla>.
89. *Гусейнов Г.* Я вижу этого человека. Беседа с У. Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017.
90. *Давыденков О., прот.* Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/11.
91. *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963.
92. *Дворниченко О.* Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017.
93. *Девятаев М.* Побег из ада. На самолете врага из немецко-фашистского плена. М., 2018.
94. *Делез Ж.* О смерти человека и сверхчеловеке. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/>.
95. Дитя Холокоста. URL: <https://jewish.ru/ru/people/society/191571/>.
96. Докладная записка военного корреспондента газеты «Правда» подполковника Б. Полевого начальнику политуправления 1-го Украинского фронта о лагере Освенцим от

- 29 января 1945 года. URL: https://stat.mil.ru/winner_may/parad/his_docs/more.htm?id=20176@cmsPhotoGallery.
97. *Доллар М.* Голос и ничего больше. СПб., 2018.
98. *Дольто Ф.* Говорить о смерти // Отечественные записки. Т. 5 (56). 2013.
99. *Друзенко Л., Томин В.* Конец Собибура // Комсомольская правда. 12 января 1962 г.
100. *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным // Исследования новейшей русской истории. Т. 11. Париж, 1994.
101. *Дудок О.* На заключенных немцы «выращивали» вшей для каких-то опытов. URL: <https://fakty.ua/194487-byvshij-uznik-osvencima-89-letnij-onufrij-dudok-na-zaklyuchennyh-bukvalno-visel-sloj-vshej-kotoryh-nemcy-vyracshivali-dlya-kakih-to-opytov>.
102. *Дюпуи Ж.-П.* Малая метафизика цунами. СПб., 2019.
103. *Живульская К.* Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.
104. *Жижек С.* Чума фантазий. Харьков, 2017.
105. Жизнь человека перед лицом смерти. Материалы Российско-австрийской богословской конференции. 24—25 октября 2003 г. Москва. М., 2006.
106. *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М., 2019.
107. *Жуандо М.* Размышления о старости и смерти. Б. м., 2019.
108. За гранью понимания. Философы и богословы о Холокосте. Киев, 2009.
109. *Зебальд В.* Естественная история разрушения. М., 2015.
110. *Злобин С.* Пропавшие без вести. М., 1962.
111. Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016.

112. Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Аушвиц Лисачук О.К. // Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев — возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания и интервью. Воронеж, 2010.
113. *Иосилевич А.* Победили смерть. Записки бывшего узника гитлеровского концлагеря. Харьков, 1964.
114. История солдата — освободителя Освенцима. URL: https://pikabu.ru/story/neizvestnyiy_osventsim_o_chem_uzniki_lagerya_smerti_molchali_70_let_399599.
115. *Итурбе А.* Хранительница книг из Аушвица. М., 2020.
116. *Лессер Йонас.* Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии 1933—1945. http://www.xliby.ru/istorija/tretii_reih_simvoly_zlodeistva_istorija_nacizma_v_germanii_1933_1945/p19.php.
117. *Каверин В., Антокольский П.* Восстание в Собибуре // Знамя. 1945. № 4.
118. Казематами смерти. Сборник. М., 1996.
119. *Камю А.* Бунтующий человек. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=132473&p=34>.
120. *Канетти Э.* Гитлер по Шпееру. М., 2015.
121. *Кант И.* Конец всего сущего. М., 1980.
122. *Кантор М.* Медленные челюсти демократии. М., 2008.
123. *Кантор М.* Слава пеплу // Новая газета. № 16. 15 февраля 2012 г.
124. *Касьянова А.С.* Помни имя свое (воспоминания узницы концлагеря Освенцим). URL: <http://slavhistory.ru/article/read/pomni-imja-svoe--vospomnaniya-uznicy-konclagerja-osvencim.html>.
125. *Катлевски Г.-П.* Богословие после Освенцима. URL: <http://www.dw.com/ru/богословие-после-освенцима/a-1481370>.

126. *Келлерхоф С.* Почему критическое осмысление Холокоста провалилось в Германии. URL: <https://inosmi.ru/social/20160510/236458727.html>.
127. *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. М. — СПб., 1998.
128. *Кёниг Х.* Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>.
129. *Кертес И.* Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=25>.
130. *Кертес И.* Кадиш по нерожденному ребенку / Пер. Ю. Гусева. М., 2003.
131. *Кертес И.* Самоликвидация / Пер. Ю. Гусева. М., 2005.
132. *Кертес И.* Холокост как культура. <http://pergam-club.ru/book/6045>.
133. *Кертес И.* Эврика. Стокгольмская речь. <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/5/ker.html>.
134. *Клейн Л.С.* Первый век. Сокровища сарматских курганов. СПб., 2016.
135. *Клин Б.* «Концлагерь мы нашли случайно...» Интервью с Василием Громадским. URL: <https://iz.ru/news/298990>.
136. Клога. Чудовищные злодеяния гитлеровских захватчиков в концентрационном лагере у станции Клога Эстонской ССР. Л., 1944.
137. *Ковч Е.* Письмо священника из концлагеря. 1942 г. URL: <https://isralike.org/2017/04/24/емельян-ковч-письмо-священника-из-конц/>.
138. *Колхас Р.* Дирижер мышления. Беседа с Улдисом Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Лето 2013.
139. Комендант Освенцима. Автобиографические записки Рудольфа Гесса. URL: http://samlib.ru/c/chizhow_j/newhoess.shtml#308.

140. *Конопатченков А.В.* Концлагерь Маутхаузен. 1938–1945. М., 2015.
141. Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau). Составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957.
142. *Корнева Л.Н.* Зловещий лик нацистского Януса: историки ФРГ о системе нацистских лагерей // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 8.
143. *Коуэн Д.М.* Я выжил в Холокосте. М., 2016.
144. *Кракауэр Э.* От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино. М., 1977.
145. *Красильщик С., Александров Р.* Фабрика смерти в Собибуре // Сокол Родины. Газета 6-й воздушной армии. 16, 19 августа 1944 г.
146. *Краснова О.В.* Социальная психология. М., 2002.
147. *Краус О., Кулка Э.* Фабрика смерти. М., 1960.
148. *Кривошеина К.* Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая. URL: <http://mere-marie.com/creation/beauty-saving/>.
149. *Кристи Н.* Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. СПб., 2017.
150. «Кровли бараков смазывали человеческим жиром». Бухенвальд как лагерь смерти. URL: <https://easily.com/ru/news/2020/04/12/krovli-barakov-smazyvali-chelovecheskim-zhirom-buhenvald-kak-lager-smerti>.
151. Кровь 1 500 000 убитых на Майданеке вопиет о мщении! // Известия. № 221. 16 сентября 1944 г.
152. *Кудрин Е.И.* Надзирательницы национал-социалистических концентрационных лагерей: социально-антропологическое измерение. Дисс. на соиск. уч. степ. к. и. н. Екатеринбург., 2016
153. *Кузнецов А.* Бабий Яр. Роман-документ. М., 2015.

154. *Кунц К.* Совесть нацистов. М., 2007.
155. Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев — возможности и пределы совместных воспоминаний. Материалы конференции, воспоминания, интервью. Воронеж, 2010.
156. *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004.
157. *Лакер Т.* Преданные террору. URL: <http://gefter.ru/archive/18862>.
158. *Ланг Й.* Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле. М., 2007.
159. *Лангенхайм Х.* Поля смерти. Места уничтожения людей в войне против Советского Союза. Музей Берлин-Карлсхорст, 1998.
160. *Ланцман К.* Шоа. М., 2010.
161. *Лебедев А.* Солдаты малой войны. (Записки освенцимского узника). М., 1960.
162. *Лев М.* Длинные тени. М., 1989.
163. *Леви Г.* Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019.
164. *Леви П.* Канувшие и спасенные. М., 2010.
165. *Леви П.* Передышка. М., 2011.
166. *Леви П.* Периодическая система. М., 2008.
167. *Леви П.* Человек ли это? М., 2011.
168. *Левин А.* Семья. URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer4/ArLevin1.php>.
169. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.
170. *Левинский Д.* Мы из сорок первого. URL: <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vospominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-1.html>.

171. *Лёзина Е.* Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения № 3 (109). Июль — сентябрь 2011.
172. *Лезов С.* Христианство после Освенцима // Октябрь 1990. № 10. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/lezov.htm>.
173. *Лем С.* Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.
174. *Лемешук Н.М.* Антифашистское подполье в концентрационных лагерях в годы Второй мировой войны. Автореф. дисс. к. и. н. Киев, 1968.
175. *Лессер Й.* Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933—1945. URL: http://www.xliby.ru/istorija/tretii_reih_simvoly_zlodeistva_istorija_nacizma_v_germanii_1933_1945/p19.php.
176. *Лехциер В.* Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. М., 2018.
177. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб., 1995.
178. *Логунов В.* В застенках Бухенвальда. Рязань, 1961.
179. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя. М., 2008.
180. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
181. Люди огня: польский историк раскрыл воронежцам тайны зондеркоманды в лагере смерти. URL: <https://gorcom36.ru/content/lyudi-ognya-polskiy-istorik-raskryl-voronezhtsam-tayny-zonderkomandy-v-lagere-smerti/>.
182. Майданек. Сборник материалов и документов. М., 2020.
183. *Макарова Л.М.* Идеология германского национал-социализма: Социально-политический анализ. Дисс. на соиск. уч. степ. д. и. н. Казань, 2005.
184. *Макарова Л.М.* Идеология нацизма. Сыктывкар, 2005.
185. *Макарова Л.М.* Имидж нацистского концлагеря в художественном творчестве бывших заключенных URL: <http://www.culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=368>.

186. *Макарова Л.М.* Концентрационный лагерь и идеология нацизма // Непобедимая сила слабых. Воронеж, 2008.
187. *Макарова Л.М.* Смерть в мировоззрении национал-социализма // Смерть как феномен культуры. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994.
188. *Макарова Л.М.* Человек за колючей проволокой (личность в условиях нацистских концлагерей) // Мир за колючей проволокой: лагерь как атрибут тоталитарного режима. Материалы российско-германского семинара. Воронеж, 2002.
189. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. М., 2018.
190. *Мамардашвили М., Пятигорский А.* Символ и сознание. М., 2009.
191. *Манеман Ю.* Движение к анамнестической культуре: о теологии после Освенцима и ГУЛАГа. Политико-теологический подход. URL: <http://www.jcrelations.net/.2634.0.html>.
192. *Манфред Дезелерс, священник.* «И вас никогда не мучила совесть?» Биография Рудольфа Хёсса, коменданта Освенцима, и вопрос его ответственности перед Богом и людьми. М., 2022.
193. *Маркин Ю.П.* Искусство Третьего рейха. М., 2008.
194. *Масленников Н.* Смерть победившие. Ставрополь, 1974.
195. *Мельник А.* Мы не пропали без вести. Хабаровск, 1960.
196. *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933—1945. М., 1987.
197. *Милецкий Я.* Лагерь смерти // Красная звезда. № 134. 7 июня 1944 г.
198. *Моссе Д.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2003.
199. Мщение и смерть гитлеровским мерзавцам! // Красная звезда. № 302. 23 декабря 1944 г.

200. *Мюллер Ш.* Слесарная команда Равенсбрюка. Воспоминания заключенной № 10787. М., 1985.
201. *Мюнклер Г.* Осколки войны. Эволюция насилия в XX–XXI веках. М., 2018.
202. *Нагорски Э.* Охотники за нацистами. М., 2017.
203. *Никифорова А.* Это не должно повториться. М. — СПб., 2017.
204. *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012.
205. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
206. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 1997.
207. *Нойманн Ф.Л.* Бегемот. Структура и практика национал-социализма. СПб., 2015.
208. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1987–1991.
209. О чем говорит Люблинский лагерь уничтожения // Красная звезда. № 191. 12 августа 1944 г.
210. «Образ врага» в германской военной пропаганде. Новочеркасск, 2007.
211. Общая трагедия. Блокада. Холокост. М., 2009.
212. *Окуджава Б.* Девушка моей мечты. Автобиографические повествования. М., 1988.
213. Освенцим в глазах СС. Гесс. Брод. Кремер. Государственный музей в Освенциме, 1975.
214. Освенцим освобождали прежде всего украинцы. URL: <http://vz.ru/news/2015/1/21/725459.html>.
215. Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978.
216. Освенцим. Условия жизни. URL: <https://urokiistorii.ru/article/888>.

217. Освенцим: палачи и миллионы жертв. Интервью научного сотрудника Центрального архива ФСБ России Владимира Макарова. URL: <https://www.interfax.ru/russia/120350>.
218. Остарбайтеры. Эпизод второй. <https://urokiistorii.ru/article/55315>.
219. *Остен В.* Встань над болью своей. Мемуары без вести пропавшего. Рассказы узника Маутхаузена. М., 1989.
220. Ощущающие себя молодыми люди умирают реже. URL: <https://www.medikforum.ru/beauty/37171-oschus chayuschie-sebya-molodymi-lyudi-umirayut-rezhe.html>.
221. *Печерский А.* Борьба в оковах // Знамя победы. Газета Северной группы войск. 12 января 1963 г.
222. *Печерский А.* Восстание в Собибуровском лагере. Ростов-на-Дону, 1945.
223. *Пиляр Ю.* Люди остаются людьми. М., 1964.
224. *Пирогов А.* Этого забыть нельзя. Воспоминания бывшего военнопленного / Лит. запись А. Ключкина; худ. оформление В. Логинова и С. Розанова — бывших узников Маутхаузена. Одесса, 1961.
225. *Пленков О.Ю.* Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб., 2019.
226. Пленники немецких концлагерей // Красная звезда. 13 декабря 1942 г.
227. *Погожев А.А., Стенькин П.А.* Побег из Освенцима. Остаться в живых. М., 2005.
228. «Подожди, подожди! Не могу. Не могу!» Интервью У. Эко А. Ритупсу // Rigas Laiks. Русское издание. Лето 2016.
229. *Подорога В.* Время после. Освенцим и Гулаг. Мыслить абсолютное зло. М., 2013.
230. Покой убийством. Беседа Р. Жирара с А. Ритупсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017.

231. *Полевой Б.* В конце концов. Нюрнбергские дневники. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/polevoy3/02.html>.
232. *Полевой Б.* Комбинат смерти в Освенциме // Правда. № 28. 2 февраля 1945 г.
233. *Полевой Б.* Я вспомнил дымы Освенцима. URL: <https://nuremberg.media/ochevidcy/20210415/153392/Ya-vspomnil-dymy-Osventsima.html>.
234. *Поливин Г.* Это было в Бухенвальде. Томск, 1960.
235. *Полищук М.* Взывая из бездны. De profundis clamat. М., 2017.
236. *Полян П.* «Если только буду жив». 12 дневников военных лет. СПб., 2021.
237. *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
238. *Полян П.* Жизнь и смерть в Аушвицком аду. Центральные документы Холокоста. М., 2018.
239. *Полян П.* Между Аушвицем и Бабым Яром. Размышления и исследования о катастрофе. М., 2010.
240. *Помни Майданек, воин Красной армии* // Красная звезда. № 221. 16 сентября 1944 г.
241. *Посмыш С.* Пассажирика. URL: https://royallib.com/read/posmish_zofya/passagirka.html#0.
242. *Придонов М.* Я гражданин. Тула, 2007.
243. Ранние мученичества. Переводы, исследования, комментарии. СПб., 2017.
244. *Ранопорт А.* Дневник лейтенанта Пехорского. М., 2018.
245. *Раннапорт А.* Архитектурная пропедевтика: язык архитектуры. URL: <http://papardes.blogspot.com/2015/09/3.html>.
246. Расследование немецких зверств в Освенциме // Красная звезда. № 81. 6 апреля 1945 г.

- 247. *Рашке Р.* Побег из Собибора. М., 2010.
- 248. *Ревзин Г.* Как устроен город. М., 2019.
- 249. *Риккарди А.* Век мученичества. Христиане двадцатого столетия. М., 2018.
- 250. *Рис Л.* Жизнь охранника Освенцима. URL: <https://inosmi.ru/world/20150715/229103836.html>.
- 251. *Рис Л.* Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2017.
- 252. *Рис Л.* Холокост. Новая история. М., 2018.
- 253. *Розанов Г.Л.* Конец «третьего рейха». М., 1985.
- 254. *Розенбаум Р.* Тайна Эли Визеля. URL: <https://lechaim.ru/events/tajna-eli-vizelya/>.
- 255. *Рольникайте М.* Я должна рассказать. Екатеринбург, 2012.
- 256. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.
- 257. *Рудницкий Е.* Музыка и музыканты Третьего рейха. М., 2016.
- 258. *Ружичкова З., Холден В.* Сто чудес. М., 2019.
- 259. *Савчук В.* Кровь и культура. СПб., 2020.
- 260. *Салецл Р.* О страхе. М., 2014.
- 261. *Сафина А.* Узница Освенцима. URL: http://www.hrono.info/text/2005/safina05_05.html.
- 262. *Сахаров В.* В застенках Маутхаузена. Симферополь, 1959.
- 263. *Сванидзе Н., Васильев И.* Собибор. Возвращение подвига Александра Печерского. М., 2018.
- 264. *Сегев Т.* Симон Визенталь. Жизнь и легенды. М., 2014.
- 265. *Седакова О.* Вещество человечности. Интервью 1990—2018 гг. М., 2019.
- 266. *Седакова О.* Думать о выходе // Тоталитаризм. Причины, последствия, возможности преодоления. По материалам

- серии конференций кафедры философии и гуманитарных дисциплин СФИ. 2014—2015 гг. М., 2019.
267. *Семиряга М.И.* Интернациональная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма (1939–1945 гг.). Автореф. дисс. ... д. и. н. Киев., 1962.
268. *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. URL: <https://www.istmira.ru/istvtmir/tyuremnaya-imperiya-nacizma-i-ee-krah/page/46/>.
269. *Симкин Л.* Собибор. Послесловие. М., 2019.
270. *Симонов К.М.* Лагерь уничтожения. М., 1944.
271. *Смирнов С.* Последний бой смертников. URL: <https://history.wikireading.ru/114654>.
272. Собибор. Взгляд по обе стороны колючей проволоки. М., 2019.
273. Собибор. Хроника восстания в лагере смерти. М., 2018.
274. Соединенные Штаты Европы. Самая важная из послевоенных речей Черчилля, произнесенная им 19 сентября 1946 года в Цюрихском университете, Швейцария. <https://churchill.pw/soedinennye-shtaty-evropy.html>
275. *Солженицын А.* Один день Ивана Денисовича. М., 1961.
276. *Сонтаг С.* Под знаком Сатурна. М., 2019.
277. *Сонтаг С.* Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964—1980. М., 2014.
278. *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/07.php.
279. *Суковатая В.* «Философия после Аушвица»: рефлексии военного насилия // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 2.

280. *Темкин М.* Воспоминания узника нацистских концлагерей. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/text.html.
281. *Тиллих П.* Что помогает ослабить чувство тревоги в нашей культуре // Человек и социокультурная среда. М., 1992.
282. *Ткачева Т.* Студенты нашли архив немецкого концлагеря // Российская газета. 14 декабря 2011 г.
283. *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича. М., 1967.
284. *Томин В., Синельников А.* Возвращение нежелательно. М., 1964.
285. Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы. М., 2021.
286. *Туз А.* Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018.
287. Узник Освенцима № 148568: Болеть было нельзя — сразу отправляли в крематорий. URL: https://echo.msk.ru/blog/v_radionov/2047010-echo/.
288. *Факенхайм Э.* О христианстве после Голокауста // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М., 1994.
289. Фашистский лагерь смерти в Бергене // Красная звезда. 5 августа 1942 г.
290. Фирма-производитель газа «Циклон-Б» отстранена от участия в возведении памятника жертвам Холокоста. URL: <https://www.newsru.com/world/27oct2003/nogas.html>.
291. *Флоренский П.* Имена. М., 2001.
292. *Флоренский П.* Священное переименование. Изменение имен как внешний признак перемен в религиозном сознании. М., 2006.

293. *Фокин С.* Варлам Шаламов и Робер Антельм: на скрещенье гуманизма // Понятие гуманизма: русский и французский опыт. М., 2006.
294. *Франкл В.* Воспоминания. М., 2016.
295. *Франкл В.* Сказать жизни «Да». М., 2015.
296. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. URL: <https://1001.ru/books/item/chelovek-v-poiskah-smysla-65/3981>.
297. *Фрезар Ж.-Ж.* От экспериментов Милгрэма до полей сражения: к пониманию поведения комбатантов // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей (март, сентябрь). 2004.
298. *Фрид Н.* Картотека живых. URL: <http://militera.lib.ru/prose/foreign/frid/pre.html>.
299. *Фритц М.* Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/fritz_m/index.html.
300. *Фритц М., Юрза Г.* Да здравствует жизнь! URL: http://militera.lib.ru/memo/other/fritz_m/index.html.
301. *Хайдарова Г.Р.* Феномен боли в культуре. СПб., 2013.
302. *Халемский Н., Васильев П.* Массовая «Душегубка» // Сталинский удар. 23 марта 1944 г.
303. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Не-прикосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
304. *Хейфец Н.* Воспоминания узника Освенцима и Дахау. URL: https://snob.ru/selected/entry/124040#comment_858192.
305. *Холден В.* Дети лагерей смерти. Рожденные выжить. URL: <https://topreading.ru/bookread/25824-vendi-xolden-deti-lagerei-smerti-rozhdennye-vyzhit/page-43>.
306. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. М., 1998.
307. *Хорошунова И.* Дневник киевлянки. URL: <https://gordonua.com/specprojects/khoroshunova2.html>.

Борис Якеменко

- 308. *Хэзер Макадем*. Их было 999 в первом поезде в Аушвиц. М., 2022.
- 309. Цайтхайн. Книга памяти советских военнопленных. Лагерь военнопленных Цайтхайн — от «лагеря русских» к мемориалу. Минск — Дрезден, 2006.
- 310. *Цирульницкий М.* Двадцать шесть месяцев в Освенциме. URL: <http://jhistory.nfurman.com/shoa/grossman019.htm>.
- 311. *Цуркан Ю.* В сердцевице ада. М., 2017.
- 312. *Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение; *Лугин И.А.* Полглотка свободы. Серия «Наше недавнее». Вып. 6. Париж, 1987.
- 313. Чудовищные преступления германского правительства в Освенциме // Правда. № 109. 7 мая 1945 г.
- 314. *Чуханов И.* Не забудьте о нас. Киев, 2004.
- 315. *Шаховская А.* Я прошла Освенцим. Иерусалим — М., 2015.
- 316. *Шкаровский М.* Холокост и православная церковь. М., 2016.
- 317. *Шлосс Е.* После Аушвица. М., 2019.
- 318. *Шмаглевская С.* Дым над Биркенау / Предисл. С. Смирнова; пер. Э. Василевской. М., 1970.
- 319. *Шмаглевская С.* Невинные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988.
- 320. *Шмаина-Великанова А.* О новых мучениках // Наше положение. Образ настоящего. М., 2000.
- 321. *Шнеер А.* Профессия — смерть. Учебный лагерь СС «Травники». Преступления и возмездие. М., 2015.
- 322. *Шолохов М.* Судьба человека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=342&p=5>.
- 323. *Эгер Э.Е.* Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М., 2020.

324. *Эйхенбаум Б.* Нужна критика // Жизнь искусства. 22 января 1924.
325. *Экхаут Л. ван.* Это было в Дахау. М., 1976.
326. *Экхаут Л. ван.* Молчать нельзя. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=31360&p=1>.
327. *Экхаут Л. ван.* Это было в Дахау. URL: https://e-reading.mobi/chapter.php/150936/9/Van_Ekhaut_-_Eto_bylo_v_Dahau.html.
328. *Элен П.* Освенцим и теология // Вопросы философии. 2001. № 4.
329. *Элиах Я.* Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. М. — Иерусалим, 2005.
330. *Эминов Е.* Смерть не самое страшное. М., 2021.
331. *Эренбург И.Г., Алигер (Зейлигер) М.И., Гроссман В.С.* Черная книга. М., 2015.
332. *Эткинд А.* Кривое горе. Память о непогребенных. М., 2016.
333. Язык концлагеря. 44 слова. URL: <http://tastorona.su/articles/11>.
334. *Якеменко Б.* «Концентрационный мир». Феномен Освенцима в истории послевоенной Европы // Россия завтра. 2016. № 2.
335. *Якеменко Б.* Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2020. № 1.
336. *Якеменко Б.* Концентрационный мир нацистской Германии: проблемы генезиса и особенности системы // Вопросы истории. 2020. № 3.
337. *Якеменко Б.* Коронавирус как религиозный феномен // Сборник статей к 50-летию создания кафедры истории России Российского университета дружбы народов. М., 2021.

Борис Якеменко

338. *Якеменко Б.* Насилие и боль в системе «Концентрационного мира» нацистской Германии // Вопросы истории. 2021. № 5.
339. *Якеменко Б.* Освобождение без свободы: узники нацистских концентрационных лагерей в послевоенной Европе и проблема возмездия // Новая и новейшая история. 2020. № 1.
340. *Якеменко Б., Воронин С.* Феномен «мусульманина» в странстве нацистского концентрационного лагеря // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. № 3 (на английском языке).
341. *Ямпольская А.* Эмманюэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011.
342. *Ямпольский М.* Меморизация Холокоста как памятник субъективности // Конференция «Неофициальная меморизация травматического опыта» («Международный Мемориал», 5–6 апреля 2013 года). URL: <http://gefter.ru/archive/8508>.
343. *Янкелевич В.* Смерть. М., 1999.
344. *Ясперс К.* Вопрос о виновности. М., 1999.
345. *Accadia D.* La lingua nei campi nazisti della morte // I sentieri della ricerca. Rivista di storia contemporanea, 9–10, Edizioni centro studi «Piero Ginocci» Crodo, 2009.
346. *Adorno Th. W.* Education after Auschwitz // Critical Models: Interventions and Catchwords. Translated and with a preface by H. W. Pickford. New York: Columbia UP, 1998.
347. *Améry J.* Hand an sich legen. Diskurs uber den Freitod. Stuttgart, 1976.
348. *Améry J.* Über das Altern. Revolte und Resignation. Klett-Cotta Neue Auflage. Stuttgart, 2010.
349. *Antelme R.* L'Espèce humaine. Paris: Robert Marin, 1947.

350. *Askenasy H.* Are We All Nazis? Published by Stuart (Lyle) Inc., U.S., 1978.
351. Auschwitz. Camp de concentration et d'extermination. Centre de Documentation Juive Contemporaine, 2016.
352. *Becker M., Bock D.* «Muselmänner» und Häftlingsgesellschaften. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager // Planert, Ute/ Süß, Dietmar/Woyke, Meik (Hrsg.) Sterben, Töten, Gedenken. Zur Sozialgeschichte des Todes. Bonn: J. H. W. Dietz Nachf. 2015.
353. *Bernbeck R., Pollock S.* «Archäologie der Nazi-Zei» Diskussionen und Themen. // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2.
354. *Berning C.* Vom «Abstammungsnachweis» zum «Zuchtwart». Vokabular des Nationalsozialismus. Mit einem Vorwort von Werner Betz. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1998.
355. *Bettelheim B.* Individual and Mass Behavior in Extreme Situations // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. No. 38.
356. *Bloch H.A.* Personality of Inmates of Concentration Camps // American Journal of Sociology. 1947. No. 52 (4)
357. *Bluhm H.* How did they survive? Mechanism of Defence in Nazi Concentration Camps // American Journal of Psychotherapy. 1999. Vol. 53. No. 1.
358. *Bondy C.* Problems of Internment Camps // The Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 38 (4). Oct 1943.
359. *Borowski T.* Krotka Przedmowa // Utwory wybrane. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1991.
360. *Browning Ch. R.* Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York, 1992.
361. *Brückner W.* «Arbeit macht frei» Herkunft und Hintergrund der KZ-Devise. Leske + Budrich Verlag Opladen, 1998.

- 362. Buchenwald ostracism and violence 1937 to 1945. Guide to the permanent exhibition at the Buchenwald memorial. Gottingen, 2017.
- 363. Bylismy w Oswiecimiu. 6643 Janusz Nel Siedlecki, 75817 Krysytn Olszewski, 119198 Tadeusz Borowski. (Girs Anatol) Verlag: Oficyna Warszawska na Obczyźnie, Munich, 1946.
- 364. *Chiapponi D.* La lingua nei lager nazisti. Carocci editore, 2004.
- 365. *Clendinnen I.* Reading the Holocaust. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- 366. *Colls S.* Holocaust Archaeology: Archaeological Approaches to Landscapes of Nazi Genocide and Persecution. Journal of Conflict Archaeology 7(2), 2012
- 367. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager — Entwicklung und Struktur. 2. Bd. Göttingen: 1998, 1192 s.; *Herbert U., Orth K., Dieckmann Ch.* Das nationalsozialistische Lager. Geschichte, Erinnerung, Forschung / Hrsg. Herbert U. u.a.
- 368. *Diner D.* Beyond the Conceivable: Studies on Germany, Nazism and Holocaust. Berkley: University of California Press, 2000.
- 369. *Doerr K.* Words of Fear, Fear of Words: Language Memories of Holocaust Survivors. Explorations in Anthropology. Vol. 9. No. 1. February, 2009.
- 370. *Fackenheim E.* To Mend the World: Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought. New York: Schocken Books, 1982.
- 371. *Faulkner Rossi L.* Wehrmacht Priests: Catholicism and the Nazi War of Annihilation. Published by Harvard University Press, 2015.
- 372. *Federn E.* Terror as a System. Concentration Camp (Buchenwald as it was) // Psychiatric Quarterly Supplements. 1948. No. 22.

373. *Federn E.* Witnessing psychoanalysis. From Vienna back to Vienna via Buchenwald and the USA. London: Karnac Books, 1990.
374. *Felix L. Sparks.* Dachau and its liberation. URL: <http://45thinfantrydivision.com/index14.htm>.
375. *Felman S., Laub D.* Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History. Ney York; London, Routledge. 1992.
376. *Fiasco* by Imre Kertész — review. Nicholas Lezard enjoys a comedy of errors. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jun/02/fiasco-imre-kertesz-review>.
377. *Freund F. and Pawlowsky V. (eds.), Barta D.* Tagebuch aus dem KZ Ebensee. Vienna, 2005.
378. *Gluck Wood A.* Holocaust. The events and their impact of real people. Great Britain, 2007.
379. *Hutman B.* Nazis never made human-fat soap. The Jerusalem Post. International Edition. May 5. 1990.
380. Interpreting in Nazi Concentration Camps. Edited by Michaela Wolf. With an essay by Primo Levi. Bloomsbury Academic. An imprint of Bloomsbury Publishing Inc. 2016.
381. *Jankélévitch V.* Should We Pardon Them? Translated by A. Hobart // Critical Inquiry 22. 1996. No. 3.
382. K. L. Buchenwald, Post Weimar. Buchenwald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation, 2006.
383. *Kautsky B.* Teufel und Verdammte. Erfahrungen und Erkenntnisse aus sieben Jahren in deutschen Konzentrationslagern. Zürich: Büchergilde Gutenberg, 1946.
384. *Kępiński A.* Refleksje oświęcimskie: rampa. Psychopatologia decyzji. Przegląd Lekarski — Oświęcim. 1968. No. 1.
385. *Kertesz I.* Fiasco. Melville House, 2013.
386. *Kertesz I.* Galley Boat-log (Galyanaplo): Excerpts // Imre Kertesz and Holocaust Literature. Eds. Vasvari, Louise O.

- and Stephen Totosy de Zepetnek. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2005.
387. *Keys A., Brozek J., Henschel A., Miskelsen O., Taylor H.L.* The Biology of Human Starvation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1950.
388. *Klüger R.* Still Alive. New York: Feminist Press, 2001.
389. *Kogon E.* The theory and practice of hell. The german concentration camp and the system behind them. New York, 2006.
390. *Körte M.* Stummer Zeuge. Der «Muselmann» in Erinnerung und Erzählung // Silke Segler-Messer (Hrsg.): Vom Zeugnis zur Fiktion. Repräsentation von Lagerwirklichkeit und Shoah in der französischen Literatur nach 1945. Frankfurt am Main, 2006.
391. *Langbein H.* Die Stärkeren. Ein Bericht. Stern-Verlag, Wien, 1949.
392. *Langbein H.* People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005.
393. *Langer L.L.* Holocaust Testimonies: the Ruins of Memory. New Haven. London. Yale University Press, 1991.
394. *Legerer A.* Preparing the Ground for Constitutionalization through Reconciliation Work // German Law Journal. Vol. 06. No. 02. February 2005.
395. *Levi P.* Auschwitz testimonies. With Leonardo de Benedetti. 1945—1986. Polity press, 2018.
396. *Levi P.* Survival in Auschwitz and the Reawakening: Two Memoirs. Summit Books, New York, 1986.
397. *Levi P.* The black hole of Auschwitz. Cambridge, 2016.
398. *Levy D., Szneider N.* Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1).

399. *Lipman S.* Laughter in Hell: Use of Humor During the Holocaust. Tel-Aviv, 1991.
400. *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1949.
401. *Milgram S.* Behavioural Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67. No. 4.
402. *Milgram S.* Obedience to Authority: an experimental view. London, 1974
403. *Morch G. (ed).* The Concentration Camp SS 1936–1945. Excesses and Direct Perpetrators in Sachsenhausen Concentration Camp. An exhibition at the historical site. Berlin, 2016.
404. *Morch G. Ohm A. (eds).* The Administrative Centre of the Concentration Camp terror. The Concentration Camp Inspectorate 1934–1945. An exhibition at the historical site. Berlin, 2015.
405. *Morch G. and Ley A. (ed).* Sachsenhausen Concentration Camp 1936–1945. Events and Developments. Berlin, 2016.
406. *Mozes Kor E.* Forgiving Dr. Mengele URL: <https://www.plough.com/en/topics/life/forgiveness/forgiving-dr-mengele>.
407. *Mozes Kor E.* If I met Mengele now, I'd forgive what he did to me. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jan/09/secondworldwar.theobserver>.
408. *Neander J.* «Symbolically burying the six million»: post-war soap burial in Romania, Bulgaria and Brazil // Human Remains and Violence. 2016. 2 (1).
409. *Neurath P.* The Society of Terror: Inside the Dachau and Buchenwald Concentration Camps. Edited by Nico Stehr and Christian Fleck. Paradigm Publishers, 2005.
410. *Nora P.* Realms of Memory: Rethinking the French Past. New York: Columbia University Press, 1996.
411. *Nussbächer A.* Ich bin zum Leben verurteilt. URL: <https://www.fr.de/politik/ich-leben-verurteilt-10987053.html>.

412. *Ostrower Ch.* It kept us alive. Humor in the Holocaust. Jerusalem, 2014.
413. *Patterson D.* Open wounds: The Crisis of Jewish Thoughts in the Aftermath of the Holocaust. Seattle. University of Washington Press, 2006.
414. *Paul B. Jackot.* Architecture of the Holocaust URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/20170502-Jaskot_OP.pdf.
415. *Pawelczyńska A.* Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis, trans. Catherine S. Leach, Berkeley: University of California Press, 1980.
416. *Pitzer A.* One long night. A global history of concentration camps. New York — Boston — London, 2017.
417. *Porat D.* The Fall of a Sparrow: The Life and Times of Abba Kovner. Stanford Scholarship, 2009.
418. *Posmysz Z.* Znam katów z Belsen. Głos Ludu. 30.09.1945
419. *Riedl M.* A Collective Messiah: Joachim of Fiore's Constitution of Future Society. URL: https://www.revistamirabilia.com/sites/default/files/pdfs/2012_01_03.pdf.
420. *Rousset D.* The Other Kingdom. New York: Reynal and Hitchcock, 1947.
421. *Ryn Z., Klodzinski S.* An der Grenze zwischen Leben und Tod. Ein Studie über die Erscheinung des «Muselmann» in Konzentrationslager // Auschwitz-Hefte. Vol. 1. Weinheim & Basel: Beltz, 1987.
422. *Scarry E.* The Body in pain: The Making and Unmaking of the World. New York: Oxford University Press, 1985.
423. *Seidel-Sloty I.* Sprachwandel im Dritten Reich: Eine kritische Untersuchung faschistischer Einflüsse. Halle: Sprache und Literatur, 1961.
424. *Simon M.* Das Wort Muselmann in der Sprache der deutschen Konzentrationslager // Julius H. Schoeps (Hrsg.): Aus zweier Zeugen Mund. Gerlingen, 1992.

425. *Stahl Ch.* Sehnsucht Brot: Essen und Hungern im KZ-Lagersystem Mauthausen. Edition Mauthausen, 2010.
426. *Stangneth B.* Eichmann vor Jerusalem — Das unbehelligte Leben eines Massenmörders. Arche Verlag, Hamburg, 2011
427. *Sternberger D., Storz G., Süskind W.E.* Aus dem Wörterbuch des Unmenschen. Hamburg: Claassen, 1957.
428. *Szmaglewska S.* Dymy nad Birkenau. Warszawa: Czytelnik, 1945.
429. *Szmaglewska S.* Niewinni w Norymberdze. Warszawa: Książka i wiedza, 1972.
430. The Language of the Camps. URL: <https://www.jewishgen.org/forgottencamps/general/languageeng.html>.
431. The murderers among us; the Simon Wiesenthal memoirs. New York: McGraw-Hill, 1967.
432. *Tillion G.* A la recherche de la verite // Les Cahiers du Rhone. Neuchatel, 1946.
433. *Toaff D., Ascarelli E.* Rückkehr nach Auschwitz. Interview mit Primo Levi // Primo Levi: Bericht über Auschwitz. Philippe Mesnard, ed. Berlin: Basis Druck, 2006.
434. Warum wurde ich zum Leben verurteilt? Erinnerungen / Anna Nussbächer. Übersetzung aus dem Ungarischen, Géza Deréky. Frankfurt a. M. Public Book Media Verlag, 2012.
435. *Weinmann M.* (ed). Das nationalsozialistische Lagersystem (CCP). Mit Beiträgen von Anne Kaiser und Ursula Krause-Schmitt. Frankfurt a. M., 1990.
436. *Weiss R.* Journey through hell. A woman's account of her experiences at the hands of the Nazis. Published by Vallentine Mitchell. London, 1961.
437. *Wieviorka A.* On Testimony // Geoffrey Hartman. Holocaust Remembrance. Oxford u. Cambridge, Mass., 1994.
438. *Wittler K.* «Muselmann». Anmerkungen zur Geschichte einer Bezeichnung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 61. 2013. No. 12.

Об авторе:

Якеменко Борис Григорьевич. Кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования при РУДН, ведущий руководитель интеллектуальной студии «Что читать», ведущий авторской программы «Наши» на канале «Соловьев Live». Автор школьного учебника по истории Отечества для 10–11-х классов (одобрен Министерством образования и науки РФ) и более 100 печатных работ (монографии, статьи, учебники и учебные пособия).

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Источники и историография	22
Понимать и свидетельствовать	81
Истоки	100
Система	111
Архитектурный образ	133
Насилие и боль	149
Одежда и нагота	170
Превращение в знак	197
Пища и ее прием	206
Гигиена и чистота	218
Здоровье и болезнь	226
Массовый убийца — психология и мотивация	233
Страх	255
«Мусульманин» на рубеже миров	263

Язык	276
Абсурд	306
«Несвойственное поведение» и одиночество	318
Детство и старость	325
Возможность понять	334
Поиски смысла	341
Финал	356
Освобождение без свободы	385
Философия после... ..	434
Теология после... ..	449
Заключение	465
Источники и библиография	477

Научное издание
Монография

ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ.
ТРЕТИЙ РЕЙХ ПРОТИВ РОССИИ

Якеменко Борис Григорьевич

ПЕПЕЛ НАД ПРОПАСТЬЮ
Феномен Концентрационного мира нацистской Германии
и его отражение в социокультурном пространстве Европы
середины — второй половины XX столетия

Ответственный редактор *К.К. Семенов*
В авторской редакции
Художественного редактора на *А.Ю. Никулина*

ООО «Яуза-каталог»
109439, Москва, Волгоградский пр-т., д. 120, корп. 2.
yauza.moscow

Для корреспонденции:
editor@yauza.moscow

Подписано в печать 23.11.2022 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «OfficinaSansITC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,9.
Заказ

